ЛЕГИОН «БЕЛОЙ СМЕРТИ»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Русская контрразведка на заре тотального шпионажа, «потешные» игры Петра I, секретные планы японской военщины, тайна смерти рейхсфюрера Гиммлера, обмен советского разведчика Рудольфа Абеля на американского шпиона Фрэнсиса Пауэрса, секреты тайнописи — обо всем этом и многом другом в книге "Легион "белой смерти"

- В.Ставицкий
  - Введение
  - Ротмистр Лавров и его «Разведочное отделение»
  - Валерий Величко
  - Олег Матвеев
  - Лев Котюков
  - В. Ямпольский
  - Александр Калганов
  - Дмитрий Тарасов
  - Фрэнсис Пауэрс
  - Владимир Ямпольский
  - Алексей Ростовцев
  - Вместо эпилога
  - В. Алексеев
  - Александр Бабаш, Генрих Шанкин
  - Василий Ставицкий
  - Виктор Гиленсен
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

В.Ставицкий
Легион «Белой смерти»

Введение

Термины «тайная разведка» и «контршпионаж» вошли в лексикон офицеров русского Генерального штаба и Отдельного корпуса жандармов на рубеже веков, когда патриархальное и чопорное XIX столетие стремительно уходило в прошлое. Начинался век электричества и воздухоплавания, становления конвейерного способа производства и всеобщей погони за «черным золотом» — нефтью.

В предшествующие времена обострение тайной борьбы между государствами как правило происходило в преддверии политических кризисов и начала военных действий. С их затуханием наблюдался и спад разведывательно-подрывной активности сторон. Но на заре нового столетия, в условиях обострения соперничества колониальных держав за рынки сбыта, ресурсы и сферы влияния, потребности в развединформации приобретали постоянный и все возрастающий характер.

Ротмистр Лавров и его «Разведочное отделение»

На рубеже XIX–XX веков Россия превратилась в объект пристального и постоянного внимания. Агентурную разведку против нее вели Германия, Австро-Венгрия, Италия, Франция, Швейцария, Румыния, Япония, не говоря уже о давнем политическом сопернике — Англии. Разрозненные действия различных российских ведомств не могли сдержать «разведывательный натиск» конкурентов и противников Санкт-Петербурга.

Офицеры Главного штаба русской армии.[1] В 1905 году ГУГШ было выведено из состава Глвного штаба и стало самостоятельным.), служившие в его Военно-ученом комитете одними из первых в стране пришли к выводу о необходимости планомерной борьбы с иностранным шпионажем. Своеобразным катализатором постановки вопроса о создании постоянно действующего контрразведывательного органа явилось громкое уголовное дело старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа полковника Генштаба Гримма. Полковник продавал германской разведке важнейшие документы, находившиеся в его распоряжении. Шпионский скандал привлек к проблеме всеобщее внимание и заставил руководство русской армии предпринять конкретные организационные действия.

В специальной докладной записке на имя царя военный министр А. Н. Куропаткин писал: «Совершенствующаяся с каждым годом система подготовки армии, а равно предварительная разработка стратегических планов на первый период кампании, приобретают действительное значение лишь в том случае, если они остаются тайной для предполагаемого противника; поэтому делом первостепенной важности является охранение этой тайны и обнаружение преступной деятельности лиц, выдающих ее иностранным правительствам… Между тем, судя по бывшим примерам обнаружение государственных преступлений военного характера до сего времени у нас являлось делом чистой случайности, результатом особой энергии отдельных личностей или стечением счастливых обстоятельств; и является возможность предполагать, что большая часть этих преступлений остается нераскрытыми и совокупность их грозит существенной опасностью государству в случае войны». Для противодействия угрозе шпионажа Куропаткин предлагал учредить особый секретный розыскной орган, назвав его для конспирации

«разведочным отделением». Уже на следующий день, 21 января 1903 года на докладной записке военного министра появилась личная резолюция Николая II — «Согласен». Так было положено начало российской контрразведывательной службе.

«Разведочное отделение» создавалось в глубокой тайне. Поскольку военные атташаты иностранных государств, — основные центры шпионажа на территории страны, находились в столице России, основным районом деятельности нового органа определялся Петербург и его окрестности. Главными его задачами должны были являться «охранение» военной тайны и обнаружение деятельности лиц, выдающих ее иностранцам.

При постановке нового дела многое всегда зависит от личности и деловых качеств первого руководителя. Им стал ротмистр Отдельного корпуса жандармов Владимир Николаевич Лавров, специалист по тайному государственному розыску. По договоренности с министерством внутренних дел он был переведен на службу в военное ведомство с должности начальника Тифлисского охранного отделения. Назначение его было не случайным. Этого офицера хорошо знали в Военно-ученом комитете. Подразделение Лаврова во взаимодействии с офицерами-разведчиками штаба Кавказского военного округа активно вело борьбу с иностранным шпионажем в Закавказье, — стратегическом регионе империи, где как и сейчас сходились в тугой узел силовые линии тайного противостояния держав.

Первый начальник отечественной контрразведки родился в Санкт-Петербурге в 1869 году в небогатой дворянской семье. В его послужном списке по-канцелярски сухо сделана запись: «Не имеет недвижимого имущества, родового или благоприобретенного, ни он ни его жена». На государевой службе он так и не разбогател, хотя и вышел на пенсию в начале 1914 года в чине генерал-майора.

Военная биография будущего «охотника за шпионами» началась в сентябре 1888 года, когда на правах вольноопределяющегося 1-го разряда Владимир Лавров был зачислен юнкером во 2-е военное Константиновское училище. По его окончании, получив первый офицерский чин хорунжего, в августе 1890 года он направляется для дальнейшего прохождения службы во 2-й конный полк Забайкальского казачьего войска, где дослужился до казачьего сотника.

В целях поступления в академию он занимается самообразованием. Через четыре года службы Лавров едет в Иркутск и при Штабе округа успешно сдает предварительные экзамены в Петербургскую военно-юридическую академию. Затем летом 1894 года командируется в родной город для сдачи

вступительных экзаменов. Однако, за неимением вакансии, возвращается в полк. Наверное, именно тогда у Лаврова окончательно созревает решение кардинально изменить свою судьбу — поступить на службу в Отдельный корпус жандармов. Для небогатого офицера, к тому же имевшего склонность к правовым наукам, такое решение не кажется чем-то из ряда вон выходящим.

В ноябре 1895 года сотник Лавров получает приглашение прибыть для прохождения предварительных испытаний в Петербург в Штаб корпуса. Но поступить на курсы жандармских офицеров было не просто. Об этом свидетельствуют воспоминания современника Лаврова, начальника дворцовой охраны генерала А. И. Спиридовича, который будучи младшим офицером прошел аналогичные испытания: «Вся служба жандармерии была окутана для нас какой-то тайной. Сами жандармские офицеры своей сдержанностью и какой-то особой корректностью усиливали это впечатление и заставляли смотреть на них с некоторой осторожностью. В них не было офицерской простоты, они не были нараспашку и даже внушали к себе какой-то непонятный страх. Почему и отчего — это было неясно. В полку у нас на корпус смотрели очень хорошо. Несколько наших офицеров уже служили там, занимали хорошие должности и были предметом нашей зависти… Но многие в обществе не любили жандармов, службу их бранили и говорили о них, что они все доносчики…

Перевестись в корпус жандармов было очень трудно. Для поступления в корпус от офицеров требовались прежде всего следующие условия, — потомственное дворянство; окончание военного или юнкерского училища по первому разряду; не быть католиком; не иметь долгов и пробыть в строю не менее шести лет. Удовлетворявший этим требованиями должен был выдержать предварительные испытания при штабе корпуса для занесения в кандидатский список и затем, когда подойдет очередь, прослушать четырехмесячные курсы в Петербурге и выдержать выпускной экзамен. Офицер, выдержавший этот второй экзамен переводился высочайшим приказом в корпус жандармов».

О некоторых подробностях об экзаменах и о процедуре приема на службу свидетельствует тот же Спиридович: «На испытание явилось около 40 офицеров всех родов оружия. Не без трепета входил я в комнаты штаба корпуса жандармов, помещавшегося в знаменитом доме «У Цепного моста» против церкви святого Пантелеймона. Все казалось там страшно таинственным и важным. Единственно доступный и любезный человек это — швейцар. Все остальное заморожено холодом.

Видимо, то же испытывали и другие офицеры.

В ожидании экзаменаторов мы перешептывались о них. Оказалось, что экзаменационная комиссия состояла из старших адъютантов штаба корпуса при участии представителя Департамента полиции, тайного советника Янкулио. Этот худощавый старик, напоминавший наружностью Победоносцева, внушал нам особый страх, но почему, мы сами не знали.

В первый день держали устный экзамен. Меня спросили, читал ли я фельетон «Нового времени» о брошюре Льва Тихомирова: «Конституционалисты в эпоху 1881 года» и что я могу сказать по этому поводу. Вещь была мне известна, и мой ответ удовлетворил комиссию. Предложив затем мне перечислить реформы Александра II и предложив еще несколько вопросов по истории и администрации и выслушав ответы, председатель комиссии объявил, что устный экзамен мною выдержан и что мне надлежит явиться на следующий день держать письменный… На нем мне попалась тема: «Влияние реформы всесословной воинской повинности на развитие грамотности в народе…» Экзамены я выдержал. Меня внесли в кандидатский список, и я должен был ждать вызова для слушания лекций…

Я вернулся в Вильно и стал ждать вызова, а в это время виленская жандармерия собирала обо мне наиподробнейшие сведения. Политическая благонадежность и денежное состояние подверглись наибольшей проверке. Первое объяснять не приходится, второе же преследовало цель, чтобы в корпус не проникали офицеры, запутавшиеся денежно, зависящие от кого-либо в материальном отношении. Жандарм должен был быть независим… Вызов меня на курсы затянулся. Прошло почти два года. Летом 1899-го я совершенно неожиданно получил вызов на жандармские курсы».

Что касается Лаврова, то к этому времени он успешно окончил курсы при штабе ОКЖ и уже два года служил в Тифлисском губернском жандармском управлении (ГЖУ), занимаясь организацией оперативно-розыскной работы. В начале 1901 года Лаврова утвердили в должности помощника начальника ГЖУ в Тифлисском, Телавском и Сигнахском уездах. Служба его шла успешно, поскольку к лету 1902 года на мундире ротмистра Лаврова поблескивали два ордена, российский — св. Станислава 3 степени и персидский «Льва и Солнца». Последний ему было «высочайше разрешено принять и носить».

1902 год стал особым для органов безопасности России. В апреле членом боевой организации партии социал-революционеров был убит министр внутренних дел Д. С. Сипягин. Весной разразились волнения крестьян в Харьклвской и

Полтавской губерниях. Новый глава МВД и шеф жандармов В. К. Плеве, имевший опыт руководства Департаментом полиции (ДП) в 80-х годах девятнадцатого века в период жестокой борьбы с подпольной организацией «Народная Воля», приступил к реорганизации секретной полиции империи.

Плеве пригласил на пост Директора ДП популярного в то время прокурора Харьковской судебной палаты Алексея Александровича Лопухина, назначением которого он мирил себя с либеральными кругами. Заведующим Особым отделом ДП — центральным органом тайной полиции стал Сергей Васильевич Зубатов. Он был крупной величиной в русской секретной службе, создателем «московской школы» политического розыска, и несколько лет руководил печально знаменитым среди революционеров московским охранным отделением. Из Москвы в Департамент, на Фонтанку, 16, также был переведен его сподвижник — знаменитый руководитель филерского дела Е. П. Медников со своим «летучим отрядом» наружного наблюдения.

Зубатов разработал проект организации в главных городах России специальных оперативно-розыскных органов секретной полиции, так называемых «розыскных отделений». В последующем их переименовали в «охранные отделения», на манер существовавших еще с восьмидесятых годов в Петербурге, Москве и Варшаве «отделений по охранению порядка и общественной безопасности». 12 августа 1902 года министр внутренних дел Плеве утвердил Положение о начальниках этих отделений, по которому они прикомандировались к местным ГЖУ, но в оперативном отношении оставались в подчинении Департамента полиции.

Как вспоминает в своих мемуарах Спиридович, «реформа розыска была встречена крайне недружелюбно в корпусе жандармов и его штабе. Была довольна молодежь, так как ей давали ход по интересной работе, но старые начальники управлений, считавшие себя богами, были обижены. Они официально отходили от розыска, хотя фактически они им серьезно и не занимались. Их значение умалялось в глазах местной администрации, полиции и обывателя. К тому же и кредиты, отпускавшиеся им на агентурные расходы переходили к новым органам. Штаб корпуса видел в реформе усиливающееся влияние департамента полиции. Часть офицеров уходила из-под его власти, и в корпус вливалось штатское начало, так как весь уклад службы и обихода охранных отделений резко отличался от жандармских управлений. Появилась новая кличка для части офицеров — «департаментские» или «охранники»».

На следующий день после утверждения Плеве данного

Положения таким «департаментским» жандармским офицером стал и Лавров, назначенный первым начальником Тифлисского розыскного отделения. Почти год с августа 1902 по конец мая 1903 года он выполнял обязанности руководителя русской секретной полиции в Грузии. 4 июня 1903 года приказом № 63 по Отдельному корпусу жандармов Лавров был переведен в распоряжение начальника Главного штаба русской армии. Вместе с ним, по межведомственной договоренности из Тифлиса в Петербург прибыли два наблюдательных агента, запасные сверхсрочные унтер-офицеры Александр Зацаринский и Анисим Исаенко, а в последствии в составе «разведочного» отделения стал работать и старший наблюдательный агент того же охранного отделения губернский секретарь Перешивкин.

Первые шпионские разоблачения

Контрразведывательное подразделение Главного штаба быстро становилось «на ноги». В своем первом отчете «Об организации и деятельности разведочного отделения за 1903 год» Лавров отмечал: «постепенным ознакомлением с делом выяснилось, что для установления деятельности военных шпионов одного наружного наблюдения совершенно не достаточно… является необходимой в помощь наружному наблюдению хорошая внутренняя агентура… Наружные агенты работают на улице, а внутренние — на квартирах, в разных правительственных учреждениях, в гостиницах, ресторанах и проч[ее]. В объем деятельности внутренних агентов входит и наблюдение за корреспонденцией…»

Состав отделения был небольшим: начальник отделения ротмистр Лавров; старший наблюдательный агент Перешивкин; наружные наблюдательные агенты — Александр Зацаринский, Анисим Исаенко, Михаил Воронов, Александр Харитонов, Александр Зайцев и Николай Трофимов; агент-посыльный, Матвей Буканов; для собирания справок и сведений и для установок (выяснение фамилий и лиц, взятых под наблюдение) — Михаил Петров и «Вернов» (последний назван по псевдониму); внутренние агенты — «Ефимов», «Жданов», «Болотов», «Ивин», «Королев», «Осипов», «Сидоров», «Анфисов» и «Ларионов» (все названы по псевдонимам); почтальоны — «Соболев» и «Авдеев» (псевдонимы).

За период с 26 июня по 10 декабря 1903 года, под наблюдением отделения Лаврова состояли: австро-венгерский военный агент, князь Готфрид Гогенлоэ-Шиллингсфюрст;

германский военный агент, барон фон Лютвиц; японский военный агент, подполковник Мотодзиро Акаши; служащий Департамента торговли и мануфактур, коллежский секретарь Сергей Васильев; начальник 9-го отделения Главного интендантского управления, действительный статский советник Петр Есипов. Особое внимание Лаврова было сосредоточено на организации наблюдения за деятельностью японского военного агента и его подозрительных связей.

Сорокалетний Мотодзиро Акаши не был новичком на военно-дипломатическом поприще. После окончания военного Колледжа и Академии в Токио он служил на Тайване и в Китае, а перед назначением в Россию занимал пост военного представителя страны восходящего солнца во Франции. Это был сильный противник. «Под колпак» контрразведки он будет взят с ноября 1903 года.

В отчете указано: «Подполковник Акаши работает усердно, собирая сведения, видимо по мелочам и ничем не пренебрегая». В ходе проведения оперативных мероприятий будет получена нить, которая выведет «охотников за шпионами» на активно действующего японского агента.

26 декабря 1903 года Акаши получил по городской почте письмо на русском языке загадочного содержания *«Буду на другой день, тоже время. Ваш И.»* Поскольку как показывали данные наблюдения за квартирой Акаши, никто из неизвестных лиц ее не посещал, то внимание контрразведки переключилось на атташе посольства капитана Тано, часто встречавшегося с Акаши. Собранные сведения о контактах Тано, позволили установить, что квартиру последнего регулярно посещал неизвестный русский капитан в адъютантской форме. Как правило, такие визиты происходили по субботам в 4–5 часов дня. Ко времени прихода русского офицера к Тано приезжал и сам японский военный агент.

Утром в субботу 7 января Тано получил письмо на русском языке. Текст его был коротким: *«Завтра в 4 часа буду у Вас. Ваш предан. И.»* Почерк корреспондента, фактура бумаги и конверт были идентичны перехваченному ранее письму на имя Акаши.

Контрразведчикам осталось организовать «встречу» неизвестному, который, по всей видимости, и был тем «капитаном», на которого обратила внимание внутренняя агентура, приобретенная в окружении Тано.

В назначенное в письме время разведка зафиксировала появление у Тано офицера, по приметам схожего с описанием его внешности имеющейся в отделении. Личность неизвестного была установлена. Им оказался исполняющий делами Штаб-офицера по

особым поручениям при Главном интенданте ротмистр Николай Иванович Ивков. На следующий день 18 января 1904 года он вновь посетил Тано, причем извозчика, на котором приехал, за несколько домов отпустил и пришел к дому японца пешком. Дальнейшим наблюдением было установлено, что ротмистр Ивков контактирует и с французским военным агентом, полковником Мулэном и еще с каким-то неизвестным лицом, которого он два раза поджидал на Варшавском вокзале.

На основании полученных данных, в том числе собранных сведений об образе жизни Ивкова, Лавров принял решение о его задержании. 26 февраля 1904 года Ивкову в помещении Санкт-Петербургского охранного отделения было предъявлено обвинение в государственной измене.

Собранные улики оказались неопровержимыми. Ивков, как писал в своем отчете Лавров «после некоторого колебания, признал себя виновным, показав протоколярно, что он передавал подполковнику Акаши на квартире капитана Тано различные секретные сведения военного характера, частью почерпнутые из мобилизационного плана, частью же составленные по случайным данным и собственному соображению…» Ивков также показал на допросе, что он продавал сведения и германскому военному агенту фон Лютвицу. Именно с ним он встречался на Варшавском вокзале столицы и в Варваринской гостинице. Обыск на квартире Ивкова подтвердил его показания, так как здесь были обнаружены еще не переданные немцам выписки из секретных документов военного характера.

«В последствии, — писал Лавров, — при формальном дознании Ивков, допрошенный по имевшимся заграничным агентурным сведениям, сознался и в том, что ранее он вел такие же преступные сношения и с австрийским военным представителем». Ко времени окончания предварительного следствия Ивков, находясь под арестом покончил жизнь самоубийством. Архивное дело не сообщает об этом никаких подробностей. Не исключено, что ротмистр-шпион, просто попросил дать ему в камеру револьвер с одним патроном…

К этому времени его «куратор» Акаши, уже обосновался в Стокгольме, где искал пути к развертыванию подрывной работы против России. Человеческий материал для этого он будет, не без успеха, искать в кругах политэмигрантов-националистов. Действия масштабно мыслящего японского самурая не пройдут незамеченными для агентов русской тайной полиции. Начнется новый раунд незримого поединка.

Дело Ивкова, совпавшее с началом русско-японской войны стало своеобразным импульсом для развертывания борьбы с

японским шпионажем всего аппарата секретной полиции империи. В Петербурге наряду с «разведочным отделением» Лаврова по японской линии стала действовать и агентура столичного охранного отделения. В конце весны 1904 года, по примеру военных руководство Департамента полиции приняло решение об учреждении в структуре Особого отдела ДП собственного специального контрразведывательного подразделения — «Совершенно секретного отделения дипломатической агентуры». Задачи — «розыск международного шпионства» и постановка «наблюдения за пребывающими в столице представителями некоторых держав, сочувствующих Японии». Идея получила поддержку шефа жандармов, министра внутренних дел Плеве. Как показали дальнейшие события Военное ведомство не было поставлено об этом в известность.

Тайная борьба разгорается

В ночь на 27 января (9 февраля) 1904 года внезапным нападением японского флота на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура началась русско-японская война. Во многих странах мира пристально следили за развитием конфликта на Дальнем Востоке. В столице российской империи разгоралась невидимая непосвященному взору борьба. Ее позиции пролегли через дипломатические рауты, шифровальные кабинеты посольств, оборонные цеха и лаборатории конструкторских бюро, конторки чиновников военных интендантств и штабных канцелярий.

Настоящая охота началась за секретами царских дворцов, тайнами большой придворной политики, определявшими ход неповоротливого механизма российского государства. Ставки были высоки. За действиями Японии маячила мощь Британской Империи, давно искавшая повода остановить продвижение русских в направлении своих владений в Индии, подорвать растущее влияние Петербурга в Персии и Афганистане.

С конца февраля 1904 года «Разведочное отделение» вплотную занялось британским военным агентом полковником Непиром. Вскоре выяснилось, что английский офицер лично поддерживал лишь официальные контакты с представителями русского Главного штаба. После начала войны круг своих «неформальных» контактов в военной среде он резко ограничил. Опыт разоблачения Ивкова подсказывал контрразведчикам, что успокаиваться на этом не стоит, необходимо проверить подозрительные связи контактировавших с Непиром иностранных

подданных. Внутренняя агентура вскоре выявила потенциального посредника — сорокапятилетнего преподавателя Санкт-Петербургского политехнического института англичанина Джона Маршаля.

С мая месяца этот жизнерадостный общительный наставник студенческой молодежи был взят под плотное наблюдение. Оказалось, что он хорошо знаком не только с полковником Непиром, но и с военно-морским атташе Великобритании капитаном королевского флота Кальторном, причем с последним Маршаль виделся почти ежедневно. Странности в поведении преподавателя-британца наглядно проявились в его контактах со служащими Главного управления кораблестроения и ряда заводов города, выполнявших заказы Военного ведомства. К тому же, как выяснилось, через сына своей экономки Казимира Паликса, устроившегося на ремонтные работы на броненосец «Орел», Маршаль, как отмечал Лавров в своем докладе руководству, — «вошел в некоторое соприкосновение и с судами, приготовлявшимися к отправке на театр войны».

Сотрудники контрразведки вскоре получили документальные подтверждения причастности Маршаля к разведывательной деятельности английского военно-морского атташе. По заданию капитана Кальторна, через свои возможности он сумел добыть ряд ценных материалов по русскому флоту, в том числе стремился выяснить подробности аварии подводной лодки «Дельфин», состояние кораблей Балтийского флота. Среди источников Маршаля был и Пуаликс, работавший в Кронштадте.

В ходе проводимого негласного розыска Лавров вышел на след еще одного ценного агента английской разведки — скромного переплетчика Морского ведомства — Генриха Поваже, многие годы безнаказанно продававшего военные секреты России. Разоблачить его удалось лишь через несколько лет, поскольку с мая 1904 года у отделения Лаврова на поприще секретной борьбы начались серьезные осложнения.

Как показывают архивные документы неприятности у «разведочного отделения» начались 6 мая. В тот день агенты Лаврова, работавшие за графиней Комаровской, подозреваемой в шпионаже, зафиксировали организованное за ней параллельное наружное наблюдение. Неизвестные действовали весьма профессионально. Военные контрразведчики решили прекратить наблюдение и доложить о случившемся по команде. Как вскоре выяснилось, «перехватили» Комаровскую филеры тайной полиции. Лавров в своем отчете в последующем, напишет: «Когда факт отобрания состоялся, Департамент полиции объяснил его тем, что он устраивает свою небольшую организацию для

наблюдения за морскими военными агентами в видах оказания помощи адмиралу Рожественскому и что на Комаровскую получены новые весьма серьезные сведения». 21 мая «Разведочное отделение» таким же точно порядком было отстранено от наблюдения за Джоном Маршалем — проходящим по документам наружной разведки тайной полиции под кличкой «Коричневый». В отчете Лаврова записано: «Возможность повторения подобных случаев, очевидно совершенно парализующих работу Отделения, вызвало необходимость обсудить положение дел, в следствии чего 8 июня и последовало особое по сему поводу совещание».

На нем представители ДП предложили устранить образовавшуюся двойственность и объединить усилия подразделения Лаврова с контрразведкой тайной полиции, — «но только на таких началах, — пишет Лавров, — которые неминуемо должны были бы привести к передаче Разведочного отделения и всего дела в ведение названного Департамента». Ротмистр, ссылаясь на установки руководства Главного штаба от этого решительно отказался. Тогда было найдено компромиссное решение — разграничить сферу деятельности. «Разведочное отделение» занимается наблюдением за «сухопутными» военными агентами, а Департамент полиции — морскими.

Однако решения данного совещания остались на бумаге. На стороне ДП было бюрократическое преимущество — поддержка шефа жандармов, министра внутренних дел Плеве, а также мощь всего аппарата общей и тайной полиции. Предвидя дальнейшее осложнение ситуации, военное руководство Лаврова пошло на своеобразный маневр.

С тем, чтобы Штаб корпуса жандармов, которому по административной линии формально подчинялся Лавров не мог «надавить» на своего офицера, последний был 17 июля Высочайшим приказом уволен в запас по армейской кавалерии. Одновременно были подготовлены документы к возвращению его на военною службу. но уже не в Корпус жандармов, а в распоряжение Главного штаба, что и было сделано приказом царя от 14 августа.

За два дня до этого строптивого начальника Разведочного отделения, пригласили в штаб-квартиру тайной полиции на Фонтанку, 16. Его принял чиновник особых поручений Иван Федорович Манасевич-Мануйлов. Вот как описывает эту встречу сам Лавров. «Господин Мануйлов объяснил, что ему поручено преобразовать организацию Департамента полиции по разведке шпионства на широких началах, по образцу Парижского Разведочного Бюро, что они имеют уже свою местную и заграничную агентуру и что для заведования этой организацией

назначен особый жандармский обер-офицер, а потому, имея ввиду, что при таких условиях объединение обеих организаций все равно неизбежно, г. Мануйлов предложил Начальнику Разведочного Отделения присоединить частным образом свое Отделение к их организации». Вновь Лавров сделанные предложения отклонил, ввиду их несоответствия с «Высочайше утвержденным мнением по сему предмету Военного Министра», зафиксированным в докладной записке от 20 января 1903 года.

Но как оказалось, Мануйлов не бросал слов на ветер. Контрразведка ДП начала массированное вторжение в сферу тайной деятельности отделения Лаврова. 13 августа новым подразделением ДП берется под наблюдение шведский военный агент барон Лейонхювуд. Официальное опротестование Лавровым этих действий результата не дало. Ему пришлось свернуть работу наружной разведки. Представители тайной полиции затем начали энергично приобретать внутреннюю агентуру в окружении военных дипломатов, в том числе англичан.

В сентябре Лавров лишился своего внутреннего агента, разрабатывающего Джона Маршаля, который стал работать на контрразведку ДП. К 1 октября Разведочное отделение потеряло и второго (последнего) своего внутреннего агента по делу Маршаля, также переданного на связь сотрудникам ДП.

«При таких условиях, — писал Лавров в своем отчете, — труд очевидно становится бесцельным и приходится думать не о расширении дела, а только о возможном охранении уже ведущихся наблюдений и сбережений своих внутренних агентов».

Небольшому подразделению Главного штаба трудно было отстаивать свои позиции в схватке за «место под солнцем». Слишком неравными были «пробивные способности» тех, кто оказался во главе контрразведки в Главном штабе и Департаменте полиции.

Личности И. Ф. Манасевича-Мануйлова и ротмистра М. С. Комиссарова, начальника спецподразделения ДП — «Совершенно секретного отделения дипломатической агентуры», — настолько колоритны, что требуют хотя бы краткого рассказа. Судьба, каждому по-своему, уготовила им жизнь, полную стремительных взлетов и не менее драматических падений.

Контрразведчики с Фонтанки,16

Посол Франции в России в годы первой мировой войны Морис Палеолог, хорошо знавший Манасевича-Мануйлова, дал яркую характеристику тому, кто стоял у истоков контрразведки

тайной полиции. Он вспоминал: «Мануйлов — субъект интересный. Он еврей по происхождению; ум у него быстрый и изворотливый; он любитель широко пожить, жуир и ценитель художественных вещей; совести у него ни следа. Он в одно время и шпион, и сыщик, и пройдоха, и жулик, и шулер, и подделыватель, и развратник — странная смесь Панурга, Жиль Блаза, Казановы, Робера Макэра и Видока. «А вообще — милейший человек». В последнее время он принимал участие в подвигах охранного отделения; у этого прирожденного пирата есть страсть к приключениям и нет недостатка в мужестве».

В материалах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, опубликованных под названием «Падение царского режима» о Мануйлове указано следующее: «Надворный советник, журналист, член союза русских драматических писателей, чиновник полиции и аферист. Из бедной еврейской семьи Западного края; отец его Тодрес Манасевич был по приговору суда за подделку акцизных бандеролей сослан в Сибирь на поселение, где старший его сын Иван, 7 лет от роду был усыновлен богатым сибирским купцом Мануйловым, оставившим ему по духовному завещанию 100 тысяч рублей, которые он имел право получить лишь по достижении 35-летнего возраста. Прибыв в 80-х годах в Санкт-Петербург, он принял лютеранство и окончил реальное училище Гуревича. Занимая деньги у ростовщиков под будущее наследство, Мануйлов вел очень широкий образ жизни. Завязав близкие отношения с редактором газеты «Гражданин» князем Мещерским и директором департамента духовных дел и иностранных исповеданий Мосоловым, Мануйлов поступил на службу в императорское человеколюбивое общество, а в 1897 году в департамент духовных дел. С 1890 сотрудничает в газете «Новое Время» и «Новостях» и одновременно в Санкт-Петербургском охранном отделении у полковников Секеринского и Пирамидонова. В качестве секретаря редакции газеты «Новости» в 1894 году ездил в Париж для ознакомления с настроением французского общества по поводу участия Франции в Кильских торжествах и собирания одновременно по поручению охранного отделения, сведений о положении заграничной агентуры. В 1899 году назначен агентом департамента духовных дел в Риме, где наблюдая за деятельностью коллегии «de propaganda Fide» по ополячиванию костела, одновременно, по поручению департамента полиции, вел с 1901 года наблюдение за русскими революционными группами. В 1902–1903 временно командирован, по приказанию Плеве, в Париж для информации и подкупа иностранной печати; в течение нескольких месяцев

издавал в Париже газету «La revue russe», на что из личных средств императора Николая II было отпущено 10 тысяч франков. Одновременно при посредстве итальянского журналиста Белэна освещал итальянские социалистические кружки и редакцию газеты «Avanti», а через польского журналиста Домбровского кружки близкие к журналу «Europeen». В 1904–1905 годах в распоряжение Мануйлова на субсидирование иностранных газет было отпущено 18200 франков. Во время русско-японской войны занимался за границей контрразведкой, устроив внутреннюю агентуру при японских миссиях в Гааге, Лондоне и Париже и добыв часть японского дипломатического шифра». Последнее, как отмечается в справке Департамента полиции о Мануйлове, в свою очередь позволило «контролировать содержание всех японских дипломатических сношений». Благодаря этому были получены сведения о плане японцев причинить повреждения кораблям второй эскадры при их переходе из Балтики на Дальний Восток. «Энергичная деятельность Мануйлова дала вскоре осведомленность в отношении Англии, Америки, Китая, Шведского представительства, причем Мануйлов даже сумел проникнуть в тайну их дипломатических сношений, а равно организовать агентуру при Турецком посольстве».

Сам Мануйлов так писал о своей деятельности на ниве контршпионажа: «Проживая в Париже, я имел возможность получать сведения о шпионских происках в России, и когда вернулся в Петербург, доложил директору Департамента полиции [А.А. Лопухину] о необходимости [создания] организации для борьбы с международным шпионажем, направленным против нашего правительства. Мой проект был одобрен в то время министром внутренних дел [В.К. Плеве], и мне было поручено организовать особое отделение при Департаменте».

Вот такой человек стоял у истоков организации контрразведки тайной полиции. Ему в то время было тридцать пять. Летом-осенью 1904-го вместе с ротмистром М. С. Комиссаровым, специально откомандированным в Департамент полиции из Петербургского охранного отделения жандармским офицером-розыскником, Мануйлову довелось ставить на «широкую ногу» работу по борьбе со шпионажем.

Комиссаров был на год младше Мануйлова. После окончания Полоцкого кадетского корпуса и 3-го Александровского военного училища он четырнадцать лет прослужил в 1-м артиллерийском мортирном полку русской армии. С начала 1904 года в Отдельном корпусе жандармов. Сразу же по окончании курсов при Штабе корпуса ротмистр Комиссаров получил назначение в столичное ГЖУ. В августе 1904-го он был откомандирован на

Фонтанку, 16 и стал отвечать за проведение операций контрразведки ДП.

В отличие от Лаврова Комиссаров не имел за плечами многолетней оперативной практики. Однако выбор руководства ДП пал на него отнюдь не случайно. Это был зрелый и серьезный офицер, прошедший хорошую жизненную школу. Наряду с представительной внешностью и знанием иностранных языков (что было немаловажно при работе с иностранной агентурой), он обладал отличными организаторскими способностями и гибким умом математика-шахматиста. Добавим к этому еще одно важное обстоятельство. Его практически не знали в Петрограде как жандармского офицера, поэтому вероятность его расшифровки была минимальна.

На агентурно-розыскные надобности руководство тайной полиции ассигновало Комиссарову весьма крупную сумму — почти 23 тысячи рублей, что было значительно больше аналогичных расходов «Разведочного отделения» Лаврова.

«Совершенно секретное отделение дипломатической агентуры» ДП создавалось в глубокой тайне. От его сотрудников требовалось строжайшая конспирация. Наряду с организацией чисто контрразведывательного наблюдения за деятельностью дипломатов и военных агентов, аккредитованных в России, перед людьми Комиссарова ставилась задача добывания посольских шифров. Их дешифровка позволяла контролировать сношения руководителей дипломатических миссий со своими правительствами и министрами. Любая оплошность, непродуманность действий грозили международным скандалом. Сам Комиссаров, бывший артиллерист, работал словно специалист-взрывотехник, колдующий над разминированием боевого заряда. В последующем он действительно будет в этой роли, и успешно расснарядит подготовленную к взрыву «адскую машинку» на теле опоясанного динамитными шнурами террориста…

Почти два года пришлось жить Комиссарову на нелегальном положении, на частной квартире, под видом иностранца. Работавшие на него служащие иностранных посольств не предполагали, что продают секреты представителю русского правительства. Бумаги, документы и шифры приносились ему на квартиру, где по ночам перефотографировались, а затем направлялись в Департамент полиции. Иногда это затягивалось на длительное время.

В мае 1917 года в ходе показаний Чрезвычайной следственной комиссии он расскажет о некоторых подробностях того периода своей контрразведывательной деятельности,

благодаря которой «все иностранные сношения контролировались» русской тайной полицией. В распоряжении контрразведчиков оказались американский, китайский, бельгийский и другие — всего 12 шифров. Например, китайский шифр представлял собой 6 томов, а американский, — «такая толстая книга, что ее не спишешь руками». Оставлять же документы на своей квартире Комиссарову было нельзя и поэтому приходилось работать быстро и без ошибок, так как от плохо переснятой или пропущенной страницы мог сорваться процесс дешифрования. Опасность провала была достаточно высока — если в посольстве выявят пропажу документов, то не представляло сложности выявить и его адрес. Он понимал, что в любом случае обязан был играть свою роль до конца…

На телеграфе с помощью полученных материалов сотрудники тайной полиции расшифровывали и переводили поступающие из-за границы дипломатические шифротелеграммы. Для этого в штате спецподразделения были высококлассные лингвисты. Не было дня, чтобы по линии МВД императору не посылались 1–2 «всеподданейших доклада» на основании контролируемой шифропереписки. В случае если прочитанные документы не представляли значительного интереса, то служащие телеграфа доставляли их адресатам. «А такие вещи, как перед Цусимой и во время Портсмутского договора, — рассказывал Комиссаров, — нашему государству нужно было знать немного раньше, и потому их задерживали, на сколько возможно — часов на 8—12».

Знание русскими позиций сторон, в том числе американцев. дало многое в период переговоров в Портсмуте летом 1905 года, где шел нелегкий дипломатический поединок С. Ю. Витте с японским представителем Дзютаро Комурой. В успехе миссии Витте была и частица труда сотрудников разведки и контрразведки.

Летом 1906 года англичанам стало известно о существовании спецподразделения ДП. «Кто-то, видимо, нас продал, — вспоминал Комиссаров, — потому что наш посол в Лондоне — получил запрос о том, что в Петрограде работает бюро, которое контролирует и хозяйничает во всех посольствах. Между прочим, называли и мою фамилию. В силу этого бюро было раскассировано… Большая часть архива была уничтожена, как секретная…»

* * *

В июле 1905 года с заключением Портсмутского договора

закончилась русско-японская война. Поражение на Дальнем Востоке высветило уязвимые места в обеспечении безопасности империи. Военное ведомство всерьез занялось организацией на новых началах системы добывания и оценки информации о противнике. В этом деле приходилось рассчитывать лишь на собственные силы. В своих воспоминаниях один из тех, кто стоял у истоков армейских секретных служб генерал-майор генштаба Н. С. Батюшин отмечал, что «дело тайной разведки» создавалось «исключительно русским умом и без всякого указания или давления нашей союзницы Франции… Своим тяжелым опытом, учась на своих собственных ошибках, мы творили это новое далеко не легкое и очень деликатное дело».

Что касается контрразведки, разразившаяся революция затормозила процесс ее полноценного становления в масштабах страны. После упразднения в июне 1906-го «Секретного отделения» ДП вновь была развернута работа контрразведывательного подразделения Генерального штаба. Его сотрудники под руководством полковника В. Н. Лаврова добились существенных результатов в борьбе с военным шпионажем в столице. Венцом его работы на посту начальника Разведочного отделения стало разоблачение шпионской деятельности агента австро-венгерской разведки барона Унгерн-Штернберга. Его «куратор» военный атташе граф Спанноки был выдворен из страны. В августе 1910 года В. Н. Лавров, представленный за отличия в службе к правительственной награде, сдал дела своему преемнику подполковнику Отдельного корпуса жандармов В. А. Ерандакову. До начала первой мировой войны оставалось ровно четыре года…

Валерий Величко
«Небываемое бывает»

Рождение «водной» безопасности первых лиц государства российского исходит своими корнями еще со времен Петра Великого. История помнит любовь императора к так называемым «потешным играм» — шумным развлечениям, жестким, а порой и просто жестоким.

С тверди земной они постепенно спустились на воду — Яузу, Измайловские пруды, Плещееве озеро, ничуть не утратив при этом своей чисто мужской фееричности. Однако, любой участник «развлечений» подвергался риску остаться калекой, а то и вовсе расстаться с жизнью. Царь — полноправный игрок и главный заводила — не был исключением. Однако, монаршее положение обязывало его и царскую свиту быть предусмотрительными и дальновидными. Даже для водных игр приходилось подбирать суда понадежнее, а команды — опытнее и сильнее… Постепенно игра переросла в дело общегосударственного масштаба, а соратники и царские гребцы стали родоначальниками целого элитного подразделения, призванного охранять и защищать на просторах рек и морей не одно поколение российских императорских семей и их зарубежных гостей.

Впервые «царские гребцы» с представительскими и охранными функциями появляются в Воронеже. Готовясь к взятию Азова, Петр I зимой 1695 года начал строительство российского флота. Судостроительные верфи расположились на Дону, в воронежских лесах за 1200 верст от моря. Но русский царь учитывал, что воронежцы уже со времен царя Михаила Федоровича были умелыми плотниками-судостроителями и имели богатый опыт строительства плоскодонных речных судов — стругов.

Более 20 тысяч крестьян и мелких служилых людей (боярских детей, стрельцов, казаков, пушкарей) из 20 окрестных городов и сел трудились на воронежских верфях. Со всей страны на Дон по государеву указу стягивались работники, специалисты морского дела вербовались за рубежом. Сам царь активно участвовал в работах: и как конструктор, и как простой плотник, и как контролер.[2]

На многие километры растянулись по лесистым берегам Дона и Воронежа стапеля со строящимися на них 22 галерами, 4 брандерами и 2 кораблями.

Проверяя качество работ, царь ежедневно проезжал десятки

километров по суше и воде. Для перехода со стапеля на стапель он завел для себя несколько гребных судов — шлюпок. (В тот период судовые шлюпки либо приобретались за границей, либо строились приглашенными в Россию иностранными шлюпочными мастерами). Гребцов на них он набрал из своих армейских гвардейцев (Преображенского полка), проверенных в деле «переяславских потешных флотилий», а также из вновь формируемых для российского флота морских команд.

Назвал он их «командой царских гребцов». Как одна из главных — перед ними ставилась задача обеспечения личной безопасности российского государя на воде.

Руководство этой командой было возложено на доверенное лицо — царского комнатного стольника, командира Семеновского полка, а затем (с 1682 г.) — генерал-адмирала — Федора Матвеевича Апраксина. Вскоре возникла потребность в гребцах и у помощников Петра, в частности, у самого Апраксина, осуществлявшего надзор за строительными работами. Потребовались гребцы и для обслуживания прибывающих из Москвы и Петербурга высоких должностных лиц, приглашенных на верфи иностранцев и др. Первое время все они использовали «царских гребцов», а затем каждый заимел своих, которых стали называть соответственно: «гребцами адмирала Апраксина», «гребцами посольской губы» и т. п. Все они входили в состав команды «царских гребцов».

3 апреля 1696 года в селе Рамонь под Воронежем при торжественном спуске на воду галеры «Принципиум» Петр I впервые использует шлюпки с «царскими гребцами» как парадный расчет при переходе с судна на судно. Учитывая торжественность ситуации, гребцы были одеты в короткие безрукавные фуфайки — бостроги — красного, голубого и зеленого цвета с нашитыми на груди серебряными имперскими орлами.

Помимо всего Воронежские верфи становятся родиной построенных там первых российских императорских яхт. С ее стапелей сошли яхты «Святая Екатерина», построенная голландским корабельным мастером В. Геренсом, и «Либе» — корабельным мастером Петром Михайловым (Петром I). Обе яхты вошли в состав Азовского флота.

В начале XVIII века столицей российского государства становится Санкт-Петербург.

Интересно, что даже выбор места для возведения северной столицы связан с «царскими гребцами». Буквально за два дня до штурма шведской крепости Ниеншанц (28 апреля 1703 г.) Петр I на шлюпках в сопровождении семи рот преображенцев спускается вниз по реке и ведет целенаправленный осмотр невской дельты в

поисках места для строительства новой крепости. Выбор пал на небольшой островок у правого берега реки перед широкой речной развилкой. Его финское название было Енисаари (Йенисаари), что в переводе означает — Заячий остров. Там 16 мая 1703 года состоялась торжественная закладка Петропавловской крепости.[3]

В 1710 году Петр I окончательно поселился в северной столице. На берега Невы переезжают из Москвы царский двор и правительственные учреждения. Переводятся с реки Воронеж на Неву и «царские гребцы». Они расселяются в частных домах в западной части Фомина или Городского острова. Этот квартал на Лиговке получает название — Гребецкая слобода. *Сегодня от бывших ранее пяти Гребецких улиц осталась лишь одна — Малая Гребецкая. Но еще живы легенды, что здесь на городских кладбищах до сих пор сохранились могильные камни с фамилиями похороненных там офицеров и матросов гребецкой команды.* Ведь вместе с Петром I, охраняя его, «царские гребцы» участвуют практически во всех морских кампаниях того времени и несут серьезные потери.

В 1702–1703 гг. они сыграли не последнюю роль во взятии крепостей Ниеншанц и Нотебург.

В начале мая 1703 года Ниеншанц пал. В результате тяжелого боя в плену оказались 2 шведских корабля — 8-пушечная шнява «Астрильд» и 10-пушечный галиот «Гедан» с общим составом девятнадцать человек из семидесяти семи матросов и офицеров. Уцелевшая часть шведской эскадры под командованием вице-адмирала Нумерса присланной на помощь уже тогда сдавшейся крепости Ниеншанц, ушла к родным берегам.

За сутки до битвы в устье Невы, 6 мая, «Гедан» и «Астрильд», отделившись от эскадры и войдя в Неву, сделали 2 условных сигнальных выстрела, адресованных, по их мнению, шведской крепости. Русские из захваченного ими Ниеншанца ответили тем же «паролем». Введенные таким образом в заблуждение корабли стали на якорь. Но Петр, предполагая возможность дальнейшего продвижения шведов к крепости, обдумывает план, способный помешать неприятелю. Помешать, не имея собственного флота? Решение казалось невыполнимым: пойти в атаку на боевые корабли шведов… на тридцати весельных лодках!

Разделились на две части. Цель — не дать шведам уйти в море и одновременно штурмовать корабли со стороны р. Ладоги, взяв их на абордаж. Его предприняли ночью, после двухстороннего ружейного и картечного обстрела. Командование возглавляли бомбардирский капитан Петр Михайлов и поручик Александр Меньшиков. Заметив, что «Гедан» и «Астрильд» начали отчаянно пробиваться к своей эскадре, они отдали приказ о

штурме, который и решил исход сражения. Сражения, ставшего, по сути, первым боевым крещением для «Гвардейского экипажа».

За захват этих двух шведских кораблей Петр учреждает одну из первых российских наградных медалей. Лицевую ее сторону венчает портрет Государя, тыльную — русская надпись: «Небываемое бывает», обрамляющая картину боя: два вражеских корабля, окруженных лодками с петровскими гвардейцами.

> *Медаль называется: «В память взятия двух шведских судов в устье Невы 6.05.1703 г.» Она имеет специальное ушко для нагрудного ношения. Ее автор — первый русский медальер — Ф. Алексеев.*

Награды удостоились все участники этой легендарной битвы. «Капитану бомбардирскому (Петру Алексееву) за взятие двух неприятельских кораблей дан высший воинский орден Святого Апостола Андрея… за тот над неприятелем одержанный авантаж. Тот орден положил на него… великий адмирал и канцлер граф Головин, яко первый того ордена кавалер…» — гласит указ, хранящийся в полном собрании законов Российской империи.

В 1713–1714 гг. гребецкая команда участвует в захвате Гельсингфорса (Хельсинки), Борго и Або (Турку).

За Гангутский бой (27 июля 1714 г.), в котором русский галерный флот победил шведскую эскадру, сломив вековое господство шведов на Балтике, офицеры и матросы царской гребецкой команды, входившие в экипажи галерного флота, получили серебряные наградные медали.

22 июля 1716 г. на шняве «Принцесса» при проведении рекогносцировки берегов к северу от Копенгагена до Ландкроны и др. придворные гребцы вместе с Петром I попадают под обстрел шведских батарей.

Царь Петр постоянно в делах и сражениях. Первым с гранатой в руке на палубу «Астрильда» взобрался сам Петр, принудив шведов к сдаче. РФ 300 лет, с.17.

Гребецкая команда приобретает боевой опыт, навыки обеспечения безопасности создателя флота российского в боевых условиях.

С 1710 года непосредственное руководство «царскими гребцами» Петром I возложено на другого своего сподвижника — Боциса Ивана Федосеевича. Выходец из Далмации, начинавший морскую службу в венецианском флоте, он отличился и на службе российского императора. Так, будучи галерным шаутбенахтом, по указанию Апраксина он был 19 июля 1707 г. направлен для «разорения карельской земли». Командуя 12 скампавеями, Боцис за полмесяца уничтожил 500 городков и деревень, взяв большое

количество пленных. За военные заслуги и личную преданность он пользовался безграничным уважением и доверием Петра I. В январе 1711 г. за обеденным столом на свадьбе Государя он занимал «отцово место» — по левую руку Его Величества.

С тех пор во время морских прогулок Государя на его шлюпке всегда на руле находился пожалованный графским титулом контрадмирал Боцис И. Ф.

Создавая свой «новый Амстердам» — город мастеров, ремесленников, живущих на каналах, Петр осуществляет градозастройку, в основном, по берегам Невы. Река становится осью города и центром городской жизни. Практически все городские сооружения соединяются рекой или каналами, и поэтому каждый из них имеет пристань либо искусственные бассейны — «гаванцы», приспособленные для приема малых судов — шлюпок, бойков, буеров, вереек, рябитов и т. п.

Имеют небольшие гавани Летний и Зимний дворцы Петра, дворец Меньшикова в Ораниенбауме.

Причем, являясь на царские церемонии, гостям полагалось не приезжать, а подплывать на собственных судах. За прибытием гостей наблюдали «царские гребцы», обеспечивая порядок и безопасность мероприятий.

Прививая своим подданным любовь к морскому делу, к воде, к хождению на гребных и парусных судах и их исправному содержанию, Петр I создает частный (партикулярный) т. н. «невский флот».

Представители высшей знати «безденежно, в вечное потомственное владение» получили от него по яхте, весельной барке и по небольшой лодке. Персоны второго ранга — по буеру и маленькой лодке. Люди более низких рангов — по маленькой лодке. Всего было роздано более 140 мелких различных парусно-гребных судов со всеми принадлежностями. Сам Петр являлся хозяином 24 придворных яхт.

Каждый зажиточный петербуржец был обязан построить приличествующее его положению судно. Строительство частных судов шло на партикулярной верфи на берегу реки Фонтанки, напротив Летнего сада. Она состояла в ведении интенданта И. Потемкина, которого остряки тотчас нарекли «Невским адмиралом».

В воскресные и праздничные дни эти суда по специальному пушечному сигналу выходили на Неву, где в течение 2–3 часов должны были отрабатывать технику хождения на веслах и под парусами. Такие своеобразные парады по Неве проходили в присутствии самого Петра. Владельцы судов, не вышедших на тренировку, подвергались серьезным денежным штрафам.

Тот, кто доводил свое судно до нерабочего состояния, должен был построить новое за собственный счет. Такими мерами Петр приучал соотечественников не только к воде, но и к порядку, что для русского человека было совсем не лишним.

Идеи приобщения граждан к морю и житию в связи с водой, вели Петрову мысль к всевозможным хитростям. Так император принял очень «остроумное» решение: вовсе не строить мостов через Неву. За период своего царствования он так и не разрешил возвести в Петербурге ни одного моста. Жители города вынуждены были переправляться через невские воды на частных судах — переправах и лодочных перевозах.

Исключений не делалось ни для кого. Сам А. Д. Меншиков переезжал реку в огромной золоченой лодке, обтянутой изнутри зеленым бархатом. Ладью вели 12, иногда — 24 гребца.

В свите светлейшего князя находилось 22 гребца и 39 матросов. Даже отправляясь в ссылку в Раннебург — крепость близ Воронежа, он забирает с собой всех гребцов.

В 1726 г. в штате служителей его дворца на Васильевском острове числилось 2 шкипера, 39 матросов и 22 гребца. (Петр Великий и его время, с.66).

Только через два года после смерти Петра 1 по распоряжению Меншикова, напротив его дворца на Васильевском острове был сооружен плашкоутный Исааковский мост.

Для плавания же по служебным делам высокопоставленных особ и начальствующих лиц Петр приказал выделить несколько шлюпок с гребцами. В 1715 г., соединив этих гребцов со своими — «царскими», император создал «придворную гребецкую команду», которую в 1716 году подчинил советнику — придворному интенданту Петру Мошкову, сделав выбор этот не случайно. Будучи сыном царского денщика, тезка Петра-императора пользовался особым доверием при дворе, заведуя личным хозяйством царя. Отныне «придворная гребецкая команда», ставшая, по сути, предшественницей морской лейб-гвардии, находилась в ведении Адмиралтейств-коллегии.

С начала создания регулярного флота русские моряки не имели специального обмундирования и были одеты в обычную гражданскую одежду различных фасонов и цветов. Это осложняло многие вопросы управления, поддержания порядка и дисциплины; сохранения здоровья экипажей кораблей и судов. Впервые унифицированную одежду стали выдавать в 1701 году в московской Навигацкой школе, а затем, в 1707 году, ввели мундиры для придворных гребцов.

В этот период гребцы придворных шлюпок носили кафтаны без воротника белого, синего или красного цвета, которые

украшались пуговицами и позументами. Такого же цвета сукна были штаны. С этой формой полагалось носить белый галстук, белые чулки и черные штиблеты. Голову венчала шляпа с высокой тульей и широкими полями.

Форменная одежда придворных моряков сохранялась и после смерти Петра. (Море, так любимое Петром I, было и одной из причин его смерти. В ноябре 1727 г., увидев терпящий бедствие бот с солдатами и матросами, Петр, уже давно прихварывавший, бросился в шлюпку и стоя по пояс в ледяной воде, стал распоряжаться спасением людей. От сильной простуды его болезнь усилилась и, спустя 2 месяца, 28 января 1725 г. в первой четверти шестого утра, в муках он скончался. РФ 300 лет, с. 36.) Его супруга — Екатерина I, продолжая традиции, часто совершала прогулки на шлюпках по Неве, присутствовала на спуске вновь построенных кораблей и галер. Пушечная пальба, сопровождавшая акции на воде, придавала им зрелищности. (С момента ее воцарения в 1725 г. «придворные гребцы» переходят в ведение Собственной Ее Величества канцелярии. Команда подчинялась только императрице и действовала по ее поручениям или от ее имени.)

Случаем вознесенная на российский престол герцогиня Курляндская Анна Иоанновна в первые дни своего царства, будучи подозрительной по натуре и опасаясь за свою жизнь, оказывает особое внимание собственной лейб-гвардии. Гвардейцы угощаются водкой прямо из рук Ее Величества, получают подарки и награды. Увеличивается число офицерских должностей, а жалование возрастает чуть ли не вдвое. Однако любовь к родной Курляндии позволяет императрице усомниться в надежности русской лейб-гвардии. Все больше она видит опору в иноземцах и постепенно «расчищает» для них пространство вокруг себя.

В противовес «старой» гвардии — Преображенскому, Семеновскому полкам и кавалергардскому корпусу, Анна Иоанновна учреждает третий пехотный полк гвардии — Измайловский и конный Драбантский (конногвардейский) полк, офицеры которых были большей частью иностранцами, лично преданными императрице.

Анна Иоанновна при этом была совершенно безразлична к флоту. За время ее владычества не было построено ни одной придворной яхты. Не осталось в истории и сведений о каких-либо морских путешествиях Ее Величества.

Служившую Петру I гребецкую команду Анна Иоанновна переводит под начало цесаревны Елизаветы Петровны. В этот период петровские придворные гребцы стали именоваться «комнатными Ее Высочества гребцами». Для своих нужд любящая

всевозможные торжества и развлечения императрица приказала набрать особых, только ей преданных, придворных гребцов, отличавшихся большим ростом, силой и статью. Тем более что (по описаниям современников) сама царица обладала таким ростом, что на целую голову превосходила любого мужчину. В отличие от прежней команды офицерам и матросам полагалось носить на одежде особые знаки.

Цесаревна Елизавета, стремясь следовать заветам отца, проявляла особую заботу о своих гребцах, даже любовное к ним отношение как к команде, учрежденной ее знаменитым родителем. В числе этих гребцов находилось еще немало тех, кто обслуживал Петра. Елизавета Петровна увеличила их жалование до 33 рублей 10 копеек в год. По тем временам это была весьма значительная сумма. Некоторых из них она сделала своими личными телохранителями.

Находившиеся в распоряжении императорского двора яхты летом базировались в Петергофе, в царском имении Александрия, входящем сегодня в музей-заповедник «Петергоф». И по сей день там существует уходящая далеко в море каменная насыпь, служившая когда-то пирсом для императорских яхт.

С приходом на российский престол Елизаветы Петровны комнатные и придворные гребцы снова были объединены в «придворную гребецкую команду», ставшую непременной участницей всех ее придворных празднеств. С придворной яхтенной командой связаны последние дни краткого царствования Петра III. Узнав об осуществившемся в Санкт-Петербурге государственном перевороте, император со свитой на галере и яхте пытается добраться до Кронштадта. Укрывшись в этой мощной морской крепости, он надеется на помощь своих голштинских войск.

Петр III вместе с 29 наиболее преданными ему царедворцами вышел в море на быстроходной придворной галере. На императорской яхте его сопровождали еще 18 человек. Охрана и прислуга находились в трюмах, в местах расположения кухни и погреба. Шли быстро. На веслах и парусах. К Кронштадту прибыли уже к часу ночи. Но было поздно. Гарнизон крепости, сухопутные команды и морские экипажи успели присягнуть в верности Екатерине II.

Вход в гавань был перекрыт бонами. В ответ на требование дать возможность галере и яхте войти в крепость Петр III услышал лишь грубую брань.

С воцарением Екатерины II (1762–1796) закончился 37-летний период упадка любимого детища Петра Великого — российского флота.

Изучив петровские проекты совершенствования флота, новая императрица осенью 1763 г. учредила «Морскую российских флотов и адмиралтейского правления комиссию для приведения оной знатной части в настоящий добрый порядок».

Коснулось это и придворных гребцов. Были утверждены новые штаты. Для морских путешествий создана «придворная яхтная команда». Офицеры и нижние чины получили новую красивую форму.

На стапелях Адмиралтейства С.-Петербурга строятся две двухмачтовые 12-пушечные придворные яхты под одним названием — «Счастье». В 1764 г. со стапелей сходит яхта, подаренная императрицей восьмилетнему великому князю Павлу Петровичу, назначенному генерал-адмиралом Российского флота.

Через 10 лет мастер В. Селянинов заканчивает постройку яхты, предназначенной императрице. Она больших размеров, с богатым позолоченным наружным декором. Внутренние помещения отличаются роскошной отделкой.

Характерно, что с начала августа до конца сентября 1780 г. (по другим данным с 1777 по 1780 гг.) яхтой «Счастье» командовал величайший русский флотоводец Федор Федорович Ушаков.

Увлекающаяся, смелая до безрассудства Екатерина II часто совершает длительные сухопутные и морские путешествия. Яхты «Счастье» и «Святая Екатерина» становятся ее любимицами. На них она довольно часто выходит в море, устраивая смотры Балтийского флота, а то и просто на прогулки.

Для морских путешествий Екатерина II выделила из придворной гребецкой команды — «придворную яхтную команду», укомплектовав ею морские суда.

Долгое бездействие негативно сказалось на профессиональной подготовке морских гвардейцев. Летом 1778 г. во время смотра Балтийского флота у Красной горки, ее новенькое «Счастье» чуть не столкнулось с яхтой «Петергоф», которая, проходя к якорному месту в вечернее время, задела судно императрицы. «Удар был так силен, что все находившиеся с императрицей объяты были внезапным страхом, одна только Екатерина не изъявила ни малейшего признака робости».

Несмотря на то, что она запретила наказывать капитана корабля, Адмиралтейств-коллегия стала назначать командирами императорских яхт наиболее опытных офицеров.

Не остались без дел и придворные гребцы. В 1767 г. состоялось полуторамесячное «путешествие в Азию», т. е. по Волге от Твери до Казани. Было пройдено 1410 верст. Для путешествия императрицы костромскими корабелами в Твери

была построена 11-баночная галера «Тверь».

Это прекрасное во всех отношениях судно было около 39 м в длину, с шириной корпуса 5,75 м; а корма возвышалась над основной плоскостью галеры на 7 метров. Палуба вмещала предназначенные для смотров восемь пушек. Каюты для императрицы и царской свиты, обустроенные в трюме, освещались восемью прямоугольными окнами.

«Костромские умельцы сделали его так добротно, что на галере даже через полтора столетия удалось обнаружить лишь незначительные трещины от рассыхания, хотя свыше века она хранилась на открытом воздухе, подвергаясь всем атмосферным воздействиям. Пазы и стыки палубного настила были подогнаны настолько плотно, что их не стали, как полагалось тогда при постройке, конопатить и смолить». Недаром Екатерина II утвердила герб г. Костромы с изображением на нем золотой двухмачтовой галеры, плывущей по реке. Более того, на гербах многих городов Костромской губернии можно узнать корму все той же галеры «Тверь».

В этой водной прогулке участвовало 25 судов, а в свите было «близко двух тысяч человек всякого звания». Самую многочисленную группу в походе составляли гребцы.

В 1785 г. Екатерина еще раз путешествует по Волге, пройдя 600 верст. Осматривает Вышневолоцкий канал, Тверские шлюзы, Боровицкие пороги. Императорскую галеру сопровождают более 30 мелких судов.

Зимой 1787 г. началось приуроченное к 25-летию царствования Екатерины II ее грандиозное 6000-верстное путешествие в Крым. Выехав в конце апреля вельможные путники пересели из карет на суда (80 судов и 3000 матросов и солдат) и пустились вниз по Днепру. «Впереди шли семь нарядных галер огромной величины, искусно расписанных… Комнаты на палубах блистали золотом и шелками… На каждой галере была своя музыка». Особенности судоходных условий Днепра усложнили путешествие. Утром 29 апреля императорскую галеру сильное течение прижало к берегу. Неоднократно приходилось снимать с мелей и другие галеры. Путешествие по Днепру вместо запланированных 9 дней продолжалось 14. Но это ничуть не испортило настроения императрицы. Она осталась довольной работой придворных гребцов.

Апогеем путешествия был прием Екатерины II в Крыму. Командующий черноморским флотом и он же — начальник севастопольского порта граф М. И. Войнович изо всех сил старался угодить императрице. А в этом деле граф был профессионалом (с 1778 по 1780 год он руководил придворными

гребцами).

Как вспоминает в своих записках адмирал Н. Д. Синявин, для обслуживания императорских судов (шлюпок) «гребцы были подобраны, как говорится, молодец к молодцу. Росту были не менее 10 вершков, прекрасны лицом и собой, на правой стороне (судна) все были блондины, а на левой — все брюнеты.

Одежда их была: оранжевые атласные широкие брюки, шелковые чулки; в башмаках; тонкие полотняные рубашки, галстук тафтяной того же цвета, пышно завязан; а когда люди гребли, тогда узел галстука с концами закинут был за спину. Фуфайка оранжевая, тонкого сукна, выложена разными узорами черного шнура, шляпа круглая с широким галуном и кистями и султан страусовых перьев.

Катер блистал от позолоты и лаку».

Не подкачала и профессиональная подготовка, которой адмирал граф Войнович лично посвящал несколько часов в день.

Именно в связи с этим Войновичу обязана своим официальным названием пристань, ставшая достопримечательностью г. Севастополя. Пристань, от которой Екатерина II должна была отойти на катере для проведения смотра черноморской эскадры, при строительстве была именована в честь императрицы «Екатерининская».

Ежедневно в течение месяца дважды в день граф Войнович проигрывал порядок отправления императрицы от пристани и ее возвращения. С каждым днем церемония становилась все более отточенной и красивой. На пристани в парадной форме выстраивался почетный караул, отдавались рапорты, играли военные оркестры… Слаженные действия экипажей шлюпок и катеров — все это привлекало внимание чуть ли не всего населения небольшого тогда городка. И очень скоро среди моряков и жителей города укоренилось свое наименование пристани — Графская. Таким оно остается и сейчас, уже более 200 лет.

Последние годы правления Екатерины II характеризуются определенным застоем. Приходит в упадок и флот, особенно балтийский, долгое время не принимавший участия в практических делах.

Императору Павлу I его «морская гвардия» достается в плачевном состоянии. «…Бывшие при дворе яхтицы и буера сгнили и пришли к употреблению в негодность…» Гребцы разобщены по различным ведомствам…

«В Кронштадте число кораблей, хотя значительно было… но они большею частию были ветхие, дурной конструкции, с таким же вооружением… Капитаны любили бражничать. Офицеры и

матросы были мало практикованы… Форма не строго соблюдалась… В порте был во всем недостаток, и воровство было непомерное, как в Адмиралтействе, так и на кораблях. Кронштадт утопал в непроходимой грязи: крепостные валы представляли развалину, станки пушечные оказались распавшимися, пушки — с раковинами, гарнизон — карикатура на войско…» Так оценивал состояние флота морской офицер, декабрист, подполковник В. И. Штейнгель.

С восшествием на престол Павла I ситуация резко изменилась. Его строгость принесла великую пользу. Дотошный император лично вникает в проблемы армии и флота. Не забывает он и своих гребцов. Они объединяются в «Придворную яхтенскую и гребецкую команду». *Своим указом Павел определяет команду и придворные суда в ведение Адмиралтейства, подчиняя их, кроме того, своему генерал-адъютанту и мальтийскому кавалеру С. И. Плещееву. Он — не только приближенный к императору царедворец, но и опытный морской офицер: командовал фрегатом «Святой Марк», придворной яхтой «Екатерина», награжден орденом Святого Георгия 4 степени за участие в 18 кампаниях.* У вернувшейся в ведение Адмиралтейств-коллегии команды придворных гребцов появляется возможность больше внимания уделять «боевой и морской» подготовке. В ее состав впервые назначается по одному боевому кораблю, на которых офицеры и матросы команды совершенствуются во время плаваний по Балтийскому и Немецкому морям.

Командиром придворных парусных и гребных судов назначается капитан Н. А. Хрущев. С юных лет Хрущев — на флоте. Мичманом на корвете «Победа» был в крейсерстве в эскадре контр-адмирала Чичагова в Средиземном море. Командовал фрегатом «Мстиславец», яхтой «Петергоф». Командуя шебекой «Беллона» и пятью полупрамами, участвовал в роченсильмском сражении. Имея опыт «смотрения» за строительством морских судов, он участвует в разработке Адмиралтейств-коллегией программы ремонта старых и строительства новых придворных судов, яхт, шлюпок.

27 декабря 1796 года последовало высочайшее повеление построить 40-пушечную трехмачтовую яхту, которую нарекли «Эммануил» (С нами Бог). Когда яхта была построена и вооружена, государь распорядился назвать ее фрегатом, и держал на нем свой флаг. Каюты на «Эммануиле», предназначенные для императора и его свиты, были роскошно оборудованы и обставлены.

Летом 1796 года император Павел, являясь генерал-адмиралом российского флота, устроил смотр кораблей на

кронштадтском рейде, где были сосредоточены 68 кораблей и судов. Однако, жестокий шторм не позволил кораблям ни дойти до Красной горки, ни достойно завершить высочайший смотр. Сам Павел, страдая от морской болезни, вынужден был провести на своем фрегате несколько дней.

Формально же создание морской лейб-гвардии связано с историческим событием, когда в 1807 году, во время переговоров в Тильзите на реке Неман произошла встреча императоров Александра I и Наполеона I. Чтобы Александру не пришлось ехать на захваченный французами берег Немана, а Наполеону — на русский берег, на самой середине реки французские солдаты соорудили из двух больших барж огромный плот. На нем был построен меблированный двухкомнатный домик, украшенный вензелями «N» и «A» из живых веток и цветов. В одной из комнат должны были встречаться императоры, а в другой — разместиться их штабы.

В жаркий полдень 25 июня одновременно от левого и правого берегов к месту встречи отчалили шлюпки с российским и французским императорами. Шлюпка Наполеона выглядела великолепно: балдахин из пунцового бархата с золотыми кистями, украшенный короной и императорскими эмблемами. 12 гребцов из состава созданного в наполеоновской гвардии батальона гвардейских моряков — гвардейского флотского экипажа, сопровождавшего Бонапарта в его походах и служащего для переправ через реки и для водных сообщений вообще. Кроме того, французские моряки были отлично одеты, имели шлюпочную подготовку, гребли слаженно и умело.

Шлюпка Александра I значительно уступала наполеоновской, и не только своим внешним видом. На веслах сидели донские лейб-казаки, хотя рослые и лихие, но практически не обученные гребле. Шлюпку постоянно сносило течением, и русский император добрался до плота значительно позже Наполеона. Последний же вынужден был ждать своего собеседника. Более того, русская шлюпка не только не подошла бортом, но неуклюже уткнулась в понтоны носом, а это затруднило сход Александра I на плот. Все это происходило на глазах у тысяч любопытных жителей Тильзита и французских военных, огромная толпа которых заполонила левый нагорный берег Немана, что, естественно, серьезно испортило настроение всегда точному и аккуратному российскому императору. Свою ложку дегтя в восприятие честолюбивым Александром конфуза ситуации, внесло и извечное негласное состязание двух императоров. Российский монарх очень ревностно воспринимал любые успехи Наполеона, переживая собственные неудачи. Поэтому, возвратясь

в Петербург, Александр не забыл недавней неловкости и тотчас распорядился объединить придворную яхтенную и гребецкую команды. Он официально причислил их к гвардии и назвал новую самостоятельную воинскую часть морским Гвардейским Экипажем.

Первым командиром рожденного гвардейского подразделения был назначен контр-адмирал Карпов Иван Петрович, уже имеющий опыт руководства придворной яхтенской и гребецкой командой.

Экипаж был полностью сформирован 16 февраля 1810 года. Он состоял из четырех (впоследствии восьми) рот численностью около 100 человек в каждой, артиллерийского отделения с двумя полевыми орудиями, нестроевой ластовой (транспортной) роты и музыкального хора (оркестра). При формировании Гвардейского Экипажа в распоряжение его командира поступили: из команд придворных гребцов — 116 человек; от морских команд Кронштадта — 84 человека; от черноморского флота — 30; с яхт — 84; из прочих морских команд — 99. Как и вся гвардия, морские гвардейцы были только русской национальности. Но этим требования, предъявляемые к претендентам на звание царских матросов, не ограничивались. Во многом решающим был внешний вид. Предпочтение отдавалось людям «великорослым и видным, а также чистым лицом».

Надо сказать, что до последних дней существования Российской империи при «разбивке новобранцев 1-го сорта», т. е. молодых людей ростом в одиннадцать вершков и выше, в первую очередь пополнялись ряды морских гвардейцев.

> *Граф А. А. Игнатьев в своих мемуарах «50 лет в строю» писал: «…самые рослые и могучие доставались Гвардейскому Экипажу, чтобы с достоинством представлять флот на весельных катерах царских яхт. Рослые новобранцы видом погрубее попадали в преображенцы, голубоглазые блондины — в семеновцы, брюнеты с бородками — в измайловцы, рыжие — в московцы. Все они шли на пополнение первых, т. н. царевых рот».*

Каждого предварительно отобранного для службы в морской гвардии офицера или матроса представляли командовавшему гвардией Великому князю Константину Павловичу, а затем — лично императору. Только с его санкции кандидат зачислялся в Экипаж. Непригодные для службы в нем отсылались обратно за счет командира, представившего кандидата. Неудачный выбор мог стоить просчитавшемуся начальнику собственной служебной

карьеры.

Так Морской гвардейский экипаж постепенно стал символом морского могущества Российской империи. Ежегодно, с ноября по май боевые корабли балтийского флота стояли вмерзшие в лед. Зато Гвардейский экипаж хоть на плацу, хоть в коридорах дворца мог в любое время показать, что военно-морские силы — на страже Отечества и по выучке не уступают ни гренадерам, ни егерям.

Так как Гвардейский экипаж нес двоякую службу — и на море, и на суше, ему было вручено знамя сухопутного образца. Однако на гербе Экипажа за спиной двуглавого орла перекрещивались изображения двух адмиралтейских якорей.

Расквартированные в Санкт-Петербурге гвардейцы расположились в казармах на Екатерининском канале (сегодня — Екатерининский проспект, 22). Они же стали и обладателями особой форменной одежды, отличной от общефлотской, с элементами обмундирования сухопутных гвардейских полков, но несколько иной цветовой гаммы.

Морской костюм гвардейца представлял собой двубортный, туго облегавший тело мундир темно-зеленого, почти черного, цвета, с двумя рядами пуговиц, высоким стоячим воротником и фалдами фрачного покроя. Длинные брюки могли быть белыми или черными, в зависимости от времени года. Головным убором, как у офицеров, так и у нижних чинов служил кивер. В отличие от других флотских экипажей нижние чины гвардии носили красные суконные погоны на обоих плечах. Красная выпушка, присвоенная форме одежды Гвардейского Экипажа, дожила до 1917 года, так же, как и белый кант на мундирах. Для первой зимы сухопутную форму Экипажу дал лейб-гвардии Финляндский полк.

По штату морским гвардейцам были положены боевые средства и имущество сухопутного образца с включением шанцевого инструмента и обоза. До 1905 года матросы Гвардейского Экипажа носили и палаши, замененные позднее тесаками.

Часть Экипажа плавала на боевых кораблях Балтийского флота, чтобы не утратить свою морскую квалификацию. К 1910 году гвардейцами были укомплектованы крейсер «Олег», эсминцы «Войсковой» и «Украина». А также посыльные суда «Разведчик» и «Дозорный». Во время Первой мировой войны экипаж крейсера «Варяг» тоже полностью состоял из моряков-гвардейцев. Содержание всех упомянутых кораблей и организация службы на них всегда были образцовыми.

В летнее время личный состав Гвардейского Экипажа нес службу на императорских яхтах «Штандарт», «Полярная звезда»,

«Александрия», «Царевна», «Марево», посольских судах; обслуживал плавсредства загородных дворцов, сопровождая государя и членов его семьи на морских прогулках и в заграничных визитах.

Зимой Экипаж находился в Петербурге. Сначала размещаясь в Галерной гавани, а затем в Литовском замке, выполняя функции сухопутного гвардейского батальона. Участвовал в парадах; нес караульную службу по охране императорского дворца, правительственных зданий и учреждений; исполнял гарнизонные наряды; занимался строевой подготовкой и т. п. Последнее было необходимо. Вновь испеченные гвардейцы прибывали в Экипаж с кораблей, и их строевая подготовка не отвечала требованиям столичных парадов и смотров. Для устранения этого существенного недостатка из сухопутных гвардейских полков были присланы инструкторы, которые занялись интенсивным обучением моряков строевой службе, вопрос этот лично контролировал Великий князь Константин Павлович. По свидетельству материалов Российского государственного архива ВМС, «…люди Экипажа, сохраняя ловкость и искусство требований корабельной службы, приобрели вместе с тем выправку и выносливость гвардейского солдата, в чем неоднократно соревновались с последними и на смотровом поле, и на поле битвы. Принятый с основанием Экипажа большой шаг при прохождениях поражал и приводил всегда всех в удивление и восторг».

6 января состоялся высочайший смотр всему Экипажу. Государь остался доволен внешним видом и выучкой гвардейцев, пожаловав всем офицерам ордена, а матросам — по 10 рублей ассигнациями каждому.

Боевое крещение Экипаж получил в Отечественной войне 1812 года. Тогда он выступил в поход общей численностью 446 человек, из которых офицеров было 14, а нижних чинов — 432 человека.

Император, провожая свою гвардию до Московской заставы, выкрикнул проходившим мимо него морякам-гвардейцам: «Прощайте, ребята! Надеюсь, что я не ошибся, взявши вас с собой, и что вы покажете мне вашу службу!»

Следуя в арьергарде, Гвардейский экипаж использовался при наведении переправ и укреплений. Они выполняли эти сугубо солдатские задачи весьма успешно. Так, за мастерские действия при наводке мостов в районе Дрисны в присутствии Александра I морякам были пожалованы от императора денежные премии. Прославились гвардейцы Экипажа и 16–18 августа 1813 года в кровопролитном сражении под Кульмом в Богемии. Моряки

успешно отразили атаки французского корпуса Вандама, пытавшегося отрезать путь русской армии из гор на дорогу в Теплиц.

За мужество гвардейцы морского Экипажа, а также Преображенского и Семеновского полков заслужили боевую высшую коллективную награду для воинских частей — Георгиевское знамя. 111 офицеров и матросов Экипажа были награждены русскими орденами и медалями.

В феврале 1910 года в ознаменование 100-летия существования морского Гвардейского Экипажа и 200-летия со дня основания придворной гребецкой команды был учрежден нагрудный знак. Он представлял собой Кульмский крест с вензелем императора Николая II и датами 1710–1810—1910 на правом, левом и нижнем его лучах. Кульмский крест и Георгиевская лента имелись также на памятном жетоне морского Гвардейского экипажа.

Гвардейский экипаж был тем подразделением, где впервые внедрялись те флаги, элементы формы, атрибутики, которыми до сих пор гордятся моряки советского и российского военно-морского флота.

Андреевский флаг. Учреждая невский флот, Петр I повелел «под ответственность строгой кары», чтобы все шкиперы и владельцы судов в российских морях носили непременно флаги на своих судах. Однажды Петр прогуливался на своей шлюпке по Неве. На руле находился Боцис И. Ф., который и обратился к царю: «Царь! Ты повелел строго карать каждого шкипера и судовладельца, идущего не под флагом на своем судне. Между тем, ты сам катаешься без флага». Посчитав замечание Боциса справедливым, Петр I в том же 1710 году «положил своим шлюпкам особый флаг, следующего рисунка: в середине флага Андреевский крест на белом фоне, а вверху и внизу шли горизонтальные полосы русских цветов — синяя, белая, красная. Вскоре этот флаг сделался флагом для всех военных судов. Через некоторое время полосы были сняты, остался лишь Андреевский флаг со знаменитым крестом, четыре луча которого символизируют четыре русских моря — Белое, Каспийское, Черное и Балтийское. Таким образом царские гребцы получили свой флаг, ставший со временем символизировать все военно-морские суда. А сине-бело-красный флаг сделался флагом судов гражданских.

Первыми на российском флоте моряки Гвардейского экипажа, отличившись в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., стали носить на фуражках-бескозырках черно-оранжевые Георгиевские ленты с надписью «Гвардейский Экипаж», а также с 21.02.1887 впервые на российском флоте нижние чины морских гвардейцев обзавелись

знаменитыми тремя узкими белыми полосками на синих воротниках и синих же обшлагах белых рубах.

Олег Матвеев
Неизвестная трагедия в проливе Лаперуза

12 декабря 1939 года, у берегов японского острова Хоккайдо затонул советский сухогруз «Индигирка».

Катастрофа этого судна, принадлежавшего Дальстрою НКВД СССР, не выделялась бы среди других, происходящих практически ежегодно по всей акватории Мирового океана, если бы не одно обстоятельство, по причине которого в советское время об этой трагедии не принято было вспоминать. Дело в том, что вместо обычного груза трюмы «Индигирки» были под завязку заполнены людьми. Причем, в подавляющем большинстве людьми не простыми, а представителями так называемого «спецконтингента» — заключенными Севвостлага. Разбушевавшаяся морская стихия унесла в эту ночь свыше 700 человеческих жизней, а судно «Индигирка» пополнило список самых страшных морских катастроф уходящего века, став в один ряд с «Титаником», «Адмиралом Нахимовым» и паромом «Эстония».

Тот злополучный рейс был самым обычным каботажным рейсом из порта Нагаево (сейчас — город Магадан) во Владивосток. Однако он был одним из последних в навигации 1939 года, в связи с чем, начальник Мортрансфлота Дальстроя НКВД Г. А. Корсаков отдал распоряжение разместить в трюмах судна пассажиров, которых требовалось доставить на Большую землю.

Посадка людей на борт парохода происходила в ночь с 7 на 8 декабря и отличалась крайней неорганизованностью. Пассажиры спускались в трюмы по наспех сбитым из горбылей шатким трапам, которые не были приспособлены для срочной эвакуации при возникновении аварийной ситуации. Пятью днями позже это обстоятельство сыграло не последнюю роль в массовой гибели людей.

Всего на борт «Индигирки» ориентировочно было принято 1134 человека, большинство которых (около 900 человек) составляли отбывшие свой срок заключенные Севвостлага, главным образом уголовники. Помимо них в четырех трюмах корабля разместились 182 работника Дальрыбопродукта, 11 работников Дальстроя, 2 сотрудника Главсевморпути, 49 подследственных заключенных, сопровождаемых вооруженным конвоем, состоящим из 11 охранников. Из общего числа оказавшихся на борту людей, было 56 женщин и 26 детей. Команда судна состояла из 41 моряка. Точного количества взятых

на борт бывших заключенных не знал никто, поскольку билетов им не выдавалось и каких-либо списков не составлялось.

Капитан «Индигирки», уроженец Москвы, пятидесятичетырехлетний Николай Лаврентьевич Лапшин считался достаточно опытным и способным моряком. Благодаря собственному таланту и трудолюбию он, будучи выходцем из бедной рабочей семьи, еще до революции смог закончить училище дальнего плавания, а чуть позже, уже в годы мировой войны, школу прапорщиков Флота, после чего служил на Балтике на миноносце «Бесшумный» в должности штурмана. В 1919–1921 годах Лапшин находился на административной работе в Петрограде. Вскоре он возвратился к практике судовождения, став капитаном парохода «Карл Либкнехт». Совершая частые рейсы на судах загранплавания в конце 20-х — начале 30-х годов с ним случилось несколько скандальных историй, связанных с попытками провоза некоторыми членами команды судна контрабанды. А в 1933 году против Лапшина было возбуждено уголовное дело по подозрению в участии в контрреволюционной офицерской организации. Однако в итоге дело прекратили за недоказанностью. Все эти обстоятельства, видимо, и послужили причиной его отвода от загранплавания и перевода из престижного Ленинграда в далекий порт Нагаево на обычные каботажные рейсы.

Доставшийся Лапшину грузовой пароход «Индигирка» был судном, можно сказать, среднего возраста. Его построили в 1920 году на верфях США. Он имел стальной корпус, две палубы и две мачты, паровую машину модностью в 1500 лошадиных сил. Длина корабля составляла 77, а ширина 13 метров. Для размещения груза имелись четыре трюма глубиной 6 метров. Общее водоизмещение составляло 2690 тонн.

В августе 1938 года «Индигирку» осматривала Дальневосточная инспекция Регистра СССР, которая признала судно годным для океанского плавания до 1 января 1940 года, с запрещением плавания во льдах.

Из спасательных средств на почти 1200 пассажиров и команду имелось лишь две шлюпки вместимостью по 40 человек каждая, 12 спасательных кругов и 41 спасательный жилет по числу членов команды.

Все пассажиры были размещены в неприспособленных для перевозки людей трюмах, без нар, на голом полу, в совершенно антисанитарном состоянии, среди грязи, сырости, при зловонном, спертом воздухе. Врач и даже элементарные аптечки отсутствовали. В таком жутком состоянии людям предстояло провести целую неделю пути до Владивостока. Исключение

составляли лишь те немногие, кто, заплатив требуемые 300 рублей, разместились в каютах некоторых матросов.

Сам факт выхода в море парохода «Индигирка» с пассажирами на борту являлся грубейшим нарушением правил торгового мореплавания, поскольку он был исключительно грузовым судном. А в условиях поздней осени, когда плавание, как правило, всегда сопряжено с непогодой, это было преступно вдвойне. Начальник порта Нагаево Смирнов, в силу своих должностных полномочий осуществлявший надзор за безопасностью мореплавания, мог воспрепятствовать выходу судна, однако не сделал этого, как, впрочем; и сам капитан Лапшин. Ни тот, ни другой, не сделали также ничего для оснащения «Индигирки» всеми необходимыми спасательными средствами, понадеявшись, как всегда, на наше русское «авось пронесет». Ведь они прекрасно понимали, что чисто пассажирских пароходов в распоряжении Дальстроя просто нет, как нет и такого количества спасательных средств. Ко всему этому следует добавить, что Лапшин, выходя в рейс, не имел метеорологических данных и получил их только в море.

В таком состоянии пароход «Индигирка» в 10 часов утра 6 декабря 1939 года покинул порт Нагаево и направился во Владивосток, причем до выхода на чистую воду в течение трех часов он своим ходом пробирался через прибрежные льды.

В пути с 8 по 12 декабря дул северный ветер силой до 9 баллов, а состояние моря оценивалось в 7 баллов. Временами начиналась пурга, а видимость колебалась от 0 до 10 миль. В таких условиях судно могло поддерживать скорость 9 миль в час, а при попутном ветре и более.

11 декабря 1939 года в 19 часов 15 минут был замечен свет маяка на мысе Анива, по которому было сделано последнее определение местонахождения судна. Капитан Лапшин и находившийся в этот момент на вахте старпом Тимофей Кришенко определили, что судно находится примерно в 3–6 милях южнее мыса Анива. Исходя из этого Лапшин проложил на карте курс корабля. Несмотря на то, что северо-восточный ветер силой до 9 баллов дул прямо в правый борт, поправок на дрейф судна влево внесено не было.

Сделанная прокладка для прохода пролива Лаперуза показалась сомнительной старпому, который заявил капитану, что этим курсом они пройти не смогут, однако Лапшин убедил его в правильности выбранного курса. «Капитан Лапшин заявил мне, — рассказывал уже после катастрофы Кришенко, — что курс им проложен с учетом видимости маяка на мысе Сойя Мисаки. На мое замечание, что при плохой погоде никаких огней маяка мы

не увидим, он ответил, что пройдя 45 миль этим курсом и не увидев, вследствие слабой видимости, огней, ляжем курсом на север с расчетом пройти в залив Анива и отстояться на подходящей глубине до утра, а пролив Лаперуза пройти утром».

С 20 до 0 часов 11 декабря вахту стоял сам капитан, а с 0 часов 12 декабря на вахту заступил его второй помощник Виктор Песковский, который в 1 час 20 минут увидел справа по курсу огонь маяка на мысе Сойя Мисаки, о чем сразу же доложил находящемуся на мостике Лапшину и предложил сделать поворот вправо. Капитан в свою очередь начал убеждать вахтенного помощника, что мыс Сойя Мисаки они видеть не могут, но все же сначала отдал команду «право на борт». Однако, судно, вследствие сильного бокового ветра, не смогло сделать поворот, и Лапшину пришлось дать команду «лево на борт». Не будучи уверенными в увиденном маяке, ни капитан, ни второй помощник не приняли мер для точного определения координат «Индигирки». Они лишь по секундомеру проверили характер огня маяка, который был ими определен как маяк «Камень Опасности». Каких-либо других навигационных технических средств для точного определения местонахождения корабля, имевшихся в распоряжении капитана, использовано не было.

Перепутав маяк на мысе Сойя Мисаки с маяком «Камень Опасности» и считая себя в 3-х милях южнее последнего, в 1 час 30 минут Лапшин и Песковский сделали поворот на юг и пройди, с учетом попутного ветра, за 20 минут около 6 миль.

Выйдя из сектора работы маяка Сойя Мисаки и по-прежнему считая его «Камнем Опасности», капитан дал команду «право на борт», и в 1 час 50 минут «Индигирка» легла на компасный курс 282 градуса, т. е. двинулась прямо на берег острова Хоккайдо.

В 2 часа 15 минут сквозь поредевшую пургу, слева по курсу, вахтенным помощником Песковским был замечен берег, о чем он сообщил капитану. Лапшин, хотя и заявил, что берега в этом районе быть не может, все же начал маневрировать судном. В этот момент им и была допущена главная оплошность: вместо того, чтобы дать полный ход назад, он начал «рыскать на курсе», поворачивая то влево, то вправо. В результате «Индигирка», подгоняемая боковым ветром, примерно в 2 часа 20 минут, ударилась левым бортом о камень Тодо у побережья острова Хоккайдо и получила пробоину, что быстро дало крен в 15 градусов по левому борту.

После первого удара судовой экипаж был поднят по аварийному расписанию. Лапшин же, желая отойти от камня, наконец-то, дал команду в машину «полный назад». Однако машина отказалась повиноваться, так как одна из лопастей винта

погнулась при ударе.

Посланные капитаном старпом и матросы установили, что пробоина находится в начале трюма № 2 и решили подвести на нее пластырь. Однако девятибальный ветер продолжал нести судно и через несколько минут оно налетело на гряду камней недалеко от японского берега. Ударившись на этот раз правой стороной, корабль получил дополнительно еще 6 пробоин и две вмятины и, накренившись уже на правый борт, начал дрейфовать к берегу с креном в 30–35 градусов, который все время увеличивался.

После первого удара капитан Лапшин приказал радисту подать сигнал «SOS». Поскольку точные координаты судна были неизвестны, в эфир полетела радиограмма: «Индигирка» села на «Камень опасности». Ответы на сигнал получить не удалось, так как от внезапного удара волны в приемнике вышла из строя лампа.

Капитан в это время сообщил радисту, что «Индигирка», по-видимому, налетела на мыс Сойя Мисаки. Заменив лампу, радист Николай Рысовец вторично передал сигнал бедствия с просьбой отвечать на волне 48 метров. На это последовал ответ парохода «Маныч», о том, что сигнал принят.

По личной инициативе Ресовец в третий раз передал сигнал «SOS» с просьбой отвечать на волне 600 метров. На этот раз последовал ответ с парохода «Ильич», японской береговой станции и неустановленного японского судна. После того, как от ударов волн аварийная динамомашина вышла из строя, связь полностью прекратилась.

Героических усилий стоило старшему механику Гавриилу Овчинникову, чтобы стравить пар из котла и тем самым предотвратить его взрыв.

Крен судна в это время увеличился настолько, что базочная палуба стала заходить в воду. Примерно в 3.15 была спущена на воду шлюпка правого борта. В момент, когда Лапшин отдал команду спускать шлюпку, второй помощник Песковский в сердцах бросил фразу: «Все равно расстреляют!» Однако вскоре шлюпку оторвало волной и понесло к берегу вместе с оказавшимися в ней 10 человеками. Но на половине пути шлюпка перевернулась и до берега живыми добрались лишь пятеро, в том числе и начальник конвоя Иван Копичинский.

Очередной мощной волной сбило трубу, рулевую и радиорубку, унеся их в море. На палубе стало невозможно держаться. Та же волна смыла за борт несколько человек пассажиров и команды.

Тут же очередная девятибальная волна перебросила

«Индигирку» через гряду и через 25–30 минут после первого удара, она окончательно легла на грунт правым бортом на расстоянии 500–600 метров от берега острова Хоккайдо, невдалеке от японской деревни.

В момент аварии капитан Лапшин и команда судна, за исключением старпома Крищенко и боцмана Пасечника, практически не приняла никаких мер для спасения людей. «При гибели парохода, — рассказывал один из очевидцев Лев Слободской, — никто из команды корабля не предупредил пассажиров о необходимости выхода из трюмов. Имевшиеся на судне несколько спасательных поясов были разобраны командой».

Пассажиры, охваченные паникой, при отсутствии каких-либо спасательных приспособлений, бросились из трюмов на палубу. Мечась по палубе, при быстром появлении крена, многие из них, вследствие ударов волн, падали в воду и тонули. «Спасали лишь двумя спасательными кругами, — вспоминал еще один уцелевший свидетель Николай Кияткин, — которые до конца веревки бросались плавающим людям, находившимся близко от борта. Однако, большинство из них, побывав продолжительное время в холодной воде, срывались с кругов и гибли на глазах у всех. Многие, плавая на расстоянии 10–20 метров от судна, взывали о помощи, которую они не получали и погибали».

Те же из пассажиров, кто, словно в консервной банке, оказался в полузатопленных трюмах, подверглись жестокому испытанию на выживаемость. О том с каким отчаянием боролись люди за свою жизнь, рассказывал уже после трагедии чудом спасшийся и оставшийся инвалидом Константин Пащенко: «Я находился в носовой части парохода в трюме № 2. После первого удара я хотел подняться наверх, но вошедшие в трюм матросы, начали успокаивать и просили не создавать паники. Я им поверил и не стал стремиться на палубу, считая, что пробоину можно заделать и ничего не случится. Но пароход продолжал крениться. Среди пассажиров началась паника, и все бросились к выходам. От тяжести людей наспех сколоченные лестницы, ведущие из трюмов наверх, обломились и пассажиры остались внизу. Путь на палубу им был отрезан. Когда пароход лег на бок, вода залила как раз полтрюма. Люди не могли долго держаться на воде и тонули, поскольку какой-либо помощи не оказалось. Часть пассажиров, успевших ухватиться за стенки, не могли на них долго держаться и падали в воду. Кого-то с силой било об стену от мощных ударов морских волн по корпусу судна.

Первое время я забрался на стенку между 1 и 2 трюмами. У меня было два ремня, которыми я укрепился на стенке. Один из них я зацепил за крюк, который был приварен к борту судна,

второй привязал к первому и одной ногой стоял в петле, а второй упирался о стенку. Таким образом я просидел двое суток. После этого мы подвесили одну половину ворот на ремнях и остальное время сидели на ней до спасения японцами».

Почти четверо суток судьба испытывала на прочность заложников, оказавшихся в железной западне. Выдержать такое довелось лишь немногим. По свидетельствам очевидцев, некоторые падали в воду во время сна, некоторые от бессилия. Нередкими были случаи самоубийств, когда отчаявшиеся дождаться спасения люди сами прыгали в воду и тонули, вскрывали себе вены или разбивали головы о борт.

Два неприятных инцидента произошли с находящимися на борту заключенными. Когда пароход начал крениться и из трюма № 1 ринулись на палубу подследственные заключенные, обескураженный и растерявшийся конвоир, не проинструктированный о том, как следует вести себя в случае аварии корабля, открыл по ним огонь, усилив и без того уже начавшуюся панику. Находясь в состоянии аффекта он застрелил троих человек, а затем застрелился сам.

Чуть позже, когда судно перестало погружаться в воду, находившиеся среди бывших заключенных уголовники, устроили на корабле грабеж, отбирая у остальных пассажиров вещи, деньги, облигации и другие ценности.

Оставшиеся в живых люди встретили рассвет 12 декабря, сгрудившись на борту лежащего на боку судна. В незатопленных каютах разместили детей, здесь же по очереди обогревались взрослые.

Лишь спустя полутора суток, на сигнал «SOS», к месту гибели «Индигирки» подошел японский пароход «Карафуто-мару» и подобрал терпящих бедствие советских людей. Оставшимся в двух (1 и 4) полузатопленных трюмах примерно 50–60 несчастным пришлось ждать своего спасения еще двое суток до 16 декабря, когда с помощью автогенов японцам удалось прорезать в борту отверстия. Однако, к тому времени живых людей удалось вытащить лишь 26 человек, причем один из них вскоре умер на берегу. Трюм № 4 вскрывать так и не стали. При проведении спасательных работ 16 декабря ни представители советского полпредства, ни члены командования «Индигирки», на судно допущены не были.

Столь позднее спасение японцы впоследствии объясняли тем, что им якобы не было известно о людях, оставшихся в трюмах, а также штормовой погодой. При этом капитан Лапшин, зная, что в трюмах еще остались живые, все же покинул «Индигирку» еще 13 декабря вместе с остальными спасенными. Данное обстоятельство

впоследствии будет фигурировать в его уголовном деле как одно из главных обвинений.

Один из чудом оставшихся в живых, Дмитрий Билык, вспоминал: «До момента спасения нас японцами, вместе со мной в трюме было 7 человек, но японцы вытащили нас только четверых, а трое остались внутри, хотя я говорил им об оставшихся. Почему их не вытащили, я не знаю. Извлекали нас из трюмов следующим образом: в борту прорезали автогеном отверстие и подавали веревку с петлей, в которую мы садились и нас тянули наверх. Сами японцы в трюмы не спускались». От длительного пребывания в холодном трюме, заполненном ледяной декабрьской водой, у Билыка оказались обморожены ступни, которые позже пришлось ампутировать. Инвалидами стали и другие.

Спасенных доставили в японский порт Отару и разместили под охраной в здании городской управы. На чужой земле им предстояло провести 10 дней.

Потерпевших кораблекрушение советских людей японцы приняли в целом достаточно радушно. Промокшим и оборванным была предложена чистая и сухая одежда, организована доставка сигарет и продуктов питания. Поступали и различные подарки. Однако, по приказу капитана Лапшина, от подношений «японских фашистов» пассажиры «Индигирки» отказывались. Но бывшие уголовники не поддавались какому-либо управлению и вели себя вызывающе. Бывшие карманники начали заниматься своим ремеслом еще на лежащей на боку «Индигирке» и продолжали своей промысел и на японской земле. Когда же японцы приносили коробки с папиросами, толпа уголовников, устроив давку, с жадностью набрасывалась на них. Такие моменты с удовольствием фотографировали местные корреспонденты.

С первой минуты появления 428 русских в Отару они оказались под постоянным надзором японской полиции и спецслужб. Каждый из спасенных был сфотографирован и обыскан, после чего более 150 человек подверглись тщательному опросу. Японцы интересовались количеством расквартированных в районе Нагаево воинских частей, аэродромов и находящихся на них самолетов, количеством причалов нагаевской бухты, промышленным строительством на Колыме.

Особый интерес со стороны японских спецслужб был проявлен к инженеру-механику «Дальстроя» Николаю Дорошенко, командированному с Колымы на оборонные предприятия Москвы, Ленинграда, Горького и Хабаровска для заключения договоров. Их интересовала вся инфраструктура нагаевской бухты, план которой они просили нарисовать. Был задан ряд других вопросов,

в т. ч. о численности местных аппаратов НКВД и милиции.

О том, как проходила процедура допроса позже рассказал матрос «Индигирки» Александр Роскин: «Полиция сначала угощала чаем с шоколадом, а потом спрашивала численность армии, сколько самолетов, подводных лодок, торпедных катеров и, одновременно, предлагала остаться в Японии. Нам говорили, что здесь мы будем большими начальниками…»

Подобный интерес к советским гражданам легко объясним. В 1939 году Япония и СССР хоть и не разрывали дипломатических отношений, но находились в состоянии близкой войны. К тому же только четыре месяца назад завершился вооруженный конфликт на реке Халхин-Гол, в ходе которого японские войска потерпели сокрушительное поражение. Поэтому спецслужбы страны восходящего солнца использовали любую возможность и любые средства, чтобы получить хоть какие-нибудь разведданные о своем геополитическом противнике.

Так, например, поняв, что большинство спасенных ими пассажиров «Индигирки» являются бывшими уголовниками-рецидивистами, работавшими на советских стройках стратегического значения, японцы организовали «особый подход» к ним: в обмен на нужную информацию их снабжали игральными картами, спиртными напитками, фруктами.

Однако у остальных пассажиров и членов экипажа такое поведение японской полиции вызвало гнев возмущения. Многие из допрошенных обратились с заявлениями протеста к прибывшему вскоре советскому консулу. «Считаю своим гражданским долгом довести до Вашего сведения, — сообщал в своем заявлении, написанном в духе того времени, Исаак Айзенберг, — что в числе многих вызванных на допрос 17 декабря 1939 года был и я. Группой японцев, одетых в штатское и говорящих на русском языке, мне был задан ряд вопросов: бывал ли я за границей, где родился, кем работал в Дальстрое, бывал ли на Камчатке, много ли красноармейцев в Магадане, есть ли там авиация, женат ли я и каково мое образование. На все эти вопросы я отвечал так, как подобает отвечать советскому гражданину, случайно попавшему за границу: «Ничего не знаю, ничего не видел». Врал на каждом шагу».

23 декабря в порту Отару причалил советский пароход «Ильич», на котором спасенных с «Индигирки» людей вывезли во Владивосток.

По прибытии на родную землю все уголовники, учинившие грабеж на тонущем судне, были осуждены. В следственном изоляторе Приморского краевого управления НКВД оказались также капитан судна Н. Л. Лапшин, старший помощник Т. Н.

Крищенко, второй помощник В. Л. Песковский и начальник конвоя И. П. Копичинский. Капитану и второму помощнику вменялось в вину нарушение правил судовождения, повлекшее тяжкие последствия, кроме того Лапшин обвинялся в том, что покинул корабль в момент, когда в полузатопленных трюмах еще находились живые люди. Обвинения в адрес старпома Крищенко касались необеспечения «Индигирки» спасательными средствами, что непосредственно входило в его должностные обязанности. Начальнику конвоя ставилось в вину незнание общего количества заключенных на борту, слабый инструктаж конвоиров, а также чрезмерное увлечение самоспасением. Надо сказать, что следствие и суд, в отличие от установившейся в 30-е годы практики беззакония, протекали по всем правилам, с привлечением адвокатов, экспертов и многочисленных свидетелей.

10 апреля 1940 года во Владивостоке началось заседание военного трибунала тихоокеанского бассейна, на процессе, длившемся четыре дня, Лапшин и Песковский в целом свою вину в гибели «Индигирки» признали, а Крищенко и Копичинский от обвинений в свой адрес отказались. Тем не менее по приговору трибунала капитан Н. Л. Лапшин был осужден к расстрелу, В. Л. Песковский и И. П. Копичинский получили по 10 лет лагерей, а старпом Т. Н. Крищенко — 5 лет.

Решать судьбу затонувшей «Индигирки» на пароходе «Свердловск» в Японию отправилась специальная правительственная комиссия в составе 7 человек, которая прибыла в порт Отару 5 января 1940 года. С помощью водолазов ЭПРОН (Экспедиции подводных работ особого назначения) судно было тщательно обследовано, а из трюмов извлечены остававшиеся там трупы пассажиров. Причем за все услуги, оказанные японской стороной советской комиссии в виде транспорта, водолазного оборудования и другого снаряжения, японцы взимали достаточно высокую плату наличными. По результатам работы комиссии, с учетом полученных «Индигиркой» повреждений, было признано экономически нецелесообразным ее подъем и восстановление.

А в самом начале февраля все тот же «Свердловск» доставил во Владивосток свой страшный груз — урны с прахом 396 погибших. Еще примерно столько же тел обнаружить так и не удалось.

Лев Котюков
Забытый поэт Иосиф Сталин

В канонической биографии И. В. Сталина, изданной институтом Маркса — Энгельса — Ленина при его жизни и, как утверждают, написанной и отредактированной им самим, нет и полслова о поэтическом творчестве вождя.

В юности многие мечтают стать поэтами, но, растеряв запал в стремлении опубликоваться и прославиться, смиряются с поражением и в зрелые годы с улыбкой вспоминают свои доморощенные вирши. Поэтому, наверное, вождь не счел нужным упоминать о страсти к поэзии в своем монументальном жизнеописании.

Такой напрашивается ответ. Но он будет в корне неверен. Иосиф Джугашвили, в отличие от несостоявшегося художника Адольфа Гитлера, не был стихотворцем-неудачником, не мечтал о поэтическом признании, он был поэтом, был признан и отмечен как поэт на заре туманной юности. Ему охотно представляли свои страницы грузинские газеты и журналы, его стихи заучивались наизусть. Особенно красноречив тот факт, что не кто-нибудь, а живой классик грузинской литературы Илья Чавчавадзе выделил Иосифа Джугашвили из сонма юношей «со взором горящим» и включил его произведения в школьные хрестоматии. Кто из нынешних молодых и немолодых стихотворцев может похвастаться столь ранним феерическим признанием?..

Так почему же гордый, честолюбивый, юный Джугашвили не следует своему призванию? Почему, родившись поэтом и, подобно Рембо, прославившись в самом начале, уходит в революцию — и забывает о себе как о поэте до конца дней своих? Попробуем в меру возможности ответить.

Конец 19-го века в России был ознаменован бурным развитием капитализма. Восьмидесятые и девяностые годы были поистине антипоэтическим временем. Забыв о вечности, люди обращали время в деньги, презрев поэзию, делали дело. Сам за себя говорит такой факт: гениальная книга «Вечерние огни» Афанасия Фета, изданная автором за свой счет, практически не была распродана. Не лишним будет вспомнить популярное, злопыхательское высказывание о поэзии тогдашнего властителя дум Льва Толстого: «Писать стихи все это равно что за сохой танцевать».

Юный, не по годам мудрый, Иосиф Джугашвили прекрасно знал, что поэтическая стезя сулит не только славу, но и

унижение, — и не хотел с этим мириться, ибо с детства, под гнетом тайны своего происхождения, был сыт сим горьким знанием с лихвой. Он уходит из поэзии… Уходит для борьбы со всемирным унижением. Результат этой борьбы нам известен.

Нам не известно, навсегда ли забыл в себе поэта Иосиф Джугашвили, явившись миру под именем Сталина? Поэты ревниво хранят свои тайны для вечности. И кто знает, кто знает… Но известно, что в советское время его стихи не публиковались и, тем более, не включались в школьные хрестоматии, хотя казалось бы…

Правда, в 1949 году по инициативе Л. П. Берии была предпринята попытка втайне от Сталина, к 70-летию вождя, издать его стихи в подарочном оформлении на русском языке. Для этой цели под строжайшем секретом были привлечены лучшие переводчики, как утверждают, среди них были Б. Пастернак и А. Тарковский.

Ознакомившись с безымянными подстрочниками, не догадываясь об их авторстве один из мастеров поэтического перевода простодушно сказал: «Тянут на Сталинскую премию 1-й степени…»

Но в самый разгар работы над переводами был получен грозный приказ: срочно прекратить сию деятельность. Думается, нет нужды гадать, откуда последовал этот приказ. Так поэт Иосиф Джугашвили по воле Сталина не стал лауреатом Сталинской премии.

Конец нынешнего века в России, как и конец 19-го, ознаменован резким падением интереса к поэзии у нашей, просвещенной мексиканскими телесериалами публики. На уме и на устах у всех — деньги, деньги, деньги… и мерещится, что русские березы шелестят не зелеными листьями, а этими самыми чертовыми «зелеными», и повсеместно — унижение, унижение, унижение…

С горечью и тревогой думается, что, может быть, в данное мгновение, юноша с искрой Божьей в душе, испытав тысячу унижений в поисках так называемых «спонсоров» для издания своей талантливой книги, смотрит опустошенно в темное, безжизненное окно, комкает лист бумаги с недописанным стихотворением — и на чистом листе пишет заявление о приеме в очередную новоявленную партию «борцов за народное счастье и справедливость».

И грустно у юноши на душе, и горе людям, когда истинные поэты и пророки идут в революции и политику, а бездарные политики и президенты тщатся прослыть пророками и писателями.

Поэтическая деятельность Иосифа Джугашвили продолжалась всего четыре года, с 1893-год по 1896-й. Рукописи его стихотворений безвозвратно (?) утеряны, поиск его прижизненных публикаций по объективным причинам ограничен. Сегодня мы публикуем несколько стихотворений незаслуженно забытого нами и самим собой поэта и возвращаем его имя читателям.

Иосиф ДЖУГАШВИЛИ — СТАЛИН.

УТРО

Озябший розовый бутон
К фиалке голубой приник.
И тотчас ветром пробужден
Очнулся ландыш — и поник.
И жаворонок в синь летел,
Звенел, взмывая к облакам.
А соловей рассветный пел
О неземной любви цветам.

Луне

Плыви в пространстве величаво
Над скрытой бездною земной.
Развей серебряным сияньем
Туман угрюмый, мрак густой.
Склонись к земле, во сне лежащей,
С улыбкой нежною склонись.
Спой колыбельную Казбеку,
Чьи льды, светясь, стремятся ввысь.
Но твердо знай, кто был однажды
Унижен и повергнут в прах.
Еще с Мтацминдой станет вровень
И веру возродит в сердцах.
Цари на темном небосводе!
Играй лучами и цари…
И край родимый тихим светом,
Небесным светом озари.
Я душу всю тебе открою.
Я руку протяну тебе!..
Сияй, Луна — душа Вселенной!
Сияй, Луна, в моей судьбе!

* * *

Поэту, певцу крестьянского труда,
князю Рафаэлу Эристави

Когда-то гнет крестьянской доли
Тебя, певец, потряс до слез.
Но, Боже, сколько зла и боли
С тех пор увидеть довелось.
Но родиной всю жизнь хранимый,
Ты песни не забыл свои.
С ее мечтой всю жизнь единый,
Ты снова молод от любви.
Певца отчизны труд упорный
Еще вознаградит народ.
Уже пустило семя корни,
И жатва тяжкая грядет.
Не зря таких, как Эристави,
Мой край любимый породил,
И что тебе земная слава?..
Ты вечность песней покорил.

* * *

Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет дольний мир,
И тень ее за дальней далью
Исходит синевой в эфир.
Когда над рощей безмятежной
Взмывает песней соловей,
И саламури голос нежный
Звучит всю ночь в душе моей.
Когда, переведя дыханье.
Вновь родниковый ключ звенит,
Когда в тревожном ожиданье
Бессонный лес в ночи молчит.
Когда герой, гонимый тьмою,
Вновь навестит свой скорбный край.
И в час ненастный над собою
Увидит солнце невзначай.
Тогда гнетущий сумрак бездны
Развеется в родном краю.
И сердцу голосом небесным
Подаст надежда весть свою.

Я знаю, что надежда эта
В моей душе навек чиста.
Стремится ввысь душа поэта —
И в сердце зреет красота.

* * *

Шел он от дома к дому,
В двери чужие стучал.
Под старый дубовый пандури
Нехитрый напев звучал.
В напеве его и в песне,
Как солнечный луч, чиста,
Жила великая правда —
Божественная мечта.
Сердца, превращенные в камень,
Будил одинокий напев.
Дремавший в потемках пламень
Взметался выше дерев.
Но люди, забывшие Бога,
Хранящие в сердце тьму,
Вместо вина отраву
Налили в чашу ему.
Сказали ему: «Будь проклят!
Чашу испей до дна!..
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»

Перевел с грузинского Лев Котюков

P.S. (составлен В. Ставицким): История создания цикла стихов И. Сталина, приведенная Львом Котюковым вызвала повышенный интерес сотрудников ЦОС ФСБ. Однако, поиск рукописей или переводов подготовленного Л. Берией сборника стихов И. Сталина пока не дал результата. Лишь одна рукописная страница из архива свободного перевода с грузинского, сделанная кем-то в черновом варианте примерно в 1952 году, позволяет судить о позднем поэтическом творчестве И. Сталина.

Ниже приводится обработанная В. Ставицким версия этого стихотворения, предположительно принадлежащего И. Сталину.

Послушники

(свободный перевод стихов И. Сталина)

Поговорим о вечности с тобою:
Конечно, я во многом виноват!
Но кто-то правил и моей судьбою,
Я ощущал тот вездесущий взгляд.
Он не давал ни сна мне, ни покоя,
Он жил во мне и правил свыше мной.
И я, как раб вселенного настроя,
Железной волей управлял страной.
Кем был мой тайный, высший повелитель?
Чего хотел он, управляя мной?
Я словно раб, судья и исполнитель —
Был всем над этой нищею страной.
И было все тогда непостижимо:
Откуда брались силы, воля, власть.
Моя душа, как колесо машины,
Переминала миллионов страсть.
И лишь потом, весною, в 45-м,
Он прошептал мне тихо на ушко:
«Ты был моим послушником, солдатом
И твой покой уже недалеко!»

Возможно Сталин боялся или не хотел, чтобы к нему заглянули в душу. Ведь стихи — это голос неба и души. Но для нас важно другое: в этих стихах происходит как бы космическое восприятие истории, не как частное земное событие — (победа над фашизмом), а как Вселенский процесс, как нечто большее, что вмешивается в происходящее.

Особенно когда человечество заходит в тупик. Ведь с точки зрения военной, экономической, мобилизационной — фашистская Германия — была непобедима, но Всевышний распорядился иначе…

И еще об одном факте: как известно И. Сталин приложил руку к существенной правке текста Гимна СССР, но от соавторства отказался категорически.

В. Ямпольский
О плане блицкрига японской военщины

Планы раздела обширной территории России на ряд мелких государств недруги нашей страны вынашивали с давних времен. На бескрайние российские просторы и ныне с вожделением смотрят ближние и дальние ее соседи, не желающие отказываться от своих прежних агрессивных проектов. Пример этого — недавнее вторжение чеченских боевиков в Дагестан.

Подобно тому, как современные терминаторы из Чечни пытались образовать исламское государство на территории суверенной России, накануне и в ходе второй мировой войны военно-политические верхи милитаристской Японии лелеяли планы создания в пределах Советского Дальнего Востока марионеточного образования со столицей в Чите. Наша страна сумела противостоять агрессивным намерениям захватчиков в те далекие годы. Однако подробности того, кем и как замышлялся заговор, направленный на территориальный раздел нашей страны, кто был его исполнителем, представляют несомненный интерес и сегодня. Об этом рассказывают документы той эпохи — донесения советских разведчиков, сообщения органов государственной безопасности в Хабаровском крае, дипломатическая почта.

Из сообщения Харбинской резидентуры НКГБ СССР относительно японских планов создания на Советском Дальнем Востоке буферного государства

15 июля 1941 года

Квантунским штабом разработан план создания на Советском Дальнем Востоке буферного государства в рамках территории бывшей Дальневосточной Республики. Осуществление плана мыслится так: с занятием немцами Москвы сформированные из русских эмигрантов (преимущественно казаков) части под командой Бакшеева ринутся на нашу сторону, поднимут восстание и независимо от размера захваченной территории провозгласят антисоветскую власть. Бакшеев… объявит: «Советская власть накануне падения, в центре создается другое российское правительство, а временным наместником на Дальнем Востоке является атаман Семенов». После этого Семенов сразу обратится за помощью к Японии и Квантунской армии… Будет в центре существовать такое правительство или нет, Семенов должен действовать именно так, и японцы введут войска на Дальний Восток, начав совместно с Бакшеевым действия против

Красной Армии. Этим японцы избегнут объявления войны.

Центр буферного государства мыслится в Чите…

В связи с таким планом русский отдел японской военной миссии имеет задание выяснить дислокацию советских войск на Дальнем Востоке, номера частей, отводятся ли части на германский фронт, какие имеются мехчасти, отправляют ли их на запад, какова авиация и имеются ли средства бактериологической войны. Кроме того, отделу поручено подготовить воззвание к русскому населению Дальнего Востока с призывом к восстанию…

Янагита… подтвердил наличие такого плана и сказал, что он… имеет поручение квантунского штаба произвести политическую разведку вокруг буферного вопроса и выявить связанные с этим общественно-политические настроения…

Японские спецслужбы в Маньчжурии, реализуя установку своего правительства на подготовку условий для нападения на Советский Союз, еще в 1936 году разработали план создания буферного государства на Советском Дальнем Востоке. Об этом показал на следствии бывший атаман белогвардейских войск в Сибири и на Дальнем Востоке Г. М. Семенов, арестованный советскими органами военной контрразведки в августе 1945 года: «В 1936 году я был вызван руководителем японской разведки в Маньчжурии генерал-майором Ё. Андо, который заявил, что хочет посвятить меня в военные планы японцев. Ё. Андо [сообщил], что японское правительство наметило в ближайшее время осуществить вторжение японских войск в Советское Приморье, где будет создано буферное государство типа Маньчжоу-Го, причем в правительстве мне будет отведена руководящая роль.

Также в 1936 году я встречался с начальником штаба Квантунской армии генералом Окамура. От него я выяснил, что японский план вторжения предусматривал присоединение Уссурийского края к Маньчжоу-Го и создание буферного государства от Байкала на Восток, сделав меня главой государства.

Генерал-майор Ё. Андо говорил, что японцы рассчитывают, что если им удастся перехватить коммуникации Красной Армии у Байкала, то Дальний Восток будет отторгнут от Советского Союза.

Хотя события на Халхин-Голе окончились поражением для японцев, я все же и в последующие годы не переставал надеяться на новую возможность войны против СССР и продолжал готовить к ней эмигрантов».

Действительно, вооруженные провокации японской военщины против Советского Союза в 1938 году в районе озера Хасан, а затем против Монгольской Народной Республики в 1939 году на реке Халхин-Гол были ликвидированы столь

стремительно и агрессор понес столь значительный урон, что японцам не удалось реализовать захватнические планы по созданию на Советском Дальнем Востоке буферного государства во главе с атаманом Семеновым и развернуть широкомасштабные боевые действия против войск Красной Армии.

Япония, как показал далее Семенов, планируя создание буферного государства на Дальнем Востоке, стремилась, во-первых, использовать его для отторжения от Советского Союза Уссурийского края и присоединения к Маньчжурии, а во-вторых — для создания на его территории марионеточного государства по типу Маньчжоу-Го.

Сложившиеся обстоятельства не позволили японцам осуществить на практике создание в конце 30-х годов буферного государства на Советском Дальнем Востоке, а наработанный японскими спецслужбами материал был отложен до лучших времен. Такой момент, по мнению штабных работников Квантунской армии, наступил в 1941 году, о чем и свидетельствует сообщение советской разведки из Харбина. Цели у Японии остались прежние — отторгнуть от Советского Союза значительную территорию на Дальнем Востоке и создать буферное государство во главе с Семеновым.

А. П. Бакшеев, о котором говорится в разведсообщении, на следствии в декабре 1945 года показал: «В целях военной подготовки белоказаков к предстоящей вооруженной борьбе против Советского Союза мною был издан приказ, согласно которому все члены "Союза казаков на Дальнем Востоке", способные носить оружие, зачислялись в сводные казачьи полки…

В 1940 году я получил указание от начальника Хайларской ЯВМ[4] сформировать на базе имевшихся в моем распоряжении 5 белоказацких полков так называемый Захинганский казацкий корпус. Через некоторое время корпус был создан, и я, будучи назначен командиром корпуса, руководствуясь указанием ЯВМ, с августа 1940 года приступил к более, активной военной подготовке белоказаков…

После начавшейся агрессивной войны Германии против европейских государств японцы усиленно приступили к подготовке военного нападения на СССР с востока и предполагали использовать белоказацкие части, что в свою очередь способствовало нашим целям в борьбе за свержение Советской власти».

Таким образом, руководитель белоказацких формирований в Маньчжурии был уверен, что подчиненные ему казачьи части и подразделения горят желанием выступить по его первому зову на борьбу против Советской власти. Но после нападения Германии

на Советский Союз настроение значительной части белой эмиграции в Маньчжурии резко изменилось в сторону сочувствия соотечественникам в их борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Данное обстоятельство породило беспокойство у руководства японских спецслужб, в частности у генерала Г. Янагиты, который, являясь одним из опытнейших японских разведчиков, возглавлял в тот период информационно-разведывательное управление Квантунской армии (Харбинскую ЯВМ). Янагита решил осуществить сбор развединформации, прежде чем давать конкретные рекомендации командованию Квантунской армии по использованию возможностей белоэмиграции. Выполняя комплексную задачу по сбору информации, японская разведка должна была выяснить и возможную реакцию заинтересованных сторон как внутри Маньчжоу-Го, так и на международной арене. Вместе с тем на японские спецслужбы была возложена и задача по отработке других вариантов обоснования вторжения на территорию СССР, а также создания эффективно действующих органов управления оккупированных советских территорий.

Японские правящие круги, милитаристская военщина и руководство спецслужб решили подготовить запасной вариант действий на случай вооруженного вторжения на территорию СССР без участия белоэмигрантских войск. В такой ситуации предполагалось использовать опыт создания германскими войсками административных органов управления на оккупированных территориях. Для обобщения такого опыта в первой декаде июля 1941 года генеральным штабом японской армии был командирован в Берлин японский разведчик Ш. Акикуса, работавший еще в 1919 году в разведорганах японских оккупационных войск в Сибири.

Генерал-майор Шуи Акикуса, арестованный в 1945 году в Маньчжурии, по данному вопросу на следствии показал: «Японским генеральным штабом мне было поручено собрать материалы об организации административных органов на оккупированных территориях, предполагая использовать их в случае оккупации районов Советского Союза и других стран. С этой целью по заданию генерального штаба японской армии я под видом секретаря посольства Маньчжоу-Го в Германии под вымышленной фамилией Хосино ездил в Берлин, откуда затем выезжал в Италию, Венгрию и Румынию, собирая сведения о постановке и организации немецкой администрации в оккупированных Германией странах… когда я был в Берлине, японский военный атташе в Германии генерал-лейтенант Банзай проинформировал меня, что из японского генерального штаба им

получено сообщение о том, что Квантунская армия находится в состоянии боевой готовности к выступлению против СССР.

Предположив, что японским войскам удастся оккупировать Советский Дальний Восток, я составил телеграмму, изложив в ней содержание собранных мною материалов по вопросу создания оккупационной власти, и в зашифрованном виде через военного атташе отослал ее помощнику начальника генерального штаба генерал-лейтенанту Танабе.

После этого я отослал в генеральный штаб из Берлина еще две такого же характера шифротелеграммы…»

Это подтверждает, что для советского руководства развединформация, переданная из Харбинской резидентуры НГКБ СССР, имела огромное значение, так как давала возможность с учетом опасной ситуации на Западном фронте своевременно предпринять соответствующие контрмеры в Дальневосточном регионе Советского Союза.

Спецсообщение УНКГБ по Хабаровскому краю секретарю Хабаровского крайкома ВКП(б) о фактах проведения боевой подготовки и разведывательной работы со стороны администрации и рабочих японских рыболовных участков, расположенных на территории края

31 июля 1941 года

По сообщению морпогранотряда, арендаторы японских рыболовных участков, расположенных в районе Усть-Камчатска (Восточное побережье), в нынешнем году стремятся ускорить вывоз в Японию готовой продукции, не ожидая окончания рыболовного сезона.

На рыбозаводах, расположенных в районе Соболево (Западное побережье), японцы систематически проводят строевую подготовку всего состава рабочих, в которую входят: перебежка, самоокапывание, прикладная гимнастика, сбор по тревоге и [отработка приемов] штыкового боя [с использованием] бутафорского оружия.

Занятия проводит служащий административного состава.

Среди японской администрации рыболовных промыслов Камчатки муссируются слухи, что якобы японское правительство отдало распоряжение всем судам, находящимся в водах Камчатского побережья, немедленно следовать в Японию, однако наблюдением за морем фактов ухода судов в Японию пока не обнаружено.

По сообщению Нижнеамурского областного управления

НКГБ, японцы проявляют усиленный интерес к подразделениям пограничных войск, расположенным в районе арендуемых ими рыболовных участков на Охотском побережье, расспрашивают о количестве бойцов, условиях жизни, связи между постами, имеются ли рации. Японцы личным наблюдением с территорий концессионных участков при помощи биноклей следят за всеми действиями пограничников, изучают места расположения нарядов по охране границы.

Ссылаясь на пакт о нейтралитете, они ставят вопрос о допуске их в г. Охотск и требуют разрешения выхода в прибрежные сопки за «цветами». В этом им под благовидным предлогом на основе положений концессионного договора отказано.

Начальник УНКГБ по Хабаровскому краю майор госбезопасности Чесноков

Содержание спецсообщения однозначно свидетельствует о том, что японцы, готовясь к войне против СССР, даже не считали нужным скрывать факт обучения рабочих и служащих концессионных участков военному делу. Изучение режима службы советских пограничных подразделений также подтверждает направленность разведывательных устремлений спецслужб Японии, располагавших своими силами и средствами на рыболовных промыслах.

Ожидая оккупации японскими войсками Дальнего Востока, свою выгоду в будущем военном конфликте искали третьи силы.

Из письма резидента НКВД СССР в Чунцине5 об отношении гоминьдановцев к нападению фашистской Германии на Советский Союз и подготовке Японии к войне против СССР

30 июля 1941 года

Действительное отношение Чан Кайши и реакционной части китайского правительства в лице Хэ Инциня, Чжан Цзяао, Чжан Цюня и других к германо-советской войне таково, что они целиком и полностью приветствуют ее. Эту войну с нетерпением ожидал Чан Кайши, по расчетам которого за германским выступлением против СССР последует японское. Это в свою очередь должно повлечь за собой общее ослабление СССР и Японии — отсюда неизбежный вывод японских войск из Китая и в перспективе, по плану Чан Кайши, почетный для Китая мир при участии США, которые должны будут выйти победителем из этой мировой войны.

Выступление Японии против СССР также, по плану Чан

Кайши, будет способствовать разрешению и внутреннего вопроса в Китае — коммунистической проблемы. Ибо, как заявляют гоминьдановцы, войска КПК обязаны защищать свое пролетарское государство, т. е. СССР. С этой целью, развивая боевые действия в северном направлении, КПК вынуждена будет покинуть занимаемый ею пограничный район Шеньси-Ганьсу-Нинсян8 и уйти в Маньчжурию.

Борьба СССР против фашистских захватчиков также расценивается этой же реакционной частью правительства как положительный фактор для Китая еще и потому, что она позволяет наконец разрешить Китаю в свою пользу так называемый синьцзянский вопрос и проблему Внешней Монголии. Об этом на одном из заседаний правительства (в конце июня) министр коммуникаций Чжан Цзяо (прояпонец, один из активных и влиятельных лиц из группы «Политические науки») откровенно заявил следующее: «Наконец настало время, когда мы можем разрешить вопросы с Синьцзяном и МНР и 18-й армейской группой».

К характеристике поведения самого Чан Кайши следует добавить, что на заседании узкого круга военных руководителей 23 июля с.г. он прямо заявил, что Япония выступит против СССР в течение ближайшего месяца. Это обстоятельство расценивается им как весьма выгодное для Китая.

* * *

Письмо резидента НКВД СССР в Чунцине содержало важную информацию для советского руководства об отношении Чан Кайши и членов его правительства к советско-германской войне и перспективах советско-японского противостояния.

Как известно, прогноз Чан Кайши о выступлении Японии против СССР не оправдался. Поэтому ожидаемое и желаемое для правительства гоминьдана ослабление позиций Советского Союза в этом регионе на тот период не произошло.

Информация советской внешней разведки содержит важные сведения и о серьезных внутриполитических противоречиях, касающихся проблем территориального устройства Китая, а также экспансионистских устремлениях гоминьдановцев в отношении территории Монгольской Народной Республики (в письме — Внешней Монголии). По мнению руководства гоминьдана, прибрать к рукам МНР можно будет только лишь после серьезного ослабления конкурента в лице Японии и гаранта территориальной целостности Монголии — Советского Союза.

За разворачивающимся конфликтом между СССР и Японией внимательно следили ее партнеры по оси — Германия и Италия. Видимо, эта тройка, полагая победу на Востоке делом решенным, заранее подготавливала позиции для будущего раздела Советского Союза.

Телеграммы № 412 и 413 итальянского посольства в Токио министерству иностранных дел Италии

2 июля 1941 года

Сегодня закончилось постановлением, санкционированным императором, заседание кабинета министров и верховного командования, которое, имея в повестке дня позицию Японии по отношению к конфликту между державами «оси» и СССР, должно было последним вопросом рассмотреть рекомендации, прибывшие из Берлина, которые, несомненно, будут вам известны. Сегодня вечером будет распространено коммюнике, которое будет передано специальным корреспондентом Стефани и которое, естественно, довольно туманно, как следовало предвидеть, учитывая ситуацию, изложенную мною ранее.

Ё. Мацуока вызывал меня, кроме того, сегодня после полудня вместе с германским послом, чтобы сделать нам следующее устное и строго конфиденциальное сообщение, которое является идентичным, если не считать различных вариантов предисловия: «В отношении политики японского правительства перед лицом войны, проходящей в настоящий момент между Италией, Германией, с одной стороны, и Советской Россией — с другой, имею удовольствие информировать вас о нижеследующем с тем, чтобы это было сообщено его превосходительству графу Чиано. Япония готовится ко всякой возможной эвентуальности в отношении СССР с целью соединить свои силы с силами Германии и Италии, чтобы активно бороться с коммунистической угрозой. Япония намерена в настоящий момент, наблюдая за развитием ситуации, в частности в Восточной Сибири, со всей своей решительностью уничтожить коммунистический режим, который там установлен. Считаю излишним добавлять, что для достижения такой цели и чтобы обуздать Советскую Россию на Дальнем Востоке в ее борьбе с державами «оси» постоянной и настоятельной потребностью японского правительства является, помимо прочего, рост военных приготовлений.

В то же самое время я должен заявить, что японское правительство решило обеспечить себе во французском Индокитае опорные пункты, дающие возможность Японии

усилить свой нажим на Великобританию и США. С этой целью я хотел бы обратить внимание Вашего превосходительства на тот факт, что Япония осуществляла постоянную бдительность на Тихом океане, включая юго-западную часть океана, с целью сдерживать эти две державы и будет продолжать эти свои усилия, интенсифицируя их также там, где это необходимо. Полагаю, что Ваше превосходительство согласится со мной, что это является фактически жизненным вкладом в общее дело, в действительности не менее жизненным, чем вмешательство Японии в настоящий момент в войну против СССР. Япония не может и не намерена [не] продвигать дальше на юг свои усилия, которые имеют значение величайшей важности и для всего хода войны, из которой — я питаю к этому самое большое доверие — Италия и Германия скоро выйдут победителями.

Заверяю еще лишний раз, что японское правительство не замедлит действовать сообразно с целями и духом трехстороннего пакта».

Инделли

* * *

Предваряя комментарий решений императорского совещания от 2 июля 1941 года, необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Япония, как известно, была информирована о намерении Германии напасть на СССР, более того, японское военно-политическое руководство ждало этого нападения, связывая его с собственными планами по захвату советских территорий на Дальнем Востоке и в Сибири. Поэтому военное руководство Японии уже 10 июня 1941 года разработало документ под названием «Курс мероприятий по разрешению нынешних проблем», в котором эти мероприятия сводились к следующему: а) воспользовавшись удобным моментом, применить вооруженные силы как на юге, так и на севере; б) следуя духу Тройственного пакта, в любом случае решить вопрос об использовании вооруженных сил самостоятельно; в) сохранять нынешнее положение на континентальном фронте (в Китае).

В документе зафиксировано, что в ходе предстоящей германо-советской войны, когда складывающаяся обстановка станет выгодной для Японии, против Советского Союза будут применены вооруженные силы.

С 25 июня 1941 года в Японии стали регулярно проводиться заседания координационного комитета и императорской ставки, на которых министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока,

подписавший 13 апреля 1941 года в Москве пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом, настаивал на принятии политического решения в пользу немедленного выступления Японии против СССР после нападения Германии на Советский Союз. В обоснование данного предложения Ё. Мацуока выдвигал следующие аргументы: а) Японии необходимо успеть выступить еще до победы Германии, чтобы не оказаться обделенной. Ё. Мацуока откровенно заявлял: «Когда Германия победит и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для этого. Мы должны либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь; б) Японии нецелесообразно опасаться возможного выступления США на стороне СССР в противоборстве с Германией. Выдвигая данный постулат, Ё. Мацуока убеждал японское правительство: «Если мы быстро нападем на Советы, Соединенные Штаты не выступят. США не могут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят Советский Союз… Если мы выступим против СССР, я уверен, что смогу удержать Соединенные Штаты в течение трех-четырех месяцев дипломатическими средствами»; в) Ё. Мацуока доказывал, что нападение на СССР ускорит окончание японо-китайской войны. В частности, он утверждал: «Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска. Я думаю, что если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнуть его на заключение мира с Японией».

К 25 июня японский генеральный штаб, осуществляя подготовку нападения на Советский Союз, разработал график практической реализации этого плана, который был утвержден ставкой японского военного командования.

График включал в себя следующие временные позиции: принятие решения по мобилизации — 28 июня; издание директивы о мобилизации — 5 июля; начало переброски и концентрации войск — 20 июля; начало военных действий — 29 августа; переброска четырех дивизий из Японии — 5 сентября; завершение операции — середина октября.

Анализ этого графика свидетельствует о том, что командование японских вооруженных сил, планируя нападение на Советский Союз, рассчитывало, как и германский вермахт, осуществить против СССР «молниеносную» войну, аналогичную немецкому плану «Барбаросса». Однако ход боевых действий на советско-германском фронте заставил военно-политическое руководство Японии внести существенные коррективы в планы японской агрессии против Советского Союза. Эти коррективы

были приняты на императорском совещании, состоявшемся 2 июля 1941 года в Токио. Повесткой дня на совещании являлась «Программа национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки».

Сразу же по окончании совещания японская военщина приступила к разработке комплекса широких мероприятий, направленных на ускорение подготовки к проведению наступательных операций против Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке и в Сибири. Весь этот комплекс мероприятий в японских секретных документах получил шифрованное наименование «Кантогун токубэцу энсю» («Кантокуэн») — «Особые маневры Квантунской армии».

Бакшеев Алексей Прокловнч (1873–1946) — бывший генерал-майор белогвардейской армии, один из сообщников атамана Г. М. Семенова.

Янагита Гэвдзо (1893–1952) — генерал-лейтенант японской армии, начальник информационно-разведывательного управления Квантунской армии (до августа 1940 г. — Харбинская ЯВМ).

Чунцин — город на юго-западе Китая в провинции Сычуань, с октября 1938 до начала 1946 г. являлся временной столицей Китая. Здесь находилось правительство Чан Кайши, которое сохраняло свою власть в западных районах страны.

Хэ Инцинь — военный министр гоминьдановского правительства Китая.

Чжан Цзяао — министр коммуникаций гоминьдановского правительства Китая.

Пограничный район **Шэньси-Ганьсу-Нинся** — освобожденный район Китая (так называемый особый район Китайской Республики) — был образован в сентябре 1937 г. после начала национально-освободительной войны против японских захватчиков по соглашению между ЦК КПК и ЦК гоминьдана.

По всей видимости, речь идет о 8-й народно-освободительной армии Китая, которая к концу 1940 г. насчитывала 400 тыс. человек

Следует уточнить, что 2 июля 1941 г. в Токио состоялось не заседание кабинета министров и японского верховного командования, а было проведено совещание, на котором присутствовал строго ограниченный круг руководящих политических и военных деятелей Японии во главе с императором.

25 октября 1936 г. Гитлер и Муссолини подписали соглашение, названное «ось Берлин — Рим». В нем

разграничивались сферы интересов двух стран на Дунае и Балканах. Германия признавала захват Италией Эфиопии. В подписанных документах содержалась также договоренность о совместной политике в международных делах, в частности в Испании.

Чиано Галеаццо да Кортеляццо (1903–1944) — государственный деятель фашистской Италии, в 1936–1943 гг. — министр иностранных дел.

Эвентуальный (лат. eventus — случай) — возможный при соответствующих условиях, при некоторых обстоятельствах.

Употребляя этот термин в сообщениях итальянскому и германскому послам в Токио о результатах состоявшегося 2 июля 1941 г. совещания, Ё. Мацуока подразумевал, что политика Японии в отношении советско-германской войны будет носить выжидательный характер. Смысл этого завуалированного ответа нельзя истолковать иначе как то, что японские вооруженные силы будут готовы выступить на Советском Дальнем Востоке в зависимости от успеха действий немецко-фашистских войск против обороняющейся Красной Армии.

Инделли Марко — итальянский дипломат, в 1941 г. — посол Италии в Японии.

Александр Калганов
Трусость и смерть рейхсфюрера Гиммлера

Генрих Гиммлер считался в Германии создателем боевого кулака НСДАП — охранных отрядов СС. Доверие фюрера к нему было безгранично. В 1936 году указом Гитлера был учрежден пост «имперского руководителя СС и шефа германской полиции в имперском министерстве внутренних дел», на который был назначен Гиммлер. В августе 1943 года в связи с ухудшением военного положения Германии и ростом антифашистских настроений внутри страны Гитлер в целях усиления полицейского режима назначил Гиммлера имперским министром внутренних дел и генеральным уполномоченным имперской безопасности. Таким образом Гиммлеру было доверено единоличное руководство всеми силовыми ведомствами Германии.

События второй половины 1944 года не оставили для фашистской верхушки Германии надежды на перелом в войне. Попытка покушения на Гитлера, предпринятая немецкими офицерами 20 июля 1944 года, не была инспирирована какой-либо иностранной разведкой и тем очевидней свидетельствовала о разочаровании военных кругов Германии в политике фюрера, приведшей страну к военному краху и экономической разрухе. Потрясение Гитлера от факта, что помимо неблагоприятного развития событий на театре боевых действий ему придется опасаться реальной угрозы получить удар в спину от своих соратников, было настолько сильно, что за короткое время превратило его в дряхлого старика. И чем хуже становилось его физическое состояние, тем чаще происходили припадки бешенства, весьма опасные для окружающих.

После неудавшейся попытки покушения и последовавших вслед за ней репрессий основным занятием ближайшего окружения Гитлера стала демонстрация личной преданности и готовности «умереть за фюрера». Отдельные высшие офицеры действительно воспринимали неизбежное поражение Германии как личный позор и трагедию. Другие, в основном партийные выдвиженцы, годами учившие немецкий народ быть верными заветам фюрера, начали судорожно искать на фоне общей гибели возможности для спасения собственной жизни. Среди тех, кто не стремился пожертвовать собой за идеи национал-социализма, оказался один из ближайших соратников Гитлера Генрих Гиммлер.

В конце войны Генрих Гиммлер надежно и заслуженно

занимал в сознании мировой общественности соседнее с Гитлером место в галерее военных преступников 3 рейха, повинных в уничтожении миллионов людей. Под его непосредственным руководством, с его ведома и по его приказу возводились концлагеря, уничтожались военнопленные и сжигались в печах тысячи евреев, проводились массовые карательные акции на территории оккупированных Германией стран. Сам Гиммлер являлся для своих подчиненных примером и символом безжалостного отношения к «расово-неполноценным» и «врагам Рейха». Если Иозеф Геббельс являлся ярым пропагандистом человеконенавистнической идеологии фашизма, Генрих Гиммлер активно работал над ее претворением в жизнь. Гиммлер не мог не понимать, как ничтожны его шансы добиться прощения за совершенные преступления перед лицом представителей пострадавших от немецкого фашизма государств, но все же решился повести за спиной Гитлера опасную игру за спасение своей жизни.

Выигрышным моментом Гиммлер посчитал подчиненность ему всех концлагерей на территории Германии. Жизни заключенных должны были стать залогом в переговорах об условиях его личного спасения после поражения Германии. Посредником в этих переговорах вызвался стать начальник VI управления РСХА — зарубежной разведывательной службы СД бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг.

В конце октября 1944 года Шелленберг устроил Гиммлеру свидание в Вене с бывшим председателем федерального совета Швейцарии Мюзи и его сыном, во время которого Гиммлер закинул пробный камень о возможности своей реабилитации в общественном мнении европейских стран и США. Свою активную деятельность в качестве руководителя СС он объяснял стремлением бороться против коммунистического движения в Германии и в остальном мире. Создание концлагерей Гиммлер называл вынужденной и временной мерой, в то же время он выразил готовность доступными ему средствами облегчить участь тех категорий заключенных, к которым проявят интерес уполномоченные представители западных стран. Мюзи, пользуясь случаем, поинтересовался, каким образом ввиду наступления на Германию союзных войск может быть решен вопрос с находящимися в заключении евреями, не придется ли им расплатиться своими жизнями за поражение Германии в войне? Гиммлер, для которого обсуждение «еврейского вопроса» было самым опасным поворотом беседы, решил подстраховаться на случай, если информация о его нелегальной встрече с иностранцами дойдет до Гитлера, и в резкой форме заявил Мюзи,

что за каждого освобожденного еврея Германия должна будет получить соответствующую денежную компенсацию.

Боясь с одной стороны оттолкнуть Мюзи, а с другой — ответить перед Гитлером за попытку сепаратных переговоров, Гиммлер поручил Шелленбергу оказать помощь швейцарцам в освобождении и переводе через границу нескольких еврейских семей, что вскоре и было сделано. Параллельно Гиммлер счел необходимым проинформировать Гитлера о возможности контактов со швейцарцами и перспективе их использования в интересах сближения с представителями западных держав.

Вторая встреча Гиммлера с Мюзи состоялась 12 января 1945 года. На этой встрече, устроенной при посредничестве Шелленберга в Вильдбад-Шварцвальде, Гиммлер принял условия Мюзи, согласно которым каждые две недели в Швейцарию должен был направляться эшелон примерно с 1200 евреями. Гиммлер, в свою очередь, помимо требования о денежной компенсации, оговорил необходимость коренного поворота во всемирной пропаганде против Германии, имея в виду и отражение своей личной роли в освобождении заключенных. Для усиления пропагандистского эффекта Гиммлер принял решение деньги за освобожденных евреев передать Международному Красному Кресту. Первый эшелон был отправлен в начале февраля. В конце февраля Мюзи привез для ознакомления несколько статей, написанных в соответствии с рекомендациями Гиммлера.

В феврале в Берлин приехал с визитом председатель шведского Красного Креста граф Бернадотт, который предложил перевести датских и норвежских заключенных в Швецию и интернировать их там на время войны. Гитлер, с которым пытались согласовать предстоящие переговоры с Бернадоттом, высказался в том духе, что «Подобной чепухой в этой войне нельзя принести никакой пользы». Но Гиммлер не мог пренебречь возможностью встречи с официальным представителем Красного Креста Швеции, свободно контактировавшим с командующим войсками союзников генералом Эйзенхауером. Соблюдая все мыслимые предосторожности, Гиммлер при помощи Шелленберга встретился с графом и обещал ему, если не выйдет переправить норвежцев и датчан в Швецию, собрать всех их в одном лагере на севере Германии. Гиммлер рассчитывал, что в качестве ответной услуги Бернадотт поможет ему установить связь с генералом Эйзенхауером.

К этому времени рейхсфюрер решился предать Гитлера, предложив Эйзенхауеру капитуляцию Германии от своего имени. При успехе этой акции Гиммлер признавался главой государства, с которым вступали в переговоры представители западных стран

и США, Гитлер же становился военным преступником, которого следовало арестовать или уничтожить. Этот план рейхсфюрер подробно обсудил с Шелленбергом и дал последнему широчайшие полномочия на проведение соответствующих переговоров с графом.

Но, проведя ночь после разговора с Шелленбергом в раздумьях, Гиммлер все-таки испугался, что его предложение о капитуляции получит громкую огласку и станет известным Гитлеру, срочно позвонил Шелленбергу и отменил все ранее данные директивы. Шелленберг должен был теперь, не ссылаясь на рейхсфюрера и не делая конкретных предложений, в беседах с Бернадоттом побудить того по собственной инициативе полететь к Эйзенхауеру и предложить Гиммлера в качестве руководителя Германии, с которым можно договориться.

Попыткам Гиммлера стяжать себе славу «освободителя заключенных концлагерей» также помешали оставшиеся за пределами его игры лица из ближайшего окружения Гитлера, которые дали прочитать тому расшифрованный перехват радиограммы одного из посольств. В радиограмме сообщалось, что Гиммлер через своего уполномоченного Шелленберга ведет переговоры с господином Мюзи о предоставлении «права убежища» в Швейцарии 250 «нацистским фюрерам». Несмотря на то, что планы Гиммлера и Шелленберга были сильно преувеличены — и того и другого интересовало прежде всего собственное спасение — Гитлер пришел в ярость и под страхом смерти запретил отправку евреев через границу с помощью какого-либо немца.

Гиммлер настолько был напуган реакцией Гитлера, что боялся попадаться ему на глаза. Грехов перед фюрером он чувствовал за собой достаточно: вначале попытка покушения на Гитлера 20 июля, которую не смог предотвратить огромный полицейский аппарат с рейхсфюрером во главе; затем бесславный период руководства группой армий «Висла», когда Гиммлер не проявил себя способным военачальником, и, наконец, провал так удачно начавшегося сотрудничества с Мюзи, открывавший перед Гиммлером в отдаленной перспективе выход на командующего войсками союзников генерала Эйзенхауера.

И все же страх перед возмездием за совершенные преступления против человечества взял у Гиммлера верх над страхом перед Гитлером. Советская Армия стремительным маршем прорывалась к цитадели фашистской Германии, и времени на долгие раздумия не оставалось. Гиммлер после серьезных колебаний поручил начальнику главного управления имперской безопасности Кальтенбруннеру спросить у Гитлера

разрешение на его (Гиммлера) встречу с председателем Международного Красного Креста профессором Бурхардтом. Гитлер категорически запретил это. Тогда Гиммлер дал поручение о встрече с Бурхардтом Кальтенбруннеру. Тот, в свою очередь, проинформировал о предстоящем свидании с председателем Красного Креста министра иностранных дел Риббентропа. Таким образом, по замыслу Гиммлера и Кальтенбруннера, в случае, если о встрече с Бурхардтом стало бы известно из прессы, они могли свалить всю ответственность за нее на Риббентропа.

Встреча состоялась, но так как Кальтенбруннер фактически отстранил от нее Шелленберга, последний использовал все доступные ему средства для того, чтобы достигнутые с Бурхардтом договоренности потерпели неудачу на этапе их реализации. Шелленберга ни в коем случае не устраивало, чтобы его роль посредника между Западом и готовыми к компромиссу кругами Германии досталась кому-то другому.

К весне 1945 года Гитлер явно отвернулся от Гиммлера, которому раньше доверял безгранично. Достаточно упомянуть, что Гиммлер был в течение нескольких лет не только самым желанным гостем Гитлера, но и единственным из всех министров, с которым Гитлер проводил в беседах по нескольку часов. С 1940 года резиденция Гиммлера всегда была вблизи ставки Гитлера, и офицеры ставки часто приглашались в гости к рейхсфюреру.

После поражения эсэсовских войск генерала Штейнера в Померании и генерала Дитриха в Австрии, отношения между Гитлером и Гиммлером заметно испортились. По приказу Гитлера весь личный состав эсэсовских дивизий, находившийся под командованием указанных генералов, должен был снять нарукавные нашивки «Адольф Гитлер» и «Гитлерюгенд». Гиммлер обязан был лично доставить этот приказ в дивизии. После такого унижения перед рейхсфюрером уже не стоял вопрос предавать или не предавать Гитлера.

19 апреля 1945 года состоялась встреча Гиммлера с министром финансов Шверин фон Крозиком и министром труда Зельдте, не входившими в ближайшее окружение Гитлера. Поскольку в подчинении у Гиммлера находились войска СС и полицейские формирования, министры предложили ему взять власть в свои руки и принудить Гитлера в день его рождения прочесть обращение к немецкому народу, в котором заявить о создании в Германии второй партии и передаче руководства страной группе заговорщиков с Гиммлером во главе. В случае, если Гитлер отказался бы добровольно передать свои полномочия Гиммлеру, его следовало устранить любым способом. Гиммлер

согласился с доводами и предложениями министров, но 20 апреля, в день рождения Гитлера, ничего не произошло. Когда речь зашла о решительных действиях, Гиммлер снова струсил. Рейхсминистра не прельщало рисковать собой ради судьбы Германии, важнее для него была собственная судьба.

Как показали последующие события, желание Гиммлера выторговать для себя условия спасения, не предпринимая серьезных шагов по захвату власти в Германии, сделали его фигуру неинтересной для правящих кругов западных стран и США, которые раньше не прочь были за спиной Советского Союза повести переговоры с обладателями реальной силы, оппозиционной Гитлеру.

Шелленберг через свои возможности устроил Гиммлеру еще несколько встреч с представителем еврейской общины Швеции Мазуром и председателем шведского Красного Креста Бернадоттом. Шведам удалось добиться от Гиммлера обещания не эвакуировать в глубь страны несколько концлагерей. Но Гиммлеру услышать от них что-нибудь конкретное о своей дальнейшей судьбе не удалось.

23 апреля 1945 года Гиммлер встретился с графом Бернадоттом в Любеке. Гиммлер пространно изложил графу военное и политическое положение Германии, сказал, что смерть Гитлера вопрос двух или трех дней, после чего заявил: «Мы, немцы, должны объявить себя побежденными перед западными державами. Это то, что я прошу Вас передать через шведское правительство генералу Эйзенхауеру для того, чтобы избежать дальнейшей бессмысленной борьбы и кровопролития. Перед русскими нам, немцам, и прежде всего мне, невозможно капитулировать. Там мы будем сражаться, пока фронт западных держав не сменит сражающийся немецкий фронт». В конце встречи Гиммлер написал от руки заявление о капитуляции Германии перед западными странами, которое передал Бернадотту. Граф выразил готовность на следующий же день вылететь с этим письмом в Стокгольм.

Провожая Бернадотта в Мекленбурге 24 апреля, Шелленберг по просьбе своего шефа попросил графа выступить в роли посредника и организовать встречу Гиммлера с Эйзенхауером. Бернадотт на это ответил: «Рейхсфюрер не отдает себе отчета в своем настоящем положении. Я больше не могу помочь ему, я мог бы это сделать, если бы он полностью принял на себя руководство Германией после моего первого посещения. По моему мнению, у него больше нет никаких шансов».

Поздним вечером 27 апреля 1945 года Гитлеру доложили о сделанном Гиммлером западным союзникам СССР предложении о

капитуляции Германии. Эта информация была получена из передачи радио Стокгольма. 28 апреля американские информационные агентства сообщили подробности о предательстве Гиммлера. 29 апреля Мартин Борман подготовил письмо генералу Венку с просьбой срочно выйти на связь со ставкой Гитлера (приводится в переводе автора):

Главная ставка фюрера 29.4.45. Бо/Кр

Секретарь фюрера рейхсляйтер Мартин Борман 29.4.45.

Дорогой Генерал Венк!

Если прилагаемые сообщения соответствуют действительности, рейхсфюрер СС Гиммлер сделал англо-американцам предложение, которое безоговорочно передает наш народ плутократии!

Какой-либо поворот может быть проведен только самим Фюрером. Только им!

Предварительным условием является незамедлительное установление с нами связи Армией Венка, чтобы тем самым дать Фюреру внутри- и внешнеполитическую свободу действий.

Хайль Гитлер!

Ваш (Кребс, начальник Генштаба)

Ваш (М. Борман)

К письму на имя генерала Венка прилагались полученные по радио сообщения следующего содержания на немецком языке:

«*28.4.1945. Сан-Франциско (Рейтер)*

От Пола Скотта Ранкине, специального корреспондента в Сан-Франциско.

Гиммлер направил послание Великобритании и Соединенным Штатам, что Гитлер находится при смерти и проживет не более 48 часов после объявления о безоговорочной капитуляции.

Это было сообщено мне сегодня официальными участниками конференции в Сан-Франциско, которые подтвердили, что Гиммлер просил о заключении мира, и добавили, что это предложение было сделано по каналам в Стокгольме.

Официальные круги заявили, что Молотов, Стеттиниус и Иден были немедленно проинформированы.

Ответ союзников на предложение Гиммлера истолковывается здесь таким образом, что союзники примут его во внимание в том случае, если оно будет распространяться и на Россию, и речь идет о безоговорочной капитуляции.

Также здесь было разъяснено, что Гиммлер своими словами, что Гитлер умрет, имеет в виду, что тот является в настоящее время очень больным человеком, и известие о капитуляции будет для него таким шоком, что вызовет как следствие его смерть.

Можно предположить, что сообщение о смерти Гитлера при сегодняшнем моральном состоянии в Германии, привело бы к массовой капитуляции и прекращению боевых действий в Европе.

Здесь распространяется сообщение о том, что Гиммлеру дан срок до вторника для того чтобы безоговорочно сдаться Англии, США и России.

Нью-Йорк (Рейтер).

Корреспондент национальной радиовещательной корпорации Морген Бити заявил в своем радиовыступлении из Вашингтона, что Великобритания и США дали Германии срок до ночи вторника ответить на их послание, что предложение Германии о безоговорочной капитуляции может быть принято при условии, что оно распространяется и на Россию.»

Несмотря на решимость ближайшего окружения Гитлера стянуть к ставке преданные войска и дать, при необходимости, вооруженный отпор частям, подчиненным Гиммлеру, столкновения между ними не произошло. 30 апреля Адольф Гитлер совершил давно задуманное самоубийство и принял цианистый калий. В оставленном Гитлером завещании он назначил своим преемником гроссадмирала Деница, рейхсканцлером — Йозефа Геббельса, министром по партийным делам — Мартина Бормана. Сразу после смерти Гитлера Геббельс направил советскому командованию ноту с условиями перемирия. Парламентером был назначен генерал Кребс.

С этого времени ни одно из союзных государств не рассматривало Генриха Гиммлера в качестве кандидатуры для ведения переговоров о капитуляции Германии. Известность главного фашистского палача не позволяла ему надеяться на

избежание ответственности за совершенные преступления. Сомнительная слава предателя лишила его авторитета в глазах большинства немцев, даже эсэсовцы срывали свои знаки в качестве расплаты за позор Гиммлера.

Когда распространилось известие о самоубийстве Гитлера, Гиммлер с облегчением направился в ставку гроссадмирала Деница, и некоторое время находился там, изучая возможность своего участия в качестве представителя Германии в переговорном процессе со странами-победительницами. Но Дениц всячески игнорировал его претензии на вхождение в состав нового правительства, стараясь поскорей избавиться от присутствия в своем окружении рейхсфюрера СС с дурной славой кровавого убийцы. Таким образом, Гиммлеру пришлось спасаться в одиночку, и скоро он исчез в неизвестном направлении.

21 мая 1945 года два бывших военнопленных — рядовые Сидоров Иван Егорович и Губарев Василий Ильич, находившиеся до отправки на родину в сборно-пересылочном пункте, заступили в совместный патруль с шестью военнослужащими английской армии. С разрешения старшего в патруле английского капрала советские солдаты в течение дня осуществляли парное патрулирование в местечке Мейнштадт. К 19 часам они пришли в дом, где пили кофе, курили и отдыхали английские солдаты. Капрал сказал, что есть еще полчаса, и Сидоров с Губаревым могут отдохнуть или пройтись еще раз. Наши солдаты решили сделать еще один обход.

Вскоре Сидоров увидел, как на дорогу вышли три немца с намерением пересечь ее и уйти в лес. На крики «Хальт» они не реагировали. Только когда Губарев выстрелил в воздух, и оба солдата взяли немцев на мушку, те остановились. У одного из немцев был завязан глаз, он держал в руке костыль и показывал знаками, что он болен и ранен в левую ногу. Подоспевшие во главе с капралом англичане, проверив у немцев документы, начали говорить, что задержанные больны, и надо их отпустить. Советские солдаты, каждый из которых испытал на себе, что такое фашистские концлагеря, настояли на необходимости доставить немцев на гауптвахту, где сдали задержанных британскому дежурному офицеру.

Трех немцев доставили в лагерь 30 корпуса и поместили в камеру. На утро тот, у которого была повязка на глазу, заявил, что он Генрих Гиммлер и добровольно сдается представителям английской армии. Повязка на глазу, костыль и жалобы на болезнь после ранения были не более чем уловками. Для дополнительной маскировки Гиммлер сбрил себе усы. Вызванный караулом офицер не поверил, что перед ним главный эсэсовец, но

все же позвонил дежурному по отделу военной разведки 2-й британской армии и сообщил о странном задержанном.

Прибывший разведчик на основании имевшейся у него розыскной карточки с личными данными Гиммлера (дата рождения, личные партийный и эсэсовский номера и т. п.) убедился, что перед ним не самозванец, и вызвал офицеров контрразведки для дальнейшего допроса задержанного. На крайний случай Гиммлера заставили раздеться и провели его личный досмотр, проверив, не спрятано ли что-нибудь в одежде.

Когда личность Гиммлера была установлена, он посчитал, что теперь будет удостоен особого обхождения. В то время, как в лагерь добирались контрразведчики, Гиммлер начал подробно рассказывать о своей роли во внешней и внутренней политике Германии, оправдывать как вынужденную меру создание концлагерей, говорить о своих планах заключения мира с западными союзниками, о своей популярности среди немецкого народа и на тому подобные темы, которые в общем-то не вызывали интереса у присутствовавших английских офицеров.

Приехавшие контрразведчики приказали Гиммлеру раздеться и надеть другой костюм. Во время дискуссии, продолжавшейся около десяти минут, Гиммлер требовал к себе обращения как к старшему офицеру, говоря, что он уже раздевался и был обыскан. На это британский полковник показал бывшему рейхсфюреру его теперешнее место, заявив, что либо тот сам переоденется, либо его переоденут силой, и дал ему две минуты на исполнение приказания. Гиммлер был страшно подавлен и заявил, что теперь он не скажет ни слова из того, о чем хотел рассказать.

После доставки Гиммлера в отдел контрразведки его обследование было приказано провести капитану медицинской службы Уэллсу, рапорт которого приводится ниже:

> «**Рапорт капитана С. Дж. Л. Уэллса**
>
> 23 мая около 23–00 в штабе контрразведки Второй армии в Люнебурге в связи с приказом полковника Мерфи я проводил телесное обследование лица, которым, как сообщил мне полковник Мерфи, являлся Генрих Гиммлер.
>
> Мне было приказано полковником Мерфи провести это обследование с целью убедиться, что на теле или в отверстиях тела Гиммлера ничего не спрятано.
>
> После завершения обследования туловища и конечностей я приступил к обследованию его рта и зубов. Оттягивая его щеки в стороны, я на мгновение увидел маленький предмет с синим кончиком,

находившийся в полости между левой щекой и нижней челюстью. Я немедленно попытался удалить этот предмет из его рта своим пальцем, но было невозможно помещать ему тотчас же поместить этот предмет между зубов и раскусить его.

Немедленно распространился сильный запах цианистого калия. Гиммлер тотчас был схвачен и положен на пол лицом вниз, его челюсти разжали и рот промыли водой. Затем ему около пятнадцати минут делали искусственное дыхание, но все попытки вернуть его к жизни были бесполезны.

С. Дж. Уэллс, капитан медслужбы, начальник санслужбы Второй армии»

25 и 26 мая 1945 года известие о смерти Генриха Гиммлера было широко опубликовано в мировой печати. Во всех публикациях Гиммлера награждали эпитетами «мясник», «палач тысяч безвинных людей», «один из самых опасных военных преступников» и т. п.

Допрошенный 17 июня 1945 года советскими контрразведчиками гитлеровский рейхсмаршал и главнокомандующий военно-воздушными силами Германии Герман Геринг, касаясь Гиммлера, показал: «…Когда Гиммлеру было поручено командование группой армий «Висла», мы думали, что весь мир сошел с ума. Между мной и Гиммлером существовали следующие отношения: он стремился занять мое положение. Он заверял меня в дружбе, а сам вел против меня агентурную работу. Я ему тоже говорил, что хорошо к нему отношусь, а на самом деле был постоянно начеку».

На вопрос «Что вам известно о судьбе Гиммлера?» Геринг ответил: «Знаю только то, что было в газетах. Если он действительно умер, то я не сомневаюсь, что на том свете он будет чертом, а не ангелом».

Послесловие.

Восстановив картину неудачных попыток главного эсэсовца спасти свою собственную жизнь на фоне общего краха Германии и трагедии немецкого народа, давайте вспомним о судьбах других персонажей нашего документального повествования.

Вальтер Шелленберг на Нюрнбергском процессе был приговорен к 6 годам лишения свободы. Освобожден досрочно в 1950 году. Умер в Италии в 1952 году.

Бернадотт Висборгский, граф Фольке, один из руководителей Международного Красного Креста, был убит еврейскими экстремистами в Иерусалиме 17 сентября 1948 года, когда в качестве посредника пытался вести переговоры о перемирии между евреями и арабами.

Эрнст Кальтенбруннер арестован в 1945 году на территории Австрии. Международным военным трибуналом в Нюрнберге приговорен к казни через повешение. Казнен 16 октября 1946 года.

Иоахиму фон Риббентропу удалось в апреле 1945 года бежать в Гамбург и скрываться там в доме под носом у британской военной комендатуры вплоть до середины июня. Арестован 14 июня 1945 года. Повешен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге 16 октября 1946 года.

Лютц Шверин фон Крозик перед Международным военным трибуналом предстал в 1949 году. Приговорен к 10 годам лишения свободы. Освобожден в 1951, умер в 1952 году.

Францу Зельдте было предъявлено обвинение на Нюрнбергском процессе, но умер он своей смертью в 1947 году.

Мартин Борман, по свидетельству арестованных советскими военными контрразведчиками эсэсовцев, погиб при попытке вырваться с территории окруженной войсками Красной Армии рейхсканцелярии. Труп его в 1945 году обнаружить не удалось, в связи с чем Международный военный трибунал в Нюрнберге приговорил Бормана к смертной казни заочно. В апреле 1973 года официально признан мертвым западногерманским судом на основании результатов проведенной идентификации скелета, найденного строителями недалеко от рейхсканцелярии.

Ганс Кребс покончил с собой выстрелом в голову 1 мая 1945 года, возвратившись от советского военного командования, где выслушал требование о безоговорочной капитуляции Германии.

Пауль Йозеф Геббельс вместе со своей женой Магдой отравился цианистым калием 1 мая 1945 года. Перед этим супруги Геббельс убили своих шестерых детей.

Герман Вильгельм Геринг был арестован 9 мая 1945 года военнослужащими 9 армии США. Международным военным трибуналом в Нюрнберге приговорен к смертной казни. 15 октября 1946 года, за два часа до повешения, принял в камере яд.

Дмитрий Тарасов
Жаркое лето полковника Абеля

Восемь лет советский разведчик Марк, известный всему миру под именем Рудольфа Ивановича Абеля, под боком у ФБР США вел активную работу, снабжая СССР ценной информацией. Но в июне 1957 года радист Вик предал его, и Марк был арестован.

Несмотря на предъявленные улики, угрозы и уговоры, Абель категорически отверг предложение американских спецслужб о сотрудничества После этого ФБР передало его дело в суд.

Осенью 1957 года в Нью-Йорке состоялся шумный судебный процесс, который закончился осуждением разведчика на тридцать лет тюремного заключения. Советское правительство сделало все возможное для вызволения Марка из казематов каторжной тюрьмы в Атланте, и в феврале 1962 года он вернулся на Родину.

В предлагаемой читателю повести рассказывается о драматических обстоятельствах ареста и суда над выдающимся советским разведчиком. Все факты, даты, имена — подлинные, что. несомненно, придает повести особую ценность, тем более, что ее автор, полковник в отставке Тарасов, знает о работе разведчика не понаслышке и был хорошо знаком с Абелем.

На Пенсильванском вокзале в Нью-Йорке с поезда, только что прибывшего из Дейтон Бич во Флориде, сошел с двумя чемоданами в руках сухопарый, среднего роста мужчина в светло-бежевом плаще и темно-серой шляпе с белой лентой. На перроне он осмотрелся, блеснув стеклами очков без оправы, и, переждав, когда схлынет основной поток пассажиров, неторопливо, размашистым шагом направился к выходу, слегка сутулясь. На вид ему можно было дать чуть больше пятидесяти лет. Пройдя в багажное помещение, он оставил на хранение чемоданы и вышел в город, имея при себе небольшой портфель.

По тому, как он шел по улицам, останавливался около афиш, вывесок, витражей, витрин, заходил в магазины, всматривался в лица прохожих, пересаживался с одного вида транспорта на другой, можно было подумать, что человек оказался в Нью-Йорке впервые и, будучи поражен кипучей жизнью этого огромного, шумного города, с явным изумлением и пристальным интересом наблюдает за всем происходящим.

Часа через три с начала своего путешествия он вышел из метро на станции «Сити-холл» в Манхэттене и вскоре сел в автобус, идущий по Бродвею. Он доехал почти до самого отеля «Латам», расположенного по адресу 4, Ист, 28, Манхэттен. В

отеле, предъявив документы, он заполнил регистрационную карточку как американский гражданин Мартин Коллинз, поставив дату 11 мая 1957 года. Ему была предоставлена комната за 29 долларов в неделю, он получил ключи и поднялся на восьмой этаж в номер 839. Номер оказался небольшим с довольно скромной обстановкой: двуспальная кровать, низкий комод, небольшой письменный стол, два кресла, складная подставка для чемоданов и стенной шкаф для платья. При номере была ванная комната.

Он запер на ключ дверь, неторопливо разделся, повесив в шкаф шляпу, плащ, пиджак и галстук, и, сняв очки и расстегнув ворот рубашки, устало опустился в кресло. Минут пять он сидел в позе полностью расслабившегося человека, закрыв глаза. Затем, оперевшись руками на подлокотники кресла, сделал несколько глубоких вдохов и энергично встал.

Луч света из окна упал на его лицо. Оно было немного удлиненное, худощавое, с чуть выдающимися скулами, с впалыми щеками, но вместе с тем энергичное, волевое. Черты лица говорили об одухотворенности натуры и незаурядном уме. Прямой, с небольшой горбинкой нос, резко очерченные губы, глубоко посаженные серые глаза с острым, проницательным взглядом, большой покатый лоб и массивная, с заметной лысиной голова…

Подойдя к окну, Коллинз осмотрел прилегающие к отелю строения, а потом и внутреннее убранство номера, обратив особое внимание на входные устройства электро-, радио-, телевизионной и телефонной сети. Затем проявил интерес к стоявшему на столе широковещательному радиоприемнику. Включив его, он проверил работу всех диапазонов, с полным безразличием отнесся к доносившейся из эфира разноязыкой речи, но поймав передачу на русском, прислушался, уменьшил громкость и, прильнув ухом к приемнику, несколько минут сидел, как зачарованный. Затем он прошел в ванную комнату, принял душ, лег в кровать и вскоре крепко уснул. Часы показывали ровно девять часов вечера по местному времени. Проснувшись рано утром, он быстро встал, сделал несколько гимнастических упражнений, принял освежающий душ, побрился, привел себя в порядок, почистил одежду и обувь и отправился в город. Возвратился обратно к пяти часам вечера с чемоданами, которые оставил на вокзале.

Прошло более полумесяца. Новый жилец, по отзывам управляющего отеля, оказался спокойным, скромным, нетребовательным. Понравился он и обслуживающему персоналу: платил своевременно, был приветлив, не предъявлял претензий,

не принимал посетителей. Фактически никто не знал, когда он у себя, а когда отсутствует, и, конечно, никто не знал, чем он занимался.

Выходя в город, он большую часть времени тратил на зарисовки и фотографирование, совершал прогулки и поездки по наиболее интересным местам и ближайшим окрестностям, при этом наблюдал за тем, не следит ли кто-нибудь за ним. По понедельникам и пятницам закрывал на ключ дверь номера, плотно затягивал шторами окно, подключал к приемнику комнатную антенну, надевал наушники и настойчиво пытался в хаосе наполнявших эфир шумов и звуков записать адресованную ему морзянку. Однако все его усилия оказывались тщетными. Находившиеся в километре от отеля мощные телевизионные передатчики создавали непреодолимые помехи.

В попытке найти выход из создавшегося положения 28 мая он зашел в сквер, расположенный напротив дома 252 по Фултон-стрит. Прикрывшись газетой, он сел на одну из свободных скамеек и в течение часа пристально наблюдал за подъездом дома, за одним окном на пятом этаже и за тем, что происходило в сквере.

В этом доме в квартире 505 на пятом этаже он — советский разведчик Марк, кадровый сотрудник органов государственной безопасности, полковник, прибывший в США в 1948 году для ведения разведки — в течение нескольких лет жил под видом американского гражданина Эмиля Гольдфуса, открыв художественное ателье по производству цветных фотографий и для занятий живописью. Дела у него шли успешно. Соседи, ближайшее окружение и представители официальных властей ничего предосудительного за ним не замечали, не имели к нему претензий. Напротив, он пользовался уважением. Его считали вполне лояльным, образованным и трудолюбивым, спокойным, рассудительным и очень скромным.

Но в конце 1956 года случилось непредвиденное. Он заметил, что его помощник Вик, присланный Центром четыре года назад, стал пьянствовать и отлынивать от работы, поэтому по рекомендации Марка было принято решение об отзыве Вика в Советский Союз для отдыха. Под разными предлогами Вик длительное время откладывал отъезд, а на последней встрече с Марком, в марте 1957 года сообщил, что ФБР начало его повторную проверку.

Обеспокоенный этим обстоятельством, Центр 20 апреля радировал Марку о необходимости принять надлежащие меры безопасности: прекратить контакт с Виком, перейти на другие документы и выехать из Нью-Йорка на юг страны, легендировав

поездку на Запад для лечения. На юге следовало ждать до тех пор, пока не определится судьба Вика, а при обнаружении чего-нибудь подозрительного немедленно покинуть США, выехав в третью страну по известному Марку на такой случай маршруту.

В Дейтон Бич во Флориде, куда Марк направился, выполняя указания Центра, он пробыл восемнадцать дней, выдавая себя за Мартина Коллинза. Жил в отеле, пытаясь принимать радиограммы Центра на имевшийся там радиоприемник. С большим трудом ему удалось прочесть лишь одну радиограмму от 6 мая. Она радовала. Центр сообщал о встрече с Виком в Париже, заявившим, что у него все нормально, обстановка вокруг него спокойная. Полагая, что опасность миновала, Марк на свой страх и риск решил возвратиться в Нью-Йорк, но до установления надежной связи с Центром и получения дальнейших инструкций проживать пока по документам Коллинза и в своей квартире на Фултон-стрит не появляться.

И вот сейчас, сидя напротив своего дома, Марк почувствовал, что все недавно пережитые неприятные перипетии как бы ожили вновь и невольно заставили его отказаться от соблазна зайти домой, несмотря на казавшуюся ему спокойной обстановку. Он встал и неторопливо удалился. Затем, проверившись и убедившись в отсутствии наблюдения, возвратился в отель «Латам».

Прошло еще три недели. Марк информировал Центр о возвращении в Нью-Йорк и намерении взять из ателье радиоприемник, уничтожить находившиеся там в тайнике материалы, которые в случае захвата контрразведка противника могла бы использовать в качестве вещественных доказательств его связи с нашей разведкой. Однако, несмотря на все усилия, которые он предпринимал в течение этого времени, получить ответ из Центра не удалось из-за помех в эфире.

Поэтому Марк вечером вторично появился в сквере около своего дома и, улучив удобный момент, незаметно вошел в подъезд. Поднявшись на пятый этаж, он осторожно открыл дверь своей квартиры. Уличный свет слабо освещал комнату, но зажечь свет он не решился. Убедившись, что в квартире все на месте, он взял безотказно служивший ему портативный радиоприемник и, соблюдая меры предосторожности, вышел на улицу. На маршруте к отелю «Латам» он тщательно проверился, но ничего подозрительного не заметил. Довольный, что все прошло благополучно, он поднялся в номер и лег спать.

На другой день он решил проверить тайник, находившийся в ателье под деревянной лестницей. В тайнике хранились пленки с несколькими письмами от семьи, почтовые адреса для связи с

Центром, а также важные шифрованные записи и шифровальные блокноты.

Как и накануне, дождавшись в сквере около дома удобного момента, он в одиннадцать часов вечера незаметно вошел в квартиру. В тайнике все оставалось в целости. Выложив документы на стол, он вспомнил, что в письменном столе должна находиться метрика на Коллинза, по данным которого он проживал в отеле «Латам». Полагая, что она может потребоваться, Марк стал рыться в ящике и случайно локтем смахнул со стола контейнер, где хранились пленки с письмами от семьи. Пошарив безуспешно в темноте по полу, он приблизился к окну, понаблюдал за улицей и, не заметив ничего подозрительного, зажег свет. Найдя контейнер, выключил свет, еще раз понаблюдал из окна и покинул ателье.

Выйдя из подъезда, Марк осмотрелся, повернул направо и пошел по Фултон-стрит. Дойдя до Монтегю-стрит, свернул за угол к станции метро «Борроу-холл». Находясь на эскалаторе, заметил человека, который спускался следом за ним. Оба они прошли в конец платформы и остановились примерно в десяти метрах друг от друга в гуще людей. Когда прибыл поезд, Марк сел во второй от хвоста вагон, а мужчина, спускавшийся за ним по эскалатору, занял место в последнем вагоне. На станции «Сити-холл» Марк вышел из вагона один, поднялся наверх, никого не выявив за собой, перешел на другую сторону авеню и сел в автобус. Он был единственным пассажиром, вошедшим на этой остановке. До 29 стрит, где он сошел, никто в автобус больше не садился. Решив, что замеченный им в метро человек — простой пассажир, разведчик направился в отель.

Утро 20 июня выдалось солнечное. Марк встал бодрым и жизнерадостным. Сделав обычную зарядку, наскоро съел два бутерброда, выпил холодный кофе и вышел на улицу. Убедившись, что за ним никто не следит, доехал до конечной остановки линии метро «Бродвей», поднялся на поверхность и направился в Ван-Корфланд парк. Парк выглядел пустым. Слева от дороги находились бейсбольные площадки. Пройдя по дорожке, он повернул направо и поднялся на большой каменистый холм. Следуя мимо семейных могил Ван-Корфландов, вышел на каменистую тропу, обозначенную синими стрелами на придорожных камнях. Перед последним поворотом тропы остановился, осмотрелся и подошел к лежавшему справа в тридцати шагах от него сухому дереву, ниже которого по склону параллельно тропе шла искусственная каменная гряда. Сделав еще несколько шагов, он наклонился около большого камня и, пошарив под ним, вытащил сверток, обернутый непромокаемой

пленкой. Положив его в портфель, осмотрелся еще раз и быстро покинул парк. Спустя два часа возвратился в отель.

Закрыв дверь на ключ, Марк достал взятые накануне в ателье документы, распечатал пакет, хранившийся в тайнике в парке, и приступил к разбору содержимого. Он уничтожил все записи, по которым можно было бы выйти на упоминавшихся в них людей, сохранив лишь два почтовых адреса в Москве и условия встречи в Мехико, куда он должен был проследовать из США. Оставил он также текущие шифровальные блокноты, карандаш, в котором находились мягкие пленки с письмами от семьи и расписанием радиопередач, кусок дерева с заделанным внутри запасным шифровальным блокнотом и шесть тысяч американских долларов.

Вечером состоялась очередная передача из Центра. Несмотря на безотказный в прошлом радиоприемник, на этот раз сигналы проходили плохо из-за сильных помех от телевизионных передатчиков. С большим трудом он все же принял депешу Центра, но ее расшифровка заняла очень много времени и текст полностью прочесть не удалось. Почувствовав сильную усталость после напряженного дня и от изнурительной жары, Марк в третьем часу ночи лег спать.

Около семи часов утра 21 июня Марка разбудил стук в дверь. Он встал, приоткрыл дверь, чтобы спросить, кто там. Но в ту же минуту в номер ворвались три человека. Они заявили, что являются сотрудниками ФБР, и показали удостоверения личности, вставленные в обложки. Один из них сказал:

— Полковник, мы знаем, кто вы такой и чем занимаетесь. Мы предлагаем вам сотрудничать с нами, в противном случае вы будете арестованы.

«Это предательство Вика, — мелькнула мысль, болью отзываясь в сердце Марка. — Только он знал здесь о присвоении мне звания полковника». Стараясь быть как можно спокойнее, он ответил:

— Произошло недоразумение, господа. Я ничего не знаю, мне нечего сказать по этому поводу.

— Не будьте наивным, полковник. Это несерьезно. Мы за вами следили и знаем всех ваших агентов. У вас один выход — согласиться с нашим предложением; иначе, повторяем, вы будете арестованы.

— К сожалению, господа, я ничем не могу вам помочь. Вы же видите, в каком я положении, — парировал Марк, стоя перед ними в костюме Адама, прикрывая руками известное место. (Ночь была очень душная, и он спал обнаженным).

Ему позволили сесть на кровать, надеть нижнюю рубашку и

брюки, в заднем кармане которых были шифрблокноты.

— Итак, полковник, мы ждем вашего решения, — строго произнес тот же сотрудник.

Посмотрев на стол, где среди оставленных для камуфляжа вещей (этюдник, палитра, масляные краски, кисточки, начатая картина и пр.) как доказательство его «невинной» ночной работы лежала среди чистых листков бумаги запись принятой из Центра депеши, разведчик ответил:

— Позвольте мне выполнить еще одну обязательную после сна процедуру.

При этом он указал рукой на туалет и изобразил непреодолимое желание зайти туда по естественной надобности. Ему разрешили.

Спустив в унитаз находившиеся при нем шифрблокноты, он вернулся.

— Что же вы надумали? — последовал вопрос.

— Думать мне нечего. Я действительно ничего не знаю и полагаю, что произошло недоразумение.

— Это ваш окончательный ответ?

— Да, окончательный.

— В таком случае, полковник, пеняйте на себя, мы объяснили ваше положение.

Сотрудники ФБР, уступив место находившимся в коридоре трем лицам, остались стоять около двери в качестве наблюдателей. Новыми лицами оказались работники отдела иммиграции и натурализации, предъявившие ордер на арест, подписанный начальником нью-йоркского отдела службы иммиграции и натурализации. Начался обыск, который продолжался около двадцати минут и был не очень тщательным. Марку предложили одеться и упаковать вещи. Он взял со стола еще несколько листков бумаги и в их числе черновую запись принятой из Центра депеши и стал чистить этюдник и палитру, стирая масляную краску. (Эти бумажки он также спустил в унитаз. Однако до других вещей, изъятых из тайников, добраться не смог, и они попали в руки противника).

Пробило восемь часов утра. Здоровенный детина из службы иммиграции и натурализации одел Марку наручники. Все стали спускаться вниз. У подъезда стояла машина. Марка усадили между двух сотрудников, его вещи положили в багажник.

В Нью-йоркском отделе службы иммиграции и натурализации Марка сфотографировали и сняли отпечатки пальцев. Через четыре часа его вывели из помещения снова в наручниках, посадили в машину и отвезли на аэродром в Нью-Джерси, откуда на двухмоторном самолете доставили в город Макаллен штата

Техас. С аэродрома сразу же направились в лагерь для перебежчиков через границу с Мексикой. Было примерно пять часов тридцать минут утра 22 июня, когда машина с сотрудниками, сопровождавшими Марка, подошла к воротам лагеря. Территорию лагеря опоясывала ограда четырехметровой высоты на трубчатых опорах, сделанная из толстой стальной сетки и оплетенная колючей проволокой. За оградой рядом с конторой лагеря стоял одноэтажный дом, построенный из бетонных блоков на четыре камеры: две — для нескольких человек и две — одиночные. Все они были пусты.

Марка посадили в одиночную камеру под номером пять. В ней стояли койка, занимавшая всю ширину камеры под окном, маленький стол, стул; умывальник и унитаз были пристроены к выступу в углу комнаты у входной решетчатой двери. Окно было зарешечено стальными прутьями.

Охрану несли офицеры пограничной службы: один — в помещении, другой — на вышке, а еще один исполнял роль разводящего, заменяя первых двух на время обеда и ужина. Команды сменялись через каждые восемь часов.

Окинув взглядом новое жилище, Марк разделся и лег. Его одолевала усталость от только что пережитого и сильной жары: термометр в камере показывал 35 градусов по Цельсию. Он закрыл глаза и заставил себя не думать о случившемся, чтобы сберечь силы, снять нервное напряжение, успокоиться. Рисуя в своем воображении картины милой его сердцу подмосковной природы, он постепенно расслабился, забылся и уснул.

В двенадцать часов Марка разбудил охранник. Принесли обед. При виде еды Марк почувствовал, что сильно проголодался. Подкрепившись, он хотел было лечь отдыхать, но в камеру вошли двое. Они приказали Марку встать, одели ему наручники и вывели на улицу. Яркое южное солнце слепило глаза. За оградой лагеря виднелись грунтовая дорога и цитрусовая плантация.

Его привели в контору лагеря. За письменным столом небольшого, скромно обставленного кабинета сидел в белой рубашке с короткими рукавами и расстегнутым воротом мужчина среднего роста и возраста, довольно плотный, с багровым упитанным лицом. Слева от него стоял молодой сотрудник службы иммиграции и натурализации.

Марку предложили сесть в углу кабинета, где стоял привинченный к полу стул. На окне кабинета была решетка, под потолком работал вентилятор.

— Это ваши документы? — обратившись к Марку и помахивая паспортом на имя Коллинза, спросил сидевший чиновник.

Марк кивнул головой.

— И вы утверждаете, что являетесь Мартином Коллинзом?

— Я ничего не утверждаю, — спокойно ответил Марк.

— В таком случае расскажите: кто вы? как вас зовут? кто ваши родители? где вы родились? в каком подданстве состоите? когда и каким путем прибыли в Соединенные Штаты? где жили? чем занимались? на какие средства существовали?

Выпалив все это и приказав молодому сотруднику приготовиться к записи, он откинулся на спинку кресла и, пристально глядя на Марка, стал ждать.

Ответа не последовало. Марк сидел спокойно, выбрав предметом наблюдения голову допрашивавшего, мысленно представляя, как бы он стал ее рисовать.

— Что же вы молчите? — последовал вопрос. Не дождавшись ответа, следователь встал и властно приказал:

— Коллинз, встаньте!

Подойдя к Марку, он продолжал:

— Вы что, не понимаете меня? Кажется, я выражаюсь вполне ясно, а вы, насколько мне представляется, достаточно образованный человек, чтобы понять, где вы находитесь и как должны себя вести. Учтите, здесь не развлекательный клуб, где можно подурачиться, а важное государственное учреждение, располагающее возможностями для установления любой истины. Поэтому не советую играть в молчанку. Это ни к чему хорошему не приведет. Вам понятно это?

— Вполне, — ответил Марк.

— Вот это другой разговор, — обрадовано заметил следователь и спросил:

— Начнем с небольшого: кто вы такой? как ваше действительное имя?

Выждав некоторое время, как бы собираясь с мыслями, Марк выпрямился и, глядя прямо в глаза следователю, спокойно, но твердо заявил:

— Согласно уголовно-процессуальному кодексу Соединенных Штатов, насколько мне известно, обви

Он проснулся утром минут за пятнадцать до побудки. Почувствовав относительную бодрость, быстро встал, сделал зарядку, привел себя в порядок. После завтрака попросил охранника доложить начальнику лагеря о своем желании встретиться с представителем службы иммиграции и натурализации. «Так, пожалуй, будет лучше. Именно с представителем службы иммиграции и натурализации, а не с работниками ФБР», — решил для себя Марк.

— Вы просили о встрече с нами, Коллинз, — начал знакомый

Марку следователь, — слушаем вас.

— Да, господин следователь. Я хотел бы сделать заявление.

— Пожалуйста.

Следователь дал указание молодому сотруднику приготовиться к записи стенограммы и включил магнитофон. Марк ощутил заметное внутреннее волнение. Глаза застилал легкий туман, сердце сильно стучало. Сделав небольшую паузу и вдохнув полной грудью, чтобы успокоиться, он сказал:

— Я признаю, что проживал на территории Соединенных Штатов Америки незаконно и изъятые у меня американские паспорта на имя Гольдфуса и Коллинза фальшивые.

В действительности я гражданин Советского Союза Рудольф Иванович Абель, 1902 года рождения, уроженец города Москвы. Во время войны был мобилизован в армию, находился в тыловых частях, возводивших оборонительные сооружения. Будучи в Белоруссии, нашел в разрушенном немецком блиндаже клад в валюте — всего около 50 тысяч американских долларов. Поскольку связь с семьей была потеряна, решил уйти на Запад. Некоторое время жил в Польше, Германии, а затем перебрался в Данию. Там, в Копенгагене, купил американский паспорт на имя Каютиса и в 1948 году через Канаду прибыл в США в поисках лучших условий жизни.

В дальнейшем паспорт Каютиса уничтожил, так как мне удалось в Нью-Йорке в районе Лоуэр Ист Сайд купить паспорта на имя Коллинза и Гольдфуса, по которым я и проживал здесь до последнего времени, занимаясь художественным творчеством.

В рамках сказанного я готов дать следствию подробные объяснения на все поставленные вопросы при условии, что мне будет позволено сообщить о себе в советское посольство в Вашингтоне.

Марк попросил следователя напечатать текст этого заявления и, когда его подготовили, подписал именем Р. И. Абеля, поставив дату 25 июня 1957 года. Отправить письмо в советское посольство ему обещали.

Уточняющие вопросы не заставили себя ждать. Отвечая на них, Марк сообщил название парохода, на котором прибыл в США, адреса, где он жил в Нью-Йорке, фамилии соседей и другие данные о его жизни в США, исключив все то, что имело отношение к его работе как разведчика.

С этого дня допросы вели попеременно — то сотрудники ФБР, то работник службы иммиграции и натурализации. Эти организации находились в системе министерства юстиции, действовали заодно, но воспитанники Гувера были агрессивнее.

Примерно через неделю после того, как Марк признался, что

он является гражданином СССР, в конторе лагеря было назначено слушание дела о нарушении Марком правил въезда и проживания иностранцев в США. Кроме местного начальства там находились комиссар — начальник управления службы иммиграции и натурализации штата Техас и адвокат, представлявший интересы Марка, выбранный им наугад из телефонного справочника города Макаллена. Его услуги обошлись Марку в 500 долларов.

Слушание дела, продолжавшееся два часа, закончилось вынесением решения о высылке Марка за пределы США.

Письмо же в Посольство СССР в Вашингтоне из-за проволочек со стороны сотрудников службы иммиграции и натурализации разрешили написать только 10 июля. Сообщая об обстоятельствах своего дела, Марк преследовал единственную цель — известить Центр о происшедшем провале. В полученном вскоре ответе его не признали гражданином СССР. Другого ответа он и не ждал.

Вскоре после слушания дела работники службы иммиграции и натурализации, считая, видимо, свою задачу выполненной, исчезли с горизонта, и Марка продолжали осаждать лишь сотрудники ФБР. Они стремились во что бы то ни стало добиться его расположения и склонить к сотрудничеству с ФБР. Использовались все средства воздействия, начиная от запугивания и кончая посулами всевозможных благ. Допрашивали, как правило, два сотрудника, разыгрывая свои роли в соответствии с избитым следственным сценарием — один выступал в качестве благожелателя, другой — устрашителя.

— Итак, Рудольф, — начал «благожелатель» на одном из последних допросов, — давайте подведем итоги наших бесед, суммируем то, что нам удалось узнать, и вы убедитесь, что ваше положение безвыходное.

Во-первых, вы признались, что являетесь гражданином СССР, хотя советское посольство на ваше письмо дало отрицательный ответ. Отсюда следует, что ваши хозяева, то есть советская разведка, раздражены вашим признанием и бросили вас на произвол судьбы. А если в будущем они и примут меры для оказания помощи, то только лишь с целью упрятать вас в Сибирь, отомстить за провал.

Во-вторых, вы полностью изобличены в преступлении, которое по законам США карается смертной казнью или длительным заключением в каторжной тюрьме.

В-третьих, в свете имеющихся в нашем распоряжении неоспоримых доказательств вашей вины ваше поведение не только не способствует облегчению вашей участи, а, наоборот, усугубляет положение, не оставляя шансов на спасение.

В-четвертых, вы достигли почтенного возраста, здоровье ваше

тоже подорвано. Поэтому надо подумать о будущем. А оно для вас, если вы не измените своего поведения, представляется очень мрачным. Да и вряд ли вы сможете перенести все эти испытания.

Такова, уважаемый Рудольф, объективная реальность. Выводы вы должны сделать сами. Все находится в ваших руках. При разумном поведении вы могли бы сейчас не томиться в душной камере, обливаясь потом и хватая воздух, как рыба, а пользоваться всеми благами жизни цивилизованного человека.

В местном отеле, куда мы могли бы вас поместить, есть все: кондиционер, теплый душ, ванная комната, мягкая постель, вкусная еда, прохладительные и крепкие напитки, радио, телевизор и, если хотите, черт возьми, девушки, одним словом, все, что угодно.

— Я отлично понимаю все то, о чем вы говорите, господин следователь, и рад бы был последовать вашему совету, — начал Марк, — но дело в том, что мне нечего больше сказать. Я назвал себя, признался, что незаконно прибыл и проживал в США, в связи с чем вынесено решение о моем депортировании за пределы вашей страны. Что же я могу еще?

— Вы не рассказываете главного — о своей шпионской работе на территории США.

— Повторяю, мне нечего по этому поводу сказать.

— А доказательства, куда вы от них денетесь?

— Но позвольте, какие конкретно?

— К примеру, хотя бы фиктивные паспорта. Их вам могла дать только советская разведка, ибо так искусно подделать жулики просто не в состоянии.

— Господин следователь, в районе Лоуэр Ист Сайд в Нью-Йорке, где я их приобрел, как вы знаете, проживает много бедноты — евреи, итальянцы, негры и лица других национальностей, которые в целях добывания средств к существованию способны на все. И среди них есть, безусловно, талантливые люди, которые могут сделать любую вещь. Там можно купить что угодно.

— В США вы прибыли тоже по фиктивному паспорту?

— Да, я уже говорил об этом.

— Значит, вы умышленно скрывали свое имя? Разве это не доказательство ваших преступных намерений?

— Но какое это имеет отношение к обвинению меня в шпионаже? Я мог скрывать свое имя по совершенно другим обстоятельствам.

— По каким именно?

— Хотя бы из-за женщины.

— Ну, знаете, на Дон-Жуана вы не похожи. Перестаньте

валять дурака.

— Я сказал это к примеру, а если серьезно, то это моя личная тайна, которую я имею полное право никому не открывать. Подобных случаев сколько угодно, о них пишут даже в газетах, и вы это прекрасно знаете.

— У вас отобрано большое количество криминальных материалов: программа радиосвязи, шифровальные блокноты, записки, письма, адреса, радиоприемники и прочее, всего не перечесть. Что вы скажете по этому поводу?

— Мне неизвестны эти материалы. Никакого акта об их обнаружении при моем аресте я не подписывал. А что касается радиоприемников, то они есть почти в каждой квартире и свободно продаются во всех магазинах.

— Указанные материалы были заделаны в контейнеры и находились в вашем портфеле в отеле «Латам». Кто же их туда мог упрятать, если не хозяин?

— Я совершенно не представляю, о каких контейнерах идет речь.

— Я напомню: карандаш, кусок дерева, металлический болтик.

— Повторяю, этих вещей я не видел, и мне их не предъявили во время обыска.

— Вы берете под сомнение действия представителей власти, не доверяете им?

— У меня нет оснований, господин следователь, не доверять вам. Но поймите, в отеле жил не один я, там кто-то находился и до меня. Может быть, эти вещи принадлежат ему.

— А портфель?

— Портфель мой.

— Тогда как же, концы-то не сходятся.

— Ничего другого добавить не могу. Этих вещей я не видел и отношения к ним не имею.

— Что ж, так и запишем. А что вы скажете относительно свидетелей, они ведь будут вас изобличать?

— Свидетели мне тоже неизвестны. Если они действительно существуют, прошу дать мне очную ставку с ними.

— Не торопитесь, непременно встретитесь с ними, когда этого потребуют обстоятельства. А теперь объясните, кто эти агенты.

При этом следователь предъявил фотографию, на которой были изображены молодые мужчина и женщина.

Улыбнувшись, Марк ответил:

— Господин следователь, какие же это агенты? Это мои соседи по Риверсайд Драйв, где я некоторое время жил. Я уже

показывал об этом. Странно, что ваши коллеги не удосужились до сих пор проверить, кто эти люди, приняв молодых художников за моих агентов.

Оправившись от некоторого смущения, следователь предъявил Марку фотографии дорожных карт, изъятых при обыске в его ателье, на которых были карандашом подчеркнуты населенные пункты. При этом он спросил:

— Это тоже вам неизвестно? Где вы их взяли? Что обозначают эти пометки?

— Такие карты, господин следователь, свободно продаются в магазинах, а автодорожные даже выдаются бесплатно на всех бензоколонках страны в качестве рекламы. Пометки на них я делал, когда намечал маршруты туристических поездок, только в целях ознакомления. Это общепринятая практика.

Задав Марку еще несколько вопросов и убедившись в бесполезности получить от него признательные показания, следователь, подойдя к нему вплотную, сказал:

— Рудольф, вы не ответили на мое предложение о сотрудничестве. Подумайте хорошенько, ведь это только в ваших интересах.

— Видите ли, господин следователь, в качестве непременного условия при этом вы требуете от меня невозможного, а именно признания в принадлежности к советской разведке и проведении шпионской работы, то есть того, чего я не делал. Вы утверждаете, что разведка на меня рассердилась и поэтому Посольство СССР не признало меня советским гражданином. Я в этом вижу доказательство того, что действительно не имею отношения к разведке. В самом деле, если было бы наоборот, то, уверяю вас, разведка обязательно воспользовалась бы моим письмом и попыталась выяснить, где я и что со мной. Это же логично. Что касается ответа посольства, то за такой короткий срок оно, естественно, не смогло навести обо мне необходимые справки, тем более что за войну произошло колоссальное перемещение людей из одних районов в другие. Я и сам жертва такого перемещения. Потеряв свою семью и найдя клад, о котором я говорил, я и решил в поисках счастья приехать сюда. Здесь же, в посольстве, как советский гражданин я не регистрировался.

— Джон, хватит слушать его байки, — неожиданно вмешался другой следователь, — мне это просто надоело. Отправь его в камеру, а то я дам ему в зубы.

На этом допрос окончился. Марка в наручниках вывели из конторы лагеря.

Возвратившись в камеру, Марк поставил очередную черточку на стене около кровати как свидетельство еще одного прожитого

дня в лагере. Таких пометок было сорок пять.

В последующие два дня, 5 и 6 августа, его не допрашивали, но настойчиво уговаривали согласиться на сотрудничество с ФБР, рисуя в радужных красках перспективу жизни в США. Кроме сотрудников ФБР к решению этой задачи привлекли работников службы иммиграции и натурализации, к которым Марк относился более лояльно. Однако эти разговоры ни к чему не привели. Марк по-прежнему был непреклонен в своем решении.

Утром 7 августа Марку принесли его одежду, велели одеться и в наручниках отвели в контору лагеря. Вскоре туда пришло несколько чиновников ФБР: знакомый следователь, игравший роль «благожелателя», начальник отделения ФБР города Браунсвиль и работники местного отделения ФБР города Макаллен.

На некоторое время Марка оставили наедине со следователем, остальные вышли в другое помещение. Очевидно, это было решено заранее. Состоялся следующий разговор. Подойдя к Марку, следователь сказал:

— Рудольф, я хотел бы еще раз вернуться к нашим прежним беседам. Не губите себя, будьте благоразумны, соглашайтесь на сотрудничество с нами. Если вы откажетесь, будет поздно, это наша последняя встреча, вас передадут в распоряжение судебных органов со всеми вытекающими отсюда последствиями. В вашем возрасте и с вашим здоровьем вы не перенесете тех испытаний, которые вас ожидают. Поверьте моему опыту. Я говорю с вами откровенно, и только лишь из уважения к вам. Вы одиноки, помощи ждать вам неоткуда, Москва далеко, да и вряд ли она вспомнит о вас, вы для нее сейчас — отрезанный ломоть.

При упоминании Москвы, города, где прошли лучшие годы его жизни, Марк почувствовал, как на мгновение больно сжалось сердце. Он глубоко вздохнул и, глядя следователю в глаза, спокойно и твердо заявил:

— Я благодарен вам, господин следователь, за благожелательное ко мне отношение и за то, что вы ограждали меня от агрессивных действий своего коллеги, но при всем моем уважении к вам принять ваше предложение не могу.

— Это ваше последнее слово, Рудольф?

— Да, господин следователь, последнее.

— Учтите, тогда — только суд, — заключил следователь.

— Тем лучше, — ответил Марк. На этом разговор окончился. В кабинет вошли остальные сотрудники ФБР. Марку предъявили ордер на арест и отвезли в отделение ФБР города Макаллен. Там снова сняли отпечатки пальцев и сфотографировали.

В районном центре, в городе Эдинбург, куда вскоре

доставили Марка, его привели к федеральному комиссару. Выслушав сотрудника ФБР, изложившего суть дела, и ознакомившись с ордером на арест, выданным на основании постановления Большого жюри, заседавшего в Нью-Йорке, комиссар определил, что арест законный, и спросил, не возражает ли Марк против отправки в Нью-Йорк для суда. Марк не возражал. Тогда комиссар позвал судебных исполнителей, которые отвели его в местную тюрьму.

В помещении судебных исполнителей кроме официальных лиц находились репортеры и фотографы, а также много фотолюбителей и просто любопытных. Многие из них сопровождали Марка до самой тюрьмы.

Акт передачи означал, что с данного момента Марк находился в ведении судебных властей и ФБР больше не имело права вмешиваться в его дело.

В тюрьме судебный исполнитель сдал Марка дежурному, взяв от него расписку, а Марка заставили расписаться в специальном формуляре. После этого его опять сфотографировали, сняли отпечатки пальцев, раздели и выдали комбинезон. В одиночной камере, куда привели Марка, имелись койка, умывальник, унитаз и душ. Вечером его покормили, и утомленный перипетиями дня Марк вскоре уснул. Его разбудили в третьем часу ночи. Дали еще поесть, переодели в его одежду и отвели во двор. Перед посадкой в машину надели на пояс стальную цепь, к которой прицепили наручники, а когда Марк сел в машину, надели еще и кандалы, которые также прикрепили к концу цепи. Кроме Марка в машину сели судебный исполнитель и его помощник.

Через восемь часов мучительной езды в таком виде Марка доставили в местную тюрьму города Хьюстон. Судебный исполнитель снял кандалы, цепь, наручники, уложив все это в машине.

Пятичасовая передышка в одиночной камере хьюстонской тюрьмы показалась Марку мимолетным мгновением. Не успел он как следует расправить уставшие от напряжения ноги, руки, туловище, как в камеру вошли два новых судебных исполнителя и приказали ему одеться. Из тюрьмы вывели в наручниках, посадили в машину. Вместе с судебными исполнителями они прибыли на аэродром, откуда на рейсовом самолете вылетели в Нью-Йорк. По пути была непродолжительная остановка в Вашингтоне. Осаждавшие Марка репортеры безуспешно пытались получить интервью.

На аэродроме в Нью-Йорке самолет окружила толпа репортеров, фотографов, агентов ФБР, полиции и любопытных. После довольно длительного и неприятного пребывания там

Марка, наконец, отвезли в тюрьму. Было около часа ночи, когда он переступил ее порог. Его раздели и посадили в камеру для особо опасных преступников.

На второй день Рудольфа Ивановича Абеля (будем Марка называть так) вместе с группой других арестованных повезли в суд, находившийся в здании почтамта в Бруклине. По прибытии на место их освободили от наручников, сняли отпечатки пальцев и поместили в камеру ожидания. На обед дали два бутерброда.

Суд рассмотрел два вопроса: о возможности выпустить Абеля под залог и предоставлении ему защитника. По первому вопросу вынес решение об отказе, по второму — предоставил право найти защитника в течение недели. Не располагая другими возможностями, Абель попросил суд подыскать ему защитника через ассоциацию адвокатов.

По окончании суда арестованным надели наручники, сковали их попарно и отвезли в нью-йоркскую тюрьму. Надзиратель обыскал арестованных и проводил на второй этаж в приемную. Здесь их раздели, осмотрели, переодели в тюремную одежду и развели по камерам.

Ассоциация адвокатов, обсудив просьбу суда о выделении защитника Абелю, остановила выбор на Джеймсе Донована, совладельце адвокатской фирмы, считавшемся среди адвокатов достаточно компетентным. Не последнюю роль при этом, вероятно, сыграло и то, что Донован имел звание командера морской разведки и во время второй мировой войны являлся видным сотрудником управления стратегических служб[5] Надо полагать, что руководство спецслужб США все еще не оставляло надежды склонить Марка к сотрудничеству, и в этой связи назначение в качестве защитника специалиста-разведчика, по их расчетам, могло быть весьма полезным.

Знакомство Абеля с Донованом состоялось 21 августа 1957 года в здании суда в помещении для лиц, содержавшихся под арестом. Оба они испытывали чувство естественного любопытства. Донован полагал, что ему предстоит увидеть своего рода супермена, героя из серии статей и кинофильмов «Рыцари плаща и кинжала», способного на совершение любого преступления. Такое мнение о будущем подзащитном создавалось под влиянием средств массовой информации, которые ежедневно выливали на Абеля потоки лжи и клеветы, приписывали ему самые невероятные качества.

Для Абеля Донован был человеком, назначенным на роль защитника из чисто формальных соображений, чтобы подчеркнуть демократизм и объективность судебного разбирательства. Поэтому он шел на встречу, не испытывая

переживаний и не обольщаясь надеждой на облегчение своего положения. Ему просто было интересно увидеть человека, с которым сталкивала судьба, узнать, кто он, и в зависимости от этого определить свою линию поведения.

Встретившись, они обменялись быстрым рукопожатием и пошли по коридору мимо работавших телевизионных камер в маленькую комнату для арестованных, которую Донован просил судебного распорядителя выделить для первого разговора.

К своему удивлению, вместо супермена перед Донованом предстал почтенный пожилой человек, чуть сгорбленный, несколько озабоченный, но казавшийся достаточно уверенным в себе и независимым. Во всем его облике, и особенно во взгляде глубоко посаженных серых глаз, чувствовались спокойствие, сосредоточенность, сила воли, ум, жизнелюбие. «Мне он показался похожим на школьного учителя», — напишет позже Донован в своей книге об Абеле, изданной в США[6]

Донован, в свою очередь, произвел на Абеля положительное впечатление, и прежде всего своей непосредственностью, простотой в обращении. Как опытный психолог, имеющий большой жизненный опыт и практику, Рудольф Иванович почувствовал, что с этим человеком можно иметь дело.

— Меня вы можете называть просто Джимом, — заявил Донован, — а вас, если не возражаете, я буду звать Рудольфом.

— Согласен. Это проще и удобнее, — ответил Абель. Переходя к делу, Донован заметил:

— Я должен предупредить вас, Рудольф, что защита будет очень трудной, так как вокруг вашего дела поднята большая шумиха в прессе.

— Да, это мне известно. Но независимо ни от чего я желаю, чтобы защита велась с достоинством, без крикливости.

— Хорошо. Я учту это. Мне нравится ваша позиция.

После небольшой паузы Донован продолжал:

— Прошу также учесть, что мне придется взять двух помощников, без этого не обойтись, предстоит уйма работы. Согласны ли вы на это?

— Согласен.

— Тогда еще одна просьба. Не хотите ли вы уже сейчас сообщить мне то, что вас особенно беспокоит и на что мне, как вашему защитнику, следовало бы обратить особое внимание?

Абель на некоторое время задумался. Ему уже было совершенно ясно, что его арест явился следствием предательства Вика, который на судебном процессе будет выступать в качестве основного свидетеля обвинения. Но прежде чем сказать что-либо Донована по этому поводу, он спросил его:

— Известно ли вам о причине моего ареста?

— Насколько я в курсе дела, — не задумываясь ответил Донован, — вас предал некто Хэйханен.

Лицо Абеля стало жестким.

— Он тварь, — с горечью констатировал Абель. — Не могу понять, как человек ради спасения собственной шкуры мог продать свою страну и обесчестить свою семью.

Абель рассказал Донована, что, когда он находился в Техасе, ФБР предлагало ему свободу и работу в контрразведке США с окладом 10 тысяч долларов в год, если он пойдет на сотрудничество.

— Они (имеются в виду работники ФБР. — Авт.) считают всех нас продажными тварями, которых можно купить, — добавил Абель.

«Потом он заявил, — пишет Донован, — что ни при каких обстоятельствах не пойдет на сотрудничество с правительством США и не сделает во имя своего спасения ничего такого, что может нанести ущерб его стране».

«Вот это парень! — подумал я», — замечает Донован…

— Извините за резкость, — продолжает Абель, — но говорить об этом спокойно выше моих сил. Теперь относительно вашего вопроса, Джим. Я думаю, что вам следовало бы нанять квалифицированного сыщика и поручить ему выяснить образ жизни этого типа. Я имею в виду Хэйханена. Наверняка там имеется много такого, что можно с успехом использовать для его компрометации на суде. У человека, потерявшего честь и совесть, всегда что-нибудь вылезает наружу, как бы он ни укрывался.

— Что ж, это мысль, — заметил Донован. — Но учтите, потребуются средства.

— Конечно, за красивые глаза никто ничего не сделает, тем более детективы. Дело не в средствах, главное — найти хорошего человека.

— Об этом не беспокойтесь, все будет в полном порядке. Деньги у нас решают все!

— Тогда запишите, пожалуйста, где детектив может навести нужные справки. (Абель сообщил Донована адрес местожительства Вика.)

— Хорошо, будем считать, что договорились, — заключил Донован. — О результатах я вам дам знать. А сейчас позвольте откланяться. Встретимся на днях вместе с моими помощниками. Очень рад был с вами познакомиться.

— Да, кстати, где вы так прекрасно научились владеть английским? У вас — чистейший оксфордский. Никогда бы не подумал, что вы из России.

Пристально поглядев на Донована, Абель ответил:

— Видите ли, уважаемый Джим, человек по своей природе обязательно к чему-либо склонен, если он не сторонний наблюдатель жизни, а своего рода исследователь, стремящийся к познанию интересующих его явлений. Тогда в любой области, в том числе, разумеется, в языкознании, можно достигнуть очень многого. Я увлекался этим предметом с раннего детства, и если вы находите, что мои труды дали положительный результат, мне это приятно. Благодарю вас за беседу. Она доставила мне большое удовольствие. Откровенно говоря, это единственное светлое пятно на мрачном фоне моего существования со времени ареста.

— Я очень рад, — ответил Донован. На этом они расстались. На другой день Рудольфа Ивановича предварительно вызвали в суд. Решался вопрос о гонораре Доновану за ведение защиты. Гонорар был определен в сумме десяти тысяч долларов. Вообще нужно сказать, что защита подсудимого в США невозможна без наличия больших средств. Прошло очень мало времени, а Абель вынужден был истратить 1600 долларов на оплату детектива, на контору, которая давала справки о лицах, проходящих по делу, на переписку, судебные взносы и другие нужды.

Через несколько дней Донован познакомил Абеля со своими помощниками, молодыми адвокатами Арнольдом Фрейменом и Томасом Дебевойсом. Вместе с ним они изучили обвинительное заключение, подписанное прокурором Бруклина и Лонг-Айленда П. Муром и помощником генерального прокурора США Уильямом Ф. Томпкинсом, ведающим отделом внутренней безопасности. Обвинительный акт занимал двенадцать страниц большого формата. Резолютивная часть акта состояла из трех пунктов. Абелю вменялось в вину:

1) заговор в целях передачи Советской России атомной и военной информации;

2) заговор в целях сбора такой информации;

3) заговор в целях пребывания на территории США в качестве агента иностранной державы без регистрации в государственном департаменте.

Пункт первый грозил Р. И. Абелю смертью, второй предусматривал минимальное наказание десять лет и третий — пять лет тюремного заключения.

— Как видите, Рудольф, — резюмировал Донован, — обвинение против вас очень серьезное, и подготовка к процессу, насколько мне известно, ведется министерством юстиции самым тщательным образом. Поэтому нужно выработать тактику защиты, найти в обвинении уязвимые места. Чтобы решить эту

задачу, вы должны подробно ввести нас в курс происшедших событий, во всех деталях осветить обстоятельства ареста и все последующие действия властей в отношении вас.

— Что ж, пожалуйста, мне это снова доставит удовольствие, — улыбнувшись, пошутил Рудольф Иванович.

— Т-а-а-к, — протянул Донован в задумчивости, поднимаясь со стула после того, как выслушал Абеля. Он прошелся по комнате, заложив руки за спину, и, остановившись около Абеля и своих помощников, сказал: — Значит, так, Рудольф. В вашем случае работники ФБР нарушили IV поправку к Конституции США, провозглашающую охрану личности, жилища, бумаг и имущества граждан от необоснованных обысков и арестов. Смысл нарушения этой поправки сводится к тому, что вас арестовали без ордера на арест, оформленного в предусмотренном законом порядке. Ордера на обыск и изъятие имущества также не было. Правда, вам предъявили ордер на арест, выписанный службой иммиграции и натурализации, но такой ордер относится только к делам о нарушении правил въезда и проживания в стране иностранцев, является внутренним, ведомственным административным документом и на лиц, обвиняемых в других уголовных преступлениях, не распространяется и для уголовного суда недействителен. А если это так, то никакие вещественные доказательства, изъятые в отеле «Латам» и в вашей студии на Фултон-стрит, не могут фигурировать в уголовном процессе. Обвинение против вас, построенное на порочных доказательствах, должно рухнуть. Вот на этом нарушении закона, я думаю, нам и следует построить свою тактику защиты, — заключил Донован.

С его мнением все согласились.

Тем временем нанятый Донованом по просьбе Абеля детектив сообщил о Хэйханене, ссылаясь на его соседей, что он беспробудно пил. Вместе со своей женой они выпивали десять бутылок в день. Пьянки завершались постоянными ссорами, переходившими в драку; вечерами из их квартиры часто доносились ужасающие крики. Однажды дело дошло до поножовщины, и была вызвана скорая медицинская помощь для обработки полученной Хэйханеном ножевой раны.

Соседи отзывались о Хэйханене как о бездельнике, опустившемся человеке, потерявшем всякий интерес к жизни. Он нигде не работал и неизвестно, на что жил. По рассказам хозяина дома, у которого Хэйханен снял помещение для фотолаборатории, он разобрал внутреннее устройство магазина — полки, шкафы и т. д., вымазал окна мелом. На этом его деятельность закончилась.

При очередной встрече, ознакомив Абеля с собранными

детективом сведениями, Донован заметил:

— Ну и тип же этот Хэйханен. Думаю, что эти сведения нам тоже пригодятся на суде. Хорошо бы, конечно, предварительно встретиться с ним, но не знаю, разрешат ли. Во всяком случае, буду настаивать.

— Я же говорил вам, — вставил Абель, — что он — подонок.

Вскоре Большое жюри (судебная коллегия, решающая вопрос о предании суду) подтвердило обвинительный акт, и дело Р. И. Абеля перешло в руки федерального окружного судьи Мортимера У. Байерса. Последний, по свидетельству Донована, был известен как человек «ультраконсервативных взглядов». В свое время он прославился предложением ставить клеймо на руку всем иностранцам, постоянно проживающим в США и отказывающимся принять американское гражданство, считая, что эта мера облегчит властям наблюдение за иностранцами и не потребует больших затрат.

Суд рассмотрел 16 сентября 1957 года вопрос о дате слушания дела. Вопреки просьбе защиты, ходатайствовавшей о предоставлении месячного срока для подготовки к процессу, Байерс назначил слушание дела через десять дней. Такая спешка, как выяснилось впоследствии, объяснялась боязнью судебных властей за основного свидетеля обвинения — Хэйханена, который сильно пил и мог оказаться в состоянии невменяемости.

Донован 20 сентября получил список 69 свидетелей обвинения, в том числе 32 сотрудников ФБР. В оставшиеся шесть дней до начала процесса ознакомиться со всеми свидетелями защита не имела физической возможности. Поэтому она добивалась разрешения на встречу и предварительную беседу с главными из них, и прежде всего с Хэйханеном. В конце концов это удалось. Комнату, где адвокаты встретились с ним, наводнили сотрудники ФБР, не сводившие с него глаз. Ответы были заранее тщательно отработаны. Испуганно поглядывая на контрразведчиков, Хэйханен на все вопросы адвокатов отвечал заученными фразами, вроде: «До суда я с вами разговаривать не буду» или «Спросите это лучше у Марка. Он знает обо мне все». Вид Хэйханена был жалкий и внушал отвращение.

Донован по этому поводу пишет: «Его бледно-голубые глаза бегали, а черные редеющие волосы были зачесаны назад… Он лысел со лба, волосы его были выкрашены густой черной краской. Черные усы и еще более черные брови тоже казались подкрашенными. Он очень походил на изгнанного короля Египта Фарука… У него были широкие сутулые плечи и жесткие мускулистые руки, которые все время тряслись. Он, очевидно, жил, как в аду, подбадривая себя, вероятно, водкой». И далее:

«Подобно многим своим предшественникам, Хэйханен сознавал, что жизнь большинства «перебежчиков» не перестает быть адом. Как только он перешел линию, старые его страхи сменились новыми. Он потерял семью, родину, прошлое… Во время второй мировой войны я знал многих перебежчиков. Несчастные случаи, пьянство и так называемое нервное расстройство и самоубийства были частыми явлениями среди них».

Несмотря на первоначальное решение судьи, начало процесса с согласия прокурора удалось перенести. Зал заседания в здании федерального окружного суда в деловой части Бруклина в этот день был переполнен, к дверям его тянулись длинные очереди любопытных. Не в меру усердные охранники, ища оружие, обыскивали всех посетителей.

— Прошу встать!

Суд начал работу с рассмотрения ходатайства защиты о приобщении к делу материалов встречного иска Абеля об изъятии из дела всех вещественных доказательств из принадлежащего ему имущества, на которое был наложен арест.

Генерал-майор в отставке А. В. Тишков, ныне покойный, принимавший участие в анализе материалов судебного процесса над Рудольфом Ивановичем Абелем, по этому поводу писал в своей статье:

«Доказывая незаконность ареста и обыска у Абеля, защита утверждала, что Федеральному бюро расследований с самого начала было известно, кто такой Абель, и что служба иммиграции своими действиями просто прикрывала действия ФБР. Абель содержался в иммиграционном лагере все то время, пока ФБР пыталось склонить его к сотрудничеству с американской контрразведкой. Если бы эта попытка удалась, то не было бы никакого процесса.

Донован не видел в этом нарушения закона и считал, что такие действия вполне соответствовали «национальным интересам США» и входили в компетенцию контрразведки. Но поскольку вербовка сорвалась, то и завершать дело следовало, как и начали, административным путем (например, выдворить Абеля из США как нежелательного иностранца), а не оформлять его задним числом в уголовном порядке» Тишков А. Рудольф Абель перед американским судом. — Журнал «Советское государство и право», 1969, № 4 и 5.}

Перед министерством юстиции, как писал Донован, 21 июня стояла альтернатива: арестовать Абеля как уголовного преступника и предать суду или задержать как иностранца, нарушившего правила въезда и проживания в США. Избрав последний вариант, оно лишило себя права на привлечение его к

уголовной ответственности, ибо изъятые при обыске доказательства не были оформлены в законном порядке.

Суд посвятил рассмотрению этого вопроса три дня. Несмотря на то что допрошенные судом свидетели — сотрудники ФБР и службы иммиграции — полностью подтвердили обстоятельства ареста и обыска, Байерс отклонил ходатайство защиты, мотивируя свое решение тем, что министерство юстиции обязано соблюдать прежде всего интересы Соединенных Штатов и что он не видит серьезных причин, почему бы два государственных учреждения США не могли сотрудничать в подобном деле.

Вынося такое решение, Байерс, во-первых, противопоставил американский закон «интересам США», а во-вторых, ушел от решения вопроса по существу — законно или незаконно добыты доказательства против Абеля. Ведь защита вовсе и не думала возражать против сотрудничества двух государственных учреждений, но утверждала только, что это сотрудничество должно проходить в рамках закона. Решение судьи, по мнению Донована, было бы по крайней мере «простым и ясным», хотя защита и считала его неправильным с точки зрения существующих законов.

На здании федерального суда Восточного округа Нью-Йорка перед началом процесса появилась афиша, возвещавшая: «Здесь слушается дело № 45094 «Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля».

«Председательствующий: Мортимер У. Байерс, федеральный окружной судья.

Стороны:

Обвинение: Уильям Ф. Томпкинс, помощник генерал-прокурора, Вашингтон (Корнелиус У. Уикерсхэм мл. — федеральный прокурор Восточного округа Нью-Йорка; Кевин Т. Мароней, Энтони Р. Палермо, Джеймс Т. Фезерстоун — прокуроры министерства юстиции);

Защита: Джеймс Б. Донован, Бруклин, Нью-Йорк (помощники: Арнольд Г. Фреймен, Нью-Йорк; Томас М. Дебевойс, Вудсток в штате Вермонт)».

Внешняя сторона процесса, по свидетельству прессы, была подчеркнуто торжественной.

Стояла золотая осень. В старинном здании федерального суда Восточного округа, построенном в 1889 году, было душно. Готические башни этого здания выходили на дом 252 по Фултон-стрит, где проживал Абель. Зал заседаний суда оказался переполненным, у дверей толпились зрители, оставшиеся без мест. Сообщения об аресте Абеля публиковались в газетах от Токио до Иоганнесбурга, и теперь внимание всего мира было

сосредоточено на судебном процессе в Америке. У дверей зала заседаний и внутри него находились судебные исполнители, размещенные так, чтобы наблюдать за публикой. На лацканах их пиджаков были прикреплены значки, указывающие, что они являются государственными служащими и вооружены. В зале чувствовалось напряжение. Среди публики сидела делегация работников ФБР. И вот в помещение суда ввели чисто выбритого и бодрого Абеля. Он сел на отведенное ему место за столом позади защиты. Потом появились присяжные, а за ними вошел судья Байерс, который после того, как все встали, опустился на свой обитый кожей трон с высокой спинкой.

Справа от судьи на вращающихся деревянных стульях с подлокотниками и круглыми спинками расположились присяжные и их заместители. Высоко над их головами висели часы. Слева от судьи, напротив присяжных, спиной к окнам разместились представители прессы. Присутствие пяти прокуроров, поддерживавших обвинение против Абеля, указывало на тщательную подготовку министерства юстиции к суду.

«Это дело, — свидетельствует Донован, — для министерства сейчас было наиболее важным из уголовных дел. Каждый потенциальный свидетель много раз допрашивался, опрашивался и подвергался перекрестному допросу следователями, выявившими сильные и слабые места в том, что он может показать. Эксперты анализировали каждый документ. Была досконально продумана тактика, которой следовало бы придерживаться на суде, соответствующие планы составлялись и заменялись лучшими; как по существу дела, так и по процедурным вопросам разрабатывались юридические меморандумы». Защита же, по оценке Донована, не имела возможности так же хорошо подготовиться к слушанию дела. К тому же ходатайства защиты о предъявлении документов судья Байерс либо полностью отклонял, либо разрешал предъявлять в самом минимальном числе.

Первым сорокаминутную вступительную речь произнес прокурор Томпкинс, худощавый темноволосый мужчина 44 лет. Особый акцент он сделал на том, что советский разведчик поступил «исключительно дерзко», устроившись как раз напротив здания федерального суда — штаб-квартиры всех органов, обеспечивающих соблюдение законности в Бруклине и Лонг-Айленде. По соседству находился и местный полицейский участок. Сейчас можно, конечно, спорить, правильно или неправильно поступил Абель, выбрав себе такое соседство, но факт остается фактом — четыре года он благополучно и спокойно работал под сенью бруклинской полиции и «всех органов,

обеспечивающих соблюдение законности» в этом округе. Все окружающие видели в нем только скромного художника и не подозревали, что на самом деле он совсем не тот, за кого себя выдает. И только прямое предательство одного из соучастников привело его на скамью подсудимых.

Далее Томпкинс изложил содержание обвинительного акта, обещая подтвердить его прямыми и косвенными доказательствами, не преминув подчеркнуть особое значение этого дела для национальной безопасности США.

Затем с двадцатиминутной вступительной речью выступил Донован. Он стремился внушить присяжным, что при высказывании ими мнения о виновности подсудимого они не должны руководствоваться своим отношением к СССР или к коммунизму, а обязаны только ответить на вопрос, доказана ли его виновность в совершении предъявленных ему конкретных преступлений[7] Касаясь Хэйханена, Донован отметил, что этот свидетель совершил те же деяния, что и подсудимый, однако пока еще ни за одно из них не привлечен к уголовной ответственности. Ему так же, как и Абелю, грозит смертная казнь, и единственная его надежда на снисхождение заключается в том, чтобы придать как можно больше важности той информации, которую он, по его словам, хочет передать правительству США. Он призвал присяжных постоянно помнить, что от того, как они будут выполнять свои обязанности, может зависеть жизнь человека.

Абель, отказавшийся заранее от дачи показаний, сидел позади своих защитников очень спокойно. Он был сосредоточен и внимательно следил за всем происходящим, время от времени делая заметки и зарисовки. «Репортеры и все остальные, — замечает Донован, — кто день за днем сидел в зале, наблюдая за тем, как Абель делает заметки, что-то рисует и непринужденно разговаривает со своим защитником во время перерывов, были уверены, что он холодный человек, бесстрастный наблюдатель, не заинтересованный в исходе процесса.

Они не могли бы впасть в большую ошибку. Только железная самодисциплина позволяла ему сидеть молча и спокойно, не показывая ни единого признака того, что он переживал физическую и эмоциональную пытку. Никто из нас не знал и того, что физически он был не очень здоровым человеком. У него была язва желудка, на которую он ни разу не пожаловался».

Но вот судья вызвал главного свидетеля обвинения. Через день в задней части зала суда появился дородный субъект. Он был тучен и багроволиц. Пиджак туго обтягивал его толстый живот. Было очевидно, что он едва владеет собой. Руки его тряслись, лицо покрылось испариной, взгляд устремлен в пол.

Присутствующие в зале смотрели на него с явным разочарованием. Главный свидетель обвинения, вопреки их ожиданиям, производил жалкое впечатление.

Абель ни единым жестом не выдал своего внутреннего волнения при появлении Хэйханена. Лишь самое пристальное наблюдение могло бы зафиксировать, что лицо его посуровело, а в глубоко посаженных серых глазах, устремленных на предателя, появился стальной блеск.

Хэйханен говорил невнятно, часто сбивался, путался, лексика его вызывала раздражение у слушателей. Прокурор Томпкинс старался задавать наводящие вопросы. Протесты Донована повисали в воздухе. Судья Байерс неизменно отклонял их, заявляя, что не видит в наводящих вопросах ничего «вредного», так как они «экономят время».

Рассказывая о технике разведки и о различных фактах, подтверждающих принадлежность Абеля к советской разведывательной службе, Хэйханен, однако, не смог сказать ничего конкретного ни о передаче СССР информации, касающейся вопросов атомной энергии и военного потенциала США, ни о сборе такой информации. Его утверждения были расплывчаты и не подкреплялись твердо установленными данными — датами, указанием времени, точного местонахождения и конкретных лиц, пишет Донован. Показания Хэйханена в лучшем случае подтверждали только пункт третий обвинительного акта (пребывание на территории США в качестве агента иностранной державы без регистрации), грозивший максимально пятью годами тюремного заключения.

Хэйханен покинул место свидетеля, ответив на 220 вопросов. Он ушел как побитый, с низко опущенной головой, красный и потный. (Сделав свое подлое дело, в дальнейшем он оказался никому не нужным. Спустя четыре года он погиб в автомобильной катастрофе на Пенсильванском шоссе.)

Выступившие остальные свидетели, большинство из которых составляли сотрудники ФБР, тем более ничего не смогли сказать о деятельности Абеля. На одном из заседаний зачитывались восемь писем к Абелю от жены и дочери, хранившиеся в виде микрофильмов. Эту пленку Абель успел выбросить в мусорную корзину в отеле «Латам» во время его ареста, но сотрудники ФБР позже нашли ее и подвергли исследованию. Письма дочери были написаны по-английски, письма жены — по-русски.

Теплые, сердечные, интимные письма характеризовали Абеля как преданного мужа и отца. Они убеждали в душевной близости и любовном отношении жены и дочери к Рудольфу Ивановичу, атмосфере дружелюбия и преданности друг другу, царившей в их

семье. Эти письма Абель хранил как самое дорогое, они помогали ему легче переносить трудности своего положения.

Публичное чтение личных писем было встречено в зале суда неодобрительно, как антигуманный акт, оскорблявший честь и достоинство человека. Но оно вместе с тем вызвало у большинства слушателей волну симпатий к советскому разведчику, подчинившему свои личные интересы делу служения Родине. Корреспондент одного журнала, освещающий этот процесс, писал: «Когда судейские работники, бубня, зачитывали письма, стальная броня самодисциплины Абеля чуть не дала трещину. Лицо покраснело, а его проницательные, глубоко посаженные глаза наполнились слезами».

Легко представить, уважаемый читатель, какую действительно душевную боль должен испытывать в этот момент наш разведчик. Помимо по-человечески понятного переживания он внутренне казнил себя еще за то, что хранил эти письма в нарушение хорошо известной ему инструкции. Но все же, как свидетельствует Донован, Абель сидел спокойно, а когда обсуждение закончилось, он передал Доновану четыре исписанных листка, озаглавленных «Заметки по делу Р. И. Абеля».

В показаниях свидетелей, знавших Абеля по США, обращает на себя внимание то, что все они характеризуют его положительно. Например, художник Сильвермен свидетельствует на суде:

«Вопрос судьи Байерса: За время вашего знакомства с обвиняемым заходили ли вы к нему по каким-либо поводам?

Ответ: Да.

Вопрос: Часто вы с ним разговаривали?

Ответ: Да.

Вопрос: Какова была репутация обвиняемого среди жителей вашего района в отношении честности и прямоты?

Ответ: Она была безупречна.

Вопрос: Не слышали ли вы когда-либо что-нибудь плохое о подсудимом?

Ответ: Нет».

После десятидневного разбирательства 24 октября 1957 года начались прения сторон. Первым в соответствии с правилами американской судебной процедуры с речью выступил защитник Донован. Он, в частности, сказал:

«Прежде всего давайте на минуту предположим, что этот человек является тем, кем его считает обвинение. Предположим, что это так. Это означает, что человек этот служил своей стране, выполняя исключительно опасную миссию. Наши вооруженные силы посылают с такими заданиями только самых смелых и

самых умных людей. Каждый американец, выступавший по этому делу свидетелем, лично знавший его в то время, когда этот человек жил в нашей стране, хотя такого свидетеля и вызывали в других целях, способствовал выяснению характера обвиняемого. Вы слышали, как эти люди один за другим давали здесь показания. (Положительно характеризующие Абеля. — **Авт**.)

Вчера днем вам были прочитаны письма от семьи этого человека. Вы можете оценить эти письма… безусловно, они рисуют образ прекрасного мужа и любящего отца. Короче говоря, это прекрасный образец семьянина, такого семьянина, какие есть у нас в Соединенных Штатах Америки.

Таким образом, с одной стороны, предположив, что все это истина, вы имеете перед собой весьма мужественного патриота, служащего своей стране и выполняющего исключительно опасную военную миссию, который жил среди нас в эти мирные годы. С другой стороны, перед вами два человека, выступавшие… в качестве основных свидетелей обвинения.

Хэйханен по любой оценке — ренегат. Первоначально велись разговоры о том, что Хэйханен — это человек, который, я цитирую, «перешел на Запад». Может создаться впечатление, что это высокоидейный человек, который в конце концов «избрал свободу». Вы видели, что это за человек. Бездельник. Ренегат. Лжец. Вор.

…Он профессиональный обманщик, а теперь, как вам известно и как он показал, ему платит наше правительство.

…Оценивая показания этого свидетеля, постоянно задавайте себе следующий вопрос: говорит он правду или ложь, причем, быть может, настолько серьезную ложь, что она может спасти его собственную шкуру».

И далее: «Как вам известно, человека этого (Хэйханена. — Авт.) вели — я именно хочу сказать «вели» — по сотням страниц показаний его деятельности. То, что он рассказал, я полагаю, можно справедливо охарактеризовать как хорошо отрепетированную историю. В двух случаях его спросили: «Зачем вы прибыли в Америку?» Он ответил: «Я прибыл в Америку, чтобы помочь Марку в шпионской деятельности». В другом случае его спросили: «Какого рода информацию вы пытались добывать?» Его ответ, фактически совпадавший с формулировкой из сборника законов по соответствующему разделу, гласил, что это была информация, «затрагивающая национальную безопасность Соединенных Штатов Америки».

За исключением этих двух тончайших нитей, представленных самым жалким из свидетелей, который когда-либо выступал в суде, в деле нет никаких доказательств, говорящих о том, что

передавалась информация, затрагивающая национальную безопасность и секреты в области атомной энергии. Таких доказательств в деле нет. Однако на основе именно этих доказательств вам предлагают послать человека, возможно, на смерть. А ведь даже собаку вы убиваете только в том случае, если известно, что она бешеная…»

Речь выступившего после Донована прокурора Томпкинса продолжалась около часа. «Он поддерживал все пункты обвинения, — пишет А. Тишков. — Очевидно, барьер, который представлял для обвинителя факт отсутствия конкретных доказательств, свидетельствующих о сборе и передаче секретных сведений, Томпкинс преодолел ссылкой на то, что «действия участников заговора не обязательно должны быть успешными» и что «мы не должны сидеть сложа руки и допускать, чтобы какое-либо лицо получало наши секреты… Мы не можем допустить того, чтобы преступление свершилось».

«Я хочу со всей силой подчеркнуть, — сказал он в заключение, — что для признания обвиняемого виновным вовсе не обязательно, чтобы преступник сумел совершить свое деяние». Повторив утверждение о праве «общества и правительства» на самозащиту, он потребовал признать Абеля виновным по всем пунктам предъявленного ему обвинения.

Судебное заседание 25 октября началось с выступления судьи Байерса перед присяжными. Он давал им свои напутствия.

В этот день Донован пометил в своем дневнике, что неумолимый и повелительный Мортимер Байерс «царил» в зале судебного заседания. «Байерс задавал тон на процессе. Все ориентировались на него, и присяжные почтительно взирали на него». После выступления Байерса присяжные удалились на совещание. Оно продолжалось три с половиной часа.

«Теперь, — пишет Донован, — все происходило с удивительной быстротой. Все делалось механически, официально и расторопно. Секретарь суда Джон Скотт встал… Он обратился к присяжным.

— По делу «Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Абеля» признаете ли вы обвиняемого виновным или невиновным по первому пункту обвинения?

— Виновен.

Трижды секретарь обращался с вопросом к присяжным, и трижды старшина присяжных Даблин провозглашал, что Абель «виновен».

Абель сидел все время абсолютно спокойно: ни один мускул его лица не дрогнул, когда он слушал эти звучащие, как эхо: виновен, виновен…

Донован выступил с предложением отклонить вердикт как противоречащий доказательствам, но судья отвел это предложение и назначил срок объявления на 15 сентября.

По распоряжению судьи Абеля снова взяли под стражу, вывели из зала суда, надели ему наручники и втиснули в тюремный фургон, в котором уже не в первый раз он должен был трястись в федеральную тюрьму на Уэст-стрит, где ему предстояло провести еще долгих двадцать суток до окончательного решения суда.

Добравшись до тюремной койки, Абель сразу же лег, расслабился и, закрыв глаза, погрузился в дремоту, стараясь ни о чем не думать. Он не питал иллюзий относительно исхода суда, рассматривая происходившее как заранее спланированное и разыгрываемое по сценарию спецслужб представление, главной целью которого была обработка общественности в выгодном для них свете.

Однако «в течение всего процесса, — пишет Донован, — Абель не бездействовал. Его руки и ум все время работали. Если он не делал заметок, то все время что-то рисовал. Он нарисовал Хэйханена, присяжных, судью Байерса, судебных служителей и обвинителя. Все это он делал ради отвлечения, находя в творчестве не только естественное удовлетворение своего желания, но и истинное успокоение».

Пятнадцатого ноября в 10 часов 30 минут утра зал суда был переполнен. Началось последнее заседание.

За день до этого Донован направил Байерсу письмо с обоснованием того, что в интересах США было бы целесообразно сохранить жизнь Абеля. Предварительно он обсуждал этот вопрос в Вашингтоне с представителями «заинтересованных» органов и ведомств, включая министерство юстиции.

И вот сейчас, обращаясь к суду с последней речью, приводя свои аргументы, Донован сказал:

— Я утверждаю, что интересы правосудия и национальные интересы Соединенных Штатов Америки требуют, чтобы смертная казнь не была применена по следующим причинам:

1) обвинение не представило доказательств, свидетельствующих о том, что обвиняемый действительно занимался сбором и передачей информации, касающейся национальной обороны;

2) обычно смертная казнь обосновывается тем соображением, что она может послужить сдерживающим фактором. Однако абсурдно было бы полагать, что казнь этого человека окажет сдерживающее влияние на военные круги России;

3) оценивая последствия применения смертной казни к

иностранцу, обвиняемому в условиях мира в заговоре, имеющем целью ведения шпионажа, правительство должно учитывать деятельность наших собственных граждан за границей;

4) пока что правительству не удалось добиться со стороны подсудимого того, что оно могло бы счесть «сотрудничеством». Однако, безусловно, существует возможность, что это положение в будущем может измениться в результате появления различных новых обстоятельств. Соответственно наши национальные интересы, по-видимому, требуют, чтобы этот человек был в нашем распоряжении в пределах разумного периода времени;

5) можно предположить, что в пределах обозримого будущего американец соответствующего ранга будет захвачен Советской Россией или ее союзниками. В таком случае обмен заключенными через дипломатические каналы, возможно, наилучшим образом будет соответствовать интересам США.

После выступления Донована судья Байерс спросил:

— Желает ли обвиняемый что-либо сказать от своего имени?

— Нет, Ваша честь, я не желаю ничего сказать, — последовал ответ Абеля.

Вынесение приговора заняло всего 16 минут. Судья объявил, что Абель приговаривается к 30 годам тюремного заключения и уплате штрафа в три тысячи долларов.

«Когда я затем пришел к Абелю в камеру для заключенных в подвале здания суда… он ожидал меня, — вспоминает Донован. — Непринужденно сидя в большом деревянном кресле, закинув ногу на ногу, он попыхивал сигаретой… Глядя на него, можно было подумать, что у этого человека нет абсолютно никаких забот.

— Это было неплохо, — сказал он наконец. — То, что вы сказали там в суде, — это было очень здорово.

…Моя рубашка промокла от пота и прилипла к бокам. Все мои духовные силы были исчерпаны, а он с поразительной самоуверенностью говорит мне «неплохо». В этот момент подобное холодное самообладание профессионала показалось мне невыносимым».

После суда Абель подал апелляционную жалобу на несправедливый суровый приговор. Она была рассмотрена апелляционным судом только 11 июля 1958 года, оставившем в силе приговор суда первой инстанции. Это решение, естественно, не могло удовлетворить Рудольфа Ивановича, и он попросил своего защитника принять меры к передаче дела в Верховный суд, который, затянув рассмотрение дела до 28 марта 1960 года, пятью голосами против четырех вынес отрицательное решение.

Итак, Абелю предстояло отбыть тридцать лет тюрьмы. Если

учесть, что к моменту вынесения приговора ему исполнилось 54 года, то практически это означало пожизненное заключение.

По поводу решения Верховного суда Абель писал Доновану: «Оно меня не удивило. Я не верил, что дело будет рассматриваться на основе закона. Я рассматриваю его как политическое решение».

Это была трезвая оценка.

Нью-йоркская окружная тюрьма на Уэст-стрит, где Абель находился до 25 мая 1958 года, представляет собой весьма мрачное сооружение, построенное вначале под гараж, а затем переделанное под тюрьму. Помещение очень темное, сырое, и даже днем в нем горит электрический свет. Ночью свет выключается, остается лишь минимум освещения для нужд охраны. На первом этаже — контора дежурного, у которого имеются доски с сигнальными лампами, телефоны, ключи и т. д. Защищена контора толстыми стеклянными стенами, якобы не пробиваемыми пулями. На передней (входной) двери и других дверях в прихожей поставлены электрические замки и приводы, открывающие и закрывающие их.

Через вторую дверь на первом этаже тюрьмы арестованного ведут к лифту и поднимают на второй этаж. Из лифта выводят в зал, в котором расположен ряд стальных клеток-камер и, повернув направо, через решетчатую дверь попадают в так называемую приемную. Здесь арестованному предлагают раздеться, принять душ, пройти телесный осмотр и одеться в тюремную одежду. Одежда и личные вещи просматриваются, и на них составляется опись, копию которой вместе с квитанцией на деньги вручают арестованному. Ему дают номер и затем водворяют в камеру для вновь прибывших, именуемую карантином. В этой части второго этажа размещены камеры для особо важных преступников, карцер, склад одежды арестованных, приемная, камера-раздевальная с душем, камера для наркоманов, контора начальника охраны, отдел учета с фотографией, больница.

Распорядок дня в тюрьме выполнялся неукоснительно: побудка — в 6.30 утра, завтрак — в 7.00, проверка — в 8.00, проверка — в 10.00, обед — в 11.30, проверка — в 14.00, ужин — от 17.00 до 18.00, проверка — в 19.00, проверка — в 21.00, сон — в 22.00.

Все арестованные, в том числе Абель, периодически подвергались телесному осмотру. Он был очень тщательным. Раздевали догола, осматривали рот, уши, тело, пальцы рук и ног, подмышки и т. д.

Первое время Абель содержался в одиночной камере для

особо охраняемых, затем из-за нехватки мест в тюрьме, как объясняла администрация, к нему подселили уголовника Винсента Скуилланта, известного под кличкой «Джимми». Он считался «королем» вымогателей, занимавшихся рэкетом в центральной части Нью-Йорка. Как сообщали газеты, Скуиллант пользовался уважением среди бандитов, поскольку он был крестником печальной славы Альберта Анастазия, являвшегося в свое время шефом фирмы по организации убийств.

Директор тюрьмы Кринский в конце февраля 1958 года сообщил Доновану, что адвокат Скуилланта подал жалобу на имя администрации, будучи недоволен тем, что его клиента «заставляют» находиться в камере с осужденным русским. «Люди думают, — указывалось в жалобе, — что он (Скуиллант. — Авт.) — коммунист».

«Я убедил Кринского, — пишет Донован, — что он должен отвергнуть жалобу Скуилланта. Минуту спустя ввели Абеля, и я обратился к нему со следующими словами:

— Я слышал, у вас появился сосед по камере.

— Да, — ответил Абель, — бедняга бандит.

— Как вы с ним уживаетесь?

— Очень хорошо, — сказал полковник, закуривая сигарету, — я учу его французскому языку. Видите ли, Скуиллант был очень расстроен в связи с тем, что снова попал в тюрьму, и первые дни вел себя, как зверь в клетке. Я не обращал внимания на его возню, но в конце концов она стала мешать мне решать математические задачи, с помощью которых я убивал время. И вот у меня появилась идея.

Я замечал, что людям, привыкшим действовать методами насилия, физическое утомление помогает успокаивать эмоциональное возбуждение. Мне трудно было что-нибудь придумать в маленькой камере с самым строгим режимом. Однако я заметил, что стены, потолок и пол камеры — грязные, и спросил, не хочет ли он поскрести их, чтобы сохранить свою физическую форму…

В конце концов он заявил, что займется этим делом. С тех пор каждый день по нескольку часов он скреб камеру и содержал ее в абсолютной чистоте.

Я подумал, чем бы компенсировать его усилия, и предложил учить его французскому языку, и он был в восторге. Я проявил терпение, и без каких-либо текстов мы добились весьма неплохих успехов».

Тяготы однообразной тюремной жизни на Уэст-стрит скрашивали лишь периодические выезды в суд и пребывание в обществе адвокатов, особенно Донована, с которым Абелю

удалось установить довольно хорошие отношения.

«Я нашел в нем (Абеле. — Авт.), — пишет Донован, — увлекательного, будящего мысль собеседника, особенно благодаря интеллектуальной честности, с которой он подходил к любому вопросу». В другом месте, характеризуя своего подзащитного, Донован указывает: «Полковник был на редкость своеобразной личностью. Его снедала постоянная потребность в духовной пище, свойственная каждому образованному человеку».

Абель обладал удивительной способностью находить себе занятие в любой обстановке. Ум его никогда не бездействовал, а находился в постоянном напряжении, поиске увлекавших его идей, будь то решение математических задач или изучение заинтересовавших его предметов. Об этом, в частности, свидетельствует и такой факт. Пока адвокат готовил апелляцию, Абель занялся проблемой лучшего использования помещений тюремного здания. Он разработал подробные предложения и составил рабочие чертежи. Управление тюрем США нашло проект «очень хорошим» и одобрило его, однако претворить в жизнь не смогло из-за отсутствия в то время средств.

Абель известил 24 мая 1958 года управление тюрем о своем желании начать отбывать срок наказания, так как по американским законам пребывание в следственной тюрьме на Уэст-стрит не засчитывалось в срок отбывания наказания, назначенного судом. Это был последний день его пребывания в Нью-Йорке. Впереди его ожидала федеральная исправительная тюрьма в Атланте, штат Джорджия.

Предоставим слово самому Абелю[8]

«25 мая 1958 года утром я вместе с 20-ю другими осужденными выехал автобусом из Нью-Йорка. Мы были скованы попарно. Путь Нью-Йорк — Люисберг (штат Пенсильвания) занял примерно часа четыре. Нас раздели, осмотрели, переодели в местную одежду и повели в отделение тюрьмы для вновь прибывших. В 7.30 утра на следующий день выехали в Питерсберг, штат Северная Каролина. Прибыли в 9 часов вечера. Переночевали в местной тюрьме. Утром в 7.30 выехали в Атланту, прибыли туда в 9 вечера.

В первый день, после завтрака, явился чиновник учетного отдела тюрьмы, с ним фотограф и письмоводитель — оба из заключенных. Нас сфотографировали, сняли отпечатки пальцев, на каждого заполнили учетную карточку. В течение пяти недель нас подвергли медосмотру, проинструктировали по разным вопросам тюремной жизни, водили показывать места работы, где трудятся каменщики, жестянщики, сварщики, водопроводчики, плотники, радиотехники, чертежники, художники.

Первое время работал по уборке общих помещений, затем выдавал бумаги и анкеты. После выхода из карантина стал работать художником в школе прикладного искусства.

Надзор был максимальный. Поселили меня в корпус «А» на первом этаже в камере № 16. Мой адрес стал 1-16. В этой камере я прожил 1,5 года, а затем был переведен в корпус «В» в камеру для строго охраняемых уголовников».

Так кратко, буквально протокольно Абель рассказывает в отчете о своем пребывании в Атланте, умалчивая в силу присущей ему скромности о тех многочисленных трудностях, которые ему пришлось пережить в казематах этой тюрьмы за четыре года. Уже сам вид унылой, голой каменной крепости, по наблюдениям Абеля, внушал многим заключенным непреодолимый страх. Четырехэтажное здание тюрьмы с подвалом стоит на обнесенном оградой участке, включающем небольшой двор для прогулок и игры в волейбол. На первом и втором этажах размещаются вновь прибывшие, на третьем и четвертом — «выпускники». В отдельном помещении — душ, склады, школа.

На первом этаже находятся также контора дежурного надзирателя и канцелярия, парикмахерская, кабины для разговоров служащих тюрьмы с заключенными и классная комната. Эта часть отделена от помещения с камерами стальной решеткой с дверью. В передней части имеются рычаги для запирания дверей камер. На втором этаже — библиотека, помещения для игры в карты, шашки, для фотографирования и снятия отпечатков пальцев. Эта часть тоже отделена от камер стальной решеткой.

Тюрьма имеет четыре главных корпуса: корпус «А» — для белых, главным образом обслуживающих тюрьму; «В» — для работающих на текстильной фабрике и в печатном цеху; «С» — для негров; «D» — для негров, занятых на производстве. Камеры для «максимальных» (осужденных на длительные сроки) располагались в основных корпусах «А», «В», «С» и «D», для «средних» и «минимальных» — в других помещениях, где заключенные могли свободно передвигаться и общаться между собой. В углу каждого корпуса около входной двери находится контора надзирателей.

Здание тюрьмы обнесено стеной, высота которой в некоторых местах достигает восемнадцати метров. Она считалась самым крупным в мире железобетонным сооружением, отлитым вручную. Бетон очень прочный благодаря примеси дробленого гранита.

В тюрьме содержалось 2600–2800 заключенных. Ежемесячно в

среднем поступало 120 человек, примерно столько же убывало. Распорядок дня: подъем — в 5.45, завтрак — в 6.30, выход на работу — в 7.30, обед — с 10.30 до 12.15, ужин — с 15.40 до 16.20, прогулка — с 17.15 до 19.00, вечерняя проверка — с 19.30 до 20.00. После прогулки камеры запирались, и заключенные находились в них до утра. В 21.00 проводилась вторая вечерняя проверка. В 22.30 выключался свет. Первая ночная проверка производилась в полночь новой сменой надзирателей, а затем проверка шла через каждые два часа до 6.00 утра.

Контингент заключенных был самым разнообразным, однако преобладали уголовники. Поэтому обычным явлением в тюрьме считались кражи, драки, спекуляции, увлечение наркотиками и спиртными напитками, которые умудрялись готовить сами заключенные.

Согласитесь, уважаемый читатель, что только то, что в течение двух с половиной лет Абель жил в одной камере с отпетыми уголовниками, было для него, человека в высшей степени образованного, культурного, «снедаемого», по выражению Донована, «постоянной потребностью в духовной пище», моральной пыткой. И, несмотря на это, он никогда и ни на что не жаловался, стойко переносил все тяготы тюремной жизни. Сокамерники Абеля вскоре почувствовали его духовную силу, стойкость и мужество характера, большие знания в любой области и невольно прониклись к нему уважением. Он стал у них непререкаемым авторитетом. К нему шли за советом, он был главным судьей в разрешении споров.

По этому поводу Донован замечает: «Полковник находился в камере с восемью другими заключенными. Один из них был приговорен к пожизненному заключению за похищение ребенка, уже отбыл 23 года». И далее: «Все его письма были письмами воспитанного джентльмена. Он не жаловался на свою судьбу и не критиковал своих тюремщиков. Он всегда передавал теплые приветы моей семье и моим сотрудникам, выполнявшим иногда его поручения».

Вскоре по прибытии в Атланту Абель направил Доновану официальное заявление, в котором поручал зарегистрироваться у начальника тюрьмы в качестве его адвоката, с тем чтобы Донован мог писать ему как «официально допущенный корреспондент». Обратный адрес гласил: «Почтовый ящик ПМБ, Атланта, 15, Джорджия, государственное дело. Заключенному 1-16 Рудольфу И. Абелю».

В дальнейшем они периодически обменивались письмами, и два раза Донован приезжал в Атланту навестить Абеля. Эти визиты, надо полагать, были связаны с поручениями, которые

Донован получал от своих бывших друзей по разведке, так как перед этим он встречался с бывшим шефом ЦРУ Алленом Даллесом и его юрисконсультом Ларри Хаустоном. Заметим, кстати, что во время одной из бесед с Донованом Даллес сказал:

— Я хотел бы, чтобы мы сегодня имели таких трех-четырех человек, как он (имеется в виду Абель. — Авт.), в Москве.

«У нас нет данных, — пишет в упоминавшейся статье А. Тишков, — выполнял ли Донован чье-либо задание или действовал самостоятельно, так сказать, из чисто «профессионального интереса». Но, начиная с первой встречи со своим подзащитным, он не упускал подходящего случая, чтобы не посоветовать Абелю согласиться на «сотрудничество с правительством США» (сиречь с его контрразведкой). Он сам пишет об этом, стараясь всюду подчеркнуть, что, защищая Абеля, все время продолжал «печься» о «национальных интересах США». Расчет Донована, вероятно, строился на предположении, что там, где не добились успеха сотрудники ФБР, может с лучшими результатами выступить адвокат, пользующийся расположением и признательностью своего подзащитного. Но адвокат, как только он начинал выступать в роли разведчика, наталкивался на тот же спокойный и твердый ответ, что и сотрудники ФБР.

Первую попытку вызвать Абеля на откровенный разговор в этом направлении Донован сделал в самом начале их знакомства, когда принял к производству дело по его защите в суде. Он пишет: «Однажды я спросил у него, какая его настоящая фамилия. Подумав, он сказал: «Это вам необходимо знать для защиты?» Я ответил, что нет. Он постучал ногой по полу и проговорил: «Тогда давайте поговорим о чем-либо, имеющем большее отношение к делу».

Но более четкий намек на это защитник сделал, когда в той же беседе заявил: «Не собираюсь нажимать на вас по этому вопросу, но, как американец, надеюсь, что ваше мнение относительно сотрудничества изменится».

В другой раз, когда Абелю был вынесен приговор и они с Донованом обсуждали вопрос относительно апелляционной жалобы, между ними произошел следующий разговор:

— Если ваша апелляционная жалоба будет удовлетворена и приговор отменят, что произойдет тогда со мной? — спросил Абель.

— Рудольф, — сказал я, посмотрев ему прямо в лицо, — если мои труды окажутся успешными и вас освободят, возможно, мне придется самому застрелить вас. Не забывайте, я все еще имею звание командера военно-морской разведки.

Абель затянулся сигаретой, выпустил дым и сказал спокойно:

— Знаете, я думаю, вы так бы и сделали.

Этот разговор назван Донованом «шутливым», но он имеет глубокий смысл как несомненное подтверждение нажима на Абеля за его несговорчивость, поскольку хотя и в замаскированной форме, но вполне определенно дается понять, что «безвозмездное» освобождение разведчика не входит в планы даже его защитника.

Прямую попытку склонить Абеля к сотрудничеству с американскими спецслужбами Донован сделал в свой приезд в Атланту 3 апреля 1960 года.

«Полковник, — пишет Донован, — выглядел осунувшимся, измученным; одежда висела на нем. Под его глубоко посаженными глазами были темные круги. Тюрьма состарила его, подумал я. Мы виделись с ним в последний раз почти год назад, и, когда его ввели в комнату, меня поразила его явная физическая изможденность.

— Я здоров, — сказал он поспешно. — Все это наделала жара в Джорджии. Она меня замучила, я потерял десять фунтов…

…Мы снова коснулись опасной темы, когда перешли к обсуждению возможности ходатайствовать о сокращении тридцатилетнего срока заключения Абеля. Я недавно беседовал по этому вопросу с представителями министерства юстиции и был подготовлен к его обсуждению.

— Это можно сделать, — сказал я, — только в том случае, если суду будет известно, что вы действительно сотрудничаете с правительством… В ином случае первоначальный приговор не будет изменен.

Он покачал головой.

— Об этом не может быть и речи. Никогда я этого не сделаю, — сказал он. — В первые же полчаса, когда я сидел утром на кровати в гостинице «Латам», я принял решение, и оно остается твердым.

— При таких обстоятельствах, — сказал я, — было бы бесполезно обращаться с таким ходатайством к судье Байерсу… — Абель только покачал головой и не сказал ни слова».

Получив отпор, Донован сделал заход с другой стороны. Он спросил, не будут ли грозить Абелю неприятности по возвращении в СССР, не отправят ли его в Сибирь?

— Не думаю, — ответил Абель, — что в моей благонадежности будут сомневаться больше, чем в благонадежности американского офицера, вернувшегося домой при аналогичных обстоятельствах».

Другой формой нажима на Абеля был запрет на переписку с женой и дочерью. Первоначально, после того как Донован

посоветовался с Алленом Даллесом и в министерстве юстиции, этот вопрос решили положительно, хотя и с большой затяжкой. Но вскоре на их переписку наложили запрет. Спустя семь месяцев после разрешения на переписку, 28 июня 1959 года, Донован получил из министерства юстиции США письмо следующего содержания:

«Мы хотим сообщить вам о том, что министерство приняло решение принципиального характера: лишить Абеля впредь привилегии вести переписку с кем-либо за пределами Соединенных Штатов Америки, в том числе с лицами, выступающими в качестве его жены и дочери…

…Это наше решение основано на убеждении в том, что предоставление Абелю — осужденному советскому шпиону — возможности продолжать в дальнейшем переписку с людьми из стран советского блока не будет соответствовать нашим национальным интересам».

«Этот запрет, — свидетельствует Донован, — вызвал у полковника такой приступ гнева, какой не вызывало ничто другое в течение четырех лет и пяти месяцев, пока я представлял его интересы».

Абель тогда написал Доновану:

«Я не могу не думать, что эта мера рассчитана как дополнительное наказание сверх того, что мне назначено судьей.

…Письма подвергаются цензуре, и те из них, которые имеют неподобающее содержание, возвращаются. Поскольку мои письма, отправляемые авиапочтой, находились в пути от двадцати пяти до тридцати дней, имелось достаточно времени для самого тщательного изучения этих писем… Права переписки обычно лишают за нарушение правил поведения в тюрьме (у него этого не было. — **Авт.).**

…Я просто не могу себе представить, какую угрозу национальной безопасности может заключать в себе мое пребывание в атлантской тюрьме, находясь в которой, я не имею связи с внешним миром».

Наконец после продолжительных усилий американская сторона дала согласие на переписку Абеля с женой и дочерью.

И вот от него поступило первое письмо.

> «Милая Елена!
>
> Наконец мне представилась первая возможность написать тебе и нашей дочери Лидии. Я искренне верю, что ты получишь это письмо и ответишь мне.
>
> Возможно, тот, кто передаст тебе письмо, расскажет о положении, в котором я нахожусь в настоящее время.

Но в этом письме мне лучше все же сообщить тебе следующее: я сижу в тюрьме, осужден на 30 лет за шпионаж, пока нахожусь в федеральной тюрьме в городе Атланта штата Джорджия. Состояние здоровья хорошее, занимаюсь математикой и искусством. Музыка теперь отпала, но, возможно, позже я смогу вернуться к ней.

Пожалуйста, не переживай слишком о том, что произошло, подумай лучше о себе и надейся на скорую встречу. Важно, чтобы ты думала о своем здоровье. Прошу написать мне, как ты чувствуешь себя и каково состояние Лидии? Судя по тому, что я слышал ранее (более трех лет назад), у тебя было не слишком хорошо со здоровьем. Пожалуйста, попытайся сделать все возможное, чтобы поправить здоровье. Я знаю, что это нелегко, но ты должна постараться.

Напиши мне, как живет Лидия со своим мужем. Не стал ли я уже дедом?

Если мои письма покажутся тебе короткими и несодержательными, то это отчасти зависит от обстоятельств. Но я буду стараться писать по возможности больше и надеюсь, что ты со своей стороны будешь отвечать тем же.

Передай от меня привет всем нашим друзьям. Еще раз прошу подумать о своем здоровье.

Остаюсь с любовью к Вам Ваш муж и отец Рудольф

Р. И. Абель № 80016».

Написав «надейся на скорую встречу», разведчик не знал, да и не мог знать, что пройдет четыре долгих и мучительных года, прежде чем он ступит на землю Родины. Как наверняка не догадывался о своей судьбе и американский летчик Фрэнсис Пауэрс, которого через два года собьют под Свердловском, а затем, в 1962 году, обменяют на полковника Абеля.

Фрэнсис Пауэрс
«Все это было напрасно»

Имя американца Фрэнсиса Пауэрса, пилота шпионского самолета «У-2», сбитого над Уралом, стало известно почти 40 лет назад. Осужденный за свою шпионскую деятельность, Пауэрс отбывал наказание во владимирской тюрьме. Затем его, как известно, обменяли на советского разведчика Рудольфа Абеля. О том, как это было свидетельствует Пауэрс в книге «Операция «Оверфлайт».

…Ослепленного вспышками ламп и телевизионных «юпитеров», меня под охраной провели на деревянную скамью подсудимых. И только тогда я смог оглядеться.

Это было не судебное присутствие, а огромный концертный зал. Вдоль стен возвышались белые колонны. Между ними с потолка спускалось более пятидесяти ярко горящих люстр.

Главные участники процесса, в том числе и я, находились в одном конце зала, на сцене. Мой защитник Гринев занял место за столом перед скамьей подсудимых. На противоположной стороне расположился государственный обвинитель Руденко. В центре сцены на возвышении сидели трое судей, все в военной форме. За ними на стене виднелся огромный государственный герб. Число зрителей, заполнивших остальную часть зала и несколько балконов, приближалось к тысяче. Гринев не предупредил меня. А ведь это было похоже на суд в Карнеги-холле.

Я боялся сцены, как школьник, и очень нервничал. Накануне мне выдали двубортный синий костюм в еле заметную полоску, который оказался на несколько размеров больше. Костюм плохо сидел на мне, и от этого ощущение неловкости усугублялось. Я напряженно вглядывался в зал, чтобы увидеть свою семью, но не смог разглядеть ее в такой массе людей.

Ко мне обратился судья-председательствующий. Судебное заседание, сказал он, будет вестись на русском языке с синхронным переводом на английский, французский, немецкий и испанский. Есть ли у меня какие-либо возражения против переводчиков? Я ответил отрицательно.

Заметив, что все сидят, я тоже сел на скамью. «Подсудимый, — сказал председательствующий, — вы обязаны стоять, когда суд обращается к вам».

Я еще переживал неловкость этого замечания, а судья уже задавал мне вопросы о моем имени, национальности, времени и месте рождения, семейном положении, роде занятий. Он также

спросил, получил ли я копию обвинительного заключения. Затем представил четырех свидетелей. Я узнал их: это были люди, оказавшие мне помощь, когда я приземлился на поле. За ними пришла очередь примерно дюжины экспертов, которых я раньше ни разу не видел.

Председательствующий: — Подсудимый Пауэрс, вы также имеете право дать отвод экспертам.

Я заколебался. Как я мог дать им отвод, не имея ни малейшего представления о том, кто эти люди, каковы их квалификация и показания? Сообщить мне об этом было обязанностью защитника. Но Гринев хранил молчание.

Подсудимый Пауэрс: — У меня нет возражений.

Затем секретарь суда полностью зачитал обвинительный акт.

Председательствующий: — Подсудимый Пауэрс, вы слышали обвинительный акт. Понимаете ли вы, в чем вас обвиняют? Поняли ли вы это?

Подсудимый Пауэрс: — Да.

Все шло слишком гладко. Это был не суд, а представление. Мне не хотелось в нем участвовать.

— Обвиняемый Пауэрс, признаете ли вы себя виновным?

— Да, признаю.

После этого судья объявил двадцатиминутный перерыв. Когда меня уводили, я заметил Барбару, махавшую мне из ложи на другом конце зала, и в первый раз увидел здесь свою семью. До этого никто из моих родителей никогда не бывал за пределами США. Они выглядели такими одинокими, такими чужими в этой незнакомой стране, что у меня комок подступил к горлу. Я был благодарен за перерыв, мне не хотелось, чтобы столько людей видели мои слезы.

Во время перерыва переводчик рассказал, что на суде присутствует несколько сот иностранных журналистов. «Интерес настолько велик, — сказал он, — что целые толпы людей пришлось отправить назад. Работники телевидения снимают весь судебный процесс, чтобы затем показать его по советскому телевидению и в кинотеатрах». Что же касается помещения, где происходит суд, оно известно как Колонный зал.

Вернувшись на скамью подсудимых, я отметил еще одно различие в ведении судебного процесса в СССР и США. Первым лицом, свидетельствующим здесь против обвиняемого, оказывался сам обвиняемый.

Обвинитель Руденко задавал вопросы.

— Подсудимый Пауэрс, когда вы получили задание нарушить воздушную границу СССР?

— Утром 1 мая.

Если здесь находился представитель ЦРУ — а я был уверен, что в этой огромной толпе обязательно должен присутствовать по крайней мере один такой человек, — он знал, что это ложь. Я надеялся, что, восприняв это как предупреждение, он внимательно выслушает мои ответы на последующие вопросы, особенно когда речь зайдет о высоте полета.

После дополнительных вопросов было установлено, что приказ о полете исходил от полковника Шелтона, что он был командиром подразделения «10–10» в Адане (Турция), что полет я начал в Пешаваре (Пакистан).

— Каким образом самолет «У-2» оказался на аэродроме в Пешаваре?

— Он прибыл на аэродром накануне вечером, 30 апреля.

— Его пилотировал другой летчик?

— Да.

— Но его прислали для того, чтобы вы летели в СССР?

Я понял, что это ловушка. На всех допросах я утверждал, что узнал о предстоящем полете лишь за два часа до вылета. Меня пытались заставить дать иные показания.

— В тот момент я не знал, что должен лететь, но, вероятно, самолет был доставлен туда с этой целью.

— К полету готовили только вас, или же подготовку проходили и другие пилоты?

— Одновременно готовились два человека.

— Почему?

— Не знаю, почему…

С этой дилеммой — что говорить и о чем умалчивать — я постоянно сталкивался во время допросов. Я не знал точно, какие сведения о наших полетах распространены в США. Если я не скажу о запасном пилоте, а в США сделают это, русские подумают, что я намеренно что-то скрываю. С другой стороны, упоминание о нем может заставить их поинтересоваться другими полетами. Если для каждого задания имелся дублер, почему бы с этой целью не использовать и меня? Может быть, меня так же использовали, и теперь я лгу, утверждая, что ничего не знаю о предыдущих полетах-вторжениях. Пытаясь вести двойную игру, я говорил, что, насколько мне известно, подготовка запасного пилота, по-видимому, является новой практикой.

Руденко задавал вопросы об «У-2»: — Это разведывательный военный самолет? — Еще попытка сделать меня военным.

— Я не назвал бы его именно военным, но это самолет такого типа, который подходит как для разведки, так и для исследований на больших высотах.

— А для военных целей?

— Как я говорил, я не знаю, военный он или нет.

— Но он принадлежал к вашему подразделению?

— Да.

— К подразделению «10–10»?

— Да.

— Это военное подразделение?

— Ну, командуют им военные, но большая часть личного состава — гражданские.

Не сумев получить от меня признание в том, что подразделение «10–10» военное, они нашли более легкий выход. В официальной стенограмме судебного процесса, опубликованной и в СССР и в США, в переводе на английский слово «ну» («well») было заменено на «да» («yes»).

В стенограмме имеется немало таких замен. Каждое из них касается важного вопроса, как и упомянутое выше, а это доказывает, что дело здесь не просто в плохом переводе.

К счастью, несколько присутствовавших на суде репортеров не стали полагаться на авторизованный текст, выпущенный в СССР, а вели собственные записи.

— Видели ли вы какие-либо опознавательные знаки на «У-2» перед полетом?

— Я не мог осматривать самолет, поскольку был одет в специальный летный костюм, и поэтому не знаю, были ли на нем какие-нибудь знаки. Мне было трудно осмотреть самолет со всех сторон.

— Но видели ли вы какие-либо опознавательные знаки?

— Я не осматривал самолет с близкого расстояния.

— Но видели ли вы когда-либо, подсудимый Пауэрс, опознавательные знаки на «У-2»?

— На всех самолетах, базирующихся в Турции, имелись опознавательные знаки.

— Но я спрашиваю вас об «У-2».

— Лично я не видел никаких опознавательных знаков на этом самолете, но на всех других самолетах, которые я видел, опознавательные знаки имелись.

Руденко начал раздражаться.

— Мне важно установить, что самолет, на котором летел подсудимый Пауэрс, не имел опознавательных знаков. Почему на нем не было опознавательных знаков?

— Я не уверен, что их не было.

— Но вы только что сообщили суду, что не видели никаких опознавательных знаков.

— Я не искал их.

— Кроме того, вы заявили, что отсутствие опознавательных

знаков имело целью скрыть национальную принадлежность этих самолетов.

— Повторите, пожалуйста, вопрос.

— В ходе предварительного следствия вы заявили, что отсутствие опознавательных знаков имело целью скрыть национальную принадлежность этих самолетов.

Руденко говорил неправду, и мы оба знали это.

— Я не помню.

Я понимал, что полет на самолете без опознавательных знаков является нарушением международного права, и не был уверен, что такое признание не ухудшит моего положения и не скомпрометирует США. Во время допросов я настаивал на том, что все «У-2» в Адане имели знаки, показывающие их национальную принадлежность. Это была правда, по крайней мере отчасти. Подобные знаки имелись на хвосте самолетов. Перед каждым полетом-вторжением их удаляли. Ноя не намеревался признаться в этом. Не было у меня и желания изменить свою версию теперь, хотя я не знал, какие части самолета сохранились. Поэтому я и оговаривался, что до полета знаков не заметил. Только увидев обломки самолета на выставке в Парке имени Горького, я представил, на каких частях машины знаки должны были бы остаться сравнительно неповрежденными.

Как и многие заявления, сделанные мной во время допросов, эта выдумка оказалась связанной с другой ложью.

Если бы я признал, что иногда на самолетах имелись опознавательные знаки, а иногда нет, меня могли бы спросить, сколько и когда я видел таких самолетов. Это, по крайней мере, дало бы ключ к ответу на вопрос относительно количества и времени перелетов границы.

Вполне возможно, что я видел в этих вопросах гораздо больше хитрости и коварства, чем их было на самом деле, но в тот момент каждый из них казался ловушкой.

Выяснив время взлета и пересечения советской границы, Руденко спросил о главном. Я ждал этого вопроса и боялся, что его не зададут.

— На какой высоте вы должны были лететь?

— На максимальной. Высота меняется в зависимости от запасов топлива. По мере сгорания топлива самолет набирает большую высоту.

— Какую?

— Максимальная высота составляет 68 тысяч футов.

Через несколько минут, выяснив все, что касалось моей маршрутной карты, запасных аэродромов, посадочной техники в Будё, скорости самолета и т. д., он вернулся к этому вопросу.

— На какой высоте проходил полет?

— Полет начался примерно на высоте 67 тысяч футов, а по мере сгорания топлива я поднялся до 68 тысяч.

Руденко стремился уточнить все до конца. Это доказало бы, что в СССР действительно имеются ракеты, способные достигать значительной высоты. Ради разнообразия мы пришли в этом вопросе к полному взаимопониманию.

— На вашем самолете имелась фототехника для ведения воздушной разведки. Какие указания вы получили?

— Я не получал никаких специальных инструкций по пользованию этим оборудованием. Я должен был включать или выключать эти приборы, когда нужно.

— С какой целью вы включали приборы?

— Мне показали, как это делать. На карте было отмечено, в какой момент включить аппаратуру.

— Подсудимый Пауэрс, вы, очевидно, знаете, с какой целью вы должны были выключать и включать приборы?

— Я вполне мог догадаться, с какой целью включал и выключал приборы. Однако, чтобы быть точным, я должен сказать, что не знал этого.

— Подсудимый Пауэрс безусловно знал об этом оборудовании?

— Раньше не знал. Но сейчас, когда результаты налицо, я больше знаю о том, для чего предназначено это оборудование.

— Я думаю, подсудимый Пауэрс не сомневался с самого начала своего полета в том, что это был разведывательный самолет?

— Нет, не сомневался.

— На вашем самолете обнаружено оборудование для радиоразведки, а также магнитофонные записи сигналов различных советских радиолокационных станций. Так ли это?

— Мне говорили, что там были магнитофоны, но сам я не в курсе дела. Я не знаю, как выглядит большая часть всего оборудования, кроме тех устройств, которые я видел здесь.

— Но вы, подсудимый Пауэрс, прошли достаточную подготовку, чтобы знать, что подобное оборудование предназначено для специальных разведывательных полетов.

— До этого я ничего не знал об оборудовании.

— Но вы были в достаточной степени информированы о том, что этот полет преследовал разведывательные цели?

— Я не видел других причин для такого полета. Прошу убрать софиты, мне слепит глаза.

Председательствующий: — Прошу убрать свет…

Большая часть присутствующих не могла знать, что эта была старая словесная баталия, одна из тех, которые, подобно битвам гражданской войны, вспыхивают вновь и вновь. На допросах я настаивал на том, что никогда не видел специального оборудования, точно не знал, для чего оно предназначено, не был проинформирован, что цель моего полета — разведка, хотя на этот счет у меня и имелись подозрения. Утвердительный ответ на любой из этих вопросов породил бы такие вопросы, на которые мне не хотелось отвечать.

Короче говоря, я был не шпионом, а просто «воздушным жокеем», которому платили за полеты по определенному маршруту и который включал и выключал аппаратуру, как было указано на карте, не имея понятия о последствиях своих действий и не испытывая при этом любопытства.

Я считал, что на допросах мне удалось сделать свои ответы правдоподобными и даже убедительными. Однако сейчас, в отрыве от контекста, мои слова звучали чрезвычайно неубедительно. И все же, привыкнув к этой версии более чем за тысячу часов интенсивных допросов, я не собирался менять ее, чтобы представить Руденко точные факты.

Я думал о том, как чувствуют себя мои родители. Как они, должно быть, смущены и испуганы, видя, как их единственного сына судят в Москве за его образ жизни, обвиняя в шпионаже. И Барбара со всеми ее проблемами и слабостями, о чем думает она? Больше всего на свете я хотел облегчить их положение. Но я ничего не мог.

Больше всего я беспокоился о том, какое впечатление произведет на них приговор. Чем дольше я находился на скамье подсудимых, тем безнадежнее казалось положение.

…Затем последовала попытка заставить меня подтвердить, что устройство для создания помех радиолокационным станциям перехвата предназначалось для отклонения удара зенитных ракет, а также ракет класса «воздух — воздух». Кроме того, от меня хотели добиться признания, что, отмечая на своей карте неуказанные аэродромы и записывая другие наблюдения, я сознательно и намеренно занимался шпионской деятельностью.

— С какой целью вы делали эти заметки?

— Мне было приказано заносить все, что отсутствовало на моей карте. Это «привычка пилота».

— Привычка, которая имеет своей целью шпионаж?

— Я занимался этим и над территорией США.

— Но я спрашиваю вас о полете над территорией СССР. Следовательно, это было вторжение с разведывательным заданием?

— Думаю, что да.

— Вы не отрицаете, что незаконно вторглись в воздушное пространство СССР?

— Нет, не отрицаю.

Сказать иначе, принимая во внимание доказательства, было бы смешно.

— Следовательно, это вторжение преследовало шпионские цели?

— Думаю, что так.

Не получив явного признания, Руденко избрал другой путь.

— Вы заявили здесь, а также во время предварительного следствия, что включали и выключали аппаратуру над определенными пунктами.

— Я делал так, как было указано на карте.

— Не зная, что представляет собой специальная аппаратура?

— Я никогда ее не видел.

— С такой же легкостью вы могли бы нажать кнопку и сбросить атомную бомбу?

— Могло быть и так. Но это не тот вид самолета, который сбрасывает подобные бомбы.

Прокурор Руденко был задет. Я это уловил. Он допрашивал меня более двух часов. И каждый раз приходилось вставать. Я очень устал и умственно и физически. Усталость быстро переходила в депрессию. Я должен был заставлять себя не терять бдительность, внимательно выслушивать каждый вопрос и тщательно обдумывать каждый ответ, чтобы не допустить промаха.

И снова:

— На какой высоте находился ваш самолет, когда его настигла ракета?

— Он находился на максимальной высоте, примерно 68 тысяч футов.

(Если и теперь Управление[9]

Затем Руденко перешел к блоку подрыва. Я был уверен, что он начнет утверждать, будто я не воспользовался этим устройством, опасаясь за свою жизнь, но он поступил иначе. Вместо этого он стал спрашивать об аварийно-спасательном снаряжении.

— С какой целью вам дали бесшумный пистолет на десять патронов?

— Для охоты.

— И с этой же целью вас снабдили 205 патронами?

— Да.

— Насколько я знаю, принято охотиться с охотничьими

ружьями.

Чего он добивался, упоминая о пистолете? Какую бы цель он ни преследовал, я хотел опередить его.

— Кто дал вам булавку с ядом?

— Мне дал ее полковник Шелтон во время инструктажа в Пешаваре.

— С какой целью?

Мы вернулись к знакомой теме. Я прекрасно знал, что он имел в виду.

— На тот случай, если бы меня арестовали и пытали, а я не смог бы вынести пыток и предпочел умереть.

— Это означает, что ваше руководство отправляло вас в этот полет, не заботясь о вашей жизни?

— Мне, в общем-то, предоставлялось самому решать, использовать ли булавку.

— Но вам дали булавку с ядом?

— Да.

— Они хотели, чтобы вы взорвали самолет, погибли сами и уничтожили все следы?

— Нет, мне не говорили, чтобы я покончил с собой.

— Но вам дали булавку, чтобы вы покончили с собой?

— В случае пыток.

— Вам говорили, что в СССР применяют пытки?

— Я не помню, чтобы так говорили, но я ждал этого.

— Вас пытали?

— Нет.

— Как к вам относились во время допросов?

— Ко мне относились очень хорошо.

По сравнению с тем, что я ожидал, это была действительно правда.

Затем было доказано, что самолет «У-2», который мне показали в Парке имени Горького, — тот самый, на котором я летел из Пешавара, хотя, как я отметил, он несколько изменился. Потом Руденко возвратился к подробностям моего контракта с ЦРУ.

— Кто подписал контракт со стороны Центрального разведывательного управления?

Наконец-то!

— Я точно не помню, но, кажется, это был Коллинз. Он подписал контракт в моем присутствии, но там были и другие лица, которые также подписывали этот документ.

Коллинз не подписывал контракта, но это был единственный доступный мне способ ввернуть это имя.

Затем Руденко пытался заставить меня признать, что я,

подписывая контракт, знал о предстоящем участии в перелетах-вторжениях. Ему это не удалось, и он перешел к Инджирлику и подразделению «10–10». И опять была предпринята попытка рассматривать эту операцию как военную.

— Каковы были цели и задачи, поставленные перед подразделением, в котором служил подсудимый?

— В общих чертах, они сводились к сбору информации вдоль границ СССР. Кроме того, мы занимались метеоразведкой и определяли уровень радиоактивности.

— Кто непосредственно руководил подразделением «10–10»?

— Непосредственное руководство подразделением «10–10» осуществлял военный, но я не знаю, кому он подчинялся.

— Но это был военный?

— Командир подразделения был военным. Но служащие подразделения были по большей части гражданскими лицами.

Руденко не принял во внимание этой оговорки. «Кто посещал базу?» — поинтересовался он. Я повторил имена, которые уже упоминал во время допроса.

— Итак, военными базами интересовался лично кардинал Спеллман?

— Я говорил, что он интересовался военнослужащими, а не базами.

— Кардинал Спеллман давал свое благословение тем, кто участвовал в шпионских операциях?

— Он был видным священнослужителем. Думаю, он не размышлял слишком много над тем, чем занимается тот или иной человек, а скорее, над тем, что он из себя представляет.

После целого ряда вопросов, в ходе которых было установлено, что, несмотря на наличие у меня удостоверения, указывающего на мою принадлежность к НАСА, я не имею к этой организации никакого отношения, председательствующий объявил перерыв «до дневного заседания».

Из зала меня провели в хорошо обставленную приемную. Здесь стояла кушетка, на которой я мог при желании отдохнуть. Меня ждал завтрак: свежие фрукты, которых я не видел с тех пор, как оказался в России, бананы и ломоть арбуза.

На стуле лежал журнал «Нью тайм». Он издавался в Москве на английском языке и был явной имитацией «Тайма». Я стал листать его в надежде отыскать какие-нибудь сообщения из внешнего мира, но один из охранников через переводчика велел мне отложить журнал.

— Почему? — спросил я.

— Потому, — сказал он, — что чтение за едой плохо

отражается на пищеварении.

Его замечание впервые за день вызвало у меня улыбку. Но ненадолго. Моя подавленность усиливалась. Первое заседание суда началось в 10 часов утра и продолжалось около четырех часов. Большую часть этого времени я провел на ногах. Такого сильного душевного напряжения я не переживал ни разу с момента моего пленения. Были минуты, когда я готов был воскликнуть: я виновен! Приговорите меня к смертной казни и положите конец этому фарсу!

Я не ожидал, что суд превратится в представление. В некотором смысле мои ответы не имели никакого значения. Я присутствовал здесь просто как символ. И они хотели использовать этот символ, чтобы поставить Соединенные Штаты в затруднительное положение, судить мою страну от лица мировой общественности. Я не желал принимать в этом участия. Я хотел положить конец такому суду.

Такая возможность представилась, когда меня после завтрака вывели на улицу.

Сидя на скамейке и греясь на солнце в окружении охраны, я увидел перед собой безлюдную стоянку для автомашин, а дальше — свободную улицу. Впервые с момента моего задержания мне выпал случай бежать.

Чем дольше я сидел, тем привлекательней представлялась мне эта мысль. Прошло много лет с тех пор, как я в колледже занимался бегом, но, глядя на своих охранников, я понял, что смогу обогнать их.

В меня будут стрелять? Вероятно. Но это тоже выход, который положит конец суду. Возможно, учитывая пропагандистский характер судебного процесса, они начнут колебаться, опасаясь реакции своего начальства. А этого колебания, каким бы мимолетным оно ни оказалось, будет достаточно для меня, чтобы взять старт.

Я не знал, что предприму, когда достигну пустой улицы, но это было неважно. Важно то, что после более чем 100 дней заточения я получал шанс бежать.

Я напряг ноги и слегка подался вперед.

На мое плечо легла тяжелая рука охранника. Пора возвращаться.

В начале второго заседания, открывшегося в 4 часа дня, Руденко возобновил допрос.

Теперь он сосредоточил свое внимание на моих разведывательных полетах вдоль границ.

Если бы меня судил американский суд, с американским адвокатом, такая манера ведения дела была бы немедленно

опротестована как пристрастная, поскольку эти вопросы не имели никакого отношения к обвинению.

Однако Гринев ничего не сказал. Он не сделал ни одного возражения. Он также был символом, его присутствие лишь создавало видимость наличия у меня защитника. Что же касается его роли в моей защите, то он с успехом мог бы оставаться и дома.

Затем Руденко перешел на расспросы о том, что я делал раньше в Пешаваре, Гибельштадте, Висбадене и Будё. Он пытался что-то выстроить из этого, но что, я не мог догадаться. Вдруг совершенно неожиданно он заявил, что в данный момент вопросов больше не имеет.

Наступила очередь Гринева.

Когда мои родители консультировались у него перед судом, с ними был Карл Макейфи, юрист, контора которого находилась над обувной мастерской моего отца в Нортоне, штат Виргиния. Макейфи привез с собой фотографии дома моих родителей в Паунде, чтобы показать нищету окружающего района, и этим неожиданно снискал расположение суда. Выдвинув эти фотографии в качестве вещественных доказательств, Гринев начал свое выступление с утверждения, что я вышел из рабочей семьи; что мои родители бедны, а мой отец не капиталист, он не использовал наемного труда в своей обувной мастерской, а делал всю работу сам; что деньги, предложенные мне ЦРУ, были суммой, какой я никогда не получал, и дали мне возможность расплатиться с долгами и жить в относительном достатке впервые за всю жизнь. Дальнейший его рассказ выявил, что я не занимался политикой, никогда не участвовал в выборах в США, знаю очень мало о Советском Союзе и притом только то, что пишут в американской прессе.

Я понимал, к чему он клонит. Это был не лучший способ вести мою защиту, но другого не существовало; нравился он мне или нет, я вынужден был его принять.

Во время наших коротких встреч, предшествовавших суду, я настоял на том, чтобы в мою защиту были включены некоторые моменты. Хотя Гринев, казалось, придавал им меньше значения, чем я, он тем не менее теперь перешел к ним.

— Был ли полет 1 мая вашим единственным полетом над территорией СССР?

— Да, это был единственный полет.

— Вас консультировали относительно программы шпионских полетов над Советским Союзом?

— Нет, мне ничего не известно о такой программе.

— Вас ознакомили со специальной аппаратурой на борту

самолета?

— Нет, я никогда не видел специального оборудования — ни когда его ставили, ни когда снимали. Это никогда не делалось в моем присутствии. Я знал о специальном оборудовании лишь настолько, насколько было нужно, чтобы следовать указаниям на моей карте.

— Знали ли вы о результатах ваших разведывательных полетов?

— Мне никогда не сообщали о результатах моих заданий, и я не знал, как работает оборудование, за исключением того, что показывали сигнальные лампочки в моей кабине.

На допросах я говорил, что немного колебался, когда пришло время возобновить мой контракт с ЦРУ. Я не назвал причин, которые были полностью личными, а позволил своим следователям предположить, что мне эта работа казалась слишком нервной и изнурительной.

Теперь Гринев спросил меня:

— Вы сожалеете, что возобновили контракт?

— Ну, причины трудно объяснить.

— Почему вы теперь сожалеете?

— Видите ли, положение, в котором я сейчас нахожусь, не слишком хорошее. С тех пор, как я здесь, я не так много слышал о событиях, происходящих в мире. Но я понял, что прямым следствием моего полета явился срыв совещания в верхах и визита президента Эйзенхауэра. Это, как я полагаю, увеличило международную напряженность, и я искренне раскаиваюсь, что причастен в какой-то мере к этому.

Одно за другим Гринев воссоздавал смягчающие обстоятельства.

— Вы оказали сопротивление при задержании или думали о сопротивлении?

— Нет.

— Каково ваше нынешнее отношение к работе в ЦРУ и понимаете ли вы теперь опасность такого полета?

— Теперь я понял гораздо больше, чем прежде. Сначала я колебался, возобновлять ли мне контракт. Я не хотел его подписывать. Если бы я имел работу, то отказался бы его подписать, поскольку тогда я уже знал некоторые обстоятельства, связанные с моим полетом, не все, разумеется. Но, как видно из сказанного ранее, я глубоко раскаиваюсь, что причастен к нему.

Защитник Гринев: — У меня больше нет вопросов на сегодня.

Председательствующий: — Суд прерывает свою работу до 10 часов утра следующего дня, 18 августа.

Как хорошо сыгравшаяся команда, мой так называемый защитник и судья договорились, что этот вопрос станет последним. Теперь в газетах можно будет прочитать о первом дне судебного процесса: Пауэрс «ГЛУБОКО РАСКАИВАЕТСЯ».

Под конец первого дня суда я через Гринева передал несколько слов моей семье. Я просил сказать Барбаре, что с нетерпением жду окончания процесса, так как после этого мы сможем увидеться с ней; поблагодарил родителей за носовые платки — подарок ко дню рождения; посмеялся над галстуком-бабочкой отца, увиденным на нем впервые; умолял мать не приходить на второй день суда, а остаться в гостинице и отдохнуть.

На следующее утро, когда конвой ввел меня в зал заседаний, я заметил, что моей матери нет. Ее отсутствие взволновало меня, хотя я сам просил ее об этом. Может, она действительно больна, но мне об этом не сказали? Однако на ее месте я увидел свою сестру Джессику. Я не знал, что она тоже приехала в Москву. Я понял, что, если сестра здесь, с мамой все в порядке. Иначе Джессика осталась бы с ней. Я понимал, что ее присутствие поможет моим родителям легче перенести испытание, она сумеет шуткой вывести их из удрученного состояния.

Эти переживания отвлекали, а мне сейчас необходимо было сконцентрировать мысли на собственной судьбе.

Заседание началось ровно в 10 часов утра. Полдюжины вопросов задал Гринев. Затем его сменил Руденко.

На этот раз было совершенно ясно, чти он пытается установить.

— Когда 1 мая вы вылетели из Пешавара, над территорией каких стран вы пролетали?

— Над Пакистаном, недолго — не знаю, насколько я углубился; над Афганистаном и над Советским Союзом.

— Другими словами, вы нарушили воздушное пространство Афганистана?

— Если на это не было разрешения властей, тогда да.

— Афганские власти не давали вам такого разрешения?

— Лично мне они такого разрешения не давали.

— Ваше командование ничего насчет этого не говорило?

— Нет.

— Следовательно, вы нарушили суверенитет нейтрального государства Афганистан?

— Если наше подразделение не имело такого разрешения, тогда да.

— Но разве ваше подразделение получало когда-нибудь разрешение совершать полеты вдоль границ Советского Союза?

— Не имею понятия.

И ни одного возражения со стороны Гринева, хотя такое освещение моих показаний заслуживало осуждения.

Во время первых допросов я полагал, что упоминание о разведывательных полетах вдоль границ безопасно для меня. Считая, что в них нет ничего противозаконного, я даже делал на них упор, чтобы отвлечь внимание от придуманной мной истории о своем «единственном» перелете. Теперь я понял, что это была ошибка. Если государства, над которыми я летал, не давали разрешения на эти полеты, значит, мои действия были также незаконными. Таким образом, я отвечал не только за одно, впервые совершенное преступление, но оказывался виновным в ряде преступлений, совершенных ранее.

Последующий диалог выглядел достаточно нелепо и вызвал у наблюдателей смех. Но он важен для характеристики того, как Руденко вел дело.

— А разве ваше подразделение получало когда-нибудь разрешение совершать полеты над территорией Советского Союза?

— Полагаю, что нет.

— Вы полагаете. А не можете ли вы ответить нам более определенно?

— Будь такое разрешение получено, оно бы касалось высшего руководства, и я бы все равно о нем ничего не знал.

— Если бы такое разрешение было, вы бы наверняка не сидели сегодня на скамье подсудимых.

— Вот поэтому-то я и полагаю, что такого разрешения не было.

В очередной раз получив подтверждение, что я летел на высоте 68 тысяч футов, Руденко спросил: «Именно на этой высоте вас сбила советская ракета?»

— Именно на этой высоте я был чем-то сбит.

— Вы сказали, сбиты «чем-то»?

— Не имею представления о том, что это было. Я не видел этого.

— Но это случилось на названной высоте?

— Да.

Был зачитан доклад майора Воронова, который, как сказали, командовал расчетом, обслуживавшим ракетно-пусковую установку. Как явствовало из этого доклада, «когда самолет вошел в зону поражения на высоте более 20 тысяч метров, по нему была выпущена одна ракета, взрыв которой уничтожил цель».

Мы с Руденко поспорили по вопросу о моей радиосвязи: он утверждал, что я не воспользовался ею из-за страха быть обнаруженным, я же — что из-за ограниченности радиуса ее действия.

Затем взялись за мои маршрутные карты. Запасные курсы через Финляндию, Швецию и Норвегию привлекли особое внимание.

При упоминании Будё для меня наступил один из немногих приятных моментов — разговор о «черном флаге».

— Перед вашим вылетом 1 мая 1960 года полковник Шелтон дал вам сверток черной материи. Каково было ее назначение?

— Не знаю. Я уже находился в самолете, когда получил ее от полковника Шелтона. Он приказал передать мне этот кусок черной материи представителям подразделения «10–10», которые должны были встретить меня в Будё.

— В случае успешного перелета над Советским Союзом?

— Тогда он считал, что перелет будет успешным.

— Это был пункт вашего назначения и вас должны были встречать представители подразделения «10–10»?

— Да.

— И вы должны были вручить им этот кусок черной материи, который дал вам Шелтон перед началом полета над территорией Советского Союза?

— Да.

— Другими словами, эта материя служила чем-то вроде пароля?

— Не имею понятия.

— А что вы сами думаете по этому поводу?

До сих пор я подавлял в себе искушение поставить Руденко в неловкое положение, зная, что это может обернуться против меня. Но он сам дал мне повод.

— Не думаю, чтобы мне нужен был пароль: сам самолет доказывал, кто я такой.

— Сам самолет и сам Пауэрс. Но зачем же тогда этот кусок материи?

— Не знаю. Я получил относительно него единственное указание.

Явно раздосадованный Руденко сказал: «Давайте оставим этот вопрос».

Этот, казалось бы, незначительный момент стал для меня поворотным пунктом.

Почувствовав, что в моих силах время от времени выводить Руденко из себя, я теперь мог не только обороняться.

Руденко стал выяснять вопрос о дубликатах карт.

Как я уже говорил ранее, на случай вынужденной посадки мне был дан комплект карт, по которым я мог добраться до границы СССР. Первоначально на них стояли грифы «секретно» и «ВВС США», но затем их предусмотрительно вырезали ножницами. Однако кто-то сунул мне в самолет второй такой же комплект с неуничтоженными грифами. Типичная служебная погрешность. Но Руденко не был способен понять это. Ему требовалось дать всему свое объяснение.

— Все абсолютно ясно, подсудимый Пауэрс. Эти две карты с вырезанными грифами имелись в вашем распоряжении и, как вы говорите, должны были помочь вам выбраться из Советского Союза, но две другие карты находились в самолете, который вы должны были уничтожить по приказу ваших хозяев.

Нелепость подобного объяснения, казалось, не приходила ему в голову. Получалось, что я взял с собой дополнительный комплект карт просто для того, чтобы их уничтожить.

Теперь мы подошли к вопросу о часах и золотых монетах.

— Все эти вещи предназначались для подкупа советских людей?

— Они должны были помочь мне любым путем выбраться из Советского Союза.

— Я спрашиваю, для подкупа?

— Если бы мне представилась такая возможность, я бы прибегнул к подкупу. Если бы я смог купить на эти деньги еду, я купил бы ее, так как мне пришлось бы проделать путь в 1400 миль. Другими словами, деньги и другие ценности предназначались для того, чтобы любым путем помочь мне.

— Но вы, разумеется, поняли, что деньгами нельзя купить советских людей. Первые же советские граждане, которых вы встретили, разоружили вас и передали властям.

— Я не пытался подкупить их.

У Руденко больше не было вопросов. Но мне еще предстояло давать показания. Теперь наступила очередь председательствующего. Так я набирался знаний о процедуре советского судебного разбирательства, без которых отлично мог бы обойтись.

Председательствующий Борисоглебский: — Подсудимый Пауэрс, в чем состояла главная цель вашего полета 1 мая?

— Как мне сказали, я должен был лететь по определенному курсу и включать и выключать аппаратуру в соответствии с пометками на карте.

— Для чего?

— Я бы предположил, что это делалось с разведывательной целью.

В опубликованной стенограмме заседания второй вопрос Борисоглебского отсутствовал, а мой ответ был изменен следующим образом: «Как мне сказали, я должен был лететь по определенному курсу и включать и выключать аппаратуру в соответствии с пометками на карте. Разумно предположить, что это делалось с разведывательной целью».

— Вчера вы дали показания в суде о том, что полковника Шелтона особенно интересовали ракетно-пусковые площадки.

— Да, он как-то показывал на карте одно место, где, возможно, находилась ракетно-пусковая площадка.

— Правильно ли будет сказать, что главной целью вашего полета 1 мая явилось обнаружение и нанесение на карту всех ракетно-пусковых площадок?

— Я могу сообщить только мое личное мнение по этому вопросу. Уверен, что специалисты, которые изучали мои фотопленки, знали, что именно интересовало людей, пославших меня. Но лично я считаю, что советские ракеты интересуют не только нас, но и весь мир. И я полагаю, что подобный полет мог иметь в виду их поиск, как мне кажется. Но я повторяю, что не знаю, а только выражаю свое собственное мнение.

Как я уже упоминал ранее, космодром Тюратам не являлся главной целью именно этого перелета над территорией СССР. Он оказался включенным в мою программу только потому, что я должен был пролетать поблизости от него. Однако во время допросов я делал упор именно на него, надеясь, что русские сконцентрируют свое внимание больше на этом, чем на главных целях моего полета.

— Подсудимый Пауэрс, вы сознавали, что, вторгаясь в воздушное пространство Советского Союза, покушаетесь на суверенитет СССР?

— Да.

— Почему же вы согласились?

— Мне приказали это сделать.

— Как вы теперь считаете, какую службу, хорошую или плохую, вы сослужили вашей стране?

— Я бы сказал, очень плохую службу.

— Не приходило ли вам на ум, что, нарушая границы Советского Союза, вы могли сорвать совещание в верхах?

— Когда я получал инструкции, всякие мысли о совещании в верхах были мне далеки. Я просто не думал об этом.

— А не приходило ли вам в голову, что такой полет мог вызвать военный конфликт?

— Об этом должны были думать те, кто меня посылал. Мое дело — выполнять приказы. Я считаю, что принимать подобные

решения не моя обязанность.

— Но вы сожалеете, что совершили этот полет?

Гринев предупреждал меня, что такой вопрос будет задан. Но я ждал его от самого Гринева или от Руденко, но никак не от председательствующего. Если раньше я еще мог сомневаться в том, что все они действуют как единая группа, то теперь с сомнениями было покончено.

— Да, очень.

Я не добавил, что сожалею лишь потому, что полет закончился неудачей.

К делу приступил другой заседатель, генерал-майор авиации Захаров. Как и следовало ожидать, его вопросы касались моей летной подготовки, подробностей задания, аппаратуры и т. д. За исключением вопросов об устройстве для создания помех радиолокационным станциям перехвата (мне удалось доказать, что это устройство предназначалось для ракет класса «воздух — воздух»), ни один из них не был трудным. Большинство последующих вопросов принадлежало генерал-майору артиллерии Воробьеву. Он пытался заставить меня признаться, что я знаком со специальным оборудованием, но это ему не удалось.

Интересно отметить, как были согласованы и распределены все вопросы. Что упускал Руденко, то вставлял Гринев или кто-нибудь из заседателей.

Наконец мне разрешили сесть. В общей сложности, считая предыдущий день, я простоял на ногах около шести часов.

Чувствуя себя очень неловко в костюмах и галстуках, явно нервничая перед такой большой аудиторией, четверо работников совхоза (позже они были награждены за проявленный героизм) сообщили подробности моего «задержания».

Они чего-то недоговаривали в своих показаниях, но что именно, я понял лишь когда закончил говорить последний из них: никто из четверых не упомянул о втором парашюте, который мы видели.

Почему?

Раньше я думал, что парашют был каким-то образом связан с ракетой. Теперь у меня возникло подозрение, не сбили ли советские ракетчики вместе с «У-2» один из своих самолетов.

Когда меня спросили, есть ли у меня вопросы к свидетелям, я сказал: «Я хочу выразить благодарность за ту помощь, которую мне оказали в тот день все эти люди. Мне впервые представилась возможность поблагодарить их. И я рад поблагодарить их».

Поскольку «добровольная сдача в плен» считается

смягчающим обстоятельством, мне хотелось ясно показать, что я не оказывал при задержании сопротивления и не питал к этим людям никаких враждебных чувств.

Теперь пришла очередь комиссии «свидетелей-экспертов», каждая группа которых занималась расследованием определенной части вещественных доказательств.

Первая группа, изучив различные документы, найденные при мне и в самолете, сделала вывод, что «пилот Фрэнсис Пауэрс служит в рядах военно-воздушных сил Соединенных Штатов Америки».

Гринев не возражал. Однако теперь я и не ждал от него возражений.

Вторая группа получила задание обследовать обломки самолета и установить, имелись ли на нем опознавательные знаки. Они пришли к выводу, что таких знаков нет и никогда не было.

Но я-то знал истинное положение. Получив возможность задать вопрос представителю группы, я спросил, могли ли опознавательные знаки быть нанесены на поверхность окраски самолета, а затем смыты. Председательствующий признал такую возможность, но тем не менее дал ясно понять, что он принял первоначальное свидетельство. Я решил, что настаивать бесполезно.

Другие свидетели после долгого изучения специального оборудования — фотокамер, проявленной пленки, радиоаппаратуры, магнитофонов и т. д. — сделали вывод, что оно использовалось для разведывательных целей и что задачей полета являлся шпионаж.

Затем наступил обеденный перерыв. На этот раз я остался в окружении охраны. Они явно чувствовали, что я готов удрать, и были полны решимости не дать мне такого шанса.

Когда в 4 часа 30 минут началось второе заседание, я понял, почему еще раньше Руденко задавал вопросы о пистолете.

Свидетель-эксперт, подполковник инженерных войск, заявил: «Пистолет предназначен для бесшумной стрельбы в людей при нападении и обороне».

Теперь меня пытались представить как потенциального убийцу, хотя мое оружие было только 22 калибра.

Я сказал, что пистолет был дан мне только для охоты, с этой целью я его и взял.

Председательствующий: — Подсудимый Пауэрс, вы знаете, что на высоте 68 тысяч футов трудно охотиться на дичь?

— Да, знаю. Я должен был его использовать только в случае

вынужденной посадки.

Другие эксперты изучали взрывной механизм. И здесь не обошлось без намеков.

«Были обнаружены элементы схемы дистанционного управления… Предохранитель может быть механически связан с любой частью самолета, которая отделяется, когда пилот покидает самолет: например, с системой катапультирования».

Короче говоря, подразумевалось, что если бы я воспользовался катапультой, то взорвался бы вместе с самолетом.

Поскольку элементы системы дистанционного управления отсутствовали (подозреваю, что, скорее всего, они просто не были представлены в качестве вещественного доказательства), у меня не было никакой возможности доказать обратное.

Когда дело дошло до обсуждения вопроса о булавке с ядом, было заявлено, что ее «нашли в том месте, где упал самолет, пилотируемый Пауэрсом». Очевидно, они не хотели признаться в том, что ее пропустили во время трех обысков, а обнаружили лишь после того, как я был доставлен в Свердловск.

Прекрасно зная, какое впечатление это произведет на аудиторию, они максимально использовали эту булавку в пропагандистских целях. Эксперт показал на суде: «Иглой, извлеченной из этой булавки, подопытной собаке был сделан подкожный укол в верхнюю часть левой задней ноги. Через минуту после укола собака повалилась на бок, при этом наблюдались резкие дыхательные движения грудной клетки, сопровождавшиеся хрипом, цианоз языка и видимой части слизистой оболочки. Через 90 секунд после укола дыхание полностью прекратилось. Три минуты спустя после укола сердце остановилось и наступила смерть».

Не удовлетворившись этой ужасной сценой, эксперт перешел к описанию аналогичных опытов с белой мышью и наконец сделал вывод: «Учитывая необычайно высокую токсичность и характер воздействия этого яда на животных, а также сравнительно большую его дозу на острие иглы, можно считать, что если человеку сделать укол такой иглой, отравление и смерть наступят так же быстро, как и у животных».

Так прошел еще день работы суда.

После окончания заседания Гринев провел со мной беседу. Ему не понравился ход суда. Почему, спрашивал он, я не сумел отмежеваться от реакционных милитаристов, которые планируют подобные полеты, хотя для этого у меня были большие возможности?

У меня был соблазн ответить, что и он не сумел отмежеваться от обвинения, но я просто выслушал его.

Завтра — последний день суда. После обвинительной речи Руденко и выступления защитника, сказал Гринев, мне представится последняя возможность обратиться к суду перед вынесением приговора. Если я хочу получить наказание мягче, чем смертный приговор, необходимо внести три изменения в мое последнее слово.

Заявления о том, что я сожалею о своих действиях, будет недостаточно. Я должен сказать, что «глубоко раскаиваюсь и сожалею».

Я должен заявить, что не испытываю никаких враждебных чувств к советскому правительству.

И в заключение я должен сказать, что «глубоко сожалею и лично отрекаюсь от агрессивных замыслов Соединенных Штатов, направленных на развязывание войны».

Я согласился на первую поправку, принял в несколько измененном виде вторую и полностью отверг третью.

Хорошо, я добавлю, что «глубоко раскаиваюсь и сожалею», хотя и против своей воли.

Что же касается того, что я не испытываю враждебных чувств к советскому правительству, то я не могу с этим согласиться. Я бы желал сказать, что не испытываю враждебных чувств к русскому народу.

Однако поносить свою страну я не намерен. В каких бы выражениях это мне ни предлагалось. Я этого не скажу. Будь что будет, но это мое окончательное решение.

Мы разработали другой вариант, но у меня сложилось впечатление, что Гринев еще вернется к своим попыткам заставить меня поносить Соединенные Штаты.

Я оказался прав.

Первые же фразы, произнесенные Руденко, задали тон всему его выступлению: «Товарищи судьи! Я приступаю к обвинительной речи на данном судебном процессе с полным сознанием его огромного значения. Настоящий судебный процесс над американским летчиком-шпионом Пауэрсом разоблачает преступления, совершенные не только лично подсудимым Пауэрсом, но и до конца вскрывает преступные агрессивные действия правящих кругов США — истинных вдохновителей и организаторов чудовищных преступлений, направленных против мира и безопасности народов».

И далее: «Советские люди, строящие коммунистическое общество, заняты мирным созидательным трудом и ненавидят войну». Правящие круги Соединенных Штатов «упорно противодействуют мероприятиям по всеобщему разоружению и

уничтожению ракетно-ядерного оружия».

«Пауэрс стал штатным летчиком-шпионом, готовым совершить любое преступление во имя интересов американской военщины, состоящей на службе монополистического капитала». «Вот она, звериная, человеконенавистническая мораль господина Даллеса и компании, ставящая ни во что, в угоду доллару, этому «желтому дьяволу», жизнь человека». «Если бы задания, полученные Пауэрсом, не были преступными, хозяева Пауэрса не снабдили бы его смертоносной булавкой».

В начале речи Руденко меня поразили два момента. Прежде всего слова о том, что в мае президент Эйзенхауэр дал заверения, что «шпионские полеты американских самолетов в воздушном пространстве Советского Союза будут прекращены».

Но Руденко немедленно осудил Эйзенхауэра за то, что тот нарушил свое обещание.

Действительно ли полеты над территорией СССР прекращены или нет?

И еще одно короткое, но взволновавшее меня сообщение. После изложения истории с самолетом «У-2» Руденко сказал: «Огромная волна возмущения прокатилась по всему миру, когда стало известно о новых коварных действиях руководящих деятелей США, пославших 1 июля 1960 года военный бомбардировщик-разведчик «РБ-47» в преступный провокационный полет в пределы Советского Союза».

Это объясняло, почему вскоре после 1 июля меня снова стали допрашивать о полетах «РБ-47». Ясно, что имел место еще один «инцидент», но насколько он был серьезным? Руденко не сообщил никаких подробностей.

«Подсудимый Пауэрс, преступления которого так щедро оплачивала американская разведка, — не простой шпион, а особый и тщательно вымуштрованный преступник… Вот истинный облик подсудимого Пауэрса. И если бы его хозяева попытались разжечь новую мировую войну, именно пауэрсы, вскормленные и воспитанные ими в условиях так называемого свободного мира, были бы готовы первыми сбросить на мирную землю атомные и водородные бомбы, как это сделали подобные же пауэрсы, сбросившие первые атомные бомбы на мирных жителей беззащитных городов Хиросимы и Нагасаки».

Итак, меня обвиняли даже в этом. Я слушал, и мое сердце сжималось при мысли о том, что я, пусть частично, дал ему повод для подобных разглагольствований. Однако по мере того, как он продолжал (часы показывали, что он говорил уже больше двух часов), не только излагая дело, но и преувеличивая, утрируя, искажая факты, обличая «американских агрессоров», этих

«новоиспеченных подражателей Гитлеру», я начал думать, не зашел ли он слишком далеко, доводя советскую пропаганду до такой крайности, что она может вызвать обратную реакцию.

В зале наступила тишина. Руденко заканчивал выступление:

«Час, когда преступник услышит приговор суда, близок.

Пусть ваш приговор послужит строгим предупреждением всем тем, кто проводит агрессивную политику, преступно попирает общепризнанные нормы международного права и суверенитет государств, провозглашает своей государственной политикой политику «холодной войны» и шпионажа. Пусть этот приговор явится также строгим предупреждением всем прочим пауэрсам, которые по указке своих хозяев попытались бы подорвать дело мира, покуситься на честь, достоинство и неприкосновенность великого Советского Союза.

Товарищи судьи! Поддерживая в полном объеме государственное обвинение по делу Пауэрса, в соответствии со статьей 2 Закона Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления», я имею все основания просить суд применить в отношении подсудимого Пауэрса исключительную меру наказания…»

Я был прав. Они решили наказать меня в назидание другим.

«…Но, учитывая чистосердечное раскаяние подсудимого Пауэрса перед советским судом в совершенном преступлении, я не настаиваю на применении к нему смертной казни и прошу суд приговорить подсудимого Пауэрса к пятнадцати годам лишения свободы».

Моей первой реакцией было чувство безудержной радости. Будто бы я задыхался и вдруг смог глубоко вздохнуть. Меня не расстреляют!

Я взглянул на свою семью. В их ложе поднялась суматоха, но за осветительной аппаратурой и толпой репортеров я не видел, что там происходит. Выслушав приговор, мой отец вскочил и сердито прокричал: «Да предложи мне пятнадцать лет такой жизни — я бы лучше предпочел смерть!»

Комендант суда объявил тридцатиминутный перерыв.

После перерыва Гринев начал защитительную речь.

Вначале я подумал, что ослышался.

«Не буду скрывать от вас того исключительно трудного, небывало сложного положения, в котором находится в этом деле защитник. Ведь подсудимый Пауэрс обвиняется в тяжком преступлении — во вторжении в воздушное пространство Советского Союза с целью сбора шпионских сведений и производства аэрофотосъемки промышленных и оборонных объектов, а также сборе других данных разведывательного

характера…

Волею Конституции Советского Союза, которая обеспечивает каждому обвиняемому, независимо от тяжести совершенного преступления, право на защиту, наш гражданский и профессиональный долг — помочь в осуществлении права тем обвиняемым, которые пожелали этим правом воспользоваться».

Он оправдывался в том, что вынужден защищать меня!

Далее он заметил, что «у защиты нет спора ни по фактам вменяемых Пауэрсу обвинений, ни по той оценке преступления, которая дана ему государственным обвинителем».

Пауэрс виновен в том, в чем его обвиняют, подчеркнул он, и мне стало ясно, на чем он собирается строить свою защиту: «Я буду прав, если скажу, что дело Пауэрса имеет международное значение, поскольку на скамье подсудимых помимо Пауэрса, одного из исполнителей вероломного и агрессивного акта против Советского Союза, должны сидеть и незримо присутствовать здесь, на скамье подсудимых, его хозяева: Центральное разведывательное управление во главе с Алленом Даллесом и американская военщина, а вместе с ними и все те темные, агрессивные силы, которые стремятся к развязыванию новой мировой войны».

Пауэрс, заявил он, был лишь «мелкой сошкой»; пусть непосредственным исполнителем, но не основным виновником.

Я отказался поносить Соединенные Штаты. Гринев делал это за меня.

Я еле скрывал отвращение. Одно я решил твердо: когда суд завершится, я так или иначе дам понять, что не имею к этому никакого отношения.

Существуют также смягчающие вину обстоятельства, перечислял Гринев: бедность семьи Пауэрса; «массовая безработица в Соединенных Штатах Америки»; «Пауэрс, как и любой другой в Америке, воспитывался на поклонении «всесильному доллару»; «под влиянием этой морали Пауэрс жил в заблуждении, что деньги не пахнут…»

К смягчающим вину обстоятельствам он добавил следующее: Пауэрс еще молод, ему только что исполнился 31 год; когда он подписывал свой контракте Центральным разведывательным управлением, он не знал истинной цели своего будущего задания; отравленный ложью американской прессы, он был дезинформирован о жизни в СССР.

На основании этих соображений Гринев просил суд смягчить приговор и «применить к Пауэрсу более мягкую меру наказания, чем та, которую требовал государственный обвинитель».

«Ваш приговор, — сказал он в заключение, — будет еще

одним из многочисленных примеров гуманности советского суда и явится резкой противоположностью тому отношению к человеку, которое имеется у хозяев Пауэрса, — Центрального разведывательного управления, правящих реакционных сил Соединенных Штатов Америки, пославших его на верную смерть и желавших ему смерти».

Гринев окончил речь. Теперь оставались только мое последнее слово и приговор.

Председательствующий: — Подсудимый Пауэрс, вам предоставляется последнее слово.

Я встал лицом к судьям. Свет от телевизионных камер был настолько ярок, что я с трудом разбирал текст своего заявления. Однако я так часто перечитывал его, что помнил все слова. Часть из них я произносил против воли, но некоторые были глубоко мною прочувствованы. Я мог только надеяться, что, читая их, американцы сумеют отличить одно от другого.

«Вы сейчас прослушали все относящиеся к делу доказательства, и вам предстоит решить, каким будет мое наказание.

Я сознаю, что совершил тяжкое преступление и заслужил за него наказание.

Я прошу суд взвесить все доказательства и принять во внимание не только тот факт, что я совершил преступление, но также и обстоятельства, побудившие меня к этому.

Я также прошу суд принять во внимание тот факт, что никакая секретная информация не достигла своего назначения. Все эти сведения оказались в руках советских властей.

Я сознаю, что русские люди считают меня врагом. Я могу понять это.

Но я хотел бы подчеркнуть тот факт, что лично я не питаю и никогда не питал никакой вражды к русским людям.

Я обращаюсь к суду с просьбой судить меня не как врага, а как человека, который не является личным врагом русских людей, человека, который никогда еще не представал перед судом ни по каким обвинениям и который глубоко осознал свою вину, сожалеет о ней и глубоко раскаивается.

Благодарю вас».

Председательствующий: — Суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

Было 12 часов 50 минут. Меня сразу же повели обедать, но я не мог есть. Мысль о том, что после оглашения приговора я увижусь со своей семьей, придавала мне силы смотреть в будущее. Но гнев на Гринева не покидал меня. Он подавлял то чувство облегчения, которое я должен был бы испытывать, узнав,

что не умру.

Гринев всеми силами старался сделать из моего процесса политическое дело. Гринев свободно допускал то, чего не смог доказать Руденко. Гринев пренебрегал моими показаниями, но не смог вытянуть из меня так называемое признание о том, что мне было приказано убить себя. Игнорируя это, Гринев заявил, что я получил такой приказ, как если бы это был установленный факт.

Он пошел еще дальше, прозрачно намекая на то, будто ЦРУ знало, что меня собьют и надеялось таким образом подготовить почву для срыва совещания в верхах.

В качестве доказательств он приводил заявления, каких я никогда не делал, вырывая фразы из контекста допросов, что придавало сказанному мной совершенно иной смысл. Так, однажды я заметил, что, когда я вернусь в Соединенные Штаты, меня, возможно, и там будут судить за разглашение подробностей моего контракта с ЦРУ. На самом деле я так не думал и сказал это для того, чтобы придать больше правдоподобия своим колебаниям при ответах. При этом я добавил: «Но это меня мало волнует, ибо похоже на то, что я не вернусь домой». Под этим подразумевалась моя уверенность в том, что меня расстреляют.

Гринев преподнес это так, словно я намеревался остаться в Советском Союзе.

Но хуже всего было то, что, выступая от моего лица, Гринев представил дело таким образом, что он нападает на Соединенные Штаты с моего ведома и что я согласен с этими нападками.

Однако теперь я получу возможность говорить. Я увижусь со своей семьей, и мои близкие сообщат прессе, что я полностью отмежевываюсь от моего «защитника» и от его обвинений.

Не следует ли мне пойти еще дальше и попытаться передать им устно мое сообщение для Управления?

Я надеялся, что нас оставят одних, но все-таки сомневался в этом. Я сумел вставить в свои показания на процессе значительную часть тех сведений, которые хотел бы передать Управлению. Как бы тщательно я ни подбирал слова, такое сообщение поставило бы мою семью под угрозу. Я решил этого не делать.

Мое возмущение Гриневым имело один положительный результат: оно помогло мне скоротать время. В 5 часов 30 минут вечера, четыре часа 40 минут спустя после того, как судьи удалились на совещание, меня снова пригласили в зал суда.

Пока я стоял, ухватившись за деревянные перила, расположенные по обе стороны скамьи подсудимых, председательствующий зачитывал приговор. Это был длинный,

очень длинный документ, и я даже заподозрил, что он был написан заранее, а не за те несколько часов, пока судьи совещались. Тот факт, что его распространили уже напечатанным среди корреспондентов немедленно после закрытия заседания суда, пожалуй, подтверждает это. Снова были перечислены обвинения, из чего стало очевидно, что судьи не только полностью согласны с заключениями обвинителя, включая показания «экспертов», но в ряде случаев пошли еще дальше Руденко. Например, они заявили, будто «последующие события подтвердили, что агрессивное вторжение самолета-разведчика «У-2» в воздушное пространство Союза ССР 1 мая было преднамеренно подготовлено реакционными кругами Соединенных Штатов Америки, чтобы сорвать парижское совещание в верхах, не допустить смягчения международной напряженности, оживить одряхлевшую и ненавистную всем народам политику «холодной войны».

Я был виновен не только в шпионаже, но и во всем этом.

Так вместе со мной на скамье подсудимых оказались Соединенные Штаты Америки.

Судья заканчивал свою речь. Это чувствовалось по его тону и передавалось аудитории. Все замерли.

«Заслушав все свидетельские показания и изучив все вещественные доказательства, — сказал судья, — Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР считает установленным, что подсудимый Пауэрс в течение длительного времени являлся активным секретным агентом Центрального разведывательного управления США, непосредственно выполнявшим шпионские задания этого управления против Советского Союза, а 1 мая 1960 года с ведома правительства Соединенных Штатов Америки на специально снаряженном военном разведывательном самолете «У-2» вторгся в воздушное пространство Союза ССР и с помощью особой радиотехнической и фотографической аппаратуры собрал сведения стратегического значения, составляющие государственную и военную тайну Советского государства, чем совершил тяжкое преступление, предусмотренное статьей 2 Закона Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления».

Фоторепортеры придвинулись ближе. Я был полон решимости не выдать своих чувств, каким бы ни оказался приговор. Но мои пальцы еще крепче сжали поручни барьера.

«Вместе с тем, — продолжал судья, — оценивая все обстоятельства данного дела, по внутреннему убеждению в их взаимосвязи, учитывая чистосердечное признание Пауэрсом своей виновности и его искреннее раскаяние в содеянном, исходя из

принципов социалистического гуманизма, руководствуясь статьями 319 и 320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила: Пауэрса Фрэнсиса Гарри на основании статьи 2 Закона Союза ССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» лишить свободы на десять лет…»

Я не слышал остального. Я искал глазами своих близких, но в смятении не мог разглядеть их. Присутствующие в зале стоя аплодировали. Потому ли, что приговор им показался достаточно суровым или, наоборот, гуманным? Не знаю.

Лишь когда меня вывели из зала суда, я вдруг осознал всю тяжесть приговора.

Десять долгих лет!

В комнате, куда меня ввели, уже находились мои мать, отец, сестра Джессика, Барбара и ее мать. Я не мог справиться с собой. Увидев их, я не выдержал и зарыдал. Все они тоже плакали.

Мои надежды на встречу наедине оказались слишком оптимистичными. Кроме четырех охранников, двух переводчиков и врача в первые несколько минут здесь присутствовало полдюжины советских фоторепортеров.

Посередине комнаты стоял накрытый стол: бутерброды, икра, свежие фрукты, содовая вода, чай. Никто из нас не притронулся к еде. Мы только смотрели друг на друга. Три с половиной месяца мы ждали этого момента, боялись, что он может не наступить, и все же обдумывали слова, которые скажем при встрече. Теперь же, когда наступила эта минута, мы забыли обо всем. То продолжительное молчание, то вдруг все начинали говорить разом. Я и не знал, что так сильно соскучился по южному говору, пока не услышал их всех пятерых.

Большей частью это был обычный, ничего не значащий домашний разговор, но я уже давно так не разговаривал. Семейные новости. Приветы от сестер, племянниц и племянников. Рассказ о том, как наша собака Эк привыкает к Милледжвилу. Обсуждения: продавать ли машину? арендовать или покупать дом? переправлять ли мебель из Турции?

С того момента, как Руденко заявил, что не будет требовать смертной казни, я ожидал максимального срока 15 лет.

Теперь я узнал конец моего приговора, который я не расслышал в зале суда: десять лет с отбыванием первых трех лет в тюрьме. Это означало, объяснил переводчик, что после трехлетнего тюремного заключения меня могут направить в какой-нибудь исправительно-трудовой лагерь, расположенный в глубине России. По особому разрешению моя жена могла бы поселиться неподалеку и навещать меня «время от времени».

Один американский юрист сказал моему отцу, что я имею право просить о переводе в трудовой лагерь после того, как отсижу в тюрьме полсрока. Срок отбытия наказания засчитывался с момента моего задержания, следовательно, я уже отсидел больше трех с половиной месяцев. Конечно, были испробованы и другие возможности облегчить мою участь. Мои родственники обращались и к Л. И. Брежневу, и к Н. С. Хрущеву, пытались встретиться с последним, но он в то время отдыхал на Черном море.

Мы как драгоценность лелеяли малейшую надежду, которую давал нам текст приговора. Но слова «десять лет» нависли дамокловым мечом.

Мы пытались строить планы, но слишком многое оставалось еще не ясным. Барбара хотела остаться в Москве и устроиться на работу в американское посольство. Я был против: не было никакой уверенности, что ей разрешат свидания со мной; кроме того, скоро меня должны перевести в тюрьму, постоянное место моего заключения, расположенную за пределами Москвы, но когда и куда, мне не сказали.

Я узнал еще кое-какие новости. 1 июля где-то над Баренцевым морем русские сбили «РБ-47». Советский Союз заявил, что самолет нарушил границу; Соединенные Штаты утверждали, что граница не нарушалась. Пилот был убит; двое других оставшихся в живых членов экипажа, капитаны Фримэн В. Олмстед и Джон Р. Маккоун, были задержаны русскими.

Я не знал ни одного из этих людей, но понимал, каково им было обоим.

Мама дала мне Новый завет. Один из охранников забрал его. «Книгу нужно осмотреть», — объяснил переводчик. Барбара принесла дневник, о чем я просил ее в одном из своих писем. Его тоже взяли. Интересно, чего опасались мои охранники: то ли они думали, что в вещах спрятаны письма, то ли считали, что члены моей собственной семьи намереваются подсунуть мне отраву?

Заметив, что я без часов, отец предложил мне свои. «Нет, — сказал я. — Видимо, мне не разрешат их носить, а если и разрешат, я все буду смотреть и смотреть на время».

Мою маму взволновало, что я похудел. Меня же беспокоило ее здоровье. Все говорило о том, что они невероятно измотаны, особенно Барбара. Ее лицо опухло, будто она беспрерывно плакала или — мне не хотелось об этом думать — сильно пила.

Трения между Барбарой и моими родителями были очевидны, хотя их причина оставалась для меня загадкой. Я решил, что если мне разрешат их снова повидать (а переводчик сказал, что это возможно), я постараюсь устроить так, чтобы они

пришли ко мне поодиночке.

Переводчик предупредил нас, что положенный нам час почти истек.

Я сказал родным, что у меня есть сообщение для прессы. Обвинения Гринева в адрес Соединенных Штатов — неожиданный удар для меня. Я ничего не знал о тех аргументах, которые он использовал, пока не услышал их в суде. Я полностью отмежевываюсь от этих заявлений и от него самого. Что же касается его слов о том, что я могу остаться в Советском Союзе, то я с радостью уеду из России тотчас же, как мне позволят это сделать. Я американец и я горжусь этим.

Наш час истек. Охранники увели меня.

Вечером мне вернули Новый завет и дневник, который я вел уже пять лет. Эти вещи мне понадобятся, пока я буду отсиживать свой срок.

Я боялся, что, начав писать, дам волю зажатым в кулак чувствам. Моя первая запись получилась нарочито краткой:

«19 августа 1960 года. Последний день суда. Десять лет. Виделся один час с женой и родителями».

Владимир Ямпольский
Националистические технологии III рейха

Нация, национализм, националисты — так много сказано и написано по существу данных понятий. Большинство историков и философов определяют национализм как идеологию и политику, рассматривающие нацию в качестве высшей и внеисторической формы общественного единства, в рамках которого все социальные слои связаны будто бы гармоничной общностью интересов.

Национализм проявляется в абсолютизации достоинств и прав своей нации и в пренебрежении к достоинствам и правам других наций, в постоянном подчеркивании идеи национального превосходства и национальной исключительности, в разжигании межнациональной вражды, затушевывании противоречий тех или иных слоев общества.

Для большинства народов и народностей, проживающих на территории бывшего СССР, его распад является трагедией, причины и последствия которой до конца не поддаются осмыслению. Однако при внимательном анализе происходящих социально-политических потрясений, повторяющихся в течение одного столетия на территории 1/6 части суши, однозначно просматривается стремление врагов Российского многонационального государства эксплуатировать национальный вопрос в своих интересах. В частности, существовавшие национальные противоречия в СССР широко использовались гитлеровской Германией перед нападением на Советский Союз и в ходе Великой Отечественной войны.

Руководителями национал-социалистической партии Германии были разработаны планы порабощения народов, входящих в состав СССР, путем стимулирования националистической деятельности в различных регионах страны. Наиболее четко и конкретно эти намерения изложены в речи рейхслейтера Розенберга о политических целях Германии в предстоящей войне против Советского Союза и планах его расчленения, которую он произнес в Берлине 20 июня 1941 г. Розенберг, возглавивший с июля 1941 года имперское министерство по делам оккупированных восточных областей, в ходе своего выступления 20 июня заявил, что «…задачи нашей политики, как мне кажется, должны…идти в том направлении, чтобы подхватить в умной и целенаправленной форме стремление к свободе всех этих народов (имеются в виду народы,

населяющие территорию СССР. — В. Я.) и придать им определенные государственные формы, то есть органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы, освободив тем самым Германскую империю на будущие века от восточной угрозы.

Четыре больших блока должны будут оградить нас и одновременно продвинуть далеко на восток сущность Европы:

1. Великая Финляндия.
2. Прибалтика.
3. Украина.
4. Кавказ.

…Целью германской восточной политики по отношению к русским является то, чтобы эту первобытную Московию вернуть к старым традициям и повернуть лицом снова на восток…»

Далее в своем выступлении Розенберг предлагал активно использовать националистов различных регионов СССР для дестабилизации обстановки в стране в ходе предстоящих боевых действий. Следует подчеркнуть, что руководители фашистского рейха, в том числе и Розенберг, планировали задействовать националистов лишь для достижения своих военно-политических целей, стоявших перед ними накануне и в первоначальный период войны, с последующим устранением националистического движения с политической арены оккупированных регионов СССР. Именно так обстояло дело с украинскими националистами во главе с Бандерой и с литовскими националистами, возглавлявшимися бывшим послом буржуазной Литвы в Германии Шкирпой. Вскоре после начала боевых действий Германии против СССР Бандера был арестован немцами, а в Прибалтике литовское национальное правительство, созданное 23 июня 1941 года во главе со Шкирпой, 5 августа 1941 г. по приказу немецкого оккупационного командования было распущено.

Читатель, ознакомившись с более чем полувековой давности планами Розенберга, вероятно обратил внимание на их созвучность современным событиям, происходящим на территории бывшего СССР.

Информационные сообщения в периодической печати, на радио и телевидении, поступающие из горячих точек на Кавказе, Средней Азии, а несколько ранее из Приднестровья и др., обязывают находить объяснения происходящему и подсказывают целесообразность обращения к историческим событиям, зафиксированным в архивных документах периода Великой

Отечественной войны.

Для реализации планов фашистской Германии по расчленению СССР главное командование вооруженных сил (OKW) и главное командование сухопутных сил (OKH) вермахта разрабатывали свои мероприятия по использованию националистических и антисоветских настроений части населения оккупированных территорий Советского Союза. Читателям предлагается для ознакомления один из трофейных немецких документов, в котором изложены предложения по активному использованию в борьбе с Красной Армией и советскими партизанами крымских татар и народов Кавказа.

Документ подготовлен на основании распоряжения генерального штаба ОКН № 11/1671/42 от 7 февраля 1942 года командованию 11 немецкой армии, действовавшей против войск Красной Армии в Крыму и на Северном Кавказе. Документ составлен в форме доклада под названием «Формирование татарских и кавказских воинских частей в пределах деятельности штаба главного командования 11-й армии».

20 марта 1942 г. доклад был направлен в главное командование сухопутных сил, командующему тыловыми сухопутными войсками южных областей, а также в отдел армейской разведки (Iц) 11 армии.

20 июня 1942 года доклад, пройдя предварительное ознакомление в различных военных инстанциях центрального аппарата вооруженных сил Германии, из министерства оккупированных восточных областей был направлен в Главное Управление имперской безопасности (РСХА) с предложением разослать в основные немецкие лагеря, в которых содержались советские военнопленные: жители Кавказа и Средней Азии, а также татары, башкиры, чуваши. В документе указаны начальники таких лагерей и места их дислокации: гауптштурмфюрер СС Гиргензон (лагерь в Евпатории), гауптштурмфюрер СС Майер (лагерь в Освенциме), штурмбанфюрер СС доктор Шиндовский, (лагерь в местечке Яблонь), гауптштурмфюрер СС Карстенс (лагерь в Легионово). Основная цель рассылки доклада в перечисленные лагеря состояла в том, чтобы их начальники приступили к практической реализации накопленного опыта по формированию вспомогательных войск из указанной категории лиц для германской армии.

Главное управление имперской безопасности

467 С 4 — 51056/42

В ответе указывать дату и вышеуказанный знак. № дела
№ 1020/42

Берлин — Шмаргендорф, Беркерштр, 32 10 июня 1942 г. тел. местный 120040 междугородн. 126421

Секретно,
государственной важности

Направить в:
1) основной лагерь в Евпатории
2) сортировочный лагерь Освенцим
Гауптштурмфюреру Гиргензону
Гауптштурмфюреру Майру

Информировать:
3) Основной лагерь Яблонь
4) Лагерь Легионово
Штурмбанфюреру д-ру Шиндовскому
Гауптштурмфюреру Карстенсу

Документ касается вопроса: опыт формирования вспомогательных войск из лиц татарского и кавказского происхождения.

Предшествующая документация по данному вопросу: отсутствует.

Приложение: I.

При этом направляю для ознакомления копию документа, переданного мне начальником связи при рейсхминистре оккупированных областей.

По поручению — (подпись)

Копия с копии

Зондерфюрер Зиферс ГКСВ (Ген. шт.) Канц. — Упр.

Направляется командующему тыловыми сухопутными войсками южных областей.

20 марта 1942 г.

Приложение 1.

Совершенно секретно

В Главное командование сухопутных войск (ГКСВ) (Ген. шт.) Канц. — Упр. через командующего тыловыми сухопутными войсками южных областей

Документ касается вопроса: формирование татарских и кавказских воинских частей в пределах штаба армии 11 (А.О.К.11).

В этой связи ГКСВ (Ген. шт.) Канц. — Упр. (Шт. 3/КГФ)

Направить: № 11/1671/42 от 7.2.1942 г.

Информировать, не давая приложений:

1) Командующего тыловыми сухопутными войсками южных областей.

2) Штаб армии 11/1 С.

Крымские татары

Крымские татары принадлежат к группе тюркских народов, ближайшие их родственные народы находятся, с одной стороны, в Турции, с другой стороны, это татары Закавказья и Поволжья, а также различные тюркские народы Центральной Азии. У них свой язык, но каждый татарин в достаточной степени владеет русским языком, чтобы сравнительно свободно объясняться на нем.

С XIII столетия Крым является их родиной. Отсюда они устанавливали культурные связи с европейскими народами, в первую очередь с Константинополем и Италией. В расовом отношении у них есть многое от европейцев. Например, в их крови есть греческая кровь, (Еще до появления в Крыму феодального государства, которое выделилось в XV веке из Золотой Орды, на территории Крымского полуострова проживали различные народы и народности: половцы, славяне, армяне, в том числе греки и другие.) что сразу же угадывается по их типу. Несмотря на то, что уже полтора столетия они находятся под русским господством, они все же сохраняют живую память о своем историческом прошлом и о былой независимости. (На рубеже XIII–XIV веков в Крыму образовалось особое наместничество (Старый Крым), которым предусматривалась большая самостоятельность (ведение войн, сношение с иностранными государствами, чеканка монет и т. д.). В ходе междоусобных разборок в Золотой Орде власть переходила от одного хана к другому, пока при поддержке Польско-Литовского государства во главе Крымского ханства не стал Хаджи-Гирей, объявивший о создании независимого от Золотой Орды ханства (1443 г.). Однако независимое ханство просуществовало совсем недолго: в 1475 г. войска турецкого султана вторглись в Крым и превратили Крымское ханство в вассала Турции.

В XVII–XVIII веках Крымское ханство, как правило, было союзником Турции в войне против России, но иногда крымские феодалы выходили из повиновения султану. Крымское ханство в результате русско-турецкой войны 1768—74 гг. было объявлено независимым от Турции, а в 1783 году прекратило существование, когда вошло в состав Российской империи. (См.: Советская историческая энциклопедия. М.: Государственное

научное издательство «Советская энциклопедия», 1965.— Т.8,— С.207–209).

Большевистская советская система большей частью татар решительно отвергается. По вероисповеданию татары являются магометанами, к религии относятся серьезно, но без фанатизма. Молодое поколение, с которым нам прежде всего придется иметь дело, частично охладело к религии и ограничивается соблюдением общих обычаев и законов чести.

Менталитет татар обычен, отличаясь при этом честностью и правдолюбием. Особенно это относится к татарам из горных деревень. Самолюбие их легко ранить. Но татарину-солдату нельзя отказать в хороших качествах. С детских лет его воспитывают в уважении к старшим. Учитывая, что татары являются потомками народа, который большую часть жизни проводил в седле и который любит предаваться воспоминаниям о воинственном прошлом, можно предположить, что они будут хорошими солдатами, будут исполнять свой долг.

В общем населении Крыма татары составляют 20–25 %. Для составления этнографической картины Крыма послужили данные Академии наук СССР за 1930 г. Даже если за последние 10 лет положение в этом вопросе значительно изменилось, то все равно эти данные представляют большой интерес, т. к. показывают, насколько калейдоскопично население Крыма:

1. Русские — 301.3987. Словаки — 71913. Эстонцы — 2.084
2. Украинцы — 77.4058. Немцы — 43.63114. Татары — 79.094
3. Белорусы — 3.0009. Греки — 16.03615. Караимы — 4.213
4. Поляки — 4.51410. Цыгане — 64916. Турки — 292
5. Болгары — 11.31711. Армяне — 10.71317. Прочие — 2.471
6. Чехи — 70012. Евреи — 45.92618. Иностранцы — 7.066

Всего около 710.000.

Перед началом войны общее число татар, по их собственному подсчету, составляло около 225.000 человек. Немцы переместились во внутренние районы Союза — в Сибирь и Центральную Азию. Евреи большей частью сбежали. С оставшейся частью проведены мероприятия в соответствии с общими указаниями по этому вопросу. К этому докладу (приложение № 8) дается карта народов Крыма для наглядного понимания этнографических особенностей района. *(Приложение не публикуется — В.Я.)*.

Согласно распоряжению ГКСВ (Ген. шт.) Отд. Канц. — Упр. от 18.1.1942 г. фюрер дал добро на неограниченное формирование татарских воинских частей. ГКСВ 2.1.1942 г. передало шефу охранной полиции и службы безопасности (СД) оберфюреру СС Олендорфу учет татарских добровольцев для формирования

татарских рот самозащиты.

3.1.1942 г. под его председательством состоялось первое официальное торжественное заседание татарского комитета («Мусульманские (татарские) комитеты» были организованы в Крыму в декабре 1941 г. местными татарскими националистами во главе с Ильясовым Абдуллой Рашидовичем по прямому указанию немецких разведывательных органов после оккупации германскими войсками территории Крыма. Основной задачей, которая была поставлена германскими спецслужбами перед «комитетами», являлась организация борьбы с советской властью. «Мусульманские комитеты», развернув пропаганду по изгнанию из Крыма русских и других представителей славян, ставили задачей возвратить в Крым всех татар, распространить свое влияние и на иные мусульманские народности СССР. Выступая с идеей создания самостоятельного татарского государства под протекторатом Германии, они не учли одного очень важного обстоятельства, которое относится еще к 16 июля 1941 года, когда состоялось совещание Гитлера с руководителями фашистского рейха о целях войны против Советского Союза. На этом совещании Гитлер высказал свое мнение о судьбе Крыма: во-первых, он заявил, что «Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами», а во-вторых, фюрер, решая судьбу Прибалтики, должное место в великом германском рейхе определил и Крыму, в частности он подчеркнул, «что вся Прибалтика должна стать областью империи. Точно так же должен стать областью империи Крым с прилегающими районами (область севернее Крыма)». (См.: Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). — 3 изд.—М. — 1985.—С.48, 50). в Симферополе по случаю начала вербовки. Он приветствовал комитет и сообщил, что фюрер откликнулся на просьбу татар выступить с оружием в руках на защиту их родины от большевиков. Татары, готовые взять в руки оружие, будут зачислены в немецкий вермахт, будут обеспечиваться всем и получать жалованье наравне с немецкими солдатами.

В ответной речи председатель татарского комитета сказал следующее: «Я говорю от имени комитета и от имени всех татар, будучи уверен, что выражаю их мысли. Достаточно одного призыва немецкой армии, и татары все до одного выступят на борьбу против общего врага. Для нас большая честь иметь возможность бороться под руководством фюрера Адольфа Гитлера — величайшего сына немецкого народа. Заложенная в нас вера придает нам силы для того, чтобы мы без раздумий доверились руководству немецкой армии. Наши имена позже

будут чествовать вместе с именами тех, кто выступил за освобождение угнетенных народов».

После утверждения общих мероприятий татары попросили разрешения закончить это первое торжественное заседание — начало борьбы против безбожников — по их обычаю молитвой и повторили за своим муллой следующие три молитвы:

1 молитва: за достижение скорой победы и общей цели, а также за здоровье и долгие годы фюрера Адольфа Гитлера.

2 молитва: за немецкий народ и его доблестную армию.

3 молитва: за павших в боях солдат немецкого вермахта.

На этом заседание закончилось.

Вербовка добровольцев проводилась следующим образом:

1. Вся территория Крыма была разбита на округа и подокруга.

2. Для каждого округа были образованы одна или несколько комиссий из представителей оперативных групп Д и подходящих татар-вербовщиков.

Зачисленные добровольцы на месте подвергались проверке. В этапных лагерях набор проводился таким же образом.

В целом мероприятия по вербовке можно считать законченными. Они были проведены в 203 населенных пунктах и 5 лагерях.

Были зачислены: а) в населенных пунктах — около 6.000; б) в лагерях — около 4.000.

Всего около 10.000 добровольцев.

По данным татарского комитета, старосты деревень организовали еще около 4.000 человек для борьбы с партизанами. Кроме того, наготове около 5000 добровольцев для пополнения формированных воинских частей.

Таким образом, при численности населения около 200.000 человек татары выделили в распоряжение нашей армии около 20.000 человек. Если учесть, что около 10.000 человек были призваны в Красную Армию, то можно считать: все боеспособные татары полностью учтены.

Группа Д взяла на себя соответственно мобилизацию, концентрацию на сборных пунктах и отправку добровольцев в войсковые части.

Группой боевого использования были сформированы 14 татарских рот для самозащиты общей численностью 1632 добровольца. Остаток был влит в войска и использован различным образом. Большая часть была разделена на маленькие группы по 3—10 человек и распределена между ротами, батареями и другими войсковыми частями. Незначительная часть — в закрытых войсковых частях — присоединена, если речь шла о

численности примерно равной роте, к другим воинским формированиям, например, одна рота вместе с кавказской ротой присоединена к 24-му саперному батальону.

Примером возможности использования татар в боях с партизанами могут служить сведения о татарских ротах самозащиты; в общем, эти сведения можно считать вполне положительными. Такая оценка может быть дана всем военным акциям, в которых принимали участие татары. Получены хорошие сведения при выполнении различных мероприятий разведывательного характера. В отношении дисциплины и темпов передвижения на марше роты показали себя с хорошей стороны. В столкновениях с партизанами и в небольших боях войсковые части вели бои уверенно, полностью или частично уничтожая партизан или обращая их в бегство, как например, произошло в районе Бахчисарая, Карабогаза и Судака. В последнем случае велись бои с регулярными русскими войсками. О боевом духе могут свидетельствовать потери — около 400 убитых и раненых. Следует заметить, что из общего числа — 1600 человек — только один перебежал к партизанам и один не вернулся из отпуска.

В войсковых частях татары тоже проявили себя с хорошей стороны. В очень короткий срок они усвоили немецкие военные команды и показывают приличные успехи. Физические данные не совсем удовлетворительные, поэтому отдельные упражнения выполняются с слишком большим трудом. Сказывается отсутствие регулярных спортивных занятий. В простых спортивных играх они оказываются неловкими.

К караульной службе относятся усердно и выполняют задание с сознанием долга. После соответствующего разъяснения о всеобщей дисциплине и об отношении к начальству у них заметно желание подчиняться.

Путем соответственного надзора в короткий срок достигнуто то, что места расквартирования всегда содержатся в чистоте. Случаи личной нечистоплотности объясняются отсутствием умывальных принадлежностей.

При новом наборе татар нужно следить за тем, чтобы они приносили с собой умывальные принадлежности.

Достигнутые успехи в учебной подготовке можно расценивать тоже как положительные.

Обувью для татар служат ботинки со шнурками, другая обувь не годится, т. к. ноги у них болят из-за привычки ходить босиком. Кроме того, они носят самодельные обмотки, для чего очень хорошо пригодились русские трофейные пальто.

На складе утильсырья в Симферополе были получены недостающие предметы одежды и снаряжения.

Успехи в стрелковой подготовке были не совсем удовлетворительные.

Существовавший до настоящего времени взгляд, что плохих стрелков надо обучать сразу при стрельбе, не оправдался. Регулярные занятия с целевыми упражнениями заметно улучшили результаты в стрельбе. Боевая подготовка воспринята ими в общем с большим интересом, но татары с физической точки зрения не могут полностью соответствовать требованиям этой подготовки из-за небольшого роста.

Метод немецкой атаки понят всеми. При обучении особенно чувствовался недостаток в переводчиках. Назначение подходящих младших руководителей из числа татар, которые прошли боевую подготовку, оправдало себя.

Вооружение стало возможным произвести сразу же после формирования войсковых частей с помощью армии. Что касается одежды, то большая часть до сих пор снабжена касками и пальто и только незначительная часть имеет униформу. Нужно обратить внимание на то, чтобы положенное оружие и снаряжение были бы доставлены в наше распоряжение быстрейшим образом, чтобы можно было устранить трудности, возникшие в самом начале.

Что касается медицинского обслуживания, то немецкому лазарету в Симферополе будет предложено открыть специальное отделение для татар с татарскими врачами и обслуживающим персоналом.

Настроение у татар хорошее. К немецкому начальству относятся с послушанием и гордятся, если им оказывают признание на службе или вне. Самая большая гордость для них — иметь право носить немецкую униформу.

Много раз высказывали желание иметь русско-немецкие словари. Можно заметить, какую они испытывают радость, если оказываются в состоянии ответить немцу по-немецки.

В общем татар можно характеризовать как послушных, усердных солдат. Но их роль в подавлении партизанского движения нельзя оценивать слишком высоко. Для того, чтобы правильно понять положение на партизанском фронте, было бы небезынтересно привести здесь некоторые данные о партизанском движении.

Партизанские отряды состоят из старых партизан, которые боролись еще в 1918–1920 годах, из коммунистов, партийных руководителей, руководителей колхозов, служащих государственных учреждений, отбившихся красноармейцев и матросов. Их вооружение — винтовки, автоматические винтовки со звукоглушителями, минометы, пулеметы, ручные гранаты, взрывчатка, коктейли Молотова4, (4 Так немцы называли

самодельные бутылки с зажигательной смесью.) орудия с мортирами 760 мм, 100 мм и 170 мм и зенитки; все это дополняют радиоаппараты, крупные склады с продовольствием и боеприпасами, казармы, дерево-земляные оборонительные сооружения, пещеры. В общем это в высшей степени боеспособные части.

Руководителем всех партизанских групп является некий Мокроусов, который еще в годы русской гражданской войны доставлял трудности белым армиям.

Число партизан к началу этого года оценивалось в 5–6 тыс. Благодаря последним акциям это число уменьшилось, примерно, на 2000 за счет убитых и взятых в плен.

Услуги, которые татары оказали немецкому вермахту, заключаются не только в том, что они дали 14 рот (около 1600 человек). Но они оказали неоценимую помощь как разведчики, проводники и знатоки страны.

Большое значение имеет духовное воспитание их и разъяснение им смысла и цели их службы в немецкой армии.

Татарские добровольцы, зачисленные в армию, обрабатываются путем антисоветской пропаганды. Для этой цели в армии организован текущий учебный корпус, на котором подходящие добровольцы обучаются пропагандистской работе, а после возвращения в свои части начинают оказывать влияние на своих товарищей.

На учебных курсах обсуждаются такие темы:

Что дает Германия татарскому народу?

1. Национал-социализм рассматривает нацию как творение бога, а большевики стремятся к национальной неразберихе.

2. Германия обеспечивает татарскому народу свободное развитие собственной культуры, не посягает на старинные обычаи и привычки.

3. Германия обеспечивает полную религиозную свободу.

4. Советская система за время своего существования постоянно лишала татарский народ его лучших сил.

5. С Турцией Германию связывает старое братство по оружию со времен мировой войны. И сегодня Турция своими политическими и хозяйственными интересами привязана к Германии.

6. Самое главное — это дружеское отношение Германии, Италии и Японии к арабам. Все арабские народы, которые живут не только в Аравии, но также в Палестине, Ираке и Сирии, относятся враждебно к Англии.

Примеры для развития этих тем даются пропагандистам.

Татары, зачисленные в немецкий вермахт, могут вести

переписку с родственниками. Для этого организована татарская почтовая служба.

В заключение к вышеизложенному можно добавить следующее: движение крымских татар нужно рассматривать не только в малых масштабах Крыма, это движение нужно расценивать как первый толчок ко всеобщему движению тюркских народов, живущих в СССР, количество которых составляет, примерно, 20.000.000 человек. Потенциальная сила этих народов до настоящего времени недооценивается. В конце этого сообщения необходимо еще раз подчеркнуть, что татарский комитет на своем заседании 14.1. этого года расширил свою прежнюю программу, а именно: «Доблестная немецкая армия после дальнейшего освобождения России от еврейско-коммунистического господства приступит к освобождению оставшихся территорий. Крымский комитет считает своей святой обязанностью принять участие в освобождении мусульман Советского Союза вместе с немецкой армией».

Если учесть, что азербайджанские татары живут на Кавказе в очень важном для нас нефтяном районе близ Баку, то это заявление крымских татар необходимо использовать в дальнейшем для пропагандных и военных целей.

На Кавказе проживает 48 различных племен. К наиболее значительным в количественном отношении относятся грузины, армяне и азербайджанцы. Самую большую роль в политическом отношении играют две первые группы этих народов, в культурном развитии они также ушли вперед по сравнению с другими племенами. Отдельные представители этих двух народов, как правило, более одаренные, общительные и более прогрессивные в хозяйственной, культурной и политической деятельности, чем представители других народностей. Вполне возможно, что это объясняется их древней христианской культурой. И армяне, и грузины приняли новую веру еще в первых столетиях н. э. Христианская вера давала им большую возможность для тесной связи с европейской культурой, чем такую возможность имели нехристианские народы.

На Кавказе есть еще третий народ с христианской религией — это осетины, живущие в центральной части Кавказа. Но в силу своей немногочисленности (около 50.000 человек) они не играют никакой роли в политическом отношении.

Все остальные кавказские народы магометане. Наиболее значительную роль среди них играют азербайджанцы. По численности их столько же, сколько грузин или армян, а именно — 2,5 миллиона; Живут они, главным образом, в восточной части Закавказья, т. е. на большой низменности вдоль Куры, но их

поселения встречаются также на северных плоскогорьях Армении, в собственно горных районах и на восточном побережье Каспия.

Как и крымские, казанские татары, киргизы и др., они являются народом тюркского происхождения, в деревнях их называют просто татарами.

В культурном отношении Азербайджан постоянно находился под определенным влиянием Персии.

Как солдаты азербайджанцы и другие магометанские народности не имеют традиций, но это не означает, что они не могут быть солдатами. В царское время их не призывали на военную службу. Царская армия времен мировой войны отличается от Советской русской Армии тем, что она состояла почти полностью из европейских народов, населяющих Россию, и прежде всего из славян (русские, украинцы и белорусы), и небольшого количества представителей других народов, среди которых были крымские татары, грузины и армяне. Сейчас же в армию призывают всех — татарские, финско-угорские, монгольские и другие племена.

Понятие татарин у нас обычно ассоциируется с понятием монгол. Но азербайджанские татары в их теперешнем состоянии в расовом отношении гораздо меньше являются монголами, чем крымские татары, язык которых они понимают так же легко, как и язык турок, проживающих в Турции.

Если грузины и армяне имеют древнюю национальную историю, то национальное самосознание у азербайджанцев и у других тюркских народов очень медленно развивалось в течение последнего столетия.

Культурное развитие других малых народностей опиралось на культуру трех названных племен5 (5 В текст документа по вине исполнителя вкралась ошибка, так как в начале раздела грузины, армяне и азербайджанцы названы народами. Однако автор доклада и далее по тексту допускает упрощенный подход к употреблению понятий народ, народности и племена, которые населяют Кавказ (проживают на Кавказе).) Кавказа.

Как уже было сказано, Кавказ населен 48 различными племенами. Это означает существование с самого начала 48 различных разногласий. Поэтому этот факт необходимо учитывать в нашей пропагандистской работе, ибо очень трудно добиться единства этих племен.

Кавказец хочет, чтобы на него смотрели как на европейца и обращались как с культурным человеком. Он обладает такими качествами, которых никогда не было у русских крестьян. Кавказские народы не знали крепостного права, население всегда было свободным. Тридцатилетняя борьба кавказского героя

Шамиля за свободу (он чеченец из Дагестана) хранится в памяти народов Северного Кавказа. Учитывая сепаратистские настроения кавказцев, нужно проводить пропаганду среди них осторожно и умело, нельзя отдавать открыто предпочтение какому-то одному племени.

Кавказец отличается гордостью и обидчивостью, даже если он принадлежит к племени, в котором всего 30000 человек.

Ему необходимо разъяснить:

1. Что мы боремся против еврейско-русского большевизма.
2. Что частная собственность будет восстановлена.
3. Цели нашей аграрной реформы.
4. Что церкви будет дана свобода и т. д.

Пропагандируя восстановление частной собственности и напоминая о естественных богатствах страны, можно призвать население не допускать никаких разрушений.

Этот призыв, без сомнения, возымеет действие, т. к. каждый маленький народ гордится своими промышленными предприятиями и национальными сооружениями точно так же, как отдельные племена ревностно чтут свои национальные интересы и достижения. Бессмысленно обращаться с пропагандой ко многим племенам сразу. Смешанный добровольческий корпус никогда не будет боеспособным. Нужно сформировать отдельные подразделения грузин, азербайджанцев, армян, кабардинцев, черкесов и т. д.

С этнографической точки зрения народы Кавказа группируются в следующие племена:

1. Грузины — 2.500.0007.Ингуши — 92.000
2. Армяне — 2.400.0008.Кабардинцы — 165.000
3. Азербайджанцы — 2.500.0009.Карачаи — 55.000
4. Абхазцы — 59.00010. Курды — 46.000
5. Черкесы — 88.00011. Осетины — 50.000
6. Дагестанцы — 700.00012. Чеченцы — 40.000

Всего около 9.000.000

Сюда относятся также и кубанские казаки — около 1.500.000 и казаки Терека — около 800.000.

Всего 12.000.000.

В связи с нашим весенним наступлением необходимо обратить внимание на многочисленных пленных и перебежчиков кавказского происхождения в районе Севастополя и Керчи, т. к. советские дивизии, размещенные в этих районах, на 80 % состоят из них.

Например:

389-я стрелковая див. — 1600 русских, 1900 украинцев и белорусов, 7100 кавказцев.

236-я — 55 % русских, остальные кавказцы.

396-я — 3500 русских и украинцев, 4000 азербайджанцев, остальные — кавказцы.

390-я — преимущественно кавказцы.

224-я — 80 % кавказского происхождения и т. д.

Нужно учесть, что в обеих группах противника, которые противостоят нам в Крыму, насчитывается около 60–75 тыс. человек кавказского происхождения. Несмотря на то, что в прошедших боях на всем восточном фронте многие кавказцы попали в плен, здесь они впервые выступят сплоченной массой.

По всему видно, что есть все благоприятные предпосылки для проведения антисоветской пропаганды среди кавказских народов, которая в дальнейшем должна перерасти в активную борьбу с большевизмом. Использование кавказцев в военных действиях станет вопросом дня позже и прежде всего на фронте штаба ~ рмии 11 6 (6 Имеется в виду штаб 11-й германской армии, действовавшей на Северном Кавказе и в Крыму.) под Ростовом. Здесь они могли бы повлиять даже только своим наличием на соотечественников, которые еще находятся на советской стороне. Они будут находиться в непосредственной близости от своей родины и будут продвигаться с боями к ней. Поэтому необходимо оставить военнопленных кавказцев здесь, на южном фронте, за исключением тех, кого нельзя использовать в военных действиях. Залогом возможного военного применения военнопленных кавказского происхождения является вышеупомянутая инициативная пропагандная обработка их. Пропаганда должна вестись в основном через самих кавказцев, которые настроены антисоветски и которые есть в достаточном количестве7. (7 Так в тексте перевода.) Вермахт уже организовал для военнопленных кавказцев, которые настроены против Советской власти, различные учебные лагеря. Этих обученных пропагандистов необходимо затребовать оттуда. Кроме того, фронту срочно требуются переводчики трех основных кавказских языков — грузинского, армянского и татарского8. (8 Исполнитель документа назвал три основных народа Кавказа — грузин, армян и азербайджанцев. Поэтому в данном случае неправомерно относить татарский язык к одному из основных кавказских языков. Правильнее было бы вести речь об азербайджанском языке, который сформировался в XI–XIII веках на базе тюркской языковой семьи. (См.: Советская историческая энциклопедия. — М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1961.—Т.1.—С.232). Необходимым условием является при этом знание русского языка. Переводчики должны

быть в состоянии контролировать передачи на этих языках. Бывшие немецкие колонисты Закавказья могли бы быть привлечены для этой цели. В дальнейшем будут необходимы листовки на 4 вышеназванных языках9. (9 Выше речь шла о трех языках.) При изготовлении новых листовок необходимо указывать в них, что крымские татары воюют уже на нашей стороне.

Условия для интенсивной пропаганды здесь значительно благоприятней, чем для пропаганды среди русских или украинцев, т. к. кавказским народам можно обещать значительно больше. Для этого необходимо всех военнопленных разделить на группы по принципу их национальной принадлежности, обучить и позже использовать в военных действиях. В качестве пропагандистов можно было бы использовать и крымских татар, особенно для работы среди азербайджанцев. Поначалу пропаганда должна ограничиваться только социальной и хозяйственной областями. Требование военного использования нужно предъявлять лишь позже.

Возможно, что среди военнопленных выявятся подходящие люди для разведывательной работы в прифронтовых русских тылах и для разлагающей работы в советских частях. В таком случае можно будет делать большую ставку в этом направлении.

Первая контрразведывательная часть штаба армии 11 произвела учет кавказцев, находившихся в этапных лагерях в тылу штаба армии 11.

Добровольцы, записавшиеся после соответствующей пропагандной обработки, были подвергнуты физическому обследованию и переправлены в этапный лагерь 247 в Симферополь, где их разместили в бывшей тюрьме НКВД. Здание весьма подходит для этой цели, комнаты чистые, светлые в сухие. Есть все необходимые хозяйственные удобства, включая душевые.

Военнопленные, предназначенные для строительных рот, будут переведены из этой тюрьмы в казарму в Симферополь, где их после еще одного обследования передадут в распоряжение кадрового состава.

Кормить военнопленных будут, как и немецких солдат (прил. № 4, 5 и 6)10, (10 Приложения не публикуются.) в остальном к ним будут применяться все распоряжения, касающиеся военнопленных.

В этом этапном лагере подготовлены11: (11 В нумерацию текста вкралась ошибка. В немецком оригинале документа нумерация дана в следующем порядке: а) грузины — 600 чел.; б) армяне — 400 чел: в) азербайджанцы — 300 чел; г) кубанские казаки — 75 чел; д) прочие — 100 чел.) а) 600 чел. — грузины; б) 300 чел. — азербайджанцы; в) 100 чел. — прочие; г) 400 чел. —

армяне; д) 75 чел. — кубанские казаки. Всего 1500 человек.

Из общего числа этих военнопленных намечено сформировать для каждой армейской дивизии и для штаба армии по одной роте для строительных работ. Будут сформированы следующие роты: 4 роты грузинские, 3 роты армянские, 2 роты азербайджанские, 1 рота из смешанных народностей — всего 10 рот.

Роты для строительных работ будут прикреплены к дивизиям и будут использоваться для строительства тыловых сооружений, опорных пунктов, прокладки дорог и т. д.

Позже, когда встанет вопрос о борьбе за Кавказ, эти роты после соответствующей пропагандной обработки и военной подготовки будут направлены на фронт как боевые группы. Штатный состав в ротах такой — 1 офицер, 4 унтер-офицера и 19 команд — 152 военнопленных (прил. № 7)12. (12 Приложение не публикуется.)

Военнопленные остаются пока в своей старой одежде. Со временем будет достигнута унификация внутри рот. Для внешнего различия для них заготовлены белые повязки с надписью «Военнопленный — стройрота», которые они будут носить на руке.

Военнопленных, которые будут плохо работать, необходимо будет переводить на худшее питание и на более тяжелые работы, а если не исправятся, их надлежит отправлять в близлежащие этапные лагеря. В случаях проявления неповиновения должны применяться самые строгие меры. Необходимо добиться того, чтобы военнопленные воспринимали зачисление в строительные роты как особую привилегию для них. Боязнь возвращения в лагеря для военнопленных должна стать залогом наведения должного порядка в этих ротах.

Дальнейшее преобразование строительных рот в боевые роты должно последовать только лишь после контрразведывательной проверки их. Военнопленные, подходящие для этой цели, должны быть освобождены от плена и затем зачислены в вермахт в качестве добровольцев, где они после будут приравнены к немецким солдатам.

Военнопленные, которых видел составитель доклада, — это военнопленные в лагере 247 в Симферополе и военнопленные на фронте около Севастополя — производят хорошее впечатление. Физически здоровы, случаев смерти после вербовки не наблюдалось. Случаев заболеваний лишь на немного больше, чем в немецких частях. Что касается медицинской помощи, то можно использовать опыт, приобретенный в связи с татарами, т. е. открыть при немецком лазарете в Симферополе отделение для

кавказцев по возможности с кавказскими, т. е. татарскими, врачами и обслуживающим персоналом.

Отсутствие переводчиков очень заметно мешает работе и здесь. Часто при обучении при отдаче приказов приходится прибегать к языку жестов.

О боевом испытании пока ничего нельзя сказать, т. к. первые роты только недавно направлены на фронт. Единственное, что уже сейчас заметно, это то, что кавказцы послушны, ловки, смышлены, работоспособны и что ими легко руководить.

Но, опираясь на положительные результаты татар, можно предположить, что кавказцы окажутся не хуже их.

Если штаб армии 11 во время относительного затишья на фронте сможет выделить нужные силы для учета и формирования татарских и кавказских воинских частей, то вопрос о начале наступления радикально изменится.

Специальной службы, которая занималась бы этими вопросами, нет. Вопросы эти были возложены на такие службы, которые раньше, собственно говоря, никогда не занимались ими непосредственно, а предварительных распоряжений и указаний по этим вопросам нет. Офицеры, на которых возложены обязанности по этим вопросам, вынуждены выполнять их наряду с выполнением своих непосредственных служебных обязанностей. Какая-то из обязанностей — новая или старая — должна при этом поневоле страдать.

Татарскими и кавказскими воинскими частями вынуждены были заниматься следующие службы: 13 (13 Далее перечислены подразделения войсковой разведки и спецслужб немецких военных формирований на Северном Кавказе и в Крыму.)

1. 1 ц. 14 (14 В оригинале документа отсутствуют уточнения, как это сделано в п. 3 данного перечисления (нумерации). Вероятно, автор имел в виду Управление военной разведки главного командования вооруженных сил (OKW) Германии.)

2. Охранная полиция.

3.1 ц. (Упр. вооруженных сухопутных войск). (Так в тексте перевода. — В.Я.)

4. 1-я контрразведывательная часть.

5. Этапный лагерь 247.

Войска, получив в свое распоряжение необработанный человеческий материал, должны были образовывать команды, заниматься их снаряжением и снабжением, т. е. заниматься вопросами, которые не входят в обязанности действующей воинской части.

Если эти службы выполнили удовлетворительно возложенные на них новые обязанности, то это объясняется прежде всего, как

было сказано затишьем на фронте и относительно малым количеством команд, подлежащих учету. Но если теперешнее положение, как ожидается, изменится в ближайшее время, то вышеназванные службы не смогут выполнять двойные задачи тем более что приток кавказских военнопленных, по всей вероятности, будет таким большим, что учет этой массы для формирования татарских и кавказских воинских частей превысит возможности штаба армии.

Ссылаясь на соответствующие распоряжения главного командования вооруженных сил (OKW) и главного командования сухопутных войск (OKH), главнокомандующий сухопутными войсками наметил формирование следующих легионов:

1. Один туркестанский легион.
2. Один легион из кавказских магометан.
3. Один грузинский легион.
4. Один армянский легион.
5. Один турецкий легион.
6. Татарские воинские части в неограниченном количестве (см. ниже примечание автора).

Эти возможности использованы до сих пор не полностью. Все, что сделано в этой области, чистая импровизация, предоставленная делу случая и заинтересованности в этом вопросе отдельных штабов армий и соответствующих служб и ни в коем случае не решающая в большом масштабе поставленную задачу. Нет для этого в достаточном количестве опыта, указаний компетентных служб и также соответствующих работников.

Учитывая положительные результаты, которые мы уже получили в сформированных частях, можно заявить, что будет очень безответственно перед самой историей, если мы не сможем полностью использовать возможности путем формирования воинских частей, которые в значительной степени облегчают задачи наших сухопутных войск.

К названным выше 12.000.000 кавказских народов примыкают еще следующие народы:

1. Татары — 4.300.000;
2. Узбеки — 4.860.000; 15 (15 В текст перевода вкралась ошибка. В оригинале немецкого документа указано 4.800.000.)
3. Казахи — 3.100.000;
4. Таджики — 1.200.000;
5. Киргизы — 1.000.000;
6. Башкиры — 800.000;
7. Туркмены — 1.200.000;
8. Чуваши — 1.400.000.

Всего около — 18.000.000.

Кавказский народ — 12.000.000.

Всего около — 30.000.000 человек.

После совещания со всеми службами штаба армии 11, которые заинтересованы в правильном разрешении проблемы, составитель доклада смог представить на рассмотрение следующие предложения.

Приток военнопленных, принадлежащих к огромным резервам народов, будет, вероятно, большим. Наша задача — максимальное использование этих масс в наших целях. С этой целью нужно создать центральную службу при главнокомандующем тыловыми сухопутными войсками областей, в обязанности которой входили бы следующие задачи:

1. Учет и концентрация этих людей в сборных пунктах.
2. Отправление их из сборных пунктов в специальные лагеря по формированию.
3. Проверка военнопленных с контрразведывательной точки зрения.
4. Пропагандная обработка их.
5. Снабжение их одеждой и снаряжением.
6. Военное обучение.
7. Формирование новых воинских частей и
8. Создание резерва для формирования воинских частей.

Действующая воинская часть, штаб армии не должны загружаться этой работой, т. к. они просто не в состоянии совмещать ее со своими боевыми обязанностями.

В лагеря по формированию должны быть направлены офицеры и зондерфюреры с соответствующими знаниями и опытом. Недостаточно посылать туда исполнительных работников и только; необходимо, чтобы эти люди были энтузиастами данной идеи, чтобы они были проникнуты сознанием огромной важности этого задания, быстрейшее и правильное выполнение которого намного сократит пролитие немецкой крови, ускорит победу и укрепит в поколениях этих народов верных нам друзей, ибо ничто так не объединяет народы, как совместно пролитая кровь.

Как было сказано в начале этого донесения, Советы задолго до нашего вторжения в Крым подготовили здешние горные массивы для партизанской войны. Были созданы склады с продовольствием и боеприпасами, построены бункера. Число партизан в сравнительно малых горных районах составляло к началу этого года, как уже указывалось, около 6.000 человек. Можно предположить, что подобные работы давно уже ведутся в горах Кавказа и что в этих огромных горных областях нам нужно рассчитывать по крайней мере на 50.000-ную партизанскую

армию.

Если мы до сих пор не справились с партизанами Крыма, несмотря на значительные наши действующие воинские части, части полиции и 1600 татарских добровольцев, несмотря на доброжелательное отношение к нам татарского населения, то можно ожидать, что борьба с партизанами на Кавказе будет трудной для нас.

Кроме того, на Кавказе мы сможем продвигаться только по трем дорогам:

1. Западная дорога вдоль побережья Черного моря.
2. Военно-Грузинская дорога через Владикавказ.
3. Восточная дорога через Баку.

Все дороги проходят через области действия партизан (обойти их, как в Крыму, здесь нельзя), поэтому они могут быть легко повреждены несколькими килограммами взрывчатки. Если доброжелательное отношение горцев Крыма позволило нам добиться некоторых успехов, то пока неизвестно, какое значение будет иметь то или иное отношение кавказских горцев для всей кавказской кампании и особенно для подавления партизан.

Во время русской гражданской войны белая армия вынуждена была послать на борьбу с партизанами крупные воинские части с артиллерией и все же не смогла уничтожить их. Такая же судьба постигла в свое время и красных властителей. Антисоветская партизанщина существует до сих пор.

При рассмотрении этого вопроса нельзя забывать о том, что в пограничных с Кавказом районах Ирана живут азербайджанцы и курды.

Если мы хотим иметь надежный прифронтовой тыл для нашей армии, нам нужно завоевать эти народы. А эту задачу можно будет решить только путем правильного решения вопроса о формировании вспомогательных войск не в масштабе одного штаба армии, а в широком масштабе. Этим заданием должна заниматься единая центральная служба, которая будет вести тактическую, постоянную, выработанную пропаганду с учетом сложных национальных и хозяйственных вопросов этих областей.

Если утверждение о том, что совместно пролитая кровь объединяет народы, относится прежде всего к европейским народам, то в еще большей степени оно относится к примитивным16 (16 Составитель документа много внимания уделяет целесообразности широкого использования кавказских народов в интересах немецких войск и германской военной администрации на оккупированной советской территории, однако презрительно употребляет по отношению к ним термин — примитивные.) народам Кавказа, которые по сей день сохраняют

кунацкие традиции, т. е. высоко чтут братство по оружию.

Подлинник подписал: ***Зиферс, Зондерфюрер.***

Подлинник на немецком языке хранится в особом архиве ГАУ ф. 500 оп. 5 д. 23 лл. 135–149.

Примечание

Из числа советских военнопленных кавказских и среднеазиатских национальностей германское верховное командование формировало так называемые «национальные легионы», которые под командованием немецких офицеров принимали участие в боевых операциях против Красной Армии и партизан, несли караульную службу в оккупированных районах.

Германская разведка проводила среди «легионеров» вербовку агентуры, которую после предварительной подготовки забрасывала в тыл Красной Армии в районы Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии со шпионскими и диверсионными заданиями и для организации бандитско-повстанческих формирований.

В январе 1944 г. по приказу генерального штаба германской армии «национальные легионы» были переименованы в так называемые «добровольческие войска», в составе которых находилась и Русская освободительная армия.

Часть «национальных легионов» германским командованием была переброшена в Европу (Франция, Италия, Югославия, Албания и др.). В частности, находившиеся во Франции части Туркестанского легиона принимали участие в боях против англо-американских войск в Нормандии.

Немцами были созданы следующие «национальные легионы»:

I. **Грузинский легион**

Формирование Грузинского легиона из числа советских военнопленных грузин проводилось с начала 1942 г. в районе Варшавы. Легион состоял из 4-х батальонов, и, кроме того, до 12 батальонов было сформировано на территории Германии и Украины. Значительная часть этих батальонов была во Франции, где они выполняли гарнизонную службу.

В формировании легиона принимал активное участие т. н. Грузинский национальный комитет во главе с бывшим меньшевиком-эмигрантом Маглакелидзе, являвшимся также редактором выходившей в Берлине газеты грузинских легионеров «Сакартвело» («Грузия»). Два батальона Грузинского легиона немцами в августе 1942 г. были введены в бой против Красной Армии на Северном Кавказе, но вскоре были разоружены в связи с намерением легионеров перейти на сторону Красной Армии.

II. Туркестанский легион

С начала 1942 г. немцы из военнопленных казахов, узбеков,

таджиков, туркменов, киргизов и каракалпаков стали создавать так называемый Туркестанский легион.

В формировании Туркестанского легиона активно участвовал руководитель Туркестанского национального комитета Вали-Каюм-хан, бывший участник антисоветских националистических организаций в Узбекистане, находившийся с 1922 г. в Германии и именовавший себя «главой туркестанского правительства». В конце 1942 г. из Германии ездил в Турцию, где встречался с представителями туркестанской эмиграции.

Туркестанский национальный комитет афишировался немцами как «представительство будущего мусульманского государства», в состав которого немцы предполагали включить территории Казахской, Узбекской, Таджикской, Киргизской, Туркменской ССР и Кара-Калпакской АССР.

Туркестанский легион был сформирован немцами в конце 1942 г. в составе 7 отдельных батальонов, по 1100–1200 человек в каждом. Во главе легиона стоял немец капитан Эрнекке.

Несколько позже, кроме этих 7 батальонов, были также сформированы Туркестанский легион № 185 в составе 8 батальонов под командованием немца генерал-майора Майера и Ост-мусульманская дивизия СС под руководством офицера военной разведки майора Мадера.

Легионеры подвергались усиленной фашистской обработке, для чего использовались муллы, имевшиеся в каждой роте; выпускался антисоветский журнал «Милли-Туркестан» и другие печатные издания.

Немецкие карательные органы насадили среди легионеров широкую агентурно-осведомительную сеть, которую свели в резидентуры.

В апреле 1942 г. немцы отобрали около 20 наиболее грамотных и физически здоровых легионеров, из которых создали т. н. Туркестанский СС, в задачу которого входила подготовка квалифицированной агентуры для заброски в районы Средней Азии с разведывательными, диверсионно-террористическими и повстанческими целями.

Руководство Туркестанским СС осуществлял разведывательно-диверсионный орган немцев «Цеппелин».

III. Северо-Кавказский легион

Формирование Северо-Кавказского легиона началось в сентябре 1942 г. в районе Варшавы из числа советских военнопленных осетин, чеченцев, ингушей, кабардинцев, балкарцев и других народностей Северного Кавказа.

Легион состоял из 3 батальонов под командованием немца капитана Гутмана.

В формировании легиона принимал участие т. н. Северо-Кавказский комитет во главе с дагестанцем Ахмед-Наби Магомаевым, агентом немецкой и турецкой разведок, осетином Кантемировым, быв. военным министром Горского правительства, и Султан-Гиреем Клыч, быв. генералом царской и белой армии и председателем созданного немцами Горского комитета.

Комитет выпускал еженедельную газету «Газават» на русском языке.

IV. Армянский легион

Армянский легион германским командованием начал формироваться в начале 1942 г. в Польше и на Украине. В формировании легиона принимали участие дашнаки-эмигранты во главе с Дро Канаяном, руководителем известной разведывательной группы. «Дромедар».

Армянские национальные легионы предназначались к использованию как войсковые единицы для участия в боях с Красной Армией и партизанскими отрядами и как база для комплектования немецкой разведывательной агентуры.

Установлены следующие пункты формирования Армянских легионов:

— г. Люблин (Польша) в марте 1942 г. армянский легион численностью до 1000 человек;

— м. Рембертово (район Варшавы) в июне 1942 г. легион численностью до 3000 человек;

— г. Симферополь в августе 1942 г. армянский национальный полк численностью до 1500 человек;

— в г. Ростове-на-Дону 4-я рота Кавказского батальона Бранденбургского полка в октябре 1942 г.;

— в м. Пулавы (Польша) в июле 1942 г. армянский легион численностью до 1000 человек;

— в г. Жиздра Орловской области в феврале 1943 г. располагался Первый армянский полк численностью до 2500 человек.

Во время отступления немецких войск с Северного Кавказа значительная часть легионеров осталась на освобожденной территории и явилась с повинной.

Некоторые участники армянских комитетов и других дашнакских формирований бежали с немцами, а некоторые перешли на нелегальное положение.

Общая численность легиона достигала 10 тыс. человек.

В связи с тем, что среди легионеров имели распространение антинемецкие настроения и тенденции к переходу на сторону Красной Армии, значительная их часть содержалась в концлагерях и использовалась на тыловых работах.

V. Азербайджанский легион

Азербайджанский легион был сформирован в феврале 1942 г. в Польше в составе 7 батальонов численностью до 1000 человек в каждом под командованием немецкого майора Риделя.

Легион формировался при участии т. н. Азербайджанского правительства, созданного эмигрантами-муссаватистами. Издавалась газета «Азербайджан», редактором которой был изменник Родине быв. майор Красной Армии Карсаланы Меджит.

VI. Волго-татарский легион

Волго-татарский легион сформирован немецким командованием в Польше в августе-декабре 1942 г. из числа военнопленных татар, башкир и чувашей. Легион состоял из 3 пехотных батальонов численностью до 1000 человек в каждом. К формированию легиона немецким командованием были привлечены члены буржуазно-националистической татарской организации «Идель-Урал» во главе с агентом немецкой и японской разведок эмигрантом Гаяз-Исхаковым.

В феврале 1943 г. один из этих батальона рыл направлен для борьбы с партизанами в районе Витебска, где перешел на сторону партизан, уничтожив 70 немцев из числа командного состава. Легионеры использовались также и в оккупированных странах Европы для несения караульной службы.

VII. Ост-легион

В 1943 г. некоторое количество немецких войск, несших гарнизонную службу в оккупированных странах Европы, были заменены так называемым Ост-легионом, сформированным из татар, грузин, армян, украинцев и других лиц северо-кавказской и средне-азиатских национальностей.

Ост-легион состоял из трех батальонов и кавалерийского отряда.

Алексей Ростовцев
Иностранный легион

Прозрачное трепетное пламя вьется в металлической чаше, похожей на гигантский фужер для мороженого. Это огонь Двадцать второй олимпиады, зажженный над Лужниками за несколько дней до моего возвращения. Гул стадиона хорошо слышен на Комсомольском проспекте у моста через Москву-реку. Ойген ведет «Волгу» медленно, шажком, чтобы дать мне возможность надышаться воздухом Родины.

— Ты постарел, Ойген, — говорю я. — Очки стал носить.

— Да и ты не помолодел, Арнольд. Вон голова вся сивая… Восемь лет минуло с той ночи в аэропорту «Шереметьево». Восемь лет! Мало это или много? Для человечества мало, для человека много. Что могло произойти за такое время? Мальчики стали юношами, юноши — зрелыми мужами, зрелые мужи — пожилыми людьми, пожилые люди — стариками, а старики завершили счет своим годам. Белые города вознеслись. Вспыхивали и угасали локальные войны. Побеждали и терпели поражение революции. Маленькие деревья заметно подросли, а большие — чуть-чуть. Женские юбки сначала укоротились до умопомрачения, потом удлинились до пола, потом снова пришли в норму. Искусственным спутникам сделалось тесно в околоземном пространстве, и люди перестали запоминать имена космонавтов. Скорости возросли до сумасшедших пределов. А колесо истории только раз едва слышно скрипнуло и совершило одну тысячную одного полного оборота. Пролетело мгновенье вечности…

Я прибыл в Аурику в обычный августовский день года одна тысяча девятьсот семьдесят второго от Рождества Христова.

В этот день начальник шахской охранки в Тегеране закончил инкрустацию одной из стен своего кабинета наманикюренными женскими ногтями, которые были выдраны им во время пыток.

В этот день президент Центрально-Африканской республики Бокасса велел подать себе на обед жаркое из ляжки приглянувшейся ему ученицы столичного колледжа. Будущий император потихоньку занимался людоедством.

В этот день сорок тысяч детей Земли умерли от недоедания и эпидемий.

В этот день некий репортер спросил у студента прославленного британского университета, что знает студент о второй мировой войне. В той войне, гласил ответ, Германия и

Россия воевали против Англии, которая наголову разгромила обоих своих противников.

В этот день другой репортер по другую сторону Атлантического океана поинтересовался у безработного, поселившегося с семьей в пустом контейнере для перевозки крупногабаритных грузов: хотел бы он, безработный, смены строя. Не хотел бы, гласил ответ, потому что при существующем строе никто никогда не теряет шансов стать миллионером.

Это был обычный день, а таких дней в том високосном году было триста шестьдесят шесть.

Столица Аурики Ла Палома, если смотреть на нее издали, со стороны океана, похожа на Ялту или на Баку. Только Ялта в сравнении с ней слишком мала, а Баку слишком велик. Город живописно раскинулся на зеленых холмах, опоясавших круглый залив.

Разнокалиберные и разномастные суда у причалов, задранные вверх стрелы кранов, белый маяк на кончике длинного мола да широкие песчаные пляжи, протянувшиеся справа и слева от порта, делают Ла Палому мало отличимой почти от любого большого приморского поселения южных широт. Однако так лишь кажется издали. В действительности же город весьма своеобразен и представил бы несомненный интерес как для историка архитектуры, так и для этнографа.

Главная улица столицы — проспект Делькадо — протянулась от порта к горе Катпульче, давно потухшему вулкану, на одном из склонов которого, у самой вершины, хорошо видна скульптура распятого Христа, вырубленная из гигантского каменного монолита. На проспект, как бусинки, одна за другой нанизаны три овальные площади — Независимости, Свободы и Всеобщего Равенства. Площадь Свободы — административный центр города. Здесь расположены дворец президента, министерства общественной безопасности и полиции, кафедральный собор и парламент, а также казармы президентской гвардии.

Посреди площади на двадцати колоннах из серого гранита покоится двадцатиметровой высоты куб. Каждая из его вертикальных граней как бы поделена пополам по диагонали. Верхние половины облицованы белым мрамором, нижние — черным. Над кубом в хрустальной чаше вьется Вечный огонь. Внутри куба в таинственном прохладном полумраке стоит саркофаг с набальзамированным телом великого сына Аурики — генерала Аугусто Делькадо. Поток людей к усыпальнице не иссякает даже по ночам. Доступ в мавзолей открыт круглые сутки.

Слева и справа от места последнего успокоения вождя

ауриканской революции возвышаются два памятника — Делькадо и Мендосе. Первый, молодой и гибкий, запрокинулся на вздыбленном коне с саблей, занесенной для удара. Второй, пожилой и грузный, набычился в кресле, положив руки на подлокотники. Сидящий Мендоса равен по высоте конному Делькадо.

В центральной части Ла Паломы много строений, чей вид характерен для старых испанских городов. Мавританский стиль повсеместно сочетается здесь с готикой. Поражает обилие церквей и церквушек.

Бедняцкие окраины столицы неблагоустроенны и грязны. Их вопиющего убожества не могут заслонить ни стройные пальмы, ни двухметровые банановые листья, которые в тропиках выполняют функции среднеширотных лопухов, то есть торчат из-под заборов, если у хозяев этих заборов имеются дела поважнее разбивки газонов и палисадников.

Достигнув Ла Паломы, я остановился в недорогом отеле у площади Всеобщего Равенства. Мне надо было пару дней поболтаться по городу для знакомства с ним и обстановкой. Для притирки. Для вживания в новую среду.

Каждое утро после завтрака я покупал в газетном киоске у министерства связи вчерашнюю «БЭЦЭТКУ» — так мои коллеги в ГДР называли западноберлинский бульварный листок «Berliner Zeitung», необычайно популярный в бюргерских кругах, — и пешком углублялся в городские кварталы. «Бэцэтку» вместе с другими европейскими газетами ежедневно доставляли в Аурику самолетом. Ее тут быстро раскупали местные немцы.

С утра до позднего вечера я бродил по Ла Паломе, рассматривал витрины, сидел у фонтанов в тени кокосовых пальм, заходил в кафе, чтобы перекусить, приглядывался, прислушивался. Пестрая разноязыкая толпа шумела вокруг. До меня никому не было дела. Только президент Мендоса в полной форме генералиссимуса внимательно следил за мной, куда бы ни направлял я мои стопы. Бюсты и портреты диктатора были выставлены чуть ли не в каждом окне. В семьдесят втором году Отцу Отечества стукнуло восемьдесят; это был больной и немощный старик, однако все его скульптурные и живописные изображения запечатлели крепкого сорокапятилетнего мужчину с энергичным лицом преуспевающего гангстера средней руки. Крестам и звездам было тесно на груди Мендосы, они лезли на плечи, к пышным эполетам, растекались по бедрам. Я неоднократно делал попытки сосчитать президентские регалии, но всякий раз сбивался. Позже мне сказали, что их девяносто две.

На первый взгляд обстановка в городе была спокойной.

Однако постепенно я отмечал для себя все новые и новые признаки нестабильности. Прежде всего — необычайно большое количество военных на улицах. Кого тут только не было! И неряшливые, плохо одетые служащие ауриканской армии, и слегка разболтанные, но в общем бравые, в форме с иголочки янки, и немолодые, бывалые, хорошо экипированные солдаты Иностранного легиона, и гвардейцы президента в опереточных мундирах. Повсюду висели плакаты, изображавшие головореза со зверской синей рожей и с автоматом в руках. Они призывали чужеземцев, проживающих в Аурике, вербоваться на службу в Иностранный легион, чтобы принять посильное участие в борьбе Свободного мира с красной заразой. Условия были весьма выгодными. За три года службы в легионе можно было сколотить небольшое состояние. В случае гибели легионера все заработанные им деньги переводились его семье или другим лицам согласно завещанию.

Пошли шестые сутки моего пребывания в Аурике, и на «Бэцэтку» наконец клюнул нужный мне человек. В тот день меня занесло в район порта. Когда настало время обедать, я бросил якорь в симпатичной таверне с видом на залив, где еле различимый за лесом кранов дремал авианосец ВМС США в окружении кораблей конвоя. Сделал заказ и принялся не спеша листать старую сплетницу. На первой полосе было огромными литерами набрано сообщение о том, как миллионеру удалось самому спасти свое состояние. Грабители потребовали, чтобы он отпер сейф и выложил его содержимое, а в сейфе-то хранился пистолет, из которого богач и ухлопал налетчиков. Далее следовало подробное описание изнасилования известной кинозвезды ее почитателями. Западноберлинские проститутки публиковали две положенные страницы объявлений с указанием своего возраста, цвета волос и номеров телефонов, а также размеров бюстгальтеров. Лютеранская церковь извещала паству о новом цикле проповедей. В море рекламных анонсов затерялся гороскоп. Я родился под знаком Овна. Вчерашний овен посулил мне удачу через завязывание выгодных знакомств.

Едва я закончил изучение гороскопа, как за мой столик, не спрашивая разрешения, плюхнулся неопределенного возраста мешковатый субъект с лицом, обожженным солнцем, жизненными бурями и алкоголем.

— Черт побери! — завопил он на милом моему слуху саксонском диалекте. — Кажется, мне посчастливилось встретить соотечественника! Я издали заметил немецкую газету!

Мне оставалось только представиться:

— Арнольд Фогт.

— Крашке. Герхард Крашке, черт побери!

В этот момент кельнер поставил передо мной обед. Крашке мигом заказал себе такой же и по рюмке ямайского рома нам обоим. Через пять минут мы уже пили на брудершафт, а еще через полчаса я знал о моем новом знакомце почти все.

Крашке родился в Дрездене в семье пивовара. В сорок четвертом достиг призывного возраста и был мобилизован. Ему повезло. Он воевал на Западе и потому отделался незначительными травмами морального порядка. Хотя и на Западе иногда тоже убивали. Вернувшись из американского плена, увидев прах родного города и не застав в живых никого из близких, впервые осознал, что такое война. Однако осознал не полностью, поскольку впоследствии сделал войну своей профессией. А разве следовало ожидать от него чего-либо другого? Ведь он был бюргером, сыном, внуком и правнуком бюргеров. Крашке инстинктивно шарахнулся прочь от обгорелых кирпичей и черных головешек Дрездена, но если бы союзники и не стерли с лица земли Флоренцию-на-Эльбе, он все равно приземлился бы по другую сторону демаркационной линии, потому что там было сытнее, теплее, надежнее. По крайней мере, так казалось. Вскоре он уяснил, что человеку, не знающему иного ремесла, кроме военного, нечего делать в мирной Европе. И Крашке нашел применение этому ремеслу в других частях света. Он воевал за французов во Вьетнаме, за них же в Алжире, за израильтян против арабов, потом снова во Вьетнаме, теперь уже за американцев. Правда, воевал не очень старательно.

— Знаешь, Арнольд, — сказал он мне в доверительном тоне после четвертой рюмки. — Когда-нибудь я покажу тебе мой зад. Он весь иссечен осколками и пулями коммуни-стическими, патриотическими, фашистскими и еще разными другими. Нет на нем живого места… Десятки лет я наблюдал одно и то же: люди палили один в другого якобы ради каких-то идей и убеждений. На самом деле причина взаимной ненависти была совсем иная: они просто не могли мирно поделить землю, воду и небо, барахло, жратву и баб. И денег. Я пришел к этому через боль моего зада. В идеи не верю. Верю в материальные ценности. В банкноты. В недвижимость. Сюда приехал, чтобы заработать на старость, чтобы вернуться на родину не с пустым карманом, чтобы умереть в достатке. Бедных никто не любит, даже близкие родственники их не терпят. Богатых почитают не только друзья, но и враги. Богатство дает власть, а власть дает богатство. Богатство и власть делают человека неприкасаемым, превращая грехи его, в том числе самые кровавые, в добродетель…

— Не могу сообразить, — перебил я Герхарда, — где твой зад

мог встречаться с фашистскими пулями.

Крашке печально улыбнулся.

— В сорок пятом я жил в полуразрушенном доме на окраине Дрездена. Мой сосед оказался бывшим эсэсовцем. Когда за ним пришли русские, он успел выпустить в них очередь из автомата. В русских не попал, а попал в меня. Черт бы его побрал, этого ублюдка!

— Ты полегче насчет эсэсовцев! Мой отец служил в СС и погиб от рук коммунистов.

— Прости, Арнольд, я не хотел оскорбить памяти твоего отца.

— А почему зад у тебя пострадал гораздо больше других частей тела?

— Потому что я старался по возможности не подставлять противнику мою грудь. — Мы рассмеялись. Крашке продолжал откровенничать: — Я вообще-то вояка никудышный. Я, может, и не убил никого, по крайней мере, не старался убить. Для чего мне это? Я набожен. Когда есть время, хожу в кирху. На рай мне, видимо, не приходится надеяться, но считаю себя вполне достойным чистилища.

— Итак, Герхард, ты дуалист.

— Что такое дуалист?

— У тебя, как и у миллионов других человеков, два бога: всевышний и деньги.

Крашке обиделся, и настала моя очередь извиняться.

— А тебе приходилось убивать? — спросил он.

— Да, и не однажды, — ответил я.

— Ну и как?

— Сначала было не по себе, потом привык. Ко всему привыкаешь.

— Ты что же, не веришь в бога?

— Нет, не верю. Но деньги мне нужны не меньше твоего.

Крашке нахмурился, но через минуту посветлел и заметил, как бы подводя итог нашему диалогу:

— Последнее нас объединяет. Будем действовать сообща. Ты сейчас откуда?

— Из Кейптауна. А до этого провел пару лет в Намибии.

— Не слыхал. Где это?

— Юго-Западная Африка. Наша бывшая колония. Там еще помнят немецкий язык.

— Из Африки приехал, говоришь? Почему ж на тебе загара не видно?

— В Южной Африке теперь зима.

— Зим-а-а?! В Сахаре и летом и зимой, как в пекле было.

— То в Сахаре. А в Кейптауне иногда даже снег выпадает.

— Что за народ живет в Намибии?

— Племена овамбо, дамара, гереро, нама, каванго. В общем — негры. Есть и белые. Но их совсем мало.

— Чем ты там занимался?

— Воевал с партизанами СВАПО.

— Кто такие?

— Считай, что коммунисты.

— А кто платил?

— Правительство Южно-Африканской республики.

— Много платили?

— Немало, но меньше, чем стоят кровь и жизнь.

— Сколько все-таки?

— Четыреста рандов в неделю?

— Не понимаю.

— Ну, ранд — это чуть больше доллара.

— Что думаешь делать здесь?

— Еще не решил.

— А я уже решил. Завербуюсь в Иностранный легион. Папаша Мендоса не скупится, если речь идет о расходах на войну… Другого занятия иностранцу в Аурике не найти. Уровень безработицы тут весьма высок. Советую и тебе последовать моему примеру. Все равно ты придешь к этому рано или поздно.

Я задумался. Инструкции, полученные в центре, давали мне право самому решать вопросы трудоустройства, действуя при этом в соответствии с обстановкой. Служба в Иностранном легионе не исключалась, однако мне строго предписывалось ни в коем случае не принимать участия в военных операциях, а тем паче в карательных акциях. Иностранный легион хорош прежде всего тем, что там никто не интересуется, откуда ты и зачем. Там от тебя требуются только три вещи: железное здоровье, выносливость и владение военным ремеслом.

Пока я размышлял, Герхард продолжал болтать. Он рассказал о том, что у него в Ла Паломе есть дядя по имени Рудольф, в прошлом активный нацист. Дядя этот большая свинья. Он человек со связями и мог бы устроить Герхарду непыльную, хорошо оплачиваемую должность, но делать этого не желает, так как считает своего престарелого племянника забулдыгой, которому не достает ума, образования и светских манер для того, чтобы претендовать на приличное положение в обществе. С его легкой руки за Крашке в здешней немецкой колонии утвердилось прозвище Швейк, а с такой кличкой могут и в Иностранный легион не взять. Der Affenarsch1, так назвал Герхард дядю, забыл о том, что фюрер и его подручные, перед памятью коих дядя пресмыкается по сей день, не имели ни ума, ни образования, ни

манер, но тем не менее потрясали судьбами мира. Дядя презирает Герхарда не за то, что он никогда ничему не учился, а за то, что Герхард беден, как церковная мышь. Если бы у Герхарда были деньги, дядя вел бы себя по-другому.

— Ладно! — перебил я своего нового приятеля. — Легион так легион! Сегодня отдыхаем, а завтра идем на вербовочный пункт.

Крашке несказанно обрадовался моему решению, и мы выпили еще по одной за удачу, после чего распрощались до следующего дня.

На вербовочном пункте за главного был крепкий рослый парень в форме сержанта армии США. Он велел нам заполнить по короткой анкете, содержавшей не более восьми вопросов. Требовалось назвать имя и фамилию, а также сообщить данные о возрасте, национальности, гражданстве, образовании, адресе одного из родственников и номере текущего счета. В качестве родственницы я указал двоюродную сестру в Западном Берлине. Эта «сестра» была пока единственной ниточкой, связывавшей меня со своими. Что же касается счета, то и он был, так как накануне я предусмотрительно поместил небольшую сумму в один из банков Ла Паломы.

Заполнив анкеты, мы с Герхардом отправились к медикам, расположившимся под белым парусиновым тентом во дворе вербовочного пункта. Врачей было трое: терапевт, окулист и кожник-венеролог. Через десять минут я был признан годным к строевой службе. С Крашке медики провозились целых пятнадцать минут: их смутил возраст Герхарда. После того как на наших анкетах были сделаны отметки о состоянии здоровья, мы предстали перед сержантом. Последний сидел тут же, во дворе, за отдельным столом, на котором лежала стопка бумаг, придавленных автоматным рожком, чтоб документы не унес ветер. Я подошел первым.

— Стрелять умеешь? — спросил сержант, бегло просмотрев мой формуляр.

Я взял у него автомат и пулями написал на глухом заборе:

«Voqt».

— Что это? — поинтересовался он.

— Это моя фамилия.

Сержант недовольно поморщился.

— Здесь такое не пойдет. Советую тебе называться по имени и на испанский манер: Арнольдо.

— Ну Арнольдо, так Арнольдо, — согласился я.

— А как у тебя насчет ближнего боя? Покажи!

Тут сержант встал и приблизился ко мне. Я показал. — Well1 — буркнул он, поднимаясь с земли и отряхивая с мундира

пыль. — Ты где воевал в последний раз?

— В Африке.

— В качестве кого?

— Командовал ротой.

— Покомандуешь пока взводом, а там видно будет. Последний вопрос: на кой дьявол тебе понадобилось оканчивать университет?

— Заблуждения молодости. Теперь от этого ничего не осталось.

— Ну-ну. Иди в кассу, получи подъемные. Завтра к семи ноль-ноль явишься на службу. Следующий!

Само собой, сержант обращался ко мне и другим не на «ты», а на «вы», поскольку в английском языке нет местоимения «ты». Но это «вы» звучало у него как «ты», и я думаю, что если бы в английском языке существовало местоимение «ты», то американцы пользовались бы только им.

Остановившись в сторонке, я стал наблюдать, как сержант расправляется с Герхардом. Крашке плохо стрелял и от первой же примитивной подножки полетел на землю. Сержант пришел в ярость.

— Ну какой ты солдат?! — орал он. — Ты мешок с дерьмом, а не солдат! А еще немец! Твое счастье, что в легионе много вакансий! И все равно не знаю, куда тебя девать!

— Прошу зачислить его в мой взвод, — подал я голос.

— Что-о-о?! Святой закон всех армий не определять земляков в одно подразделение. Они моментально снюхиваются и начинают вместе соображать, как бы поскорее дезертировать или отмочить еще какую-нибудь пакость… Впрочем, так и быть, забирай этот тухлый окорок. Кроме тебя, его никто больше не возьмет. Но гляди мне! Под твою ответственность!

Я кивнул.

— Будешь называться Хорхе, — продолжал сержант, обращаясь уже к Герхарду. — Можешь получить деньги. Проваливай! Следующий!

Крашке ковылял за мной к кассе, рассыпаясь в благодарностях.

В этот день я отправил первое письмо «сестре», где сообщал о принятом мною решении.

На следующее утро нам выдали форму, оружие и боеприпасы. Нельзя не признать, что экипировка наша была добротна, проста и удобна: свободный маскировочной расцветки комбинезон, короткие легкие сапоги, зеленый берет, рюкзак с небольшим запасом консервов и походной аптечкой, подсумок для патронов, саперная лопатка. Я как офицер получил еще полевую сумку,

компас, линейку, электрический фонарь, блокнот и авторучку.

Шестой батальон Иностранного легиона, куда мы были зачислены, находился в стадии формирования. Это обстоятельство было мне на руку, так как я мог рассчитывать по крайней мере на месяц-полтора спокойной жизни.

Легион комплектовался из разного сброда. Это были преимущественно иностранцы европейского или североамериканского происхождения, совершившие разного рода уголовные преступления у себя на родине и скрывавшиеся от правосудия.

Вербовались в это войско также бродячие ландскнехты типа Крашке, матросы, списанные с кораблей за строптивый нрав и пьянство, просто проходимцы, — люди без каких-либо профессиональных знаний и политических убеждений. Никогда ни до, ни после мне не приходилось видеть столько подонков, собранных в одну кучу.

С брезгливой неприязнью смотрел я на пиратские рожи солдат моего взвода, выстроившихся передо мной в извилистую шеренгу. На левом фланге стоял низкорослый Крашке и ел меня глазами. У остальных был довольно безучастный вид. Многие жевали резинку. Один даже курил.

— На каком языке будем изъясняться? — спросил я по-английски.

Оказалось, что почти все понимают этот язык. Я велел им подтянуть пояса и выровнять строй. Солдаты нехотя повиновались. Меня раздражал куривший, и я приказал ему выбросить сигарету в железный мусорный ящик, стоявший у края учебного плаца.

— Нет, сэр, — ответил он, — тут осталось еще на пару затяжек. Вот докурю — тогда и выброшу.

Я поманил непослушного к себе, а как только он приблизился, ударил его кулаком в солнечное сплетение. Солдат сложился пополам, и я пнул его сапогом в лицо. Он растянулся у моих ног, корчась от боли.

— Крашке! — гаркнул я. — Оттащите эту падаль в тень. Пускай там очухается и дососет свой окурок.

Наш американский хозяин, наблюдавший за этой сценой, одобрительно загоготал, а я продолжал, обращаясь уже ко всему взводу:

— На сегодня программа занятий такая: строевая подготовка — один час, учебные стрельбы из автомата — 5 часов, приемы рукопашного боя — 2 часа. И запомните: без дисциплины нет армии. В боевой обстановке за неповиновение буду расстреливать на месте.

Пираты перестали двигать челюстями и опустили руки по швам. Мне стало ясно, что с этой минуты они признали во мне своего командира.

Вечером Крашке получил от меня указание пустить слух, будто я однажды в Африке распорядился повесить на ветвях гигантского баобаба целый взвод, не выполнивший моего приказа, после этого меня зауважали еще больше.

Потянулись однообразные недели военной учебы. Почти каждый день после окончания занятий с солдатами я уходил в город, где ужинал в одном из кафе, посещаемых военными. Пытался завязывать знакомства с американцами и с офицерами ауриканской армии. Однако из этих моих попыток ничего не выходило. Первые смотрели на меня с нескрываемым презрением, вторые со страхом. Прошло полтора месяца с момента моего появления в Аурике, а я ни на миллиметр не приблизился к цели.

Однажды ночью наш батальон в полном составе выехал на полигон, находившийся километрах в сорока от столицы. Мы должны были научиться минированию участков джунглей, подобных тем, в каких скрывались партизаны. Планировалось также попрактиковаться в стрельбе из базук. Батальон тронулся в путь затемно, чтобы прибыть на место с наступлением рассвета и, закончив учения до полудня, вернуться к обеду в казармы. Колонна грузовиков медленно выползла из сонного города на широкую прямую Панамериканскую магистраль и двинулась в направлении полигона. Тяжелые крытые машины шли, держа скорость восемьдесят километров в час и интервал пятьдесят метров друг от друга. Мощные фары с трудом прорубали узкий световой тоннель в кромешной тьме тропической ночи. Моторы ровно гудели. Солдаты дремали, покачиваясь на скамьях и зажав автоматы между колен.

Вдруг где-то в голове колонны глухо, но сильно рвануло. Так взрываются противотанковые гранаты и мины. Грузовики разом затормозили, и в то же мгновение справа, из джунглей, резанули автоматные и пулеметные очереди. Солдаты горохом посыпались из кузовов, стремясь укрыться от пуль за автомобильными скатами или за полотном шоссе. Некоторые были сражены, не успев достигнуть земли. Закричали раненые. Я отполз налево в придорожную канаву и стал соображать что к чему. Мне никак не импонировала перспектива быть убитым партизанами. Меня не для того сюда послали. Надо было предпринять что-то такое, после чего моя жизнь оказалась бы вне опасности. Хотя бы на время. Минуты через три после начала обстрела я понял, что повстанцы не будут атаковать нас. Для рукопашной у них не доставало сил. Тем не менее плотность огня была очень велика. Я

вздохнул и, перевернувшись на спину, поднял левую руку. Не прошло и десяти секунд, как одна из пуль пробила ладонь. Стиснув зубы, я принялся перевязывать рану.

Огонь прекратился так же внезапно, как и начался. Израсходовав боеприпасы, партизаны ушли. Я вылез из канавы и пошел выяснять, что осталось от моего взвода. Потери не были сногсшибательно большими: всего двое убитых и пятеро раненых. Среди последних оказался Крашке. На этот раз традиция ему изменила. Пуля оцарапала его голову. Рана не была опасной, но сильно кровоточила. Герхард стонал и грязно ругался, проклиная президента Мендосу, дядю Рудольфа и партизан. Я велел ему заткнуться и помог перевязать голову.

— Чего хотят эти ублюдки? — продолжал ныть Крашке.

— Свободы, — ответил я.

— Ах, свободы! Я такое уже видел в Сахаре. Взберется араб или негр на пальму, провозгласит свободу и независимость, а на другой день — с протянутой лапой к бывшему хозяину. Жрать-то хочется. Свободой же сыт не будешь. Свобода — это большой беспорядок. Чтоб была жратва, надо вкалывать до седьмого пота, а они только и умеют, что стрелять да размножаться.

К нам подошел офицер из штаба батальона и сообщил, что командир нашей роты убит, а посему мне надлежит принять командование ротой.

— Мерзавцы! — сказал он. — Они совершенно обнаглели. Так близко от столицы их еще никогда не видели.

Я согласился с ним и спросил, продолжим ли мы наш путь к полигону.

— Нет, — ответил офицер. — Учения отменяются. Мы возвращаемся в Ла Палому.

Я кивнул и распорядился грузить на машины убитых и раненых.

После возвращения в Ла Палому я препоручил роту своему заместителю и, прихватив с собой Крашке, отправился в военный госпиталь. Врач признал наши ранения легкими, но все-таки уложил нас в постели, заявив, что мы сможем вернуться в строй только недели через две-три. Такая щедрость объяснялась относительным затишьем на фронтах гражданской войны и соответственно большим количеством свободных коек в госпитале. Мы там хорошо отоспались и отъелись. Перед самой выпиской произошел эпизод, который имел некоторое значение для моей дальнейшей судьбы.

Сидя перед обедом на лавке в госпитальном парке, мы судачили о том о сем, Крашке сказал между прочим, что было бы неплохо полакомиться молоком кокосового ореха. Пистолетными

выстрелами я сшиб с ближайшей пальмы пару плодов величиной с детскую голову каждый — Герхарду и себе. Крашке поднялся с лавки, чтобы подобрать орехи, но вдруг вытянулся «во фрунт» и застыл, выпучив глаза. Я посмотрел в ту сторону, куда смотрел он, и последовал его примеру. Через парк в направлении госпиталя двигалась пестрая группа военных. Впереди шел приземистый почти квадратный генерал с багровой квадратной физиономией, тремя подбородками и четырьмя четырехконечными звездами на каждом из толстых витых погон. Я сразу узнал его по портретам. Это был Пабло Рохес — военный министр общественной безопасности Аурики, самый молодой и самый перспективный из членов Государственного Совета. Ему было всего шестьдесят пять лет, и его прочили в преемники Мендосы. Лицо Рохеса, несмотря на все свое хамское безобразие, еще не было тронуто возрастным маразмом. Министр выглядел вполне здоровым и бодрым.

— Отлично стреляете, лейтенант! — сказал он по-английски, остановившись перед нами. — Кто вы?

— Лейтенант Арнольдо, командир роты шестого батальона, — представился я. — Ранен в бою с врагами республики. Нахожусь на излечении.

— Рядовой Хорхе! — рявкнул Герхард. — Ранен в том же бою!

О принадлежности к Иностранному легиону мы не упомянули, так как об этом говорила наша форма.

— Судя по акценту, вы немцы, — заметил Рохес.

— Вы совершенно правы, сэр, — ответил я. Генерал ухмыльнулся и вдруг сказал по-немецки:

— Offizier, Offizier, goldene Fressen, nichts zu fressen! 1 (Офицер, офицер, золотые позументы, а жрать нечего!)

Мы с Крашке угодливо засмеялись, а я подивился про себя эрудиции министра, процитировавшего забытую пьесу Лессинга.

— Немцы — хорошие солдаты, — продолжал генерал. — А почему ваше звание, лейтенант, не соответствует занимаемой должности?

— До последнего боя я командовал взводом. Роту принял после того, как был убит ее командир.

— Полагаю, что этот офицер заслуживает поощрения. Вы согласны?

Вопрос был обращен к командиру Иностранного легиона полковнику Лоуренсу, который стоял за спиной Рохеса. Лоуренс видел меня впервые, а обстоятельства нападения партизан на наш батальон были известны ему лишь в самых общих чертах, однако признаваться во всем этом он не стал и, помедлив немного, важно наклонил голову. Через минуту на моей груди засиял новенький

орден, выполненный в форме лучистой восьмиконечной звезды величиной с мотоциклетную фару. Герхард получил медаль «За храбрость» и звание сержанта. Прикрепляя орден к моему мундиру, адъютант министра заговорщически подмигнул мне и сказал вполголоса:

— С вас причитается, лейтенант. Можете покупать капитанские погоны. Приказ будет подписан после обеда.

— Сочту за честь отметить с вами это радостное событие. Когда и где?

К сожалению, договориться о встрече мы не успели. Военные репортеры из свиты Рохеса оттерли адъютанта в сторону. Генерал по очереди пожал руки мне и Крашке. Защелкали затворы фотоаппаратов. А через несколько секунд мы остались одни.

На другой день, рассматривая вместе с Герхардом наши фотографии в газетах, я заметил как бы между прочим, что теперь ему было бы не стыдно явиться к дяде. Крашке отнесся к этой идее очень серьезно.

— А что? — сказал он, — Der Affenarsch больше не посмеет называть меня Швейком. Тем более, если я пойду туда в сопровождении моего друга и командира, который не однажды был очевидцем ревностного отношения унтер-офицера Крашке к исполнению воинского долга.

— Как ты думаешь, Герхард, — осведомился я, — найдется у твоего дяди для нас пара бутылок немецкого пива?

— Какие бутылки! — завопил Крашке. — Дядя Рудольф предпочитает бочковое. И только баварское. Да он утопит нас с тобой в пиве, если захочет. Кстати, я полагаю, что ты должен ему понравиться, ибо в тебе явно наличествует совокупность признаков, соответствующих его представлениям о чистоте нордической расы. Ему самому как раз этих признаков не хватает. Мне тоже.

— Ладно! — согласился я. — Поехали!

Мы взяли такси и через полчаса очутились в одном из благоустроенных пригородов столицы, удивительно похожем на какой-нибудь Бланкенбург или Хальберштадт. Те же утопающие в цветах и зелени особняки, крытые черепицей, те же аккуратные легкие заборчики, та же безукоризненная чистота улиц. Только тропическая растительность напоминала о том, что здесь все-таки не Германия.

— Кусочек Фатерланда! — сказал Герхард таким тоном, как будто он имел какое-либо отношение ко всему этому.

Слова его подкрепил действием один из игравших поблизости мальчишек, который направил на нас игрушечный пистолет и, щелкнув им, пискнул по-немецки:

— Ein Schub — ein Russ! 1

— Schieb ab!2 — рявкнул на него Крашке, сделав вид, что расстегивает кобуру. (1 Один выстрел — один русский! 2 Проваливай!)

Малец взвизгнул и юркнул в банановые лопухи. Белая двухэтажная вилла дяди Рудольфа пряталась в глубине обширного зеленого массива. С улицы ее почти не было видно. Крашке позвонил у ворот. Пришел пожилой немец и, узнав моего спутника, бесстрастно поздоровался с нами, после чего впустил в парк.

— Думаю, они по случаю субботы все дома — рассуждал вслух Герхард. — Если бы их не было, садовник сказал бы нам об этом…

Рудольф фон Буххольц был младшим братом отца Герхарда Крашке и до сорок пятого года тоже носил фамилию Крашке. В роду потомственных пивоваров он слыл самым способным, и потому семья дала ему возможность получить университетское образование. Приобретенные в Гейдельберге познания в области юриспруденции были впоследствии использованы им в качестве инструмента для попрания всех законов, писаных и неписаных.

Нацизм Рудольф Крашке принял сразу, безоговорочно и навсегда. Его восхитила эта философия сильных, умных, предприимчивых молодых мерзавцев, как нельзя более полно и доходчиво выражающая вековые чаяния собственников всей Галактики. «Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью», — говорил фюрер. Это было великолепно. Это было то, что надо.

Конец войны застал Рудольфа Крашке на посту советника по делам Польского генерал-губернаторства. К этому времени на его счету были уже десятки тысяч загубленных душ и сотни тысяч марок, обращенных в доллары.

После войны Рудольф Крашке всплыл в Аурике под фамилией фон Буххольца и быстро пустил корни, женившись на дочери местного кофейного фабриканта. Оставшаяся в Германии семья не стала его разыскивать, поскольку он за месяц до бегства предусмотрительно заткнул своей немецкой супруге пасть крупной суммой, помещенной в один из швейцарских банков. Зато польское правительство нашло его довольно быстро. Начиная с пятьдесят первого года, оно многократно требовало выдачи Рудольфа Крашке как военного преступника.

Однако ауриканские власти с завидным постоянством отвечали, что немец по фамилии Крашке на территории Аурики не проживает. Это не мешало Рудольфу фон Буххольцу произносить спичи на официальных приемах и раздавать свои

визитные карточки людям делового мира. Тем не менее, к незнакомым лицам он относился настороженно. Судьба Эйхмана не позволяла ему наслаждаться достигнутым в полной мере, и естественным было то, что к моему появлению во дворе его виллы он отнесся без энтузиазма.

Беседа у меня с ним не клеилась. Поливая цветы, он постоянно косился на оружие, висевшее у моего пояса, но, даже когда я отстегнул пистолет и положил его на скамейку, обстановка не разрядилась. Тогда я отошел к фонтану и сделал вид, что любуюсь плававшими там декоративными китайскими карасиками. Тем самым Герхарду была предоставлена возможность поведать дядюшке, что я свой в доску и бояться меня нечего. Разглядывая рыбок, я искоса посматривал на Буххольца и прикидывал в уме, с какой стороны лучше подойти к нему. Красное лишенное растительности лицо этого высокого сухощавого шестидесятидвухлетнего старика действительно чем-то напоминало обезьяний зад, и поэтому немецкое ругательство, приклеенное Герхардом к дяде Рудольфу, показалось мне в данном случае очень удачной находкой.

Я не слышал, о чем дискутировали родственники, но вскоре Буххольц кликнул слугу, и тот принес три запотевших бокала, украшенных гербами баварских городов и наполненных превосходным пивом. Мы укрылись от солнца в зеленой беседке и, потягивая янтарный напиток, повели неспешный беспредметный разговор, какой обычно ведут за пивом мало знакомые или мало интересные друг другу люди.

Только после того как слуга поставил перед каждым из нас по третьему бокалу, Буххольц начал прощупывать меня.

— Где вы учились, господин капитан.? — спросил он.

— В Геттингене.

— Выходит, что вы однокашник Гейне?

Я подыграл ему:

— Да. Но мы не поддерживали близких отношений. Во-первых, он юрист, а я филолог. Во-вторых, в числе моих друзей никогда не было евреев.

— Почему вы воюете против красных?

— Чтобы вам это стало понятным, я расскажу сначала одну побасенку. Лет сто двадцать тому назад пришел однажды к главе парижского дома Ротшильдов один социалист и предложил банкиру из гуманных соображений поделить его состояние поровну между всеми нищими Франции. «Хорошо, усмехнулся миллионер, — только давай сперва прикинем, сколько достанется каждому». Сосчитали. Получилось два с половиной франка. Тогда Ротшильд швырнул социалисту несколько монеток, сказав при

этом: «Так забирай свою долю и убирайся, мошенник».

Буххольц захихикал. Крашке заржал. Было видно, что анекдот им здорово понравился. Вдохновленный расположением моей маленькой аудитории, я продолжал:

— Коммунисты уподобляются герою этого предания. Они полагают, что если отобрать у состоятельных людей их имущество и поделить его между нищими земли, то бедных не будет и наступит всеобщее благоденствие. Слишком много нищих на свете и слишком мало богатых. Кроме того, факты свидетельствуют о следующем: в тех странах, где коммунисты одержали верх, очень скоро снова произошло расслоение на богатых и бедных, ибо люди по природе своей жадны, завистливы и подлы. Мир, в котором мы живем, при всем его несовершенстве, устраивает меня больше, чем та перспектива, которую сулят нам коммунисты, потому что тот мир, в котором мы живем, есть естественное состояние человечества. Вот почему я воюю против красных, господин фон Буххольц. Удовлетворило ли вас мое объяснение?

Обезьяний Зад медлил с ответом. Очевидно, он старался осмыслить сказанное мною и отделить то, с чем он согласен, от того, с чем он не согласен.

Крашке молча потягивал пиво. Ему не было дела до всего этого.

— Господин капитан, — заговорил наконец Буххольц, — ваша концепция в общем верна, однако ей не достает завершенности. Я придерживаюсь той точки зрения, что нельзя принимать мир таким; каким мы видим его в данный момент. Состояние хаоса не может считаться естественным. Я убежден в том, что в мире давно пора навести порядок. Человеческое общество должно быть если не гармоничным, то упорядоченным.

— Не вижу сил, способных упорядочить мир, — возразил я.

Буххольц загадочно улыбнулся.

— Ну-ну, господин капитан, — сказал он, — об этом мы еще потолкуем при случае. А сейчас пойдем в дом — перекусим, чем бог послал.

Я нарочно не довел до логического конца свои рассуждения о коммунизме, точнее, я не довел их до стадии, угодной Буххольцу. Мне нужно было, чтобы он раскрылся, проявил себя. Большинство пожилых мужчин имеют гипертрофированные представления об их месте, роли и степени полезности в общей системе мироздания. Они склонны к безудержному нравоучительству и влюбляются в тех молодых людей, которые делают вид, что прислушиваются к их сентенциям. На все на это делал я ставку, когда шел к Буххольцу. Однако старик не спешил открывать

карты. После обеда, протекавшего под руководством супруги хозяина, последний предложил мне погулять по парку. Герхарду было велено сидеть в беседке и пить пива столько, сколько душе угодно. Показывая мне диковинные растения и давая при этом пространные и весьма квалифицированные пояснения, Буххольц вдруг спросил в упор:

— За что вы ненавидите евреев?

— Ненавижу?! — изумился я. — Да господь с вами! Чувство ненависти вообще чуждо мне, ибо ненависть ослепляет и толкает на необдуманные поступки. Я же привык действовать повинуясь только доводам трезвого рассудка, и потому евреев всего лишь недолюбливаю.

— За что же все-таки? — допытывался Обезьяний Зад.

— За то, что они обвели фюрера вокруг пальца.

Буххольц удивленно вскинул на меня глаза.

— Будьте добры аргументировать вашу мысль.

— Хорошо, — сказал я. — Надеюсь, вам известно, что шестьдесят богатейших семейств мира — это еврейские семьи?

Старик кивнул.

— Очевидно, вы не станете оспаривать того факта, — продолжал я, — что национал-социалисты пришли к власти, благодаря энергичной поддержке богатейших семейств Германии, которые принадлежали и принадлежат к числу богатейших семейств мира и связаны с ними теснейшими финансовыми и родственными узами?

Мой собеседник нехотя согласился.

— Так вот: помогая фюреру, богатые евреи преследовали три цели. Первая — развязать войну и нажить новые миллиарды. Вторая — уничтожить коммунизм. Третья — истребить бедных евреев. Так сказать, почистить нацию, избавить от мусора.

— Да, да, — пробормотал Буххольц, — богатые евреи могли откупиться, уехать из рейха. Или стать почетными арийцами, как Имре Кальман. Или купить себе чистую родословную.

— Однако фюрер, — продолжал я, — оказался джинном, выпущенным из бутылки. Он повел Германию от победы к победе, он повел ее к господству над миром. Он стал угрожать самим Соединенным Штатам — этой цитадели еврейства. В конце концов богатые евреи решили покончить с фюрером, тем более, что многое из задуманного ими уже было выполнено руками немецких солдат. Они сумели сколотить антигерманскую коалицию из государств, которые еще за год до этого слыли заклятыми врагами. И тогда, не выдержав напора превосходящих сил, райх рухнул под торжествующий хохот еврейских банкиров. Я рассказал вам то, что давно известно всем. Правда,

исторический материал подан мною с определенным подсветом.

Последняя фраза была сказана для страховки на тот случай, если бы Буххольц заметил, что я кое-где передернул факты. Но Обезьяний Зад, как и большинство немцев, включая самых образованных, плохо знал историю, ибо эта наука, по мнению многих, не может приносить осязаемой практической выгоды. Старик едва позволил мне договорить. Я почувствовал, что ему не терпится что-то сказать, и умолк. Он стал выплевывать слова и предложения толчками, не пытаясь скрыть дикой злобы. Он почти кричал:

— А мне без разницы, богатый еврей или бедный! Еврей есть всегда еврей! У меня на этот счет своя теория! Две тысячи лет тому назад они были, как все люди. Они имели грешников и святых. Они даже смогли породить Иисуса. А потом… Двадцать веков непрерывных гонений и преследований! Двадцать веков травли! В борьбе за существование у животных выживают сильнейшие, у людей — подлейшие. Двадцать столетий у евреев выживали наиподлейшие, и в конце концов сформировалась эта современная нация злобных и коварных прохиндеев, потому что от подлеца рождается только подлец. Если мы будем относиться к ним с прохладцей, они погубят нас всех! Их теоретик сказал: «В этом мире имеет значение лишь то, что говорят, думают и делают евреи. Все остальное не имеет ни малейшего значения». Чувствуете, куда гнут эти свиньи, господин капитан?

То, что сболтнул некогда отец сионизма, было нормальным фашизмом и на все сто процентов соответствовало духу изречений Гитлера о божественном предопределении немецкой нации, однако Буххольц не хотел вспоминать об этом.

— Мой племянник рассказал мне, — продолжал он, — будто вашего отца убили коммунисты. Это правда?

— Моего отца убили русские.

— Да, но комиссарами у них служили евреи! Вы же сами только что изволили говорить, что американские и большевистские евреи объединились с целью удушения райха. Как же можете вы, немец, сын национал-социалиста, относиться к ним всего лишь с неприязнью?

— Вы задели меня за живое, господин фон Буххольц, тем не менее я продолжаю считать ненависть плохим советчиком в серьезных делах и полагаю, что сотрясать воздух призывами к уничтожению евреев и коммунистов бесполезно и даже вредно. Поступая так, мы лишь даем пищу красной пропаганде. Кроме того, шумная демагогия вообще противна моей натуре. Я человек конкретного действия.

Обезьяний Зад овладел собой и перестал поносить евреев.

Внимательно посмотрев на меня, он произнес с расстановочкой:

— Ну что ж. Это хорошо. Нам нужны люди конкретного действия.

— Что означает «нам»?

Старик не счел нужным отвечать на мой вопрос. Он пустился в пространные рассуждения по поводу красоты и своенравия араукарии чилийской, на которую даже птицы не садятся — такая она колючая.

Когда наша прогулка по парку близилась к концу, Буххольц обронил как бы ни с того ни сего:

— Приходите к нам в следующее воскресенье. Я познакомлю вас с моим сыном. Сегодня его, к сожалению, нет дома. Мне кажется, вы с ним подружитесь.

От Герхарда я знал, что ауриканская жена беглого нациста родила ему двух детей: сына Рудольфа и дочь Еву. Последнюю Буххольц недавно выдал замуж за внука одного из членов Государственного Совета, еще более укрепив тем самым свое положение в местной элите. Рудольфа отец направил на учебу в Высшую техническую школу Аахена, откуда он вернулся с дипломом физика незадолго до моего прибытия в Аурику. Рудольф Буххольц-младший не торопился покидать родительский дом. Он жил там, не высказывая намерений жениться, окунуться в науку или стать компаньоном отца.

— Странный парень, — сказал о нем как-то Герхард. — Бледный худой очкарик. То он валяется с утра до вечера на диване в своей комнате, то пропадает невесть где целыми неделями. Большо-о-й сноб. Со мной вообще не хочет знаться. А ведь я ему двоюродный брат!

Герхарда Крашке мы нашли в беседке сильно поддатого. Еще полчаса — и пиво полилось бы у него из ушей. Обезьяний Зад поворчал на племянника и любезно предоставил в наше распоряжение свою парадную машину с шофером. Прощаясь, повторил приглашение навестить его в следующее воскресенье. Я поблагодарил Буххольца, по-немецки отдал ему честь и занял место на заднем сиденье. Герхард развалился рядом с водителем и, едва машина выехала из ворот виллы, загорланил:

— In Hannover, in Hannover an der Leine Haben die Frauen dicke Beine, Haben die Frauen dicke Beine, Und die Arsche apfelrund!

— Halt die Fresse! — приказал я ему. — Не позорь дядюшку и не лишай нас удовольствия лакомиться по праздникам добрым баварским пивом и венскими сосисками.

Герхард заткнулся и захрапел.

Прошло три месяца, прежде чем я стал своим человеком в немецкой колонии Ла Паломы. В доме Рудольфа фон Буххольца

мы с Герхардом встретили под ядовито-зеленой искусственной елкой рождество и silvester. Наступил семьдесят третий год. Идя навстречу пожеланиям Обезьянего Зада, я подружился с его сыном и сразу же получил возможность убедиться в том, что старый Буххольц капитально потрудился над воспитанием наследника, который при поддержке родителя превратил свою комнату в небольшой музей истории фашизма. Чего там только не было! Одну из стен занимала карта Европы периода расцвета райха. Германия на ней походила на большого круглого упившегося кровью клопа. Красные флажки с белой свастикой в белом круге были протянуты повсюду — от Познани до Афин, от Парижа до Ленинграда, Сталинграда и Эльбруса… На других стенах красовались штандарты каких-то эсэсовских частей, кресты разных достоинств, эмблемы, оружие огнестрельное и холодное. Книги на полках были также подобраны соответствующим образом. Посреди письменного стола темнел бронзовый бюст Гитлера. Однажды, оставшись в этой комнате один, я щелкнул фюрера по плебейскому носу. Внутри бюста загудело: он оказался полым. Перевернув металлическую голову, я обнаружил в ней ксерокопированную рукопись книги «Mein Kampf».

Туг я провел много часов вдвоем с Рудольфом Буххольцем-младшим, пытаясь разобраться в том, что творится в отнюдь не глупой башке этого парня. Само собой, во время учебы в Аахене он сблизился с неофашистами, однако сумятица идей и верований современной Европы если не поколебала его убеждений, то несколько модернизировала их, а главное внушила ему ту мысль, что к наследию прошлого надо относиться критически. С ним можно было полемизировать, он поддавался влиянию.

Несмотря на солидную разницу в возрасте, мы быстро перешли на «ты». Играли в кегли, в пинг-понг, в шахматы. Дискутировали о будущем Германии и прочего мира. Иногда выпивали. Как-то Рудольф, краснея и смущаясь, попросил просветить его в части отечественной литературы.

— Уж не влюбился ли ты? — поинтересовался я. — И твоя девушка начитана больше тебя?

— Дело не в этом, — ответил он серьезно. — Я немец и хочу знать о своей стране все, тем более, что в поэзии, как ни в чем другом, проявляется дух народа.

— Есть еще музыка, — последовало возражение с моей стороны.

— Только не современная, — сказал Рудольф. — Она теперь повсеместно превратилась в какофонию хронического

сексуального голодания. А старую музыку можно при желании послушать в церковных концертах. Здесь ты мне не нужен.

Я прочел ему десяток популярных лекций по литературе Германии, стараясь подавать материал в националистическом духе. Он слушал с большим вниманием, откинувшись в кресле и полузакрыв глаза. Иногда повторял особенно поразившие его своим смыслом и напевностью строки. Так было с балладой Уланда «Проклятье певца». Рудольф снова и снова просил меня прочесть это стихотворение, пока не запомнил его наизусть.

Слушая один из монологов Фауста, Рудольф воскликнул:

— Вот вершина мирового духа! И достичь этой вершины было подстать только германскому гению!

— Значит, ты против сожжения книг? — спросил я.

— Считаю это величайшим варварством, — ответил он.

— Правильно, — согласился с ним я. — Мы должны стать самой просвещенной нацией мира. И не перед силой немецкого оружия, а перед силой германского духа должен склониться мир. Так сказал фон Тадден.

— Мне приходилось слышать Таддена на митингах и перед учебой в Аахене, однако он никогда не говорил ничего подобного, — робко возразил Рудольф.

— Ну… тебе не говорил, а мне говорил, — отбрил я.

— Ты знаком с ним лично?!

Я многозначительно промолчал.

После этой беседы Буххольц-младший зауважал меня еще больше. Как-то он сам признался, что испытывает постоянную потребность в общении со мной. Видимо, так оно и было. Во всяком случае он даже в казарме не давал мне покоя, навещая меня чуть ли не каждый день и позволяя Герхарду вымогать у него пиво и дорогие сигареты.

Между тем моя рота, состоявшая из полутора сотен бандитов, доставляла мне немало хлопот. Сложно было не формально, а на деле утвердиться в должности командира. Уже в первый день после нашего с Крашке возвращения из госпиталя случился инцидент, который едва не стоил мне жизни. Один из сержантов, по национальности канадский француз, притопал на учебные стрельбы сильно перегруженный спиртным, и я приказал арестовать его.

— Что?! Меня арестовать?! Грязный бош! — заорал пьяный, выхватывая пистолет.

Я опередил его на долю секунды. Сержанта закопали у края полигона, и стрельбы благополучно начались.

Через месяц ко мне привели солдата, убившего и ограбившего одинокого старика, который жил неподалеку от

расположения нашего батальона. Солдат оказался немцем.

— Объясни, почему ты это сделал, — попросил я его. — Разве тебе здесь мало платят?

— Еще никто в этом мире не разбогател от жалования, — отвечал он, — а я хочу быть богатым. Богатство же создается одним способом: сильный отнимает у слабого его имущество. Старик поднял визг, и я его кокнул.

— Ты несешь околесицу, — возразил я, — существуют сотни других способов разбогатеть: воровство, мошенничество, спекуляция, сутенерство, вымогательство взяток, политическая деятельность, писание статей и книг по заказам власть имущих, изобретение новых космогонических теорий, религий и идеологий, предательство наконец. Для того чтобы стать богатым, вовсе не обязательно убивать тело, достаточно научиться умерщвлять душу.

— Вы говорите чересчур умно, господин капитан. Это не для меня.

— Значит, ты сильная, но безмозглая личность.

— Уж чего-чего, а силы у меня хватает. Я могу один опрокинуть автомобиль. Показать?

— Не надо. Вот что: тысячи людей ежедневно совершают куда более кошмарные преступления, чем ты, и остаются безнаказанными. Более того, эти люди процветают. Но тем не менее, дисциплина в моей роте должна быть железной, поэтому я велю расстрелять тебя. Ты уж извини, братец.

Когда сильную личность тащили к стенке, она визжала, как резанная свинья.

Еще через два месяца произошел эпизод, который в значительной степени способствовал тому, чтобы мой командирский авторитет сделался непререкаемым.

Понять описываемый факт и не усомниться в его достоверности можно, лишь зная то обстоятельство, что Аурика с незапамятных времен находилась на военном положении, которое было ничем иным, как узаконенным беззаконием. Любой воинский начальник, даже самый маленький, осуществлял в этой стране верховную власть, а также творил суд и расправу на всей территории, занимаемой в данную минуту его подразделением.

В середине января наш батальон отбыл на тактические учения в район небольшого городка, расположенного километрах в двадцати от Ла Паломы. Моя рота была расквартирована в центральной части этого населенного пункта. Крашке на время реквизировал для меня и себя один этаж просторного дома, принадлежавшего крупному скототорговцу. Дом был обставлен старинной мебелью. На стенах висели потускневшие картины и

даже одно настоящее венецианское зеркало, перед которым я имел обыкновение бриться по утрам.

Однажды, вскоре после начала учений, ко мне явился командир второго взвода моей роты с сержантом — командиром отделения. Я в это время брился, стоя у зеркала. Герхард и Рудольф болтали за столом в ожидании завтрака, который должен был подать нам хозяйский слуга. Накануне мы отмечали производство Герхарда в старшие сержанты и засиделись допоздна. Рудольф остался ночевать у нас.

Офицер остановился за моей спиной, отдал честь и доложил, что один из его солдат минувшей ночью изнасиловал десятилетнюю девчонку.

— Повесить сукина сына! — распорядился я. — И как можно скорее! Мы не имеем права восстанавливать против нас гражданское население. Идите и исполняйте!

— Но сэр… — медлил офицер.

— Что еще? — спросил я недовольно.

— Этот солдат здешний. Его отец уважаемый человек — владелец бакалейной лавки, мельницы, игорного дома и ночного бара.

— Как?! Ведь в легионе служат только иностранцы!

— Формально он иностранец. У него кубинский паспорт. До шестьдесят восьмого года он жил у матери на Кубе.

— Ну что ж. Тогда повесьте и отца вместе с ним, ибо негодяй рождается только от негодяя. Ступайте!

Офицер не двигался. Я выстрелил в него через плечо, глядя на его отражение в зеркале. Он грохнулся на пол за моей спиной.

— Ты понял, за что я убил его?

Мой вопрос относился к остолбеневшему от неожиданности командиру отделения. Сержант молчал.

— Я убил его за то, что он посмел усомниться в правильности моего приказа. Теперь этот приказ исполнишь ты.

— Слушаюсь, сэр, — пролепетал сержант и мгновенно исчез.

Рудольфа, никогда не видевшего, как убивают людей, мой поступок поразил. Он рассеянно простился с нами, вскочил в свой спортивный ракетовидный «Бьюик» с открытым верхом и умчался в Ла Палому. Мне этот человек был нужен, и я с сожалением подумал о том, что, очевидно, переборщил и отпугнул его. Однако на другой день Рудольф как ни в чем не бывало снова явился к нам. Через некоторое время он признался, что долго размышлял над тем, правильно я сделал или нет, ухлопав лейтенанта, и пришел к выводам, оправдывавшим мое поведение. Буххольц-старший, узнавший от сына о том, как я командирствую, заявил, что с этой сволочью нельзя иначе и что

капитан Фогт по своей натуре есть истинный немец.

Между тем слухи о моей невероятной жестокости, граничащей с самодурством, многократно преувеличенные, расползлись по батальону. Солдаты и офицеры старались не попадаться мне на глаза, когда я прохаживался по расположению роты. Любая высказанная мною прихоть исполнялась молниеносно с величайшим рвением.

— До чего же они боятся тебя! — сказал как-то Рудольф с оттенком зависти.

— Эти животные пустят мне пулю в спину в первом же бою! — раздраженно ответил я.

— А ты не подставляй им спины, — посоветовал Герхард. — Ходи в атаку позади всех.

— Нечего зубоскалить! — осадил я его. — Тебе как командирскому холую в боевой обстановке тоже достанется.

Вообще-то мне пока везло. Затишье на фронтах затянулось. Обе стороны накапливали силы для решающих боев, и, потирая простреленную руку, которая иногда назойливо ныла, я думал, что можно было бы тогда, в октябре прошлого года, не подставлять ее под партизанскую пулю. Однако время жестоких сражений неумолимо приближалось с каждым днем. Мне пора было выходить из игры, и я решил брать быка за рога. Однажды в ответ на высказанное Рудольфом сожаление по поводу нашей скорой разлуки в связи с предстоящей отправкой легиона в горы Сьерра-Гранаде, где были сконцентрированы основные базы революционной армии, я заметил, что и мне неохота лишаться такого приятного партнера по совместному времяпрепровождению, каким является он. Рудольф обиделся, заявив, что считал меня не просто партнером по разгону скуки, но другом и даже в некоторой степени единомышленником.

— Знаешь, Руди, — сказал я в ответ на это, — профессиональному солдату не к лицу сантименты, но, признаюсь честно, мне будет здорово недоставать тебя. В этом мире не так уже много умных людей, и если им случается найти друг друга, то они должны держаться вместе. Это одна сторона вопроса. Есть и другая. Война меня не страшит, ибо она моя работа, но мне не хотелось бы быть застреленным собственными солдатами. Поэтому я намерен просить тебя о следующем: будь добр, попытайся, используя связи твоего отца, устроить мой перевод в какую-либо другую часть, скажем, в президентскую гвардию.

Рудольф широко улыбнулся.

— Я сам хотел предложить тебе нечто подобное, Арнольд. Но не решался. Только не понимаю, причем тут мой отец. Я все

устрою через сестру. Дедушка ее мужа — приятель Рохеса, да и сам не последний человек в Государственном Совете.

— Нет-нет, — запротестовал я. — Лучше пусть это сделает отец. Так будет солиднее.

— Ну хорошо, отец так отец, — согласился Рудольф. — Кстати, тебе известно, что мать Рохеса была немкой?

— Ах, вот оно что! — Теперь мне понятно, почему он знает наш язык.

— Да, Рохес вообще симпатизирует немцам и оказывает им всяческое покровительство. Думаю, твое дело выгорит. Конечно, у отца наведут справки о тебе. Но здесь все будет в полном порядке.

Я наклонил голову в знак благодарности.

Рудольф исполнил мою просьбу добросовестно и быстро, но события разворачивались еще быстрее. Вскоре после воспроизведенной выше беседы мою роту подняли по тревоге и швырнули на спасение транспорта с оружием, который средь бела дня подвергся нападению партизан всего в пяти километрах от Панамериканской магистрали.

Когда мы прибыли на место происшествия, повстанцы уже сделали свое дело. Они перебили охрану, взорвали грузовики и намеревались утащить в джунгли трофеи, большую часть которых составляли ящики с легким стрелковым оружием, гранатами и патронами. Партизан было мало — человек сорок, не более. Завидев нас, они выставили на пригорке у дороги заслон из двух пулеметов и начали поспешно отходить к лесу, унося с собой раненых и добычу. Мне стало ясно, что позиция для заслона выбрана неудачно: между пригорком и лесом тянулась глубокая лощина, недосягаемая для пулеметного огня, и если бы я повел по ней роту, то партизаны были бы отрезаны от джунглей и уничтожены в течение двадцати-тридцати минут. Спасти героический отряд повстанцев от неминуемой гибели могли только крайне нелепые действия подчиненных мне легионеров. Поразмыслив несколько секунд и оценив свои шансы выйти сухим из воды, я собрал командиров взводов и велел им атаковать высотку с пулеметами в лоб. Меня поразила та безропотность, с какой они бросились исполнять этот идиотский приказ. Под смертоносным огнем солдаты то и дело бросались на землю, но офицеры всякий раз поднимали их и гнали вперед. Сидя с Крашке в моем джипе и потягивая пепси-колу, я с безопасного расстояния наблюдал за тем, как пулеметные очереди выкашивают ряды наступающих, немногим из легионеров удалось достичь цели. Пулеметчики успели скрыться, однако их оружие досталось нам, что дало мне основание рапортовать командованию о победе над

врагом. Дождавшись конца боя, я воткнул в рыхлый песок на макушке холмика, где оборонялся партизанский заслон, древко сине-желто-зеленого знамени Аурики и, собрав остатки роты, произнес пошлейшую речь, в которой имя президента Мендосы было каждым седьмым словом. Впоследствии придворный художник изобразил меня бегущим впереди атакующих цепей с ауриканским знаменем в руках.

В любой демократической стране я был бы расстрелян за содеянное под ближайшим забором, но Аурика начала семидесятых годов являла собой тоталитарное государство, а при диктаторских режимах преступления зачастую оцениваются как подвиги, подвиги же — как преступления, поэтому меня не расстреляли, а отдали на прославление прессе и наградили еще одним орденом. На церемонии награждения генерал Рохес сказал, ухмыльнувшись:

— Жаль, что вы иностранец, капитан, а то мы сделали бы из вас национального героя.

Потом он добавил по-немецки тоном, не допускающим возражений:

— Через две недели явитесь ко мне с усами! Полагаю, что две недели достаточный срок для отращивания усов. Так?

— Zu Befehl, Exzelenz! — бодро ответил я, не понимая, к чему он клонит.

На сей раз мне удалось не упустить генеральского адъютанта и договориться о встрече с ним в «Тропикане» — самом шикарном отеле Ла Паломы.

Тридцатиэтажная «Тропикана» торчит, подобно острой стеклянной занозе, на склоне горы Катпульчи неподалеку от каменного креста с распятым Иисусом. Она имеет форму цилиндра. Из любого ее номера — прекрасный вид: город и океан. На круглой крыше отеля находится весьма популярный в столице ресторан. Внизу, в зеленых беседках тропического парка, тоже установлены столики. Золотая молодежь Ла Паломы предпочитает высотное веселье, солидная публика — парк. Здесь хорошо отдыхается под плеск и журчание бесчисленных фонтанов и искусственных водопадов, под тихое сладострастное нытье репродукторов, не видимых в листве деревьев, которые служат основаниями для подмостков, где в перекрещенных лучах прожекторов беззвучно извиваются смуглые практически нагие танцовщицы.

Наш с адъютантом ужин, постепенно переросший в попойку, начался на крыше, а завершился в одной из беседок парка. Адъютант раскрыл между прочим смысл указания Рохеса насчет усов. Оно означало, что моя служба в легионе подходит к концу,

ибо усы были непременной принадлежностью офицеров президентской гвардии.

Мы пили за Мендосу, за Рохеса, за североамериканских союзников, за свободу и независимость Аурики, за мой орден, за наше дальнейшее продвижение по службе и еще за многое другое. После десятой рюмки, уже внизу, в парке, я затеял с ним дискуссию по вопросу о занятости населения страны, всегдашним бичом которой была массовая безработица. При этом мною была высказана мысль, что строительство новых военных баз и опорных пунктов США, по-видимому, способствовало уменьшению числа безработных. Адъютант сначала присоединился к моему мнению, но через минуту, помотав головой и сбросив пьяную одурь, стал возражать:

— Нет, нет, мой дорогой капитан Арнольдо. К сожалению, ваша мысль не всегда подтверждается фактами. Объект «Дабл ю-эйч», например, союзники сооружают своими руками. Кроме того, из-за «Дабл ю-эйч» мы вынуждены закрыть наши свинцовые и серебряные рудники в каньоне Саваны. Тысячи горняков лишились работы и крова. Мы до сих пор не знаем, куда их девать.

Я насторожился. Савана — крупнейшая река Аурики. Километрах в пятнадцати от места ее впадения в океан поставил точку остро отточенным карандашом Иван Иванович. Тогда, в Москве, на карте.

Между тем адъютант умолк. Его внимание привлекла танцовщица, плясавшая над входом в нашу беседку.

— Что такое «Дабл ю-эйч»? — спросил я с невинным видом. Адъютант посмотрел на меня отсутствующим взглядом и нарисовал в воздухе пальцем две литеры: «W» и «H», после чего промямлил:

— «Дабл ю-эйч» — это «Дабл ю-эйч». Так его называют наши североамериканские союзники.

— Новая база?

— Н-е-е-т. «Дабл ю-эйч» не база. Там штатских больше, чем военных. Никто в Аурике не знает, что такое «Дабл ю-эйч». Никто, кроме Роджерса.

— Впервые слышу это имя.

— Ну, Роджерс присматривает за всеми нами. Он из Штатов. Официально его именуют советником президента по вопросам безопасности. Видите ли, мой дорогой капитан Арнольдо, наша контрразведка занята вылавливанием коммунистов и просто диссидентов. Ей не до шпионов. Шпионами у нас занимается Роджерс. Так что, берегитесь Роджерса.

Адъютант захохотал, еще раз помотал головой и продолжал:

— Мы чудесно провели время, не правда ли? Но теперь я испытываю потребность в женщине. Закажите такси, капитан. Если хотите, поедем вместе. Там и для вас кое-что найдется.

— Спасибо, в другой раз. Перебрал. Хочу спать.

— Дело хозяйское.

Я кликнул боя, велел подать счет и вызвать две машины. Адъютант убыл первым. Проводив его, я поехал в свою постылую казарму, где мне оставалось ночевать еще две недели.

В конце февраля меня произвели в майоры и назначали командиром роты президентской гвардии. Однако я не мог приступить к несению службы во дворце, пока шился мой новый мундир. Мне предстояло болтаться несколько дней без дела. И тут меня осенила идея съездить в район строительства объекта «Дабл ю-эйч» и своими глазами увидеть то, что можно увидеть. Для этого я решил воспользоваться давним предложением Рудольфа и совершить прогулку вдоль побережья на его автомобиле. Путешествие по Панамериканской магистрали днем не представляло серьезной опасности, так как эта дорога хорошо охранялась. И все же я на всякий случай переоделся в штатское.

Рудольф был в отличном настроении. Он болтал без умолку, рассказывая о студенческой жизни в Аахене, о проказах буршей. Машину вел одной рукой, лихо, на грани постоянного риска. Когда мы выехали из города и понеслись по автостраде, я задал ему вопрос, который и прежде задавал неоднократно: чем он намерен заниматься на родине. Но если раньше Рудольф уходил от ответа, то на сей раз я наконец смог удовлетворить свое отнюдь не праздное любопытство. Он сказал, что не считает Аурику своей родиной и, очевидно, вернется в Германию, где посвятит себя научной деятельности на благо фатерланда. Участие в политической жизни тоже не исключается. В науку вне политики он не верит. Осталось только получить согласие отца на возвращение в Европу. Старый Буххольц пока противится. Ему хотелось бы видеть Рудольфа активным наследником своих миллионов, предпринимателем. Но будучи истинным немецким патриотом, отец наверняка скоро капитулирует, и Рудольф сможет уехать из дома по-хорошему.

— Не дело оставлять старика без сыновней поддержки, — заметил я. — Разве в Аурике нет научно-исследовательских центров, где ты мог бы найти применение знаниям, полученным в Аахане? И разве в Ла Паломе нет организации немецких патриотов, вносящих достойный вклад в общее дело всех немцев?

Рудольф нецензурно выругался.

— Какое бы научное открытие я ни сделал, работая здесь, его неизбежно присвоят янки. Что касается организации, то она

действительно существует. Но проку от нее — ни на грош. Старики хвастаются друг перед другом своими коллекциями реликвий да слушают пленки с записями речей Гитлера и других вождей райха, а молодежь вечерами собирается в пивных, где горланит «Вахт ам Раин», «Хорста Весселя» или «Когда наши танки ворвутся в Кремль». Утром же все они мирно расходятся по бюро и офисам, где прилежно вкалывают во славу папаши Мендосы.

— Ты не любишь янки?

— За что ж мне любить их? Они были нашими врагами в минувшей войне. А кроме того… Знаешь, однажды во время летних каникул я проехал на автомобиле Штаты вдоль и поперек. Там все грандиознее, чем в любой другой стране, — и здания, и дураки. Янки меня потрясли. Их спесивость, самодовольство и ограниченность фантастичны. Никто из тех, с кем я беседовал, не знал, где находится Федеративная республика. Многие американцы не умеют правильно написать фамилию собственного президента. В Старом Свете им известна только Россия. Что там есть Москва и Сибирь. И что Россия хочет уничтожить Америку. Больше ничего.

— Но все-таки они первые оставили свои следы на Луне.

— Да что бы они делали без нашего Вернера фон Брауна?! Они скупают чужие мозги по всему свету. Своих им явно не хватает. Немцам бы их независимость и мошну! Мы бы не то что на Луне, мы бы на Марсе и Венере оставили следы! Вот, кстати, посмотри.

Рудольф указал рукой вперед. Долина Саваны во всей ее зеленой роскоши открылась нам.

Вырвавшись из каньона, река круто огибает высокий холм, поставленный природой так, чтобы преградить ей путь, и отдает себя океану. У самого устья она разделяется на сотни протоков, которые, словно играя в прятки, то там, то здесь поблескивают среди буйной растительности. Над холмом, заслоненный до зубцов стен и верхушек башен вековыми кедрами, невесомо парит видением из сказки о Коте в сапогах готический дворец.

— Какой красивый замок! — не удержался я от восхищенного восклицания.

— Это не замок, — усмехнулся Рудольф. — Это монастырь святой Магдалены. Женский монастырь. Но вовсе не на него хотел обратить твое внимание. Известно ли тебе, что находится в каньоне за холмом?

— Нет.

— Там объект «Дабл ю-эйч».

— А-а-а. Новая база США. Слыхал.

— Никакая это не база! Это гигантский научно-исследовательский комплекс.

— Ты-то откуда знаешь такие вещи?

— О «Дабл ю-эйч» известно многим. Когда я учился на последнем курсе ВТШ, туда явились янки в штатском и принялись вербовать наиболее способных выпускников на этот самый объект. Прекрасные жилищные условия. Огромные оклады. Первоклассные лаборатории, оснащенные новейшим оборудованием. Возможность публиковать статьи в солидных научных журналах. Под псевдонимом, конечно. И при наличии визы режимной службы. Хочешь жениться — женись, обзаводись семьей, плоди детишек. Там достаточно много молодых девушек и одиноких женщин. Все предусмотрено. И состояние можно сколотить, и научный капитал, и личную жизнь устроить. Надо только подписать контракт на пятнадцать лет. Пятнадцать лет в фешенебельном концлагере! Оттуда нельзя выходить, нельзя писать письма родным, нельзя звонить по телефону.

— Тебе тоже предлагали?

— Само собой. Но я ведь сын миллионера. Меня не купишь за деньги. А сокурсники-то мои все согласились.

— И каков же характер исследований, ведущихся в «Дабл ю-эйч»?

— О-о-о… Думаю, что никто из молодых людей, которых завербовали и продолжают вербовать для работы на объекте, этого не знают. Так всегда бывает в закрытых институтах. Каждый делает свою тему, не имея представления о теме соседа, и что выйдет из этого в комплексе, никому, кроме нескольких посвященных, неведомо. В нашей ВТШ вербовали физиков, химиков, специалистов в области системных исследований, в других вузах Федеративной республики — биологов, врачей, психологов, механиков, конструкторов, строителей.

— Какой инженерный профиль у тебя?

— Высокочастотные поля. Но из этого ничего не следует. Скажу со всей определенностью только одно: добрые дела не прячут за тремя рядами колючей проволоки. Полагаю, что янки затевают колоссальную мерзость. Ха! Тот, который беседовал со мной в Аахене, сказал: «Дабл ю-эйч» охраняется лучше, чем граница между Федеративной республикой и Зоной.

— После подписания Баром и Колем соответствующего договора мы должны говорить не «Зона», а «ГДР».

— Мне плевать на Бара, Коля и их договор! Для меня существовала, существует и будет существовать только единая, ни от кого не зависимая Германия.

Долина Саваны осталась позади. Из-за поворота дороги слева

наплывом шли на нас крутые крепостные бастионы, поднимавшиеся, казалось, прямо из океана.

— Тоже монастырь? — поинтересовался я.

— Нет, — ответил Рудольф, — это тюрьма Монкана. Политическая тюрьма. В народе ее называют «виллой Рохеса» или «дачей Рохеса». Генерал иногда приезжает сюда по выходным, чтобы развлечь себя общением с арестованными коммунистами.

— Постой, постой, ведь здесь убили Делькадо!

— Да, здесь.

Рудольф несколько минут вел машину молча, хмуро и сосредоточенно вглядываясь в пустынное серое полотно шоссе. Потом вдруг заговорил быстро и горячо:

— Вот Делькадо был нам врагом, так? Почему же я всегда думаю о нем с уважением? Наверное, по той причине, что генерал сумел не запятнать свою идею бытовой грязью. А папаша Мендоса и его сподвижники вроде бы нам друзья. Но кто их почитает? Да никто, кроме кучки холуйствующих прихлебателей. И поэтому я спрашиваю тебя, Арнольд: ради чего мы с тобой торчим здесь? Ну хорошо, ты беден, тебе надо застраховаться от нищей старости. Я-то застрахован! Давай уедем в Германию вместе! Мои деньги — твои деньги! Кроме того, у отца там связи. Он найдет для тебя хорошую работу. Устроит в бундесвер, если захочешь. Убежден, что отец без колебаний даст тебе любые рекомендации. Ведь ты умный, способный человек и можешь приносить прибыль…

— Успокойся, Руди, — перебил я его. — И не гони машину так быстро. А то мы рискуем свалиться в пропасть. У меня есть одна просьба. Не торопись с отъездом на родину. Через пару месяцев я сумею доказать тебе, что служить Германии можно и здесь, в Аурике.

Рудольф бросил в мою сторону удивленный взгляд.

— Докажи сейчас!

— Не время. И вообще забудь пока об этом разговоре. Но повторяю: мы вернемся к нему через пару месяцев. Обещаешь не ехать?

— Хорошо… Если ты настаиваешь, я не буду спешить с отъездом… Вот уже и граница. Надо поворачивать назад.

В Ла Палому вернулись около четырех часов пополудни. Прощаясь, договорились встретиться через два дня.

В казармах президентской гвардии, где мне были отведены пятикомнатные покои, я встретил Крашке, который на вытянутых руках бережно нес по бесконечному коридору мой новый мундир.

Уходя из легиона, я взял Герхарда с собой. Мне удалось выхлопотать ему местечко при провиантских складах президентского дворца, что вполне соответствовало его

вожделенным чаяниям. Поскольку в гвардию брали только стройных мужчин не старше сорока двух лет и ростом не ниже 175 сантиметров, моему протеже позволили в порядке исключения носить форму легионера.

Взяв у Крашке мундир, я прикрепил к верхней его части два пожалованных мне ауриканских ордена и осторожно напялил на себя непривычную белую одежду. Тяжелые серебряные эполеты давили на плечи, аксельбанты нелепо свисали до широкого золоченого пояса, на котором болталась короткая сабля. Все это венчала огромная, как велотрек, фуражка с высоченной тульей.

Приблизившись к зеркалу, я прыснул. На меня растерянно и вместе с тем нахально смотрел червовый валет с пижонскими усиками, не очень, правда, молодой, но еще ничего-о-о!

— К этому надо привыкнуть, — сказал наблюдавший за мной Герхард. — Прицепи пистолет и походи по комнатам, прежде чем появляться на улице.

Я последовал его совету и, только когда стемнело, отважился прогуляться по площади Свободы, где повсюду: у ворот президентского дворца, у подъездов правительственных учреждений, у входа в усыпальницу генерала Делькадо — стояли солдаты, одетые в такую же форму, как у меня. Это придало мне уверенности, и я зашагал на главпочтамт, откуда отправил «сестре» письмо, в котором сообщил о своем новом назначении и условной фразой попросил центр направить в мое распоряжение радиста.

Утром следующего дня Рохес представил меня президенту. Через этот ритуал проходили все вновь назначаемые офицеры гвардии, и я не должен был составить исключения.

Почтительно склонившись перед Отцом Отечества, врачи ждали его приговора. Только что они доложили президенту о смерти одного из членов Государственного Совета. Уже больше часа хитроумные машины гоняли кровь по холодеющему трупу и раздували его легкие, но покойник не оживал. Врачи просили санкционировать остановку реанимационного агрегата и составление соответствующего медицинского заключения. Однако Мендоса медлил. Неподвижным восковым чучелом он сидел в глубоком мягком кресле, полуприкрыв веки и почти не дыша. Его желтые отекшие руки безжизненно лежали на подлокотниках. Нижняя челюсть отвисла, придав оплывшему бабьему лицу выражение тихого идиотизма. Казалось, диктатор спал. Но это было не так. Мысль конвульсивно, с натугой шевелилась в его склеротическом мозгу, приобретая постепенно форму управляющего решения.

Умершего сановника причисляли к ближайшим сподвижникам Мендосы. Они вместе гробили революцию и сооружали тот неприступный замкнутый мирок, в котором им жилось, как у бога за пазухой. Вкупе с другими дряхлеющими соратниками они на протяжении четверти века стойко обороняли свой бастион, на штурм коего то и дело с визгом кидались пятидесятилетние юнцы, желавшие тоже полакомиться вожделенным пирогом власти. Хлипкая молодежь, подобно сухому гороху, отскакивала от стен их крепости и падала, сраженная инфарктами и инсультами, а они жили себе дальше. Правда, иногда случалось так, что смерть показывала и им свой оскаленный череп. Они воспринимали это как нечто противозаконное и кощунственное. Любой из них не ставил ни во что тысячи чужих жизней, но над своей трясся, как скряга над сундуком с червонцами.

Мендоса не испытывал чувства жалости к распластанному в реанимашке другу и коллеге. Сантименты были глубоко чужды его натуре. Но нельзя было создавать прецедента. Когда остановится его, Мендосово сердце, Рохес, с нетерпением ожидающий этого момента, может дать врачам отбой через пять минут.

В зале стояла тишина, нарушаемая лишь едва слышным гудением кондиционеров. Невесть откуда взявшаяся муха села на шишковатую покрытую темными пигментными пятнами лысину Отца Отечества. Сотрудник личной охраны осторожно прогнал ее. Диктатор вздрогнул и приподнял веки. Врачи склонились еще ниже.

— А что он совсем умер?.. — спросил Мендоса дребезжащим стариковским голосом.

— Совсем, — пролепетал один из медиков.

— Но все-таки попытайтесь еще!

Белые халаты неслышно удалились. Наступило успокоение. Но тут приковылял министр иностранных дел, высохший, сутулый, с пергаментным лицом мумии, и напомнил о предстоящем визите чрезвычайного и полномочного посла Парагвая, который, как предполагалось, намеревался предъявить президенту серьезные претензии по поводу невыполнения Аурикой договорных обязательств, касавшихся взаимных поставок сырья. Мендоса подумал, что у него вчера в это время уже был стул, а сегодня его еще нет и надо бы было сказать об этом медикам. Посол со своими дурацкими претензиями напросился на прием совершенно некстати, но отказать ему в аудиенции президент не мог, так как уже неоднократно отказывал в прошлом без видимых поводов.

Мендоса сделал знак охранникам. Те бережно вынули его из кресла и поставили на пол. Затем помогли ему сбросить халат и облачиться в парадное одеяние генералиссимуса. Больше всего возни было с увешанным крестами и звездами сюртуком, который весил на менее шести килограммов. Чтобы ордена не оттягивали ткань вниз, их прикрепили к тонкой металлической пластине, спрятанной под подкладку. Благодаря этой пластине, сюртук мог не висеть в шкафу, а стоять на высокой, инкрустированной слоновой костью тумбе в спальне диктатора. Последний с удовольствием семенил вокруг него, как бы любуясь собой со стороны.

Едва процедура одевания была окончена, грузный Мендоса тяжело плюхнулся в кресло и стал переводить дух. Сотрудники охраны возложили на его грудь голубую атласную ленту ордена Белого Кондора и отошли в стороны. Министр иностранных дел велел своему секретарю пригласить в зал посла. Тот вошел, учтиво поклонился и принялся читать длинный занудный меморандум, составленный по всем правилам дипломатического крючкотворства. Президент не слушал. Он думал о том, что у него нет стула и что надо бы в этой связи предпринять какие-то меры. Когда посол закончил чтение, Мендоса пообещал ему взять под личный контроль выполнение Аурикой торговых обязательств, данных Парагваю, и тут же забыл об этом обещании. В последние годы память не раз подводила Отца Отечества, что нередко давало мировой прессе материал для веселых сенсаций.

За три года до описываемых событий Мендоса посетил с дружественным визитом одну из островных республик Карибского бассейна. В путь отправились четырьмя самолетами. В первом размещался президент с персональной реанимашкой и лейб-медиками, во втором — сотрудники его канцелярии и охраны, в третьем — министр иностранных дел со своей мидовской камарильей. В четвертом лайнере летели любимая корова и куры диктатора, а также контейнеры с приготовленными специально для него пищей и водой. После приземления в аэропорту, обведя мутным взглядом суетливую свору репортеров, трещавшую затворами фотоаппаратов и вспыхивавшую блицами, Мендоса поманил к себе министра иностранных дел и, ткнул пальцем в сторону главы пригласившего их государства, который в это время как раз читал приветственную речь, прошамкал прямо в микрофон: «Как его зовут?» Старенький министр поднатужился и выдал имя вождя одного из африканских племен. Это был последний вояж Отца Отечества за рубеж. Государственный Совет принял тайное решение, рекомендовавшее диктатору сидеть дома

и никуда не рыпаться, дабы не наносить ущерба международному престижу Аурики.

Не успела закрыться дверь за парагвайским послом, как в зал вошел Рохес, толстый, здоровый, жизнерадостный. Военный министр весело доложил обстановку на фронтах. Она была относительно стабильной. Кое-где повстанцев удалось даже оттеснить в горы. Закончив доклад, генерал попросил разрешения представить господину президенту нового командира пятой гвардейской роты. Мендоса кивнул. Позвали меня. Я замер шагах в пяти от президентского трона, рассматривая сидевший передо мной раззолоченный полутруп. Рохес четко назвал мою должность, звание и фамилию. Мендоса приоткрыл один глаз и тут же закрыл его. Церемония представления состоялась. Рохес знаком велел мне удалиться. Сам он задержался подле диктатора еще несколько минут. Ведь генерал был не только министром обороны, но и министром общественной безопасности. В этой связи ему предстояло получить санкцию президента на приведение в исполнение полутора десятков смертных приговоров, вынесенных военными трибуналами по делам о совершении особо опасных государственных преступлений, а таковыми считались любые действия или слова, направленные на подрыв власти и авторитета Мендосы или членов Государственного Совета.

В Аурике крали и брали взятки все, кому было что украсть или от кого что-либо зависело. Воровство и мздоимство считались нормой, и никем не наказывались. Более того, охранка Рохеса устанавливала оперативное наблюдение за теми немногими чиновниками, которые не давали затянуть себя в паутину коррупции. Сам Мендоса не крал. Ему несли так. Еще в сороковых годах Отец Отечества объявил, что у него три хобби: бриллианты, оружие и автомобили. Личные коллекции диктатора по указанным статьям достигли уровня крупнейших в мире.

Итак, в Аурике можно было воровать миллионы и оставаться при этом уважаемым человеком, но тот, кто отваживался вякнуть хотя бы одно словечко, порочащее элиту, рисковал потерять голову.

Рохес раскрыл перед президентом тощую черную папку. Мендоса пошуршал бумагами, не читая их. Только один документ, в котором несколько строк были подчеркнуты красной тушью, привлекли его внимание. По сообщению осведомителя охранки, некий студент столичного университета якобы заявил в пьяной компании, что Мендоса вовсе не Отец Отечества, а старая разложившаяся, впавшая в маразм скотина. Допрошенные участники пирушки показали, что слова эти принадлежали не

студенту, а человеку, чье имя осталось неизвестным. Однако трибунал счел возможным приговорить к смертной казни все-таки студента.

Анализ биографий выдающихся политических лидеров XX века показывает, что почти все они либо вообще нигде не учились, либо учились мало и плохо. Почетный доктор права Гарвардского, Оксфордского, Боннского, Токийского и многих других университетов Франциско Мендоса приобрел элементарные познания в области чтения и письма у сельского священника, оказавшегося первым и последним учителем президента Аурики. Откуда же было знать Отцу Отечества, что такое презумпция невиновности? Но если бы он даже и узнал это, то вряд ли стал бы менять свои решения по приговорам, подсовываемым ему Рохесом.

Диктатор взял из рук министра фломастер и трясущейся рукой вывел в конце каждой бумаги две слившиеся в зловещем объятии буквы: «f» и «M»1, означавшие: «Расстрелять. Мендоса». Рохес забрал папку и покинул зал приемов. Президент прикрыл глаза и погрузился в дремоту.

В юности Мендоса батрачил на кофейных плантациях, принадлежавших родителям Делькадо. Он был верным старательным работником. Именно из таких получаются самые страшные рабовладельцы. Когда молодой сеньор Аугусто сжег свое поместье и поднял в горах знамя восстания, Мендоса встал под это знамя. Почему он это сделал? Историки прагматики считали, что из преданности хозяину. Историки догматики полагали, что из ненависти к угнетателям. И те и другие заблуждались. Мендоса пошел в революцию из жгучей зависти к аристократам, из зависти, которая по внешним признакам так похожа на классовую ненависть. Он хотел победить и уничтожить богачей, чтобы стать таким же, как они. Будущий диктатор терпеть не мог Делькадо, завидуя его уму, образованности, отваге, успеху у женщин, благородству и даже умению прощать побежденных врагов. Однажды — это было в день взятия революционной армией Ла Паломы — генерал прискакал в тот полк, которым командовал Мендоса, чтобы лично поздравить солдат с победой. Осадив коня, он легко спешился и, держа в руке повод, пошел навстречу Мендосе, стройный, красивый, разгоряченный боем, заряженный радостной энергией. Конь всхрапывал и высоко задирал голову. Ласково успокаивая его, генерал крикнул: «Эй, Франциско, не найдется ли у тебя глотка воды для меня?» Мендоса с дружественной улыбкой протянул командующему свою флягу и тут же в душе пожалел о том, что она наполнена водой, а не ядом. Эта мысль поначалу напугала

его, потом он привык к ней и стал желать Делькадо смерти ежедневно и ежечасно. В сороковых годах официальная пропаганда Аурики возвела Мендосу в сан великого продолжателя бессмертного дела Делькадо. По всей стране, в подходящих и неподходящих местах, можно было видеть броско исполненные лозунги типа «Мендоса — это Делькадо сегодня» или «Вперед, за Мендосой, по пути, указанному Делькадо!»

Очнувшись от дремы, Отец Отечества снова увидел перед собой врачей и долго не мог сообразить, что им нужно. Потом вспомнил и прокряхтел:

— Ну, как он там? Никакой надежды?

— Никакой, — последовал ответ.

— Ладно, выключайте, — разрешил Мендоса и тут же опять впал в сонное забытье.

На этот раз никто более не мешал ему. Он спал долго и крепко и совершил стул, не прерывая сна.

Личная гвардия президента Аурики была маленьким государством в государстве. Она комплектовалась исключительно из иностранцев, не владеющих испанским языком, дабы местное население не могло вступить в преступные контакты с гвардейцами. Легион тоже состоял из одних чужеземцев, но если в нем служили преимущественно уголовники и бродяги, то в гвардию принимали опытных кадровых военных, заручившихся соответствующими рекомендациями властей своих стран. Впрочем, иногда гвардейцами становились и особо отличившиеся в боях с партизанами легионеры.

Президентская гвардия состояла из шести рот и насчитывала до девятисот солдат и офицеров. Ей были приданы артиллерийский дивизион, десяток средних танков и несколько вертолетов. В общем, несмотря на свой бутафорский вид, это была хорошо вооруженная и вполне боеспособная часть, которая могла при необходимости постоять за сеньора президента и за себя.

Начальник гвардии подчинялся только Мендосе и Рохесу. Ему в порядке исключения разрешалось знать испанский язык, чтобы он, будучи приглашенным на правительственный прием, имел возможность ангажировать на танец даму и беседовать с ней.

Гвардия несла внешнюю и внутреннюю охрану президентского дворца и других объектов, расположенных на площади Свободы. Охрана личных покоев президента была возложена на сотрудников министерства общественной безопасности.

Сразу же после того, как я был представлен Мендосе,

начальник гвардии полковник Нокс повел меня по залам, коридорам и переходам дворца, чтобы показать мне, где находятся наши посты, и объяснить, что конкретно охраняет каждый человек. Его пояснения были весьма краткими, но доходчивыми:

— Здесь канцелярия президента. Некрасивых девочек на работу сюда не берут… А тут яйцеголовые сочиняют ученые труды папаши Мендосы. Полшкафа уже написали. Не думаю, чтобы «автор» когда-либо открывал какую-нибудь их этих книг. Население тоже не больно их читает. Сколько меловой бумаги зря переводится! Ай-ай-ай!… Вон там обосновалась медицина. Докторов у президента не меньше, чем гвардейцев. Есть геронтологи с мировым именем. В той пристройке — целый клинический институт. Одна лаборатория исследует и врачует сердце нашего благодетеля, другая — почки, третья — печенку и так далее. Более других суетятся кардиологи, которые вообще не отходят от старика. Даже когда он ложится спать, его включают в сеть и непрерывно наблюдают за кардиограммой. Впрочем, последнее мероприятие осуществляют в отношении всех членов Государственного Совета… Да! На всякий случай: все туалеты дворца оборудованы скрытыми телевизионными камерами.

Услышав такое, я испытал чувство некоторого профессионального уважения к ауриканской контрразведке. Ведь туалет — это место, весьма охотно используемое секретными службами цивилизованных стран для проведения разного рода шпионских операций. Чаще всего — для безличной связи. Прилепил к сливному бачку магнитный контейнер с информацией — и был таков. А через некоторое время контейнер снимет и унесет тот, кому положено.

Однако мой командир-гид разочаровал меня, объяснив, зачем нужны скрытые камеры. Оказалось, что в семьдесят первом году дал дуба на толчке один из членов Государственного Совета: бедолага имел слабые сосуды головного мозга и страдал запорами, вследствие чего с ним приключился инсульт. После этого случая было решено ни на секунду не оставлять сановитых старцев без наблюдения.

Меня нисколько не удивляла та ирония, с какой начальник президентской гвардии говорил о Мендосе и его приспешниках. Охраняющие всегда презирают охраняемых, ибо слишком много знают о слабостях и пороках своих подопечных.

У одной из дверей бравый полковник задержался и, сделав испуганное лицо, произнес полушепотом:

— За этими створками — бюро мистера Роджерса, советника президента по вопросам безопасности. Поимейте в виду, майор:

Роджерс — единственный человек во всей Аурике, кого нам с вами следует опасаться. Роджерса…

Он не договорил. Дверь распахнулась, и в коридор вышла девушка с маленьким плетеным коробом, болтавшимся на мизинце ее левой руки, который был согнут крючочком. Она направилась к лестнице, ведущей на первый этаж, и сбежала по широким мраморным ступеням вниз. Густые темные волосы укрывали ее сзади почти до пояса. Лица девушки мне не удалось разглядеть, однако я успел заметить, что она очень легкая и гибкая. Отвечая на мой вопрошающий взгляд, полковник Нокс пояснил:

— Это мисс Изабелла Мортон, секретарша и любовница Роджерса. Во дворце ее зовут просто Исабель. Малютка Исабель.

Несколько лет тому назад Роджерс откопал ее в каком-то притоне. Потом ей дали образование, обучили манерам. Она — создание Роджерса, его Прекрасная Леди. Старик очень гордится ею.

— А что, Роджерс стар?

— По здешним понятиям нет, но вообще-то ему уже под шестьдесят.

— И малютка не наставляет своему боссу рога?

— Да что вы! Роджерса тут все боятся, как скорпиона. На нее даже смотреть опасно! И тем не менее, каждый знает, что Исабель прехорошенькая. Она похожа на молодую ведьму. Сейчас вы сами сможете в этом убедиться.

И полковник кивнул в сторону лестницы. Девушка быстро поднималась навстречу нам. Ее корзинка была наполнена свежей клубникой. Завидев мужчин, она попыталась одернуть светлое мини-платьице, но когда это ей не удалось, махнула рукой и продолжила свой путь. Взглянув на лицо девушки, я подумал, что Нокс зря болтал насчет ведьмы. Красота мисс Мортон была строгой и вдохновенной. Проходя мимо нас, Исабель поздоровалась с моим командиром и улыбнулась ему неожиданно мягкой и милой улыбкой. При этом я успел заметить, что глаза у нее темно-синие, а зубы ослепительно белые и ровные.

— Ну как? — спросил Нокс, лишь только она скрылась в бюро Роджерса.

— У меня нет слов, — ответил я, разводя руками.

— То-то! Малюткой Исабель можно любоваться изредка и издали на больших приемах, когда она переводит с испанского на английский и наоборот.

— Кто же мисс Мортон по национальности?

— Задайте вопрос полегче! Отец ее был, кажется, офицер армии США, погибший во Вьетнаме, а кто мать и где она, — не

знаю… Полагаю, что нам пора спуститься в бар и полакомиться мороженым с клубникой. Разрешается и по рюмке коньяка, но только по одной. Служба!

Бар в президентском дворце состоял из двух ярусов: он начинался на первом этаже и заканчивался в подвале. Верхний ярус представлял собой обыкновенный буфет, где можно было наскоро перекусить и выпить у стойки, не присаживаясь, бокал пива, бутылочку пепси-колы или рюмашку чего-нибудь покрепче. Внизу же все предназначалось для постепенного и основательного снятия стрессов. Здесь, в голубом полумраке, играла тихая музыка, удобные мягкие кресла за продолговатыми низкими столиками располагали к безмятежному отдыху. У стойки, вместо традиционных крутящихся стульчиков, выстроились полдесятка оседланных коней, сработанных из дерева и цветного пластика почти в натуральную величину. По желанию клиента бармен-китаец нажимал на кнопку и соответствующий конь начинал гарцевать, поднимаясь и опускаясь на толстой металлической штанге, спрятанной под его брюхом. Иногда кто-либо из подвыпивших посетителей бара вываливался из седла на пол, что вносило элемент оживления в чинную атмосферу респектабельного подвальчика.

Я стал захаживать в бар вместе с другими офицерами гвардии. Это не возбранялось в те вечера, когда мои солдаты были свободны от ночной караульной службы. Очень скоро круг завсегдатаев правительственного кабачка был определен мною с достаточной точностью, а коллеги-сослуживцы одаривали меня о подноготной каждого из высокопоставленных выпивох.

На фоне безликой протокольной массы чиновников президентской канцелярии выделялось несколько колоритных фигур. К ним следовало отнести прежде всего министра полиции генерала Чурано, двухметрового гиганта с лошадиной физиономией, женатого на старшей дочери Мендосы Терезе. До вступления в брак Чурано стоял с полосатой палкой на площади Независимости, где дирижировал потоками автомобилей в часы пик. Его почитали как лучшего регулировщика столицы и даже наградили медалью. Он был доволен своей службой и не помышлял о карьере. Но вот однажды на него положила глаз сеньора Тереза, мерзкая старуха, известная во всей стране и далеко за ее пределами изощренным распутством и скандальными биржевыми аферами. Сплетники утверждали, что у нее волосатая грудь и миллионные счета в крупнейших банках мира. В один прекрасный день скромного регулировщика сняли с полицейской тумбы и сделали зятем диктатора. В качестве свадебного подарка Мендоса преподнес ему генеральские

эполеты. Чурано был на тридцать лет моложе сеньоры Терезы, которая после венчания заявила журналистам, что ее девятый брак, очевидно будет последним, ибо ни с одним из предыдущих мужей она не испытывала столь сладкой духовной близости.

Напоить стопятидесятикилограммового министра полиции было нелегким делом, но тем не менее его подчиненным это удавалось почти каждый вечер. Надравшись, генерал доставал из карманов галифе пригоршню разноцветных полицейских свистков и исполнял на них государственный гимн Аурики. Незатейливая тангообразная мелодия многократно высвистывалась им на «бис» к великому удовольствию иностранных дипломатов и представителей авторитетнейших телеграфных агентств планеты.

Чурано был глуп и добр ровно настолько, насколько умен и жесток был Рохес. Такой борец с уголовной преступностью вполне устраивал тесно связанную с уголовным миром, проворовавшуюся, погрязшую во взяточничестве правящую клику.

Не обходили бар стороной и два закадычных друга: англичанин Уилсон и француз Бессьер. Первый работал в СИС'е[10] второй в СДЕСЕ.[11] Они не скрывали своей принадлежности к секретным службам великих европейских держав, даже бравировали этим. Пожалуй, лишь Уилсон и Бессьер не испытывали здесь ни малейшего страха перед Роджерсом, шустрым старикашкой с циничным лицом профессионального политика, и позволяли себе отпускать панибратские шуточки в его адрес. Да и Роджерс держался с ними, как с равными, и выпивал только в их компании. Эта троица пользовалась полной свободой слова. Они иногда болтали такое, за что любому другому в Аурике не поздоровилось бы. Мендоса многое разрешал своим друзьям и союзникам. Однажды я случайно подслушал, как захмелевший Бессьер сказал Роджерсу и Уилсону буквально следующее:

— Есть мудрая азиатская пословица: человек, потерявший друга, молча несет свое горе; человек, потерявший деньги, громко кричит о своей утрате; человек, потерявший совесть, не замечает своей потери… Знаете, почему мы так веселы? Потому что не замечаем потери.

— Куда ты гнешь? — хмуро спросил Уилсон.

— А туда, что чем дольше мы будем пребывать здесь, тем больше горя принесем этой несчастной стране, которая нашими усилиями превращается во второй Вьетнам.

Роджерс никак не среагировал на крамольные слова Бессьера. Он только плеснул в рюмки собутыльников по двадцать граммов виски и предложил выпить за свободу Свободного мира. Никто не стал возражать ему. Когда же он удалился, француз, в котором,

очевидно, дремали якобинские гены, не удержался от того, чтобы не процитировать Че Гевару: «Любая борьба в Латинской Америке, как бы она ни начиналась, кончается войной с Соединенными Штатами».

В середине апреля Мендоса велел начать сооружение противоатомного бункера для себя и членов Государственного Совета. Строительство предполагалось вести в обширном парке, раскинувшемся за президентским дворцом. Ни одна из ядерных держав не вынашивала планов нападения на забытую богом и людьми Аурику. Бункер был делом престижа. К началу семидесятых годов почти все крупные и мелкие правители уже обзавелись модерновыми атомоубежищами со сроком автономности от нескольких месяцев до нескольких лет. Они хвастались друг перед другом размерами и роскошью новых подземных покоев, не думая о том, что если мировая ядерная катастрофа действительно разразится, то управлять им из своих комфортабельных нор будет некем.

Как только инженеры приступили к разметке площади под новый секретный объект, президентской гвардии было приказано усилить охрану дворцового парка. Получив этот приказ, полковник Нокс в сопровождении представителя министерства общественной безопасности и нескольких офицеров гвардии сразу же направился в райские кущи, скрывавшие от посторонних глаз тыльную сторону резиденции Отца Отечества, а также некоторые интимные моменты его частной жизни. Надо было определить места расстановки дополнительных постов охраны. Я находился в свите полковника. Мы работали целый день, и возвратиться домой мне удалось только к ужину, который я рассчитывал съесть в обществе уютного балагура Крашке. Однако планам моим не суждено было осуществиться. Дома меня, кроме Герхарда, ожидал Рудольф Буххольц-младший, имевший вид взволнованный и таинственный.

— Сейчас ты должен поехать со мной, — объявил он. — У отца важное дело к тебе.

— Хорошо, — ответил я, с трудом скрывая удивление. — Но давай сперва перекусим. В моем желудке пусто, как в ауриканской казне.

— Нет, — возразил Рудольф. — Ужинать будем у нас. Через пятнадцать минут подходи к парковке, что за оперным театром. Я буду ждать тебя в машине. Имеется ли в этом здании черный ход?

— Ого! Да ты, кажется, назначаешь мне конспиративную встречу. Герхард, покажи достойному ученику великого адмирала Канариса, как отсюда можно незаметно выбраться на улицу. А я пока проглочу булку с ветчиной и выпью апельсинового сока.

Через четверть часа буду на парковке.

Старого Буххольца я нашел в крайне возбужденном состоянии.

Он сразу же увел меня в сумерки ночного парка, и не успели мы дойти до араукарии чилийской, как мне было дано понять, что наше незапланированное свидание вызвано чрезвычайными обстоятельствами.

— Умеете ли вы обращаться с секретной информацией, господин Фогт? — спросил Обезьяний Зад.

— Помнит ли господин фон Буххольц, что он говорит с немцем и офицером? — возмутился я.

— Ну-ну, не обижайтесь, прошу вас, — принялся успокаивать меня старик. — Мне хотелось всего лишь обратить ваше внимание на степень важности тех сведений, которые сейчас будут вам сообщены. В Аурике созрел антиправительственный заговор, и послезавтра заговорщики намереваются совершить покушение на жизнь президента, что должно послужить сигналом к военному перевороту.

— Ха! Кому это понадобилось убивать папашу Мендосу? Надеюсь, не коммунистам? Последние, насколько мне известно, отвергают индивидуальный террор.

— Во главе заговора стоит генерал Ламберц.

— Тогда мне непонятна причина вашего беспокойства, господин фон Буххольц. Ламберца не заподозришь в симпатиях к марксистам. Он человек наших убеждений, и мы с вами от переворота никоим образом пострадать не можем.

— Это не совсем так, господин майор. Ламберц — креатура Оппенгеймера. Он ненавидит немцев и в своем ближайшем окружении неоднократно заявлял, что покончит с немецкой мафией в Аурике.

Имя южноафриканского миллиардера Оппенгеймера, одного из шестидесяти богатейших, было мне хорошо известно; Уже в те годы клану Оппенгеймера принадлежала значительная доля добычи стратегического сырья в капиталистическом мире, в том числе урановые, медные, ванадиевые, хромовые и свинцовые разработки. Собственностью Оппенгеймера являлась и почти вся горнодобывающая промышленность Аурики.

— Вам известны детали готовящегося покушения? — поинтересовался я.

— Да. Послезавтра — годовщина смерти Делькадо. В этот день Мендоса всегда возлагает венок к усыпальнице генерала. Так вот: президента хотят убить во время церемонии возложения.

— Чушь какая-то! Да Мендосу охраняют надежней сейфа с бриллиантами! Во время подобных актов вся служба безопасности

и вся гвардия, а также надежные полицейские подразделения выводятся на площадь Свободы. У каждого окна, выходящего на площадь, стоят мальчики Рохеса. Они же располагаются на крышах и в подвалах зданий, прилегающих к ней.

— Между памятником Делькадо и мавзолеем есть узкий проход.

— Знаю. Его закроют пятью гвардейцами во главе с унтер-офицером. Это всегда делается задолго до начала любого из подобных мероприятий.

— На сей раз гвардейцев не будет. Ваш начальник, полковник Нокс, контролируя посты, придерется к какой-нибудь мелочи и отстранит солдат от несения службы, а прислать новый наряд «запамятует».

— Нокс подкуплен?

— Да. В случае победы путчистов он получит генеральский чин и сто тысяч долларов. Впрочем, половина названной суммы уже перекочевала в его карман. Полковник отказался рисковать без задатка.

— Деловой джентльмен. А ведь он гражданин США и, наверняка, агент Роджерса.

— Значит, ФБР и ЦРУ платят меньше. Но почему вы полагаете, что Роджерс ничего не знает о заговоре?

— Мендоса сделался чересчур одиозной фигурой, и необходимость замены его более подходящей сильной личностью напрашивается сама собой. Мы, местные немцы, тоже понимаем, что президента надо менять. Однако Ламберц в качестве кронпринца нас не устраивает. Мы за Рохеса. Кстати, последний тоже приговорен заговорщиками к смерти.

— А кто же отважится привести приговор в исполнение?

— Нашли одного молодого дурня. У его семьи старые счеты с Мендосой. Этот парень будет в форме полицейского. Он должен как можно ближе подобраться к месту возложения венка и успеть застрелить Мендосу и Рохеса, прежде чем его самого застрелит охрана. Убийство президента послужит сигналом к выступлению путчистов.

— Эти данные получены агентурным путем? — поинтересовался я.

— Да уж не из газет.

— Ваша организация располагает прекрасными источниками.

— Ну, какая организация! — заскромничал Обезьяний Зад. — Так… Небольшой союз местных предпринимателей немецкого происхождения. Мы живем в сложном, жестоком и изменчивом мире, господин майор. В наше время побеждает тот, кто не жалеет денег на содержание своей секретной службы. Мы, немцы,

понимаем толк в подобных делах. У нас тут есть люди, обладающие богатым опытом разведывательной работы. У них солидная выучка, полученная на всемирно известных фирмах.

— Вы имеете в виду абвер и СД?

— Да.

— Последний вопрос, господин фон Буххольц: для чего вам понадобилось рассказывать все это мне?

— А для того, чтобы вы сообщили услышанное Рохесу. Но только ему одному. И никому другому.

— Я обязан вашей семье очень многим, господин фон Буххольц, и считаю своим долгом выполнить любую просьбу, исходящую от вас. Однако мне неясно, почему вы не хотите поговорить с министром сами?

— Почему я не хочу поговорить с министром сам? А если заговорщики, несмотря ни на что, одержат верх? Куда мне тогда деваться со всей моей недвижимостью? Вам проще: у вас ничего нет. Сели на самолет — и поминай как звали.

Так вот что имел в виду старый фашист, когда в первый день нашего знакомства говорил о людях конкретного действия! Их шайке был нужен камикадзе, и они нашли его в моем лице.

Обезьяний Зад пошарил в карманах и протянул мне небольшой пакет.

— Здесь жалованье командира роты президентской гвардии за три года и панамский паспорт на вымышленное имя. Вы воспользуетесь этим, если путчисты все-таки захватят власть. Как видите, вопрос вашей безопасности нами тоже проработан, господин майор.

Я взял пакет, зная, что вскрывать его не стану ни при каких обстоятельствах. Бегство из Аурики не входило в мои планы.

Буххольц пригласил меня в столовую. Я отказался от ужина, хотя и был голоден. Мне не хотелось возвращаться домой чересчур поздно. Это могло бы привлечь внимание посторонних.

В ту ночь я не сомкнул глаз. Радиосвязи с Центром у меня пока еще не было, и мне предстояло самому найти выход из крайне запутанной ситуации, казавшейся безвыходной.

Спасение мерзавца Мендосы, смерти которого с нетерпением ждала вся страна, было, на первый взгляд, делом глубоко безнравственным. Однако гибель диктатора не послужила бы сигналом к всеобщему восстанию. Оно пока еще не назрело. В апреле 1973 года не было в Аурике того, что мы называем революционной ситуацией, и за убийством Мендосы неизбежно последовал бы приход к власти путчистов во главе с Ламберцем, относительно молодым и весьма решительным политиком крайне правого толка. Победа Ламберца означала бы продление агонии

режима. Таким образом, выходило, что Мендоса объективно являлся меньшим из двух зол, и предотвращение готовившегося против него террористического акта было на руку прогрессивным силам. Итак, я мог с чистой совестью подарить Рохесу информацию Обезьянего Зада. Но тут возникла целая серия новых вопросов, самым главным из которых был: а что, если заговорщики все-таки одержат победу и начнут розыск человека, предавшего их? Не исключено, что они имеют агентуру в охранке, и мое имя станет известно им через час после того, как я доложу обо всем министру общественной безопасности. Просить Рохеса о том, чтобы он не расшифровывал меня перед своими сотрудниками, было бессмысленно: моя жизнь не представляла для генерала никакой ценности.

Поразмыслив как следует, я принял решение ничего не докладывать Рохесу и обезвредить террористов в одиночку. Это должно было выглядеть как простое исполнение офицером гвардии его служебного долга. Обыкновенная добросовестность и ничего более.

Утром я отправился на площадь Свободы и, прохаживаясь перед усыпальницей Делькадо, мысленно проиграл все возможные варианты действий террориста. Эта работа принесла мне успокоение и уверенность. Я хорошо спал в последующую ночь и пошел на дело бодрым, со свежей головой. Тщательно проверив посты оцепления в своем секторе площади, стал наблюдать, как ее постепенно заполняют высокопоставленные военные, депутаты, члены дипломатического корпуса, телевизионщики, журналисты.

Все они имели специальные пропуска, но, несмотря на это, каждый из них был придирчиво обыскан, прежде чем попал сюда.

В десять часов распахнулись ворота президентского дворца. Два офицера гвардии вынесли на площадь огромный венок, и он поплыл к мавзолею медленно и торжественно. За венком топал Отец Отечества, поддерживаемый сотрудниками личной охраны. Мендосу сопровождали члены Государственного Совета, среди которых был и Рохес.

Я подтянулся поближе к усыпальнице. Мне было хорошо видно, как Нокс убрал караул от памятника Делькадо и как через минуту в образовавшуюся брешь юркнул худой молодой человек с узким бледным лицом. Правую руку он держал в кармане галифе. Полицейская фуражка была ему велика и сползала на уши, поэтому он то и дело поправлял ее свободной левой рукой. Этот парень являл собой карикатуру на террориста, но тем не менее, никто не обращал на него внимания, потому что все были поглощены красочным зрелищем.

Молодой человек нырнул в толпу и стал проталкиваться к процессии. Я последовал за ним. Приблизившись к президенту на трехметровую дистанцию, террорист выхватил оружие и вскинул трясущуюся руку. Вряд ли он смог бы поразить намеченные цели даже с такого близкого расстояния. И все же я быстро опустился на одно колено и выстрелил снизу вверх так, чтобы пуля не попала в посторонних. Парень выронил оружие и схватился за правое плечо. Тут же на него кучей набросились охранники Мендосы. Они повалили его на землю и принялись выкручивать ему руки. Началась паника.

Единственным человеком, не потерявшим самообладания в эту минуту, был Рохес.

— Exzelenz! — крикнул я генералу. — Соблаговолите распорядиться, чтобы надежные части взяли под охрану площадь Свободы, а также мосты, вокзалы, аэропорт, почтамт, телеграф, радиостанцию и телецентр. Объявите в столице военное положение!

— Браво, майор! — ответил Рохес, улыбаясь. — Я как раз собираюсь отдать именно такие приказы.

Путч был подавлен в зародыше. Действуя решительно и жестоко, охранка быстро распутывала нити заговора. Нокс был арестован одним из первых.

На другой день после неудавшегося покушения Мендоса собственными руками нацепил на мою грудь высшую награду Аурики — орден Белого Кондора. Я был произведен в полковники и назначен начальником президентской гвардии. Серебряные эполеты у меня на плечах сменились золотыми, а в остальном моя форма сохранила свой прежний вид. Разглядывая себя в зеркале, я констатировал, что все еще похожу на червонного валета. Однако тот, февральский валет, был валетом, выбившимся из шестерок. Апрельский же готовился прыгнуть в короли. Голубая атласная лента тускло переливалась на светлом мундире. Бриллианты на ордене Белого Кондора сияли волшебным блеском. Лицо мое приобрело нагловато-геройское выражение, чему в значительной мере способствовали отросшие до уставных размеров усы. Я потер ноющую левую руку и подумал, что не зря подставил ее под пули. Она помогла мне выбиться в люди.

Процесс самолюбования был нарушен моим приятелем — адъютантом Рохеса. Щеголеватый офицер бесшумно возник у меня за спиной и, небрежно козырнув, объявил:

— Хорошая новость, полковник! Министр решил сделать вам подарок.

— Генерал меня балует, — заскромничал я.

— О, это ему ровно ничего не стоило, — ответил адъютант, загадочно ухмыляясь.

— Боюсь сгореть от любопытства!

— Потерпите, полковник! Сейчас мы сядем в машину босса и прокатимся до площади Всеобщего Равенства. Сюрприз ожидает вас именно там.

Минут через пятнадцать мы очутились перед двухэтажным особняком, напоминающим по стилю Дом дружбы на проспекте Калинина в Москве.

— Это же вилла моего бывшего командира! — удивился я.

— Теперь она ваша, — сказал адъютант. — Со всеми потрохами. С автомобилями, слугами и любовницей Нокса. Берите и владейте.

Я рассыпался в благодарностях. Потом спросил, что сделали с Ноксом.

— Он поставил на карту жизнь и проиграл, — гласил ответ.

Мы уговорились поужинать в «Тропикане», после чего офицер откозырял и уехал, а я вошел в свой новый дом.

Степенный дворецкий встретил меня учтивым поклоном и по очереди представил мне собравшихся в холле первого этажа слуг. Я отпустил их и вместе с дворецким занялся осмотром особняка, который был обставлен роскошно, но удивительно безвкусно. Происхождение всех этих хрустальных ваз, бронзовых статуэток, канделябров, разностильного фарфора, ампирной мебели, роялей, зеркал и картин в золоченых рамах не вызывало сомнений. Передо мной было собрание предметов, чьи владельцы в разные времена подверглись репрессиям как противники режима. Такие вещи сотрудники карательных органов называют конфискатами.

В маленькой гостиной на втором этаже я столкнулся со смазливенькой юной мулаткой в кимоно, расшитом голубыми драконами, и поинтересовался, кто она такая.

— Меня зовут Роситой, — робко представилась девушка по-испански, изобразив на смуглом личике что-то вроде заискивающей улыбки.

На вид Росите было не более пятнадцати лет. Я продолжил допрос, велев дворецкому переводить:

— Что ты здесь делала при старом хозяине?

— По вечерам стелила постель господину полковнику, а по утрам подавала ему кофе или какао.

Я не стал докапываться до того, какие функции выполняла Росита в промежутках между этими двумя занятиями, и объявил девушке, что ей лучше всего вернуться к родителям. Она захныкала и, всхлипывая, принялась доказывать, что отец с

матерью все равно прогонят ее обратно в город, так как люди они нищие и им самим нечего есть.

Бесполезно было растолковывать ей, что она, дескать, еще ребенок и все такое прочее. В Ла Паломе было полным-полно двенадцатилетних проституток. Поэтому я попытался отвязаться от Роситы, пустив в ход понятные ей аргументы:

— Знаешь что: я люблю беленьких девочек с объемом бедер раза в полтора побольше твоего, а посему катись-ка ты на кухню и не появляйся в жилых комнатах. Скажи стряпухе, пусть подберет тебе какое-нибудь занятие.

Росита исчезла и больше никогда не попадалась мне на глаза.

В гараже Нокса стояли три машины: «Фольксваген», «Вольво» и «Ягуар» — длинная серая зверюга с мощнейшим двигателем. Я распорядился позвать шофера и приказал последнему покатать меня по столице на «Ягуаре».

В одном из шумных переулков неподалеку от порта я увидел вывеску: «Йоахим Шнайдер. Ремонт радио- и телеаппаратуры». Сердце мое радостно забилось. Наконец-то! Дорогой ты мой Йоахим Шнайдер! Как же долго я тебя ждал!

Появление этой вывески означало, что я получил надежную двустороннюю связь с Москвой.

В начале мая Обезьяний Зад устроил тайную вечерю в мою честь. Его дом стоял на погребке, который он оборудовал под старинный немецкий гаштет мест на двадцать: грубо сколоченные деревянные столы, для сидения — поставленные на попа бочонки, на стенах — гравюры с видами средневекового Кельна, там и сям светильники, выполненные в виде оплывших сальных свечей. Из общего стиля выбивались только вентилятор, гудевший под каменными сводами, да картина, изображавшая подписание капитуляции Франции в Компьенском лесу.

Здесь мне пришлось провести несколько часов в обществе седых и лысых нацистов, увешанных фашистскими крестами и эмблемами. Кое-кто умудрился даже сохранить военную форму. Новое поколение истинных сынов Германии было представлено одним Рудольфом фон Буххольцем-младшим. Когда все охрипли и устали от холодного пива, витиеватых тостов и пения патриотических песен, я предложил своему юному другу выйти в парк прогуляться. На мой взгляд, лучшей возможности для проведения решающей беседы с ним в будущем могло и не представиться. Над головой у меня витал ореол, и каждое мое слово должно было казаться Рудольфу в ту ночь вещим откровением.

— Ты помнишь, Руди, нашу поездку по побережью? — начал я.

— Конечно, Арнольд.

— А мое обещание помнишь?

— Какое?

— Доказать, что служение Германии возможно и здесь, в Аурике.

— Помню и это. Кстати, два месяца истекли. Так что валяй — доказывай!

— Все очень просто, Руди: ты должен устроиться на «Дабл ю-эйч».

Эти слова огорошили Рудольфа, и он в течение нескольких секунд молча смотрел на меня. При этом лицо его выражало крайнее изумление. Потом он разразился бурным протестующим монологом:

— Ты хочешь, чтобы я стал работать на Штаты? На страну, чья экономика находится в руках евреев и где евреи заправляют всем? На страну, которая стала политическим придатком Израиля? Еще фюрер сказал, что он уничтожит эту разложившуюся еврейскую демократию! Жаль, у него руки не дошли до этого! Ты хочешь, чтобы я помогал янки устанавливать их гегемонию над миром?

— Тебе и русские ненавистны так же, как янки? — перебил я его.

— И русские тоже. Фюрер говорил, что им не следует оставлять ничего, кроме алкоголя и табака. Правда, мне о них мало известно. Слышал только, что они грубы, дурно воспитаны, ленивы, неряшливы, пьют много водки и смешно одеваются. Но не это главное. Главное то, что Россия сделалась на наших костях супердержавой и в данный момент хочет того же, что и Америка — владеть миром.

— Но русских мы должны по крайней мере уважать: ведь они побили нас.

— Они нас не побили. Мы просто захлебнулись в их крови.

— Очень хорошо, Руди, что ты так четко уяснил, где наши враги. И потому я еще раз повторяю: ты должен устроиться на «Дабл ю-эйч», потому что Германии нужна полная информация об этом объекте. Ни американцы, ни русские недостойны того, чтобы главенствовать на Земле. Это наш удел — удел немцев. Но мы не добьемся ничего, если не обойдем на два-три корпуса всех прочих в сфере науки и техники. Ты меня понял, Руди?

— Кажется, понял. Скажи, пожалуйста, ты служишь в БНД?[12]

— Упаси господь! Я представляю совсем иные силы Германии. Ни социал-либеральное слюнтяйство нынешних правителей Федеративной республики, ни пошлый консерватизм христианских демократов с их прихвостнем Штраусом нас не

устраивают. Мы изберем другой путь. Мы воплотим великие идеи фюрера, не повторяя его ошибок. Дым крематориев, костры из книг и безнадежная война на два фронта — да хранит нас бог от всего этого! Без подобных крайностей можно обойтись, имея мощную, динамичную, передовую экономику. Мы разорим Зону миллиардными займами и вынудим ее броситься в наши объятия. Добившись единства Германии, мы очень скоро завоюем экономическое, политическое и духовное лидерство в Европе и, пока супердержавы будут истощать себя и уродовать свои экономические структуры гонкой вооружений, постепенно, крадучись, подойдем к приоритету в мире. Такова вкратце суть нашей программы. Теперь ответь: согласен ли ты оказать нам помощь?

— Ты мог бы открыться мне раньше, Арнольд, — тихо промолвил Рудольф.

— Нет, не мог. Мы солидная фирма и привыкли действовать только наверняка. Раньше ты был не вполне готов к такому повороту дел. Кроме того, прости, мне не доставало стопроцентной уверенности в том, что ты по легкомыслию не выдашь меня отцу или еще кому-нибудь. Это было бы провалом, ибо со старыми членами НСДАП нам не всегда по пути.

— Значит сейчас, Арнольд, ты убежден, что я буду сотрудничать с тобой и молчать, как рыба?

— Сейчас убежден.

— Так вот где она, моя судьба!… Следует отдать тебе должное: момент выбран идеально… Считай, что ты получил мое согласие… Да, я на перепутье, но не это главное. Ты предлагаешь работу, которая полностью соответствует моему кредо. Она достаточно трудна и достаточно почетна. Вот почему я отдаю себя в твое распоряжение и жду твоих приказаний.

— Спасибо, Руди! Ты оправдываешь надежды, возлагаемые на тебя нашей организацией. В ближайшие дни мы с тобой подробно обсудим план твоего внедрения на объект. А пока — давай вернемся в подвальчик. Там могут обратить внимание на то, что мы слишком долго отсутствуем.

— Хорошо, Арнольд, идем к старикам. Но сначала позволь задать тебе один маленький вопрос: каким образом ты собираешься поддерживать со мной связь, когда я буду там, на «Дабл ю-эйч»? Ведь оттуда и муха не может улететь. Ну, допустим, мне удалось бы самостоятельно собрать на объекте радиопередатчик. Что дальше? Выход в эфир непосредственно с «Дабл ю-эйч» равносилен самоубийству. Надеюсь, тебе это понятно?

— Конечно, Руди. Прошу тебя, не ломай голову над этой

проблемой. Все равно ничего путного не придумаешь. Организация связи — мое дело. Обещаю: связь у нас с тобой будет надежная и вполне безопасная.

Давая Рудольфу столь оптимистичные заверения, я хорошо представлял себе всю сложность получения от него информации с объекта «Дабл ю-эйч», однако рассчитывал найти совместно с Центром приемлемый вариант решения трудной задачи, которая была отнюдь не единственной в этом деле. Мне не позволили бы ставить все предприятие в зависимость от одного источника, каким бы хорошим он ни был. Требовалось подобрать по меньшей мере двух помощников. А кто будет вторым, я пока еще не знал. Но тщательное изучение секретоносителей, работавших в президентском дворце, неизбежно приводило меня к хорошенькой секретарше Роджерса.

Мисс Изабелла Мортон считалась непростым орешком. К ней нельзя было подойти и брякнуть запросто: «Сеньорита, вы так похожи на одну из моих внебрачных дочерей, что я не буду спать, если не поужинаю с вами сегодня на моей вилле». О такой попытке установления с ней контакта она обязательно доложила бы своему шефу. Знакомиться с Исабель следовало, пожалуй, только через самого Роджерса.

Как-то вечером — это было вскоре после покушения на диктатора — я зашел в бар президентского дворца. Там уже сидели Уилсон с Бессьером и тянули коктейли из соломинок. Я тоже взобрался на бутафорского коня, заказал коктейль и закурил. Разведчики судачили о проекте нового памятника Мендосе, который предполагалось соорудить на горе Катпульче. Монумент должен был своими размерами намного превзойти распятого каменного Христа и обойтись стране в сотни миллионов ауро. Улучив момент, когда бармен скрылся в подсобке за горкой, уставленной великолепными бутылками, я заметил как бы между прочим:

— В наше время габариты памятника тому или иному государственному деятелю, как правило, находятся в прямой пропорции с величиной ущерба, нанесенного этим деятелем Отечеству.

Разведчики расхохотались и приняли меня в свою компанию. Честно говоря, я не надеялся на получение от них каких-либо интересных сведений. Они были профессионалами и никогда не сорили секретами вне стен служебных помещений.

Мы заняли место за столиком в дальнем уголке бара. Китаец принес нам бутылку виски «Гленливет», несколько пузырьков содовой и ведерко со льдом. По его мнению, этого было достаточно, чтобы мы не докучали ему просьбами подавать

спиртное как минимум часа два.

Уилсон и Бессьер затеяли дискуссию на весьма актуальную тему: какими способами уберечь от полного развала диктатуру Мендосы. Один полагал, что надо ввести в стране возрастной ценз для государственных чиновников и ужесточить законы в части, касающейся борьбы с проявлениями коррупции; другой считал, что следует осуществить кое-какие реформы, а также увеличить экономическую помощь и поставки оружия Аурике. Я им поддакивал, будучи твердо убежденным в одном: зловоние гниющего режима может быть развеяно лишь революционным ураганом.

Пришел Роджерс. Уилсон сделал знак рукой, приглашая его к нам, а когда он приблизился, поинтересовался, выключена ли техника подслушивания в нашем столе. Роджерс спокойно ответил, что как истинный джентльмен никогда не применяет оперативно-технических средств в отношении своих интимных друзей.

Мы неплохо посидели в тот вечер. На исходе третьей бутылки я поинтересовался у американца, какова была бы его реакция, если бы он узнал о моем желании брать уроки испанского языка у мисс Мортон. Роджерса такая наглость огорошила и заставила протрезветь. Оправившись от шока, он сказал:

— А у вас губа не дура, полковник, но знаете, я предпочитаю пользоваться моей секретаршей сам. Кроме того, Рохес говорил мне, что после истории с Ноксом он намерен запретить изучение испанского языка даже начальнику гвардии. Впрочем, для вас, возможно, будет сделано исключение. Министр питает к вам особую симпатию. «Этот честный немец», — говорит он. Ха-ха! Голос крови!

— Чушь! — возразил я. — Чушь и дурость все эти запреты. Языковый барьер еще ни разу не стал барьером для предательства.

— Святая истина! — согласился со мной Роджерс, — И потому, полковник, я лично подберу вам репетитора — испанца, владеющего английским.

— Но ведь он будет вашим агентом!

— Что из этого?! Крошка Исабель тоже мой агент, однако это вас почему-то не смущает.

Роджерс опрокинул рюмашку и пустился в пространные рассуждения о том, что и расшифрованный агент способен принести некоторую пользу, ежели будет действовать с умом.

Итак, моя первая попытка установить контакт с мисс Мортон потерпела крах. Исабель исправно здоровалась со мной в коридорах президентского дворца и дарила мне обворожительные

улыбки, какие она дарила всем мужчинам, занимавшим сколько-нибудь заметное положение у подножья диктаторского трона.

Роджерс сказал в баре правду: мой непосредственный начальник министр обороны и общественной безопасности генерал Рохес явно благоволил ко мне. Его замечания и советы носили порой прямо-таки отеческий характер.

— Как вы думаете, сеньор Арнольдо, — спросил он однажды, — что сделают серые волки с голубым волком, нечаянно затесавшимся в их стаю?

Я пожал плечами.

— Думаю, голубому не поздоровится.

— Не поздоровится?! Это не то слово. Да его просто растерзают в клочья!

— На что вы намекаете, Exzelenz?

— Вам не следует щеголять своей университетской эрудицией среди офицеров гвардии. Да и среди правительственных чиновников тоже. Люди эти тупы, невежественны и завистливы. Превосходства они не прощают никому. Спрячьте свой ум и свои знания поглубже, если хотите сохранить то, чего достигли.

Впрочем, Рохес умел не только советовать, но и советоваться.

— Вот вы здесь свежий человек, полковник, — сказал он как-то. — К тому же иностранец. Прошу вас, не стесняйтесь и не бойтесь, а называйте мне в глаза те из наших недостатков и пороков, которые кажутся вам наиболее существенными. Давайте начнем прямо сейчас!

Само собой, я заговорил о наиболее несущественном:

— Надо бы убрать бродяг и нищих с площади Всеобщего Равенства.

— Убрать оборванцев с площади? Но ведь это всего лишь косметика!

— Вы совершенно правы, Exzelenz. Тем не менее, не стоит давать туристам и заграничным репортерам излишнего материала для производства компрометирующих Аурику снимков.

Вскоре после этого разговора военный комендант Ла Паломы издал приказ, запрещавший под страхом ареста и высылки на рудники появляться в центральной части столицы плохо одетым людям и просить милостыню.

В другой раз Рохес, придав своей красной квадратной физии выражение тихой печали, спросил у меня, какие, по моему мнению, меры надо принять, чтобы отучить чиновников воровать и брать взятки.

— Нет ничего проще, Exzelenz! — воскликнул я. — Следует

принимать на государственную службу только честных людей, и тогда проблема коррупции постепенно решится сама собой.

Генерал был крупнейшим в стране вором и взяточником. Он по плечо запускал лапу в государственную казну, торговал должностями в армии и органах безопасности, срывал солидные куши с североамериканских фирм, вооружавших его войско. Я все это отлично знал и ответ дал нарочито легковесный.

— Где же мы найдем столько честных людей? — поинтересовался Рохес, выслушав меня.

— Уверяю вас, Exzelenz, в Аурике их немало.

— Нет, нет, это не решение вопроса, полковник. Честные люди по своим личным качествам, как правило, для государственной службы не подходят.

Могущественный министр отклонял далеко не все мои предложения. Одно из них приобрело даже силу закона. Как-то я подал Рохесу мысль последовать примеру цивилизованных стран и организовать в Аурике профсоюз проституток, который взял бы на себя заботы об этой весьма многочисленной части населения страны. Генералу моя идея пришлась по вкусу, и он дал указание вынести ее на обсуждение парламента, что меня сильно потешило. Причиной тому была абсолютная непричастность ауриканского парламента к политической жизни государства. Все важнейшие решения принимались Государственным Советом в обход верховного законодательного органа и навязывались последнему в виде гениальных постулатов, усомниться в истинности коих не посмел с момента воцарения Мендосы еще ни один депутат. В парламенте на протяжении последних тридцати четырех лет не существовало даже намека на какую-либо оппозицию. Депутаты занимались политическим словоблудием в рамках, установленных цензурой, и произносили панегирики в честь Отца Отечества. Каждое упоминание имени Мендосы сопровождалось аплодисментами. Если же кто-либо из выступавших более пяти минут не воздавал хвалы диктатору, из недр зала раздавался пронзительный крик: «Нашему дорогому вождю и учителю Франсиско Мендосе слава!!!» И зал снова взрывался овациями. В числе депутатов были, помимо представителей правящей элиты, несколько горняков и пастухов. Иногда кто-нибудь из них взбирался, повинуясь приказу свыше, на трибуну и читал по складам примерно следующее: «В какой же еще другой стране мне, неграмотному гаучо, доверили бы управление государством?» Одним словом, обсуждение вопроса о «панельном профсоюзе», как его окрестили местные остряки, было самым что ни на есть подходящим занятием для такого парламента.

В целях дальнейшего укрепления моего положения при дворе диктатора я удачно использовал ситуацию, сложившуюся вследствие нападения на Аурику соседней Оливии. Это была знаменитая футбольная война, которая унесла немало человеческих жизней, но тем не менее насмешила весь мир. Поводом к войне послужили необъективное судейство матча между оливийской и ауриканской сборными, а также грандиозная драка болельщиков обеих стран на стадионе Ла Паломы. Подлинные же причины конфликта крылись в обострении конкурентной борьбы различных североамериканских концернов за сферы экономического влияния. Оливия давно была готова к войне. Она оснастила свою армию новейшими видами оружия. Ее превосходство над Аурикой в танках и самолетах было подавляющим. Ауриканцы не смогли сдержать натиска оливийцев и стали быстро отходить по всему фронту в направлении своей столицы. Перед лицом национальной катастрофы революционная армия Аурики прекратила боевые операции против правительственных войск и начала отбивать атаки агрессора. Это внесло перелом в ход войны. Захватчики постепенно откатывались на исходные позиции, и лишь только на северо-востоке страны положение ауриканцев продолжало оставаться чрезвычайно тяжелым. Там, в топких тропических лесах, оказалась окруженной почти треть их вооруженных сил — двенадцать тысяч солдат и офицеров. Рохес и начальник его генерального штаба ломали головы над тем, как спасти от уничтожения оказавшиеся в котле войска. За этим занятием я и застал обоих генералов, явившись однажды утром с обычным суточным рапортом в кабинет моего непосредственного босса. Перед Рохесом лежала карта, на которой был начертан план деблокирования окруженных частей. Министр был настолько поглощен изучением карты, что не обратил на меня никакого внимания. Время от времени он карандашом вносил в план какие-то коррективы и распекал начальника генштаба за недостаточную продуманность отдельных деталей. Тот пытался огрызаться, и потому беседа генералов носила характер легкой перебранки. Я слушал их, переминался с ноги на ногу, и вдруг меня осенило. Мне пришлось кашлянуть, чтобы заставить споривших повернуть головы в мою сторону.

— Exzelenz, — начал я, обращаясь к Рохесу, — простите меня за дерзость, но данная задача лучше всего решается методом алогизма.

— У вас есть конкретные предложения, полковник? — спросил министр раздраженно.

— Да.

— В таком случае мы готовы вас выслушать.

— Я полагаю, что эту карту надо послать командующему оливийской армией с одним из пленных офицеров и к ней приложить записку ироническую по тону за вашими подписями: военный министр такой-то, начальник генерального штаба такой-то. Держу пари, что оливийские генералы будут несколько дней соображать, что бы это значило, но так и не додумаются до истины. Потом они начнут маневрировать войсками, затыкая все прорехи в своей обороне. Вот тут-то, в обстановке всеобщей неразберихи, и следует начинать прорыв. По имеющемуся плану. В успехе уверен.

— Ладно! — сказал Рохес, подумав. — Можно попробовать. В конце концов мы ничего не теряем. Если разведка покажет, что противник разгадал нашу хитрость, подготовим другой план…

Дальнейшие события развивались в точном соответствии с моими прогнозами. Ауриканские войска с малыми потерями вышли из окружения. Я получил еще один орден. Вскоре был подписан мир, и гражданская война в Аурике вспыхнула с новой силой.

Наивысшим проявлением доверия Рохеса ко мне было то, что он стал иногда брать меня с собой в Монкану. Честно говоря, я не вполне понимал, в чем смысл этой генеральской причуды. То ли Рохес находил во мне приятного собеседника, то ли ему просто нравилось болтать по-немецки, то ли еще что. Так или иначе, а за время пребывания в Аурике я посетил крепость не менее шести раз.

Все эти поездки протекали по одному стереотипу. Мы с министром садились в бронированный автомобиль последнего. Офицер охраны занимал место рядом с водителем, также сотрудником охраны, и нажатием кнопки поднимал пуленепробиваемые стекла. Ехали медленно, потому что нас сопровождали три бронетранспортера с солдатами и еще один бронетранспортер полз впереди. Несмотря на постоянную жару, в машине было всегда прохладно: кондиционеры работали исправно. Поэтому многочасовая езда не утомляла и не убаюкивала, а располагала к беседе. Правда, Рохес бывал оживленным и вовлекал меня в разного рода дискуссии только по дороге к Монкане. На обратном же пути он обычно либо поносил марксистов, либо молчал.

Крепость не сразу открывала нам свои ворота. Сначала часовой вызывал коменданта, и тот, отлично зная Рохеса в лицо, все-таки спрашивал пароль и говорил отзыв, после чего с гулом и грохотом раздвигались многотонные железобетонные створки, способные расплющить танк. Наш кортеж втягивался в узкую

каменную трубу и останавливался перед новыми воротами, по всей видимости, чугунными. Здесь комендант отдавал генералу рапорт и впускал нас наконец во двор. Затем мы съедали роскошный обед, приготовленный в нашу честь. Обед сопровождался обильными возлияниями и похабными анекдотами. И без того, и без другого люди военные независимо от чинов, как известно, обходиться не могут. Покончив с трапезой, Рохес шел в тюрьму, а я — гулять по крепостным стенам. Впрочем, как-то раз министр перебрал коньяка и приказал мне следовать за ним. Выйдя из столовой, мы очень скоро очутились в длинном полутемном сыром коридоре, противоположный конец которого едва угадывался во мраке. Часовые безмолвно стояли вдоль обеих стен через каждые пять метров. Двери всех камер были заперты. Мертвую пещерную тишину нарушало только шарканье наших подошв о неровности каменного пола. Помещение, куда нас привели, было залито ослепительно ярким светом. Я на несколько мгновений зажмурился от рези в глазах, а когда осмотрелся, то увидел, что комната уставлена электрической аппаратурой неизвестного мне назначения. Из всех этих агрегатов я узнал один только «детектор лжи». Были там еще столик с медицинскими инструментами и кресло с металлическими пристежками для рук и ног. Два молчаливых незаметных человека в белых халатах, деловито щелкая тумблерами, проверяли исправность какого-то прибора. До меня не сразу дошло, что я нахожусь в современной камере пыток.

Вошел арестант, сопровождаемый тюремщиком. Последний показал заключенному на кресло.

Рохес дал знак людям в белых халатах. Те защелкнули пристежки на руках и ногах заключенного и подтащили к креслу один из своих агрегатов. Я незаметно вышел из комнаты и долго блуждал по тюрьме, пока не выбрался в конце концов на свежий воздух.

У места гибели Делькадо к замшелой стене была прикреплена мемориальная доска с пространным испанским текстом. Призвав на помощь все свои знания латыни, я попытался проникнуть в смысл надписи. Получалось так: генерал умер, чтобы жила свобода. Больше мне ничего не удалось разобрать. Я потрогал засохший венок, прислоненный к стене, и побрел туда, где стояла машина министра, которую охрана уже готовила к обратному путешествию.

В автомобиле, когда мы миновали монастырь святой Магдалены, протрезвевший Рохес спросил, подозрительно взглянув на меня:

— Почему вы ушли из тюрьмы, полковник? Испугались картины пыток? Но ведь насколько мне известно, у вас железные нервы и жизнь человеческую вы цените не дороже жизни таракана.

Министр запамятовал, как по-немецки «таракан» и сказал по-испански «кукарача». Это слово было хорошо известно мне из весьма популярной у нас в годы моего детства песенки. Тем не менее, я стал выяснять, что значит «кукарача». Рохесу стоило немалых усилий донести до меня суть употребленного им сравнения.

— Полагаю, мне пора заняться испанским языком, Exzelenz, — смиренно произнес я, пытаясь втянуть генерала в мирную беседу на лингвистические темы.

Однако Рохес резко меня оборвал:

— Не надо. Ни к чему вам это. Потрудитесь ответить на мой вопрос, полковник: отчего вы ушли из тюрьмы?

— Видите ли, Exzelenz, — начал я мягко, — возможно, неприязнь к пыткам у меня наследственная, от предков. Все они были профессиональными военными и привыкли иметь дело с вооруженным противником на поле боя.

— Но ваш отец служил в СС.

— В Waffen-SS. Это были наиболее боеспособные части вермахта. Фюрер использовал их в самых горячих точках войны. На фронтах они покрыли себя неувядаемой славой… А что, вам удалось развязать язык тому красному?

— Нет. Я велел расстрелять его.

Рохес погрузился в молчание и на протяжении часа не проронил ни слова, а у въезда в столицу, повернувшись ко мне, спросил вполне дружелюбно:

— Так о чем мы дискутировали на пути в Монкану? Кажется, о неуклюжести нашей пропаганды?

— Да, Exzelenz. Мне думается, что средства массовой информации Аурики уделяют много внимания личности Делькадо, постоянно подчеркивая и превознося такие его качества, как честность, бескорыстие, человечность, простоту, доступность, скромность и прочее. То они рассказывают, как он поделился с бедняком последней маисовой лепешкой, то сообщают, что его генеральский оклад не превышал заработка рудокопа, то напоминают о том, что у него не было ни одного ордена. И так далее, и тому подобное. Между тем, отдельные люди, занимающие в Аурике достаточно высокое положение, не считают себя обязанными подражать Делькадо в вопросах быта и морали. Это всякому бросается в глаза.

Рохес захохотал.

— Я вас понял, полковник. Еще секунда, и вы вспомнили бы Гейне: «Я эту мелодию знаю давно и авторов знаю отлично. Они тайком попивают вино, проповедуя воду публично». Нет уж, пусть все остается, как есть. Народ не может обходиться без идолов небесных и земных. Делькадо — земной идол ауриканцев. Он помогает им переносить житейские невзгоды, отвлекает от дурных мыслей, просветляет их души, вдохновляет на ратные подвиги… Я хорошо помню этого парня. Служил в его гвардии, когда мне было двадцать два. Однажды он чуть не повесил меня из-за одной девчонки. Спасибо нынешнему президенту — выручил… Делькадо был не от мира сего, как все святые. Потому и погиб по-дурацки. Подражать ему противоестественно. Глупо даже. На таких можно только молиться.

Рохес умолк. Впереди показался огромный алюминиевый щит с изображенной на нем розовой голубкой — символом столицы. Мы въезжали в Ла Палому.

Случай помог мне сблизиться с другим фаворитом Мендосы — министром полиции Чурано. Как-то вечером в дворцовом баре зять президента затеял спор с одним из своих заместителей по делу о торговле контрабандным героином. Содержание их беседы пересказал мне адъютант Рохеса, с которым мы в тот вечер обмывали его очередную медаль. Представители элиты награждались в Аурике часто и щедро.

Высокопоставленные полицейские обсуждали различные варианты внедрения своей агентуры в шайку гангстеров, организовавших ввоз в страну наркотиков. Разговор вертелся вокруг некоей дамы, вдовы известного тенора. Эта женщина была содержательницей конспиративной квартиры преступников. Люди Чурано неоднократно подкатывались к ней на улице и в общественных местах, но она моментально раскалывала их и гнала прочь.

Знакомство с одинокой интеллигентной женщиной сорока пяти лет — хрестоматийная задача, и то, что ауриканские полицейские не могли решить ее, свидетельствовало о низком уровне их профессиональной подготовки.

— Господин министр, — обратился я к Чурано. — Ваша работа для меня — темный лес, но в одном старом криминальном фильме мне довелось видеть аналогичную ситуацию, и там выход из нее был найден весьма остроумным способом.

На добродушном глуповатом лице генерала появилось выражение заинтересованности.

— Могу ли я продолжать?

— Валяйте! — милостиво разрешил Чурано.

— Допустим, что объект вашей заинтересованности зовут

Лаура Нуньес. Она умна, образованна, немолода и некрасива. Так? Особы подобного типа не избалованы вниманием мужчин и потому денно и нощно мечтают о появлении на их горизонте пятидесятилетнего кавалера, но кавалера не простого, а при допустимой внешней непривлекательности тонкого, галантного и благородного. Желательно, чтобы обстоятельства их знакомства были необычными, ибо женщины, долго сохраняющие вынужденное целомудрие, имеют, как правило, романтический склад мышления. Ваши люди потерпели у сеньоры Нуньес фиаско, очевидно, потому, что во-первых, были не теми людьми, а во-вторых, потому, что действовали чересчур прямолинейно. Попробуйте реализовать мой совет. Подберите толкового интеллигентного агента соответствующего возраста. Как-нибудь вечерком он должен появиться у входа в интересующий вас дом, имея в руках цветы, бутылку легкого вина и пакет, наполненный изысканной снедью. Когда та женщина откроет дверь и спросит, что ему угодно, он скажет: «Я бы хотел видеть Лауру Нуньес». Женщина ответит: «Лаура Нуньес перед вами». Ваш агент, изобразив на лице крайнее изумление, воскликнет: «Быть этого не может! Я хорошо знаю Лауру. Мы познакомились на карнавале и провели вместе пару прелестных часов. Она пригласила меня в гости и назвала этот адрес». Сеньора Нуньес будет настаивать, что она — это она. Поизумлявшись еще немного, ваш агент вдруг сделает ошеломляющий ход. «Я все понял! — воскликнет он. — Та девушка решила зло посмеяться либо надо мной, либо над вами. Так давайте же сейчас вместе посмеемся над ней!» Уверяю вас, сеньор Чурано, Лаура позовет его в дом. Остальное — дело техники. Успех гарантирован.

Министр полиции плохо понимал английский. Впрочем, он, кажется, и испанских слов знал немного. Однако его зам все-таки втолковал ему, в чем суть моей идеи. Чурано осклабился и сказал, что они попробуют.

Операция по обольщению хозяйки гангстерской малины прошла успешно. Полицейский агент напичкал подслушивающими устройствами квартиру, где торговцы героином проводили деловые встречи. Это позволило довольно быстро разоблачить и переловить с поличным почти всех участников шайки.

В другой раз я посоветовал Чурано активнее использовать в борьбе с преступностью преподавателей иностранных языков, которые должны были в соответствии с моей подсказкой заставить своих питомцев вести подробные дневники на изучаемых языках якобы с целью углубления знаний иностранной лексики и отработки грамматических парадигм. За несколько

месяцев простодушные школьники и студенты выложили на страницы дешевеньких блокнотов столько некрасивых и дорогостоящих семейных тайн, что полиция едва успевала просеивать их, определяя, кого сажать, а кого вербовать на компроматах. Конечно, страдала при этом как водится, всякая шелупонь, касту полиция не отважилась трогать.

За достигнутые успехи Чурано, которого и без того не обносили наградами, был осыпан новыми почестями. После получения ордена Белого Кондора, он подошел ко мне на одном из приемов и, хлопнув меня по плечу так, что я едва удержался на ногах, прорычал ласково:

— Если бы вы не были начальником гвардии, я сделал бы вас своим заместителем, полковник. Как прирожденного детектива!

Мне осталось только учтиво поклониться и ответить:

— Был бы счастлив служить под руководством Вашего Превосходительства… Осмелюсь дать еще один совет, генерал.

— О-о-о! Интересно: какой же?

— Когда танцуете, держите правую руку чуть ниже талии партнерши. Дамы это любят.

Чурано гоготнул и тут же заколыхался в танго с женой гваделупского посла. Я заметил, что он не пропустил моего совета мимо ушей.

Как почти всякий молодой здоровый мужчина, министр полиции испытывал постоянное мощное тяготение к привлекательным особам противоположного пола, однако страх перед женой удерживал его от практических грехопадений, и он предпочитал прелюбодействовать лишь в мыслях своих. В рабочее и нерабочее время генерал обожал потрепаться о бабах. Вместе с прихлебателями он каждодневно перемывал косточки и бельишко девиц из президентской канцелярии. Больше других доставалось Исабель, потому что она была красивее всех. Секретаршу Роджерса друзья Чурано успевали в течение одного дня несколько раз разобрать на составные элементы и снова собрать в единое целое. Я внимательно прислушивался к таким разговорам. Мне нужно было знать о мисс Мортон все, все, все! Чтобы найти наконец подход к ней. Но к середине лета в кладовых моей памяти необходимый минимум полезной информации об интересующей меня персоне отсутствовал. Были там в основном грязь и помои. И не находил я в этой куче навоза жемчужного зерна, сколь старательно ни разгребал ее.

Довольно быстро мне удалось сделаться своим человеком в министерстве внутренних дел, которое государственные чиновники для краткости называли просто министерством полиции. Офицеры МВД привечали меня, зная, что я закадычный

друг их начальника. Министра мне случалось навещать не только для поддержания с ним видимости приятельских отношений, но и по служебной необходимости. Президентские гвардейцы частенько дебоширили в городских притонах и доставляли тем самым немало хлопот полиции. Иногда я выручал своих парней из разных неприятных историй, пользуясь расположением ко мне Чурано. Это поднимало мой авторитет в глазах гвардии.

В один из последних дней августа я зашел к министру полиции, чтобы узнать подробности драки, учиненной двумя гвардейцами в заведении некоей сеньоры Орландо. Было часов десять утра. Генерал сидел за столом хмурый и безучастный, со следами тяжелого похмелья на лице. Увидев меня, он тут же приказал всем выйти из кабинета и простонал, обхватив обеими руками большую, как кормовая тыква, голову:

— Мне кажется, что в течение ближайших пятнадцати минут моя башка разлетится на тысячу осколков.

— Есть верное средство предотвращения этой катастрофы, — обнадежил я его. — Надо немедленно выпить полстакана виски. Так лечатся в подобных случаях жители некоторых европейских стран.

Чурано нажатием кнопки вызвал дежурного офицера и приказал подать шесть рюмок виски.

— Зачем же шесть? — спросил я.

— Пять мне, одну вам.

Полицейская сводка сухо и точно воспроизводила картину ночного побоища в доме терпимости. И несмотря на то, что моим солдатам удалось ускользнуть от блюстителей порядка, последние легко установили их имена через девиц, работавших в заведении сеньоры Орландо.

Пока я читал сводку, министр подлечился и повеселел. Мы сошлись на том, что он нажмет на своих людей в страховой компании, которая возместит причиненный борделю ущерб, оформив его как последствия пожара. Я с моей стороны обещал, что арестую дебоширов суток на десять, а потом в течение трех месяцев не буду давать им увольнительных. Когда с этим делом было покончено, Чурано заказал еще шесть рюмок виски и предложил:

— Ну, а теперь давайте покалякаем о бабах, полковник, а то к работе у меня сегодня все равно душа не лежит.

— Ну о бабах, так о бабах, — согласился я. Подобный поворот беседы меня устраивал. Министр был пьян. Нам никто не мешал. Мне предоставлялась возможность пополнить биографию мисс Мортон новыми фактиками. Я отлично знал, где советник президента по вопросам безопасности откопал свою секретаршу,

но тем не менее задал Чурано вопрос:

— Кстати, генерал, не из заведения ли сеньоры Орландо Роджерс выкрал крошку Исабель?

— Да что вы! — почти обиделся Чурано. — Всем известно, что Роджерс взял ее в «Памплоне». Вам никогда не приходилось бывать там?

— Никогда.

— Жаль. В «Памплоне» шикарные девочки. Далеко до них дочкам президентов, министров и послов. Если бы весь город не знал нас в лицо, мы как-нибудь переоделись бы в штатское да и махнули бы туда… Скажите, Арнольдо, а почему у них такие безобразные дочки?

— У кого?

— Ну, у министров, послов и прочих? Вы не знаете?

— Отчего же не знаю? Конечно, знаю.

— В таком случае объясните!

— Дайте слово, что не обидитесь. Вы ведь тоже министр.

— Даю слово.

— Видите ли в чем дело: для того, чтобы выбиться в люди, надо совершить в жизни хотя бы одну подлость.

— Тут одной не обойдешься.

— Ну, так вот: природа мстит родителям подлецам. Дурные страсти отцов уродуют лица детей. Это — гены.

— Что-о-о?!

— Генетика — мудреная наука, генерал. Расскажите лучше, отчего умерла мать мисс Мортон.

Обстоятельства скоропостижной кончины популярнейшей ауриканской певицы Марии Корро — так звали мать Исабель — казались мне подозрительными, но все, кого я об этом спрашивал, говорили одно и то же: сердечная недостаточность. Такая молодая женщина и сердечная недостаточность? Что-то здесь было не так, и я должен был докопаться до истины.

Чурано мой вопрос не понравился. Он нахмурился, засопел и опрокинул сразу две рюмки виски.

— Зачем вам это знать, Арнольдо? Вы ведь уже однажды пытались выведать у меня, как умерла Мария Корро. И теперь снова…

— Мне просто очень нравится эта девчонка, генерал. И я хотел бы располагать по возможности более подробной информацией обо всем, что ее касается.

— Вам нравится сеньорита Исабель, Арнольдо? Го-го-го! Если вы наставите рога ее боссу, я от радости пройдусь выбрыком, как жеребенок на весенней полянке. Старикашка зол, ядовит и чересчур много о себе понимает. Его давно пора проучить. Но

будьте с ним осторожны, полковник. Своих противников он не щадит… Мария Корро! Мария Корро! Мальчишкой и молодым парнем я отбивал ладони и срывал глотку на ее концертах. А имя Марии Корро было трехфутовыми буквами намалевано на всех заборах и стенах. Как она пела! Да и по красоте с ней никто не мог сравниться. Она была главной достопримечательностью Ла Паломы. У ее ног валялись миллионеры. Сам папаша Мендоса был неравнодушен к ней и хотел, чтобы она украшала собой все его приемы. Черт дернул ее спутаться с красными…

Тут Чурано внезапно осекся.

— Почему вы замолчали, генерал? — поинтересовался я, вложив в свой вопрос как можно больше бесстрастности. — Забыли какое-нибудь английское слово?

— Да нет. Английский тут не при чем. Дело в том, что это тайна, которую знают только четверо: мой тесть, Роджерс, Рохес и я.

— Генерал, во-первых, тайна, известная четверым, уже не тайна. Во-вторых, с какой стати вы обязаны хранить секреты Роджерса и Рохеса? Ведь они-то вас ни во что не ставят и обливают помоями по поводу и без повода. Роджерс называет Ваше Превосходительство не иначе, как тупым животным, а Рохес недавно пожаловался господину президенту на то, что вы якобы слишком много пьете и присвоили деньги, отпущенные на приобретение технических средств локализации массовых беспорядков.

Чурано печально покачал головой.

— Так. Значит, я вор? А Рохес паинька? Да он крадет в сотни раз больше моего! В Аурике все воруют. Ну и что? Это не мешает нам оставаться добрыми патриотами! Я полагаю, что вы тоже приворовываете, Арнольдо. Разве нет?

— Есть маленько. Глубоко уверен в том, что ворующий патриот гораздо надежнее неворующего. Не крадут только поэты да марксисты крайне левого толка, одним словом — революционеры, имеющие наглость также именовать себя патриотами. Но мы-то с вами знаем истинную цену их патриотизма, генерал. Не так ли?

— Так, Арнольдо, так! Истина глаголет вашими устами!

— Я рад, что наши мнения совпадают. Но вы не закончили свой рассказ о матери мисс Мортон.

— Полковник Арнольдо, мне известно ваше умение держать язык за зубами. И все же поклянитесь святой девой Марией, что никогда никому…

— Клянусь святой девой Марией! — послушно повторил я, нажимая в кармане кнопку портативного магнитофона.

Министр опрокинул еще одну рюмку, встал, и, пошатываясь, направился к одному из сейфов, рядком стоявших вдоль самой дальней стены его огромного кабинета. Он долго ругался и щелкал шифрованным замком, а когда дверца наконец открылась, знаком предложил мне приблизиться. Я подошел и заглянул внутрь сейфа. Там стояло и лежало десятка три пузырьков, пробирок и коробок разных размеров. Это было похоже на домашнюю аптечку. Чурано взял одну из пробирок, открыл ее и выкатил на ладонь желтый шарик величиной с горошину.

— Вот, — сказал он. — Это у них называется «изменить состояние здоровья объекта».

— У кого «у них»?

— У наших друзей из Лэнгли[13] Если бросить такую горошину вам в суп или в пиво, она там сразу же растворится, и вы уснете, а через двенадцать часов проснетесь, вроде как после сильной пьянки. Если бросить две горошины, то вы не проснетесь никогда.

— Можно понюхать? — спросил я. Чурано протянул мне пробирку.

— Нюхайте на здоровье. Они ничем не пахнут. Как золото. И цвет у них, как у золота.

Я понюхал, незаметно спрятал пару таблеток в карман и вернул пробирку министру.

— А вот отсюда нюхать нельзя, — продолжал тот, показывая мне пузырек с бесцветной жидкостью. — Одна капля этой влаги на вашем носовом платке — и вы в течение месяца тихо

подохнете, причем ни один медик не докумекает, что с вами случилось… В тех коробках различные пилюли для развязывания языка. Есть такое и в ампулах. Если кто молчит и не колется… Я вообще-то не любитель таких средств. Я в бога верю. Это Рохес в химии души не чает и часто пускает ее в ход.

— Для чего вы показываете мне вашу аптеку, генерал?

— А для того, что несколько лет тому назад на банкете, устроенном в честь семидесятипятилетия президента, человек Рохеса бросил два желтых шарика в бокал с шампанским, который был подан Марии Корро.

— Зачем понадобилось убивать ее?

— Я уже говорил вам, что она спуталась с красными. Марию нельзя было просто упрятать в Монкану или еще куда-нибудь. Аурика ее боготворила. И Роджерс дал президенту совет сделать именно так. Мой тесть плакал, санкционируя убийство Марии. Он сам мне в этом признался. Он любил Марию. Но оставлять ее в живых было никак нельзя. Лучшие дома открывали перед ней двери. Сановники и военные выбалтывали в ее присутствии секреты государственной важности. А она выдавала наши тайны коммунистам. Более того, Мария стала делиться с ними своими деньгами, а это уже не укладывалось ни в какие рамки.

— Благодарю, генерал, — сказал я, выключая магнитофон. — Вы поведали мне весьма любопытную историю, но вряд ли она помогла бы мне найти ключик к сердцу мисс Мортон.

— Арнольдо, не забывайте: вы поклялись Мадонной, что никогда никому…

— Да я уже все забыл, генерал. Не волнуйтесь, на меня можно положиться. Давайте опрокинем еще по рюмке да и распрощаемся на сегодня. Служба есть служба. Гвардия ждет своего командира.

Тот день я оцениваю как день величайшего везения в моей работе, ибо информации, полученной мною от министра полиции, не было цены.

В августе Роджерс взял двухнедельный отпуск и уехал на родину. Мисс Мортон тоже исчезла. Куда, я не знал. Вернулись они в один день. Но наступил сентябрь, и советник президента по вопросам безопасности, оставив свой кабинет во дворце, улетел в Чили. Секретные службы США поручили ему хоронить революцию, которая умирала в конвульсиях, потому что оказалась слишком доброй и не сумела защитить себя.

Исабель не последовала за боссом, а осталась в его бюро. Я решил воспользоваться этим обстоятельством и познакомиться с ней поближе. Другого подобного случая ждать не стоило.

Утром 11 сентября мне удалось незаметно проскользнуть в рабочую комнату секретарши Роджерса. Мисс Мортон скучала у

окна, перелистывая красочный каталог известной торговой фирмы. В ее приветствии я не уловил ноток недоброжелательности, но в синих глазах прочел изумление. Мужчины никогда не отваживались заходить к ней.

— Простите, сеньорита Исабель, — сказал я. — Кажется, сейчас будет передано важное сообщение, и только вы сможете перевести мне его.

Она молчала, колеблясь. Я не стал дожидаться ее согласия, а подошел к приемнику и врубил его почти на полную мощность. В комнату ворвался грохот боя. И тотчас же сквозь автоматную трескотню, пистолетные хлопки и далекое буханье танковых пушек мы услышали голос Альенде, хорошо знакомый в те годы всей Латинской Америке. Исабель переводила то, что можно было разобрать: «На этом перекрестке истории я готов заплатить жизнью за доверие народа… У них есть сила, и они могут подавить нас, но социальный процесс нельзя остановить ни силой, ни преступлением… Народ должен защищаться, но не приносить себя в жертву. Народ не должен позволить, чтобы его подавили или изрешетили пулями, но он не может также допустить, чтобы его унижали… И я уверен, что моя гибель не будет напрасной…»

— Все! — сказал я. — До падения Ла Монеды остались минуты… Но что это, мисс Мортон? Ваш голос дрогнул, а в глазах ваших печаль. Неужто вам жаль красных?

— Мне жаль этого человека! — ответила она с вызовом. — Он жил и умер красиво. Мне нравятся такие люди!… Вы говорили о каком-то важном сообщении, полковник. Где же оно?

— Разве только что услышанное не кажется вам важным?

Исабель пожала плечиками.

— Это?! Что ж тут особенного? Немного дыма и крови — и через год жди нового переворота. Обычное дело.

— Здесь не обычный переворот, мисс Мортон. Здесь умерла революция.

— Что это, полковник? — спросила она с усмешкой. — Ваш голос дрогнул, а в глазах ваших печаль. Неужто вам жаль марксистов?

— Нет, нет. Просто я люблю человечество в его звездные часы…

— Звездные часы человечества? Я читала книгу с таким названием. Ее написал австрийский писатель Цвейг.

— Вашей образованности, мисс Мортон, можно позавидовать.

— Не смейтесь над бедной девушкой, полковник. Роджерс говорил, что вы носите в голове целый книжный шкаф. Но я окончила колледж в Штатах, а для ауриканки это много.

— Да, да. И какая же из новелл Цвейга понравилась вам больше всего?

— Та, что об офицере, сочинившем французский гимн.

— Ого! Снова революция! Это становится опасным. Скажите-ка лучше, мисс Мортон: в каком из ночных баров Ла Паломы вас никто не знает?

— В «Толедо», например. Я была там всего один раз.

— Значит, «Толедо» нам не подходит. Видите ли, мисс Мортон, на Земле пока еще очень мало красивых людей. Безобразие или в лучшем случае обыденность до сих пор остаются нормой. Ваша красота — разительная особая примета. Она фиксируется памятью гораздо лучше, чем шрам на лице, шепелявость или отсутствие ноги. Тот, кому вы попались на глаза хотя бы однажды, запомнит ваше лицо до конца дней своих. Может быть, «Сурабайя»?

— Район гавани? Наверное, в этом баре не очень приличная публика.

— Зато там надежно. Итак, я буду ждать вас сегодня в «Сурабайе» с 21–00.

— Зачем?

— Уверяю вас, мисс Мортон, у нас найдется, о чем потолковать.

— А если я не приду?

— Вы будете сожалеть об этом всю жизнь. Надо прийти. Только оденьтесь, пожалуйста, попроще. Никаких драгоценностей. Вы должны выглядеть, как продавщица галантерейной лавки или, скажем, маникюрша. Ни больше, ни меньше. Не стоит рассказывать о предстоящем свидании подругам и офицеру безопасности из посольства США. А теперь посмотрите, нет ли кого в коридоре. Мне пора на службу.

Исабель безмолвно выполнила мою просьбу. Я выключил радио и, кивнув ей, быстро покинул комнату…

«Сурабайя» была заведением просторным и шумным. Она имела свой стиль и свою публику. Буквы на ее светящейся вывеске, сложенные из цветных стеклышек, сияли весело и ярко, гарантируя усталому гостю Ла Паломы несколько часов приятного беззаботного времяпрепровождения. Окна бара, выходившие на улицу, были вовсе не окнами, а витражами. Под низким потолком «Сурабайи» медленно вращался круглый плафон двухметрового диаметра, похожий на изображение светового спектра из учебника физики. Все это дополнялось красными, синими, зелеными и желтыми стеклянными плитками, которые были там и сям вкраплены в пол бара и подсвечивались снизу. На небольшой эстраде негритянский джаз то тихо

наигрывал старые блюзы, то взрывался грохочущим фейерверком современной какофонической музыки. В «Сурабайю» приходили матросы, грузчики и мелкие служащие порта со своими подружками, чтобы купить немного дешевого дурашливого веселья, куда более эффективного, чем все допинговые средства и транквилизаторы мира. Как ни странно, драки здесь происходили редко, а если такое и случалось, то публика сама наводила порядок. Полицию не вызывали.

В тот вечер, переодевшись в штатское, я кружил по городу на юрком «Фольксвагене» до тех пор, пока не убедился в отсутствии слежки. Припарковав машину метрах в трехстах от «Сурабайи», сходил в бар и зарезервировал столик. Потом пошел навстречу Исабель, чтобы проверить, нет ли за ней «хвоста». В том, что она явится на свидание, я не сомневался: чувство любопытства у женщин сильнее чувства страха.

Меня обрадовала пунктуальность мисс Мортон, а также то, что она последовала моим советам. На ней было глухое светло-серое платье свободного покроя. Роскошные волосы девушка умудрилась собрать в тугой узел. Это до неузнаваемости изменило внешность Исабель, но почти не убавило ее прелести. Мужчины пялили на нее глаза со всех сторон, но она, привычная к вниманию подобного рода, шла себе, задумавшись, и, казалось, не замечала никого и ничего. Я догнал ее у самого входа в бар и сказал строго:

— Нельзя быть такой беспечной. На протяжении последней полумили за вами следят, а вы — как будто собачку прогуливаете!

Исабель вздрогнула.

— Кто… за мной следит?

— Я!

Она улыбнулась вымученной улыбкой.

— Вас, полковник, я увидела, когда вы еще стояли за тумбой для афиш.

— Ого! Молодец!

Я проводил ее к нашему столику в дальнем углу бара, усадил спиной к залу и осмотрелся. Гремел, завывал, стонал, квакал и взвизгивал джаз. Цветные полосы плыли по лицам и одежде гостей «Сурабайи». Свет автомобильных фар, проникая с улицы сквозь витражи, рассыпался в зале радужным дождем стремительных живых ускользающих бликов. Танцевали все, кроме нескольких пьянчужек, которые обосновались под самым плафоном.

— Хотите пить? — спросил я.

— Хочу. Закажите что-нибудь покрепче, полковник. Меня знобит.

В баре было душновато, но я не стал удивляться, а исполнил ее просьбу. Исабель, выпив свой коньяк залпом, поперхнулась и начала кашлять.

Негры заиграли блюз «Сан Луи». Я предложил девушке потанцевать, и через мгновение мы окунулись в небыструю, но властную человеческую круговерть, чей вращательный темп задавался музыкой.

Состояние моей партнерши встревожило меня. Руки Исабель были ледяными. Ее колотила мелкая дрожь. Она безвольно позволяла кружить себя, глядя поверх голов танцующих пустыми глазами.

— Что с вами? — спросил я. — Вам страшно? Кого вы боитесь? Роджерса?

— Роджерса… И полковника Арнольдо.

— Меня?!

— О вас рассказывают ужасные вещи. Говорят, вы отправили на тот свет не одну сотню людей.

— Какая чушь! Я действительно уничтожил десяток мерзавцев, но, клянусь, эти, с позволения сказать, люди и не заслуживали лучшей участи. Вам же меня нечего опасаться. Более того, вы можете рассчитывать на покровительство и защиту с моей стороны.

— Хватит с меня покровительства Роджерса.

— Как вы относитесь к вашему боссу?

— Старик добр ко мне… И потом… Лучше один Роджерс, чем все… Скажите лучше, полковник: для чего я вам понадобилась?

— Скажу… Когда вы успокоитесь. И пожалуйста, не называйте меня тут полковником. Зовите лучше по имени.

— Это трудно… Но я попробую… Холодно мне… Холодно.

Я отвел Исабель к столику, и она выпила сразу две рюмки. Огненный алкоголь сделал наконец свое дело. Щеки девушки порозовели, в глазах появился живой влажный блеск. Она беспричинно засмеялась и сказала:

— А мундир вам больше к лицу.

— Это естественно, — ответил я. — Мундир молодит, что весьма кстати мужчине моего возраста.

— Вы считаете себя стариком?! В таком случае вам следовало бы знать, что все девушки из канцелярии господина президента влюблены в вас.

— Они любят не меня, а мои эполеты, мое жалование, мою виллу, мои автомобили.

— Где ваша семья?

— У меня ее нет. Я всю жизнь бродяжил. Заниматься этим лучше всего налегке.

— Вы искали свое счастье?

— Все его ищут. Каждый по-своему. Счастье искали наши прадеды, деды и родители. Искали и не находили. Теперь ищем мы.

— Вы полагаете, сеньор Арнольдо, что нас, как и наших предков, постигнет неудача?

— Мне этого не хотелось бы.

— Мне тоже.

— Вот видите, Исабель, найти общий язык гораздо проще, чем отыскать счастье. Можно, я задам вам один вопрос? Он вертится у меня на языке уже минут десять.

— Спрашивайте.

— Как называла вас мать, когда вы были ребенком?

— Мать звала меня второй частью моего полного имени — Bella. Bella mia, говорила она. И отец звал меня Bell, но он вкладывал в это слово английский смысл. Баюкая меня на руках, он иногда напевал:

Those evening bells, those evening bells! How many a tale their music tells Of youth and home!..[14]

— Я знаю эту песню. Ее написал ирландец Томас Мур… Говорят, вы похожи на мать, как две капли воды.

— У меня от отца одни глаза. Остальное от матери. Знаете, отец для меня почти абстракция. Я плохо помню его. Он был морским офицером и постоянно отсутствовал.

— Ваш отец говорил что-либо о войне во Вьетнаме, которая, если не ошибаюсь, принесла ему гибель?

— Нет. Он был набожен и полагал, что Господь всемогущ и все, происходящее в этом мире, совершается по его воле.

— Господь всемогущ?! Да разве уже на первых страницах первой книги Моисеевой он не расписывается в полнейшем своем бессилии перед лицом зла и исполненный отчаяния не принимает решения устроить потоп? Помните? Ведь вы должны хорошо знать Библию…. «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время. И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их…» Выходит, что кроме самих людей, воевать со злом некому. Так?

Исабель молчала.

— Ваша мать ведь тоже часто уезжала?

— Да. На гастроли. Ее звала к себе вся Центральная Америка.

— Почему же только Центральная?

— Репертуар Марии Корро состоял преимущественно из народных ауриканских песен. Если бы она распевала шлягеры, ее знал бы весь мир… Мать привозила из своих путешествий разные диковинные вещи. Когда она умерла, наше имущество пошло с молотка. Оказалось, что у нас большие долги… Я ее всегда ждала, ждала, минуты считала. Мы с ней были, как подруги… Потом…

— Что случилось потом, мне известно.

— Вы знаете и про «Памплону»?

— И про «Памплону» знаю.

Исабель вспыхнула.

— Так зачем же вы ломаете всю эту комедию?! — крикнула она с возмущением и гневом.

— Тише! — попросил я. — Объясните причину вашего раздражения.

— Чего ради вы беседуете и обращаетесь со мной, как с благородной леди? Здесь попроще надо!

— Для меня, мисс Мортон, ваше прошлое не имеет ровно никакого значения.

— Врете! Так не бывает. Прошлого не зачеркнешь.

Она потянулась к рюмке.

— Вам нельзя больше пить.

— А я хочу! Дайте сигарету!

— Возьмите. Но предупреждаю: с сигаретой вы будете выглядеть так, как выглядела бы Джоконда с трубкой в зубах. А рюмка в вашей руке смотрится, как смотрелась бы пивная кружка в руке герцогини де Бофор.

— Плевать я хотела на Джоконду и на герцогиню!

Она выпила, сделала пару затяжек, швырнула длинный окурок в пепельницу и выпила еще.

— Пойдемте танцевать!

Я нехотя поплелся за ней в людскую толчею. Очень скоро Исабель развезло. Она висла на мне и заплетающимся языком молола всякую чушь. Танец у нас не получался. Я вывел ее на улицу, дотащил до машины и затолкал на заднее сиденье. Глотнув свежего воздуха, она немного протрезвела, но о серьезном разговоре с ней нечего было и думать. Заняв место за рулем, я понял, что не знаю, куда ехать. Отвезти ее ко мне домой? Но вся моя челядь, кроме Герхарда Крашке, наверняка проходит по картотеке осведомителей рохесовой охранки. Как же быть, черт побери!

За моей спиной, словно кошка, налакавшаяся валерьянки, куролесила пьяная девчонка. Она дергала меня за одежду,

ерошила мне волосы, тараторила и напевала что-то по-испански.

— Уймитесь, сеньорита Исабель, — сказал я резко, — и покажите дорогу к вашему дому!

Она, однако, не послушалась и продолжала колобродить.

— Не мешайте вести машину! Где вы живете?

— Там… Около церкви святого Мигеля.

— Кто остается в доме на ночь?

— Экономка.

— Ее приставил к вам Роджерс?

— Да. Но это ничего. Суньте ей тысячу ауро, и она станет любить вас крепче, чем любит моего босса. В Аурике все продается и покупается!

Последнюю фразу Исабель пропела. Она была по-прежнему настроена игриво, что меня до крайности раздражало и злило.

Особнячок, подаренный Роджерсом любовнице, был невелик, но не так уже и мал. Только в третьей от входа комнате мы наткнулись на сонную полуодетую старуху, которую наше появление огорошило, из чего я заключил, что к Исабель, кроме советника президента по вопросам безопасности, до сих пор никто не хаживал. Мне ничего не оставалось делать, как вложить в руку экономки пару крупных ассигнаций и пожелать ей спокойной ночи.

Когда я доставил Исабель в ее спальню, она приложила палец к губам и сделала страшные глаза. Я понял, что надо молчать. Исабель зажгла свет, добралась до кровати, пошарила по стене за деревянной спинкой изголовья и весело объявила:

— Теперь можно говорить!

— Что там у вас? — спросил я.

— Здесь Роджерс включает микрофон, когда уходит от меня, и выключает, когда приходит. Мне удалось подсмотреть.

Я опустился в кресло и закурил. Исабель передвигалась по комнате так, будто под ее ногами был не пол, а палуба корабля, попавшего в сильный шторм. Одну за одной она выбрасывала шпильки из волос, и постепенно темная волна снова укрыла ее до пояса. С превеликим трудом стянула с себя платье и, отдышавшись, швырнула его в угол. Потом продолжила стриптиз, то и дело наступая на предметы своего туалета и путаясь в них. Когда же она собралась снять последнюю одежку, я остановил ее:

— Хватит, мисс Мортон! Благодарю за любезно предоставленную мне возможность убедиться в том, что сложены вы безупречно. Больше от вас ничего не требуется. Полагаю, вам пора в постель.

— Нам пора в постель, нам пора в постель! — снова пропела Исабель, пытаясь стащить с кровати одеяло.

Однако у нее из этого ничего не вышло, и она шлепнулась на прикроватный коврик. Я поднял ее, аккуратно уложил головой на подушки, прикрыл простыней и отошел к окну.

— Я буду ждать вас, Арнольдо, — пробормотала Исабель за моей спиной.

Распущенные, циничные бабы всегда вызывали во мне чувство глубочайшего отвращения, как бы хороши собой они ни были. Меня распирало от бешенства, и я мысленно ругал Исабель последними словами на всех языках, какие знал. Поганая капризная стерва! Испортила всю мою затею одним махом! Что же мне теперь — уходить несолоно хлебавши?!

Я глубоко затянулся сигаретным дымом и толкнул створки окна. Сон тропической ночи казался мертвым. Не веяло свежим ветерком из сада. Продолговатые листья магнолии, до которых можно было дотронуться рукой, безжизненно застыли во влажной духоте на фоне черного воздушного покрывала земли, подсвеченного теплыми звездами. Умолкало звенящее стрекотание цикад. Большая бабочка прилетела из темноты и закружила над моей головой, шурша крылышками. Это напоминало шум микровентилятора. Резким взмахом руки я прогнал назойливое насекомое и остался наедине с мрачной тишиной. Тревога и злость не уходили. Они продолжали будоражить мой мозг, заставляли проигрывать все новые и новые варианты решений. Их было много, но единственно верное не шло на ум. Я вздохнул, повернулся на сто восемьдесят градусов и вытащил из пачки, лежавшей на столе, новую сигарету. Взгляд мой скользнул случайно по лицу Исабель, и вместо того, чтобы закурить, я подошел поближе к ней. Девушка крепко спала. Ничто дурное и порочное не уродовало больше ее черт. Она была похожа на дремлющее Вдохновение, и я улыбнулся, любуясь ею и обретая вновь душевное равновесие. Ни тени неприязни к Исабель не осталось во мне. Я смотрел на нее и думал, что если женская красота — ложь, то это прекрасная ложь. И если безобразная наглая грязная кривда повсюду торжествующе выставляет напоказ свое хамское мурло, слегка подкрашенное гримом благопристойности, то почему же прекрасная Сказка не может иметь право на жизнь? И разве добрая Сказка не сопутствует суровой и непреклонной Правде в ее извечном противоборстве могущественному Злу?

Я вырвал из карманного блокнота листок, сел к столу и написал: «Приезжайте в ближайшее воскресенье в 8-00 к Серой скале. Это сожгите». Надо было, чтобы Исабель, проснувшись, сразу же обратила внимание на мою записку. Осторожно сняв с шеи девушки золотой крест — крошечную копию каменного

распятия на горе Катпульче, — я придавил им листок, включил технику подслушивания и на цыпочках покинул комнату.

Серую скалу в Ла Паломе знает каждый. Смахивающая на зуб гигантской акулы, она одиноко торчит из океанских волн километрах в десяти севернее столицы. От скалы до берега рукой подать, поэтому в утренние часы акулий зуб рассекает своей длинной остроконечной тенью чудесный светлый пляж, протянувшийся по побережью с обеих сторон хорошо видимого издалека гранитного ориентира. В тени Серой скалы может укрыться тот, кому противопоказаны солнечные ванны, или тот, кому слишком темный загар не к лицу. Пляж у скалы пользуется среди горожан большой популярностью. К полудню он заполняется публикой до отказа. Но в час, назначенный мною мисс Мортон, там никого не встретишь.

Когда я пришел к обусловленному месту, Исабель уже была там. Одетая в джинсы и розовую блузу, она сидела в тени Серой скалы, обхватив колени руками, и смотрела в сторону океана. Рядом на белом песке валялись сомбреро и солнцезащитные очки. Она выглядела маленькой одинокой и грустной. Мне стало жаль ее. Но то, что я задумал сделать, надо было сделать именно теперь.

Я сухо поздоровался с Исабель, поставил перед ней магнитофон, напоминавший внешне обыкновенный портсигар, положил сверху две желтые таблетки, включил запись моей беседы с генералом Чурано и ушел к прибою минут на сорок, давая девушке возможность прослушать пленку от начала до конца и выплакать все свои слезы.

Я был уверен в успехе. Эта уверенность пришла накануне, когда Исабель, пробегая мимо меня по парадной лестнице президентского дворца, густо покраснела и шепнула, что она обязательно приедет.

Солнце поднималось, и тень скалы укорачивалась. Острый конец тени постепенно уползал к воде. Но Исабель не искала защиты от жарких лучей. Она продолжала сидеть, не меняя позы.

— Встаньте, мисс Мортон, — сказал я, приблизившись к ней. — Встаньте, наденьте шляпу и очки. Мы погуляем вместе по берегу и кое-что обсудим. Верните желтые шарики. Не надо травить Роджерса. Он нужен нам живой.

Исабель поднялась и откинула голову. Я с трудом выдержал ее взгляд.

— Как же мне теперь жить, полковник Арнольдо, или не знаю, кто вы там такой?

— Жить по-старому. Только при этом условии мы сможем отомстить убийцам.

— Я не буду спать с человеком, отравившим мою мать.

— Решение вполне естественное, но скоропалительное. Не торопитесь, ради бога, мисс Мортон, не торопитесь.

— Вам-то что за дело до всей этой истории? Почему вы сказали: «Мы отомстим?» Кто вы такой?

— А вот это совершенно особый разговор. Скажите, Исабель: что вы знаете о вашей стране и ее народе?

Мой вопрос поставил девушку в тупик, и она умолкла. Я взял инициативу в свои руки.

— На чем вы приехали сюда?

— На поезде. Автомобиль легко запомнить по марке, цвету и номеру.

— Правильно. Молодец. Но машина нам сегодня понадобится. Поэтому я решил все-таки приехать на «Фольсквагене». Он спрятан в кустах в миле отсюда. Пойдемте туда вдоль берега. А по дороге вы ответите на мой вопрос о родине ваших предков по материнской линии. Только отдайте сначала шарики.

Исабель протянула мне смертоносные таблетки.

С того дня она стала помогать мне. Однако пришлось здорово повозиться с ней, прежде чем слепая ненависть к Роджерсу обрела в ее сознании формы ясной и четкой идеи. Для этого я показал ей грязные истоки пресловутого богатства западного мира и назвал подлинных убийц ее родителей, убийц, у которых Роджерс и ему подобные бегают всего лишь в шестерках. Не о древних индейских царях, не о конквистадорах и даже не о Симоне Боливаре говорили мы. Предметом наших бесед была новейшая история — наука, наиболее жутко и беспардонно перевираемая авторами школьных учебников. Я возил Исабель по горняцким поселкам, где замурзанные, голодные, покрытые коростой дети разгребали мусорные кучи в поисках съедобных отбросов, а отцы этих детей, состарившиеся к тридцати годам, хрипели силикозным и туберкулезным кашлем в убогих гадючниках, пропивая жалкие гроши, заработанные в шахтном аду. Я останавливал свой автомобиль у кофейных плантаций, возделываемых иссохшими смуглыми рабами…

— Святая Мадонна! — воскликнула она однажды. — Неужели ты никогда не поразишь виновников этого зла?

Усмехнувшись, я ответил ей своим любимым двустишьем:

— Весь этот мир от скверны бесполезной Лишь революция спасет рукой железной.

— Сочинение какого-нибудь коммуниста? — спросила она.

— Вот уж нет. Стихи принадлежат перу одного английского лорда. Его звали Джордж Гордон Ноэл Байрон.

— Байрон? Удивительно! Его я изучала в колледже. Он писал замечательные стихи о любви.

— В любви он тоже знал толк.

— А вот мне неведомо, что такое любовь, — призналась вдруг Исабель.

Я посмотрел на нее с недоверием.

— Мне не пришлось этого испытать, — упрямо повторила она, сдвинув брови.

— О, не надо тревожиться по такому поводу, мисс Мортон. Любовь — неизбежность. Она навещает каждого хотя бы раз в жизни. И вам не миновать этого. Вы еще очень молоды и должны доверять моему опыту. Она придет.

— Я буду ждать, — вздохнула Исабель. Постепенно между нами установились ровные дружеские отношения. Такими по крайней мере они казались мне. Я чувствовал, что общение со мной ей приятно, и сам отдыхал душой во время бесед с ней. Мы встречались по выходным дням на уединенных пляжах, изображая влюбленную парочку. Говорили, само собой, не только о работе. Часто болтали и о всякой всячине, с удовольствием подтрунивали друг над другом.

Она оказалась славной девчонкой, эта Исабель. Да не то я говорю! Эта маленькая девушка с ясным умом и отважным сердцем стала моим добрым ангелом. И не знаю, смог бы я выполнить свое задание в Аурике, если бы не она…

В ноябре окончательно решился вопрос об устройстве Рудольфа Буххольца-младшего на объект «Дабл ю-эйч». Хотя Обезьяний Зад и хмурился, но в конце концов сын, следуя моим советам, убедил его в том, что «Дабл ю-эйч» не такое уж плохое дело.

— Я создам себе имя в науке, обзаведусь связями в научных и деловых кругах Штатов, а потом уже возглавлю фирму. Одно другому не помешает, — говорил Рудольф отцу.

— Двенадцать лет слишком большой срок, а я уже немолод, — сомневался старик.

— Ты еще достаточно крепок для того, чтобы руководить предприятием до моего возвращения.

— Ладно! — сдался Обезьяний Зад. — Валяй! Может быть, это лучше, чем бить баклуши да пьянствовать. А я уж как-нибудь перебьюсь тут один.

Таким образом, обстоятельства мне вроде бы благоприятствовали. Однако по-прежнему оставался открытым вопрос поддержания связи с Рудольфом. Если для приема указаний Центра он мог использовать коротковолновый диапазон обыкновенного переносного транзистора, то для передачи

добываемой им информации радиосредства не подходили. Более того, их применение, даже если бы Рудольф прошел чистеньким через все КПП и сумел собрать на объекте передатчик, привело бы к неминуемому и быстрому провалу. Американцы уже в то время обладали весьма совершенной аппаратурой радиоперехвата, и надо было предполагать, что объект «Дабл ю-эйч» в контрразведывательном отношении защищен безупречно. Это и сам Рудольф, будучи технически грамотным человеком, прекрасно понимал и еще в мае говорил мне о неприемлемости такого способа связи. Ни я, ни Центр не видели выхода из создавшегося положения. Тупик начинал казаться мне непреодолимым, и настроение у меня в конце ноября было прескверным. Я находился на грани отчаяния. Решение задачи, сама того не желая, подсказала Исабель. Следует заметить, что ее деятельность на разведывательном поприще поначалу не приносила мне удовлетворения. Для передачи в Штаты секретной и совершенно секретной информации Роджерс пользовался услугами посольских шифровальщиков. На стол его секретарши попадали лишь документы с грифом «дсп» или вовсе без грифа. Они содержали в основном сведения о кулуарной борьбе между высшими чиновниками страны, экономике Аурики, положения на фронтах, настроениях населения. Вшивые тайны ауриканского режима меня не интересовали. Да я и так знал их в силу занимаемого мною положения при дворе Мендосы. Правда, иногда Исабель удавалось подслушать кое-что действительно интересное из разговоров Роджерса с его подчиненными и сотрудниками посольства США, а также с английскими и французскими коллегами. Но такие золотые крупицы попадались редко, и едва ли они могли существенно способствовать разгадке сложнейшего ребуса под кодовым названием «Дабл ю-эйч».

Как-то мы с Исабель задержались на берегу океана. Деловая часть встречи была закончена, но уходить ни мне, ни ей не хотелось. Стояло чудесное утро, солнечное и по-осеннему нежаркое. Я сидел на камне и смотрел на медленные волны, которые неизменно останавливали свой бег в полуметре от того места, где загорала Исабель. Ее желто-зеленый купальник вызывал в моей памяти образ ловкой грациозной стрелки-ящерицы, настороженно затаившейся в песке.

— А вы знаете, Арнольдо, что это виднеется там, на горизонте? — спросила девушка.

— Конечно, знаю, — ответил я. — Это церковь монастыря святой Магдалены. В монастырском саду, между прочим, имеется святой родник, вода которого якобы излечивает женщин от всех их болезней, в том числе от бесплодия.

Исабель рассмеялась.

— Зря вы это рассказываете с таким важным видом.

— Простите, мисс Мортон, но в процессе общения с вами у меня сложилось мнение, что вы неважно знаете достопримечательности Аурики.

— Так оно и есть. А вот источник в монастырском саду я найду с завязанными глазами. И на колокольню я могу подняться с завязанными глазами. К самым колоколам. Там живут голуби, белые и черные. Они как ручные. Не боятся людей. Позволяют брать себя в руки.

— Кто же разрешает вам лазить на колокольню?

— Это моя тайна.

— Исабель, я уже говорил вам, что у вас не должно быть тайн от меня. Представьте, что я ваш духовник.

— Роджерс давно запретил мне исповедываться.

— Он умный человек. К тому же ему наверняка известно, что многие священнослужители состоят в агентурной сети службы безопасности. И тем не менее, я прошу открыть мне вашу тайну.

— Хорошо. Аббатиса монастыря — тетка моей матери.

— Вот оно что! А Роджерс об этом знает?

— Нет.

— Далеко видно с колокольни?

— Пол-Аурики. Слева Катпульча с распятием, справа — Монкана. Там — океан, а там — устье каньона Саваны.

— Может быть, и «Дабл ю-эйч» видно?

— Нет. Сам объект в глубине каньона. Видно только жилой поселок. От колокольни до него всего мили полторы. На солнце то там, то сям блестит оружие охраны.

— Что?! — заорал я, вскакивая с камня.

— Блестит оружие охраны. И оконные стекла тоже блестят.

Исабель изумленно уставилась на меня. Само собой пришло решение проблемы, занимавшей меня на протяжении многих месяцев. Зеркало! Обыкновенное круглое вращающееся зеркало, каким пользуется во время бритья чуть ли не каждый третий мужчина в любой стране. Еще Наполеон сообщил в Париж о своей победе при Маренго с помощью зеркального телеграфа!

— А мне можно в монастырь? — осведомился я.

— К сожалению, нет. Вход мужчинам туда заказан.

— Скажите, Исабель, вы умеете ловить солнечных зайчиков?

— Н-н-н-ет.

— Придется научиться. Как насчет азбуки Морзе?

— Тоже нет.

— Надо выучить всего десять арабских цифр. От «нуля» до «десяти». Это вам задание к следующему воскресенью…

В тот же день я поехал к Рудольфу, и мы вместе отправились в горы, чтобы проверить вариант с зеркалом. Выходило неплохо. Оставалось обусловить систему связи в деталях.

— Ты хороший инженер и сам сумеешь рассчитать угол наклона зеркала, — сказал я. — Помни: отраженный луч должен попадать из твоей квартиры в тот ярус башни, где подвешены колокола. Там по кругу расположены отверстия типа бойниц для свободного выхода звука.

— Каким же образом мною будет получено подтверждение того, что мой сигнал попал в точку?

— Из башни вылетят три голубя: два белых и один черный.

— Вряд ли я смогу увидеть голубей на таком расстоянии и тем более определить их окраску.

— Купи бинокль. «Дабл ю-эйч» — это тридцать квадратных миль каньона. Там можно охотиться, удить рыбу, заниматься скалолазаньем, просто любоваться красотами природы. Бинокль на объекте — необходимая вещь.

— Ясно. Пересылать информацию я буду обыкновенной морзянкой?

— Да. Но текст предварительно должен быть зашифрован. Это необходимо на тот случай, если листок с твоим сообщением случайно или неслучайно попадет в руки контрразведки. Способов зашифровки много. Один из самых простых и надежных — использование для этой цели какого-либо печатного издания. Объясняю популярно: мы покупаем две одинаковые книги. По одной ты шифруешь, по другой я расшифровываю. Но такая книга довольно быстро делается замусоленной и растрепанной. При обыске контрразведка сразу обращает на нее внимание, и она становится уликой, что случилось с известным русским агентом Зорге, работавшим перед войной в Токио. Поэтому я предлагаю газеты. Скажем, «Berliner Zeitung», точнее гороскоп из нее, ибо «Berliner Zeitung» без гороскопа не выходит. Мне известно, что на объекте «Дабл ю-эйч» разрешается заказывать и получать любые газеты, кроме прокоммунистических. Почта поступает на объект с суточным опозданием. Накинем для верности еще одни сутки. Таким образом, в воскресенье утром ты наверняка будешь иметь в своем почтовом ящике номер «Berliner Zeitung» за пятницу. Сеансы связи будем проводить в последнее воскресенье каждого месяца в 13.00. Как шифровать тексты, знаешь?

— Гороскоп занимает примерно треть столбца. Значит, в нем около пятидесяти строк, а в строке около двадцати букв. В данном случае мы имеем дело только с однозначными и двухзначными числами, то есть любая буква кодируется не менее, чем двумя и не более, чем четырьмя цифрами. Если, к примеру,

нам в зашифрованном тексте попалась цифра 3512, то надо искать двенадцатую букву в тридцать пятой строке гороскопа.

— Ты способный парень, Руди. Янки заработают на тебе уйму долларов. Я внесу лишь одну маленькую коррективу. Для удобства расшифровки тут лучше пользоваться только четырехзначными цифрами. Писать не 57, а 0507 и не 813, а 0813. Пустоты заполнять нулями. Понятно?

— Понятно. А что мы станем делать в ненастную погоду?

— Законный вопрос. В таком случае сеанс связи придется переносить на ближайшее солнечное воскресенье. Просьбы и инструкции нашей организации будешь принимать по радио через неделю после передачи каждого твоего сообщения. Точное время и частоты получишь на днях. Для расшировки можно пользоваться тем же гороскопом. И помни святую заповедь великого Канариса: разведчик, заботящийся о своих архивах и мемуарах, заранее обрекает себя на верную гибель. Это значит, что все записи должны по миновании надобности уничтожаться немедленно и бесследно. Канарис погиб, поскольку нарушил собственную заповедь: он вел дневник, который после покушения на фюрера попал в руки Гиммлера. И еще: в кабинете адмирала стояла изготовленная по его заказу скульптурная группа — три обезьянки. Одна из них держала растопыренные лапки над ушами, вторая — козырьком над глазами, третья — зажимала рот. Это был символ разведки: все видеть, все слышать, но не болтать. Вот и я тебе говорю: как бы пьян ты ни был, сумей все запомнить и не сказать лишнего.

— Я постараюсь следовать твоим советам, Арнольд.

Сразу после рождества Рудольф убыл к месту работы. Перед его отъездом Обезьяний Зад устроил в своем подвальчике небольшой семейный ужин, на который пригласили и меня. Рудольф прощался с родителями на двенадцать лет, со мной — навсегда.

Садясь в машину, Рудольф сделал ритуальный жест и не очень уверенно произнес:

— Хайль Гитлер!

Я небрежно вскинул руку.

— Хайль!

Рудольфа Буххольца-младшего я окрестил «Фанатиком», а Исабель — «Стеллой». Под такими кличками они фигурировали в моих шифровках, направляемых в Центр.

В конце января 1974 года «Стелла» приняла первое сообщение от «Фанатика». Мне хорошо запомнился тот день. Я ждал Исабель у подножия холма, вписавшегося широкой плавной зеленой дугой в океан. Рядом скрытый зарослями плескался

плоскотелой рыбьей игривостью один из рукавов Саваны. Наверху рычала автомобильными моторами Панамериканская магистраль, а еще выше дремал старый и безучастный ко всему монастырь Святой Магдалены — средневековый призрак на горизонте космической эры. Я снизу ничего этого не видел, а только знал и чувствовал, что оно есть. Я ждал Исабель. Она прибежала запыхавшаяся, радостная, вытащила откуда-то из-под лифчика три листка бумаги и протянула их мне. Увидев неровные ряды четырехзначных цифр, я почувствовал, как у самого горла быстро-быстро затрепыхалось мое сердце. Это была победа.

— Спасибо, Исабель, — сказал я. — Вы представления не имеете о том, что значат для меня листки, принесенные вами. Если бы вы не были так красивы, я расцеловал бы вас.

— Мне от моей красоты одно горе, — ответила девушка. — В следующий раз я испачкаю лицо сажей и остригу волосы.

Она спустилась к пляжу, села на нагретый солнцем камень, скинула босоножки и потрогала океан розовой пяткой. Стояла зима. Температура воды была не более двадцати градусов. По ауриканским понятиям это означало, что ни о каком купанье не могло быть и речи.

Мне не терпелось скорее расшифровать сообщение Рудольфа. Для этого надо было ехать в Ла Палому, но Исабель уже привыкла к продолжительным свиданиям со мной по воскресным дням, она ждала этих встреч, и в данном случае исключения делать не стоило. Я спрятал листки, подошел к ней и сел рядом.

Был мертвый штиль. Метрах в ста от берега валяла дурака пара дельфинов. Девушка смеялась, глядя на то, какие фокусы они выкидывают, и совершенно неожиданно для меня спросила:

— Так почему вы не захотели стать моим любовником, Арнольдо? Сумеете объяснить правдоподобно?

Я несколько опешил, но, собравшись с мыслями, пробормотал:

— Можно было бы спросить об этом и раньше.

— Раньше было стыдно, а теперь я к вам уже привыкла. Отвечайте!

— Вы слишком хороши для этого. А потом… Сколько вам лет, Исабель?

— Двадцать один.

— Мне сорок. Когда вы появились на свет, я был уже студентом. Ваши родители почти мои ровесники.

— Хм… Роджерс годится мне в дедушки, однако его это не останавливает. Ну что ж… Раз вы такой старый, то обращайтесь ко мне на «ты».

Последнее слово она сказала по-испански.

— Согласен. Но как же это сделать на английском языке?

— О, это не так уж сложно. Говорите по-английски, а думайте по-немецки. Есть у немцев «ты»?

— Конечно.

— Вот и попробуйте. У нас, в Аурике, старики всегда говорят молодым «ты».

Я не стал ранить ее национальное самолюбие и напоминать о том, что у них, в Аурике, со времен победы диктатуры укоренился хамский обычай: все вышестоящие обращались ко всем нижестоящим на «ты», независимо от возраста и пола. Только в среде военных сохранилось обращение на «вы». Вместо всего этого я сказал:

— Сейчас попытаюсь. Скотина твой Роджерс!

— Это уж точно. Вот видите, получается… А вы не знаете, отчего люди подлы?

— Ну, во-первых, потомственных подлецов не так уж много. Их легко обнаружить по выражению лиц. А большинство людей совершает подлые поступки в силу тех или иных обстоятельств. Люди подлы от подлой жизни.

— Ведь они сами устроили себе такую жизнь.

— Да. Но когда родились ныне живущие, жизнь уже была подлой.

— Кто же был первым негодяем?

— Тот, кто обгородил кусок общей земли забором и сказал: «Это мое!» Так полагал Руссо… Против подлой жизни мы с тобой и воюем.

— И вы верите в конечную победу Добра?

— Да. Иначе жизнь человеческого общества, да и жизнь каждого человека не имели бы смысла.

— Вот что я вам скажу, Арнольдо. Если бы вы тогда сделали то, что сделал бы на вашем месте любой нормальный мужчина, то я не стала бы шпионить на вас.

— Не говори так, Исабель. Ты не шпионишь, а работаешь на революцию.

Девушка улыбнулась без видимой причины.

— Чему ты улыбаешься?

— Вспомнила, как ловко вы вчера подхватили господина президента, когда он чуть не упал на лестнице. Вот бы он знал, кто его охраняет!

Она полагала, что я выполняю при дворе Мендосы задание командования революционной армии Аурики, и у меня не было резона разуверять ее в этом. Да и не кривил я душой перед ней. Ведь революция, где бы она ни происходила, есть драгоценное достояние всего человечества, язычок пламени общего костра, от

которого свет всем людям, и мы с Исабель вольно или невольно стали малыми искорками в этом огне, а одновременно его хранителями и защитниками.

Однажды она спросила меня, верю ли я в Бога.

— Конечно, — ответил я. — Как же можно без веры? Только мой Бог и твой Бог разные. Впрочем, если вникнуть в данный вопрос поглубже, то окажется, что это все один и тот же Бог.

Видимо, такой ответ вполне удовлетворил ее.

Вернувшись в столицу, я расшифровал сообщение Рудольфа. Дела у него шли неплохо. Он был определен в лабораторию по исследованию некоторых свойств высокочастотных полей. Вместе с ним работали канадец, бельгиец, норвежец, грек, итальянка и немка. Все это были парни и девушки без определенных политических взглядов, продавшие мозги с единственной целью — обеспечить себе независимое безбедное будущее. Они держались обособленно друг от друга и лишнего не болтали. Рудольф давал описание схемы расположения основных сооружений исследовательского центра. Территория его была разделена на пять секторов, соответственно пронумерованных, а посредине находился нулевой корпус — круглое плоское здание, уходившее почти всей массой своих этажей под землю. Сюда имели доступ только сотрудники из числа граждан Соединенных Штатов. В остальных секторах персонал был смешанный, но командовали повсюду американцы. Рудольф мог посещать сектор № 4, где располагалась его лаборатория. В другие зоны ходить ему запрещалось. Впрочем, последнее условие было общим для всех, работавших на объекте. Из жилого поселка до исследовательского центра и обратно сотрудников возили на автобусах. Назначение объекта «Дабл-ю-эйч» пока не просматривалось.

На основании данного сообщения и некоторых других материалов я подготовил шифровку для Центра, которую, как и все предыдущие телеграммы, заложил в один из тайников, подобранных мною еще в конце семьдесят второго года в разных районах города. В данном случае это был полый поручень тяжелой чугунной скамьи, намертво вросшей в песок приморского сквера. Через пятнадцать минут после того, как я поднялся со скамьи, на нее сел мой радист Йоахим Шнайдер. Он незаметно извлек из тайника контейнер с шифровкой и вечером того же дня выстрелил ее в эфир. Я пишу «выстрелил», потому что вся передача заняла не более одной-двух секунд. Еще через пару часов телеграмма в расшифрованном виде легла на стол Ивана Ивановича в Москве. Таким образом, между получением информации от источника и ее вручением адресату прошло менее

суток.

Указания Центра, передаваемые для меня по радио, Шнайдер закладывал в другой тайник, откуда я аккуратно их забирал. Встретиться с моим радистом мне пришлось один раз. Это было необходимо для уточнения условий связи между ним и мною.

На протяжении всего семьдесят четвертого года моя резидентура функционировала, как отлаженный и хорошо смазанный механизм. Было даже время, когда я возгордился этим созданием своего разума, которое казалось мне близким к совершенству. От неприличного зазнайства меня удерживало лишь то обстоятельство, что задание Центра по-прежнему оставалось невыполненным. Мы так и не выяснили со стопроцентной достоверностью, для чего, собственно, Соединенные Штаты затеяли всю эту гигантскую возню в каньоне Саваны, хотя на основании анализа стекавшихся ко мне сведений об объекте «Дабл ю-эйч» уже можно было делать кое-какие вполне серьезные и заслуживающие внимания выводы.

Несомненный интерес представляла добытая Рудольфом информация о тесных связях объекта «Дабл ю-эйч» с НАСА и о строительстве в пяти милях от исследовательского центра шахт для запуска баллистических ракет, при помощи которых можно было выводить на околоземную орбиту спутники весом до пятнадцати тонн. Эти шахты, как, впрочем, и все другие сооружения на дне каньона, никакая космическая разведка не могла обнаружить по той причине, что хилой энергетике Аурики удовлетворение постоянно растущих потребностей объекта в киловаттах было не по плечу, и американцы быстренько воздвигли в районе стройки собственную мощную ТЭЦ, замутившую дымом своих труб изрядный кусок неба над самым интересным местом.

На определенные размышления наводили данные о наличии в исследовательском центре большого количества медиков, особенно врачей-психиатров. Этот факт приобрел особую окраску после того, как Чурано однажды по пьяной лавочке разболтал мне, что Рохес, согласно просьбе Роджерса, отправил из Монканы на объект «Дабл ю-эйч» несколько десятков заключенных-смертников для проведения над ними каких-то опытов.

Рудольф и его коллеги работали над проблемой целенаправленного перемещения высокочастотных полей в пространстве на значительном удалении от источников энергии.

Очень скоро после прибытия на объект Рудольф встретил там бывшего однокашника из Аахенской ВТШ. Старая дружба возобновилась, чему способствовало то обстоятельство, что оба были немцами и придерживались одинаковых взглядов. От этого

приятеля Рудольф узнал о существовании в секторе № 2 еще одной лаборатории, занимавшейся высокочастотными полями. Но здесь речь шла уже о последствиях воздействия электромагнитных колебаний высокой частоты и высокочастотных полей на центральную нервную систему человека.

Одним словом, материалов для раздумий и всевозможных гипотез было предостаточно. Не хватало нескольких звеньев, которые связали бы многочисленные факты и фактики в прочную логическую цепь.

Перед наступлением нового, семьдесят пятого года Рудольф сообщил, что познакомился с девушкой-американкой из нулевого корпуса. Он не поскупился на несколько лишних десятков четырехзначных чисел, чтобы рассказать о том, какая это красивая и умная девушка. Зовут ее Энн Кэррингтон. Она математик-программист. Правда, голова у нее забита разной пацифистской шелухой, что она тщательно маскирует от окружения, но перед ним открылась, и он обещает быстро выбить из нее эту дурь и обратить ее в нашу веру. Аннхен его любит и готова для него на все. В марте они поженятся. Он просит разрешения привлечь ее к сотрудничеству с нашей организацией для получения информации по нулевому корпусу. В заключение Рудольф мельком упомянул о проектировании в секторе № 5 сверхмощных малогабаритных генераторов, которые предположительно будут приводиться в действие ядерным топливом.

Центр категорически запретил «Фанатику» расшифровываться перед невестой и порекомендовал ему получать от нее сведения о нулевом корпусе «втемную». Однако Энн Кэррингтон не торопилась делиться с женихом служебными секретами. Это свидетельствовало о том, что она действительно умна и серьезна. Ведь Рудольф, как немецкий националист, был в ее глазах потенциальным врагом Америки. Мне оставалось одно: ждать, пока Рудольф обратит свою Аннхен в «нашу» веру.

И я стал терпеливо ждать. Но в марте семьдесят пятого года моему преуспеванию пришел неожиданный и быстрый конец. Развернувшиеся события своей стремительностью напоминали вихрь, который едва не затянул меня в смертельную воронку, и то, что мне все-таки удалось благополучно унести ноги из Аурики, я в значительной степени отношу на счет случая.

Не буду утверждать, что каждый разведчик, долго и активно работающий в одной точке, неизбежно обречен на провал, но смею заявить, что это может случиться со всяким из разведчиков в любую минуту, поскольку в контрразведку, как и в разведку,

дураков не берут, а если такое и происходит иногда по недоразумению, то очень скоро дурак самым естественным образом вылущивается из секретной службы и обретает себя, как правило, в какой-либо из сфер духовной жизни общества, ибо здесь практически невозможно определить в денежном выражении ущерб, наносимый обществу тем или иным индивидом.

Я провел в Аурике более двух с половиной лет, а для контрразведчика такого класса, как Роджерс, это был вполне достаточный срок, чтобы вывести даже самого опытного и хорошо замаскированного шпиона на чистую воду. Однако, докопавшись до сути дела, советник президента по вопросам безопасности не спешил закладывать меня со всеми потрохами своему другу Рохесу и отдавать в лапы скорой на расправу ауриканской Фемиды. Как и всякий квалифицированный сотрудник секретной службы, он попытался извлечь из своей находки максимальную выгоду для себя.

Роджерс занялся моей персоной вплотную на исходе марта. Шла последняя неделя месяца, точнее, его последняя суббота. Для государственных учреждений Аурики это был обычный рабочий день. Утром я, как всегда, после завтрака совершил обход гвардейских караулов в президентском дворце и намеревался уже выйти на улицу, чтобы проверить посты внешней охраны, но тут меня окликнул Роджерс:

— Хэлло, полковник! Нет ли у вас желания сыграть со мной партию в шахматы для разминки мозгов?

Предложение американца меня нисколько не удивило. Мы и раньше встречались с ним за шахматной доской. Он играл в общем неплохо, но слишком долго обдумывал ходы, вынуждая партнера то нетерпеливо ерзать на стуле, то зевать. Мне эта медлительность и полное отсутствие азарта мало импонировали, однако Роджерс в любом случае оставался Роджерсом, и демонстративное уклонение от контактов с ним вряд ли могло принести выгоду кому бы то ни было, поэтому я весело ответил, что минут через двадцать охотно доставлю ему удовольствие обыграть меня.

— Вот и отлично, — обрадовался он. — Когда освободитесь, заходите ко мне, а я скажу мисс Мортон, чтоб приготовила нам кофе по-турецки.

В кабинете Роджерса мы уселись в кресла друг против друга за низенький круглый столик, расставили фигуры и закурили. Мне выпало играть белыми, и я сразу же пошел e2—e4. Он, как обычно, не торопился. Появилась Исабель с подносом, на котором стояли две чашечки черного кофе и два наперстка коньяка. Она

холодно поздоровалась со мной, даже чересчур холодно. Переигрывает, подумал я, надо сделать ей замечание. Роджерс двинул королевскую пешку на два поля вперед, и игра началась. Партия протекала остро, с переменным успехом, но в эндшпиле мой противник допустил грубую ошибку, подставив короля с ладьей под «вилку». Минутой позже выяснилось, что ошибка эта была преднамеренной. Она являлась одним из элементов хорошо продуманной психологической комбинации, которую я не разгадал вовремя, да и не мог разгадать. Черный король отошел в безопасное место, а мой конь скушал ладью. И тут Роджерс вдруг тихо произнес по-русски:

— Сдаюсь.

Это был хоть и затасканный, но весьма эффективный прием, известный любому профессионалу. В чуждой среде на родной язык тем или иным образом реагирует любой человек, особенно если он находится под воздействием каких-то отвлекающих факторов, и я в данном случае не составил исключения: расслабился, откинувшись на спинку кресла. Роджерс не изменил позы. Только выражение его лица из сосредоточенного сделалось ехидно-ироническим. Мгновенно осознав свой промах, я снова склонился над шахматной доской и спросил:

— Что вы сказали, мистер Роджерс?

— Объявил по-русски о моей капитуляции… Ведь в шахматы меня научили играть русские. В годы той большой войны мне не однажды приходилось вместе с англичанами сопровождать до Мурманска и Архангельска транспорты с оружием и продовольствием для России… Это был сущий ад. Немцы старались утопить нас всеми возможными способами и расстреливали в воде тонущих.

— Ого! У вас, оказывается, героическое прошлое, мистер Роджерс! Догадываюсь, что с тех пор вы недолюбливаете моих соотечественников.

— Это так. И уважаю русских, несмотря на то, что они сейчас наши враги.

— Знаете, мистер Роджерс, меня всегда удивляло ваше умение играть в шахматы лучше нормального среднего американца, но теперь я понял…

— Вы, полковник, тоже играете в эту игру лучше нормального среднего немца… В России все умеют играть в шахматы. Это у них национальная забава. Как у нас регби.

Роджерс встал, давая понять, что разминка мозгов окончена, и я удалился. Мне ничего не оставалось, как ломать голову над тем, что может означать выходка советника президента по вопросам безопасности.

Вечером я по привычке заглянул в бар и нашел там всех его завсегдатаев. Пьяный Чурано уже исполнял на полицейских свистках гимн Аурики. Роджерс, Уилсон и Бессьер кейфовали в своем любимом дальнем углу. Одно место за их столом пустовало. Это было мое место, и я уверенно занял его. Коллеги вели ленивую дискуссию по поводу того, на кой черт Отцу Отечества понадобилось награждать себя еще одним орденом Белого Кондора. Уилсон полагал, что болезненная любовь к регалиям есть атавизм дикарства, ибо именно дикари любят украшать одежду стекляшками и другими блестящими штучками. Бессьер считал, что это всего лишь свидетельство крайнего умственного убожества и нищеты духа. Роджерс соглашался с обоими.

— Это не будет способствовать росту его популярности, — заметил Уилсон.

— А разве он ею когда-либо пользовался? — хитровато осведомился Бессьер. — Нет! Так о каком же росте или падении престижа может идти речь?

— Господин президент не нуждается в любви своего народа, — сказал я. — Без этого атрибута можно обойтись, имея батальоны и доллары.

— Очень правильная мысль, — поддержал меня Роджерс. — Народ любил Альенде, а когда запахло жареным, его защищали сто кубинцев. Пиночет победил, потому что у него были эти самые батальоны и доллары.

— Во сколько же он обошелся Соединенным Штатам? — поинтересовался Уилсон.

— Одиннадцатое сентября стоило нам шестнадцать миллионов.

— Так мало?! — изумился Бессьер. — Насколько мне известно, во Вьетнаме вы оставили сто шестьдесят миллиардов, то есть в десять тысяч раз больше. Кстати, какого вы мнения о вьетнамском народе?

— Вам, очевидно, хочется уязвить меня? — спросил Роджерс спокойно. — Я помню, что французы с самого начала предсказывали нам поражение во Вьетнаме. Так знайте: ваш покорный слуга разделял точку зрения французов. К сожалению, мое правительство не всегда достаточно внимательно выслушивает прогнозы и советы своих секретных служб. Вьетнам — это далеко, дорого и не очень нужно. Другое дело Аурика. Это наша зона, и мы не отдадим коммунистам ни единой ее пяди.

— А как же Куба?

— До нее мы еще доберемся. Надеюсь, с вашей помощью, джентльмены.

— Ну какие разговоры! Разве Европа когда-нибудь подводила американских партнеров? Однако скажите, Роджерс, зачем все-таки вы посадили на место Альенде откровенного фашиста? В Старом Свете это мало кому нравится. Неужели нельзя было подобрать генерала полиберальнее?

— Мы знаем, что Пиночет сукин сын, но это наш сукин сын. Он не подведет и не продаст в самой безнадежной ситуации. А потом… Либеральных генералов в Латинской Америке убивают еще до того, как они успевают стать президентами. Взять, к примеру, Шнейдера… Но я хотел бы продолжить свою мысль в отношении роли секретных служб.

В эту минуту мне показалось, что Роджерс хочет выглядеть более захмелевшим, чем это было на самом деле.

— Я считаю, — продолжал американец, — что секретные службы не должны быть простыми поставщиками информации для правительств, которые не в состоянии в этой информации разобраться. Секретные службы укомплектованы мудрыми людьми, умеющими видеть глубже всех и дальше всех. Только эти люди в состоянии принимать единственно верные управляющие решения как во внутриполитической, так и во внешнеполитической областях, следовательно, им и должна принадлежать власть. Только при таком условии мир будет наконец избавлен от несусветной глупости проходимцев-политиков… Что вы думаете по этому поводу, уважаемые джентльмены?.. Вы пока ничего не думаете?.. Так я предлагаю провести небольшой симпозиум по затронутому вопросу. Воспользуемся тем обстоятельством, что в этом зале сейчас присутствуют представители секретных служб почти всех великих держав. Нет-нет, я не оговорился. Наш бармен работает на китайскую разведку. Он занимается здесь созданием экстремистских групп маоистского толка. Ну и пусть себе занимается. Нам от этого никакого вреда. Одна польза, ибо экстремисты компрометируют саму идею коммунизма… Мы позовем китайца к нашему столу… Не хватает лишь русского коллеги… Странно. Ведь он тоже должен быть тут!..

Роджерс вдруг прервался, в упор взглянул на меня и спросил вполне трезвым голосом:

— Послушайте, дорогой Арнольдо, а не вы ли и есть этот самый русский?

Мне почудилось, что сердце мое остановилось, но я нашел в себе силы расхохотаться. Вслед за мной захохотали Уилсон с Бессьером.

— Мистер Роджерс, — сказал я, давясь от смеха, — неужели вы полагаете, что я вот так возьму и расколюсь сразу? Вам

придется крепко поработать, прежде чем вы сумеете вывести меня на чистую воду. Действуйте! Вы контрразведчик. Вам и карты в руки.

— Ну ладно, — проворчал Роджерс, улыбнувшись, — пошутили и будет. Я предлагаю выпить за нашу мужскую компанию. За наше умение расслабляться после трудной работы!..

Приехав домой, я до утра не мог сомкнуть глаз, а утром мне предстояло отправиться на встречу со «Стеллой», ибо наступило последнее воскресенье месяца — день очередного сеанса связи с «Фанатиком».

На пути к монастырю Святой Магдалены я проверялся тщательнейшим образом, но никаких признаков слежки за собой не обнаружил. И все же ощущение надвигающейся опасности не оставляло меня. Исабель сильно запаздывала, и это ощущение еще более усилилось. Она пришла минут на сорок позже обычного, взъерошенная и встревоженная.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

— Там ничего не случилось, — ответила девушка, махнув рукой в сторону монастыря. — Просто он сигналил сегодня невероятно долго. Я боялась, что бумаги не хватит. Вот. Целых шесть страниц.

— Спасибо. Но в чем же все-таки причина твоего волнения?

— В городе за мной увязались какие-то парни на зеленом «мустанге». Они ехали впритирочку сзади.

— И ты позволила сопровождать себя до монастыря?!

— Что вы, Арнольдо! Ваши уроки не пропали даром. Я остановилась у одной из платформ электрички. Они тоже остановились. Я незаметно проколола стилетом шину на одном из колес моего автомобиля и попросила их поставить мне запаску. Когда они начали возиться с колесом, я сказала, что сбегаю в станционный буфет за пепси-колой для них, а сама вскочила в поезд и уехала сюда.

— Неплохо. Они видели, в какую сторону ты подалась?

— Нет, меня скрывал от них какой-то киоск.

— Других подозрительных машин не было?

— Был еще голубой «ситроен», но он все время держался на четверть мили впереди. Около станции у них тоже что-то случилось. Они подняли капот и ковырялись в моторе.

— А из «ситроена» могли видеть, как ты садилась в поезд?

— Пожалуй, могли.

— Давай, Исабель, посидим, отдохнем, успокоимся и подумаем, как нам быть дальше.

Мы опустились на камни друг против друга. Крутой обрыв

заслонял нас от солнца и посторонних глаз. Я пристально посмотрел на девушку. Она сидела в своей любимой позе, обхватив колени руками, прислушивалась к шороху волн и, казалось, не совсем понимала всю серьезность ситуации.

— Почему вы смотрите на меня так, Арнольдо?

— Я думаю, что женщина с твоим лицом не могла родиться в каменном веке. Да и для нашего времени ты слишком большая роскошь. Тебе следовало бы появиться на свет лет через триста. Тогда уже не будет морд, харь, рож, рыл, а будут лица, одни только лица. И города свои люди станут называть не в честь бездарных политиков, а именами гениев человечества. И любовь нельзя будет купить за деньги. Да и самих денег не будет.

— Значит, любовь останется?

— Конечно! Ибо мудрец сказал: «Высшее достижение цивилизации есть то, что мужчина научился любить женщину». Видишь, как стоит вопрос? Не будет любви — рухнет цивилизация. Значит, любовь должна остаться, как бы ни старалась современная мода ее испохабить.

— А вам, Арнольдо, следовало бы родиться всего лет на пятнадцать позже вашего настоящего дня рождения.

— Для чего?

— Тогда вы не были бы сейчас таким старым и сумели бы полюбить меня.

— Да, наверное, вышло бы по-твоему.

— До чего интересно! А какими словами вы объяснились бы мне в любви?

— Не знаю. Придумал бы что-нибудь. Ну, скажем, так: Исабель, ты — лунная дорожка на зыбкой воде, ты — облачко тумана над утренним озером, ты — капля росы на цветке горного шиповника…

— Что такое шиповник?

— Дикая роза.

— Красиво! Вы говорите, будто пришелец из иного мира. Мне таких слов ни от кого никогда не услышать.

— Ну почему же?! Во всяком случае, ты достойна того, чтобы тебе сказали такие слова… Однако довольно дурачиться, Исабель. Времени у меня в обрез. Ты поедешь в Ла Палому со мной. Боюсь отправлять тебя одну поездом. Те парни могут расквитаться с тобой за то, что ты обвела их вокруг пальца. Их служба таких вещей не прощает. Они наверняка ждут твоего появления в одной из электричек, идущих с пляжей в город.

Уже в «фольксвагене» она ни с того ни с сего спросила:

— Вы на самом деле немец, Арнольдо?

— Почему возник такой вопрос? — встревожился я.

— Роджерс сказал, что только русские разведчики не спят со своей женской агентурой.

— Когда он это говорил?!

— Вчера поздно вечером. Босс приехал пьяный, и я его отшила. Сослалась на сильную головную боль. Господи! До чего же он надоел и опротивел мне, Арнольдо! Когда уже можно будет уйти от него?!

Этого еще не хватало! Выходит, Роджерс знает или догадывается о том, что Исабель связана со мной и продолжает свою психическую атаку через нее. Он хочет, чтобы я ударился в панику и натворил глупостей. Но я не стану паниковать. Я просто исчезну. Отправлю последнюю шифровку и исчезну. Несомненно, Центр сочтет такое решение правильным. Вот только девчонку надо куда-то спрятать. Прелесть девчонка: надежный и верный товарищ. Свезу ее в безопасное место и дам деру.

— Скажи, Исабель: согласится ли аббатиса укрыть тебя от посторонних глаз месяца на три?

— Разумеется.

— Дай ключ от твоего дома. Я заеду за тобой сегодня ночью. Собери самые необходимые вещи и будь готова.

Когда мы миновали алюминиевый щит с розовой голубкой, девушка испуганно ойкнула.

— Ты что, Исабель?

— Вот же он, тот самый голубой «ситроен»!

— Плохо, Исабель! Значит они караулили тебя не только в поездах, но и у въезда в город. Сейчас нас сфотографируют, потом проводят каждого домой и, возможно, начнут пасти.

— Как это «пасти»?

— Ну, следить начнут за нами, вот что! В этой связи твой побег переносится на более поздний срок. Завтра попробую что-нибудь придумать. Роджерсу расскажешь про парней с «мустангом» все, как было. Ехала, дескать, купаться, заметила подозрительных типов, оставила им машину, а сама удрала на поезде. На пляже встретила случайно полковника Арнольдо и попросила его отвезти тебя в Ла Палому. Дрянь легенда, но ничего лучшего здесь уже не выдумаешь. Ребят из наружной разведки не бойся. В городе они тебе ничего плохого не посмеют сделать. И вообще не бойся. Пока жив, в обиду тебя не дам.

Высадив девушку у ее особняка, я поехал домой. За мной потянулся «хвост». Я не стал уходить от преследования. В этом не было смысла. Все равно они уже успели меня щелкнуть. Кроме того, мне до поры до времени было выгодно, чтобы они думали, будто я их не вижу.

Благополучно достигнув своей виллы, я заперся в комнате с

камином и начал расшифровывать сообщение «Фанатика», которое было невероятно сумбурным, но архиинтересным, ибо содержало в себе именно то, ради чего я прибыл в Аурику. Эта работа увлекла меня и заставила на время забыть, что я нахожусь на грани катастрофы.

Рудольф, как и было им задумано, женился на Энн Кэррингтон, и последняя все-таки в конце концов рассказала любимому супругу, для чего построен и продолжает расстраиваться таинственный научно-исследовательский центр «Дабл ю-эйч».

Если бы из сообщения можно было выкинуть эмоции и другие ненужности да еще сжать все разбросанные в нем полезные сведения в один тугой комок, то получилось бы примерно следующее:

1. Соединенные Штаты разрабатывают тактические и стратегические виды оружия, в основе которого лежит свойство высокочастотных полей оказывать растормаживающее и возбуждающее действие на некоторые участки коры головного мозга человека, на его центральную нервную систему. При этом основной упор делается на растормаживание и чудовищной силы, полностью затмевающее рассудок возбуждение разного рода низменных инстинктов, в первую очередь таких, как инстинкты подкарауливания, преследования, хватания, присвоения и сокрытия добычи. Иными словами, речь идет о всевозможных проявлениях частнособственнического инстинкта. Тактическое оружие предназначается для бескровного прорыва линий обороны противника, в том числе его государственных границ, а также для подавления мелких очагов сопротивления. Применение стратегического оружия должно привести к полнейшей деморализации населения и хаосу в крупнейших административных и промышленных центрах враждебных или не желающих подчиниться воле США стран. Здесь планируется использовать искусственные спутники. Соединенные Штаты считают новый вид оружия наигуманнейшим, так как он обеспечивает ведение войн с минимальным количеством человеческих жертв.

2. Соединенные Штаты тщательно скрывают от своих партнеров по НАТО стратегические возможности нового оружия.

3. Работы по созданию нового оружия предполагается завершить к 1985 году, то есть через 10 лет.

4. Кодовое название объекта «Дабл ю-эйч» происходит от начальных букв английских слов «world» и «hegemony», которые означают, будучи прочитанными вместе, — «гегемония в мире» или же «мировое господство».

Дойдя до этого места, я зажмурился и откинулся в кресле. Так вот оно что! Немецкие врачи-фашисты, проводившие опыты над узниками концлагерей, в сравнении с американскими последователями были просто жалкими кустарями.

Я попробовал представить, как гигантские летающие тарелки зависают над столицей и другими городами энского государства и как по команде далекого центра управления включается аппаратура, начиняющая искусственные спутники. И тотчас же министр обороны, мирно беседовавший до этого с министром иностранных дел, со звериным рыком бросается на коллегу, чтобы завладеть его перочинным ножичком, а секретарши обоих министров, визжа, начинают стягивать друг с друга колготки. Министр полиции с пистолетом в руке гоняется по саду за министром общественной безопасности и требует, чтобы последний убирался со своего дачного участка и больше никогда не считал его своим. Обуреваемые скотской жадностью люди, смешавшись с блюстителями порядка, громят и грабят магазины и склады. Бросившие оружие солдаты стаскивают сапоги с офицеров. Гаснет свет. Останавливается транспорт. Замирают предприятия. Возникают пожары. И повсюду — драки, драки, драки из-за вещей. А в это время вражеский десант сыплется на города и занимает их без единого выстрела. Через несколько часов летающие тарелки переводятся на новые орбиты, и пришедшая в себя страна с ужасом обнаруживает, что она утратила не только независимость, но даже свое древнее название, став провинцией Соединенных Штатов.

Я снова склонился над листками «Стеллы», завершая расшифровку последнего из них. Конец сообщения меня поразил. Вместо обычного «Хайль Гитлер!» Рудольф просигналил: «Арнольд, ради Бога сделай так, чтобы эти свиньи не смогли осуществить своего адского замысла! Я по-прежнему люблю Германию и считаю тебя другом на всю жизнь. Но мне кажется, мы не во всем правы. Очень хотелось бы встретиться и поговорить. Еще хотелось бы, чтобы ты познакомился с Анной. К сожалению, это невозможно. Прощай».

Помнится, Рудольф грозился прочистить мозги невесте. А вышло наоборот: она прочистила мозги ему. Молодец девка! Умница! Тут я вспомнил, что в последних сообщениях «Фанатика» неофашистская фразеология почти перестала мозолить мне глаза. Значит, вся эта дрянь постепенно вытряхнулась из него. Но чему я, собственно, радуюсь? Ведь смена взглядов и настроений «Фанатика» создает определенные трудности в дальнейшей работе с ним. Да и положение мое аховое. Готовить шифровку для Центра и тащить ее в тайник, находясь под слежкой, было бы

безумием.

Я несколько раз медленно прочел лежавшие передо мной записи, затем отнес их к камину и поджег. Последней в огонь полетела «бэцэтка» с гороскопом. Теперь моя голова стоила дороже всего золота Аурики, и нужно было во что бы то ни стало сохранить ее в целости. Тщательно перемешав кочергой пепел, я вышел на улицу и не спеша двинулся в район порта.

Сомнений не было! За мной велось наблюдение и очень плотное, несколькими бригадами. Однако по их почерку я понял, что это не охранка Рохеса. Следовательно, Роджерс пока не посвятил моего шефа в свои дела. Ну что ж. И на том спасибо.

У третьей от входа в приморский сквер пальмы я задержался, сделав вид, что рассматриваю афиши на тумбе. Постояв немного, прислонившись спиной к дереву, двинулся дальше. На коричневом стволе в метре от земли остался крошечный кусочек коричневого пластилина. Это был сигнал опасности для моего радиста Йоахима Шнайдера. Чтоб не подходил к тайнику и подготовился к возможной эвакуации.

Поболтавшись еще полчаса по городу, я вернулся на свою виллу, принял сильное снотворное, разделся и повалился в постель.

В понедельник утром мой шофер, как всегда, отвез меня на «ягуаре» к парадным воротам президентского дворца. Ребята Роджерса сопровождали мой автомобиль, следуя на почтительном удалении.

Совершая привычный обход караулов, я обрел прежнее спокойствие. Ведь у меня под руками была почти тысяча хорошо вооруженных, опытных и послушных каждому моему слову солдат. Здесь я еще кое-что значил. И тут в голову мне пришла сумасшедшая идея: посадить на машины роту гвардейцев, прихватить с собой Исабель и рвануть из города к Панамериканской магистрали, а по ней — к границе, перестреляв предварительно гоняющихся за мной контрразведчиков.

Но никто иной, как Исабель, помешала осуществлению этой идеи. Догнав меня в одном из безлюдных дворцовых переходов, она вложила в мою руку записку, приостановилась на мгновение и скороговоркой произнесла чуть слышно:

— Прочтите немедленно. Очень важно. Жду вас сегодня ночью.

Я развернул бумажку и пробежал глазами написанное. Это была копия запроса, адресованного Роджерсом в европейский филиал ЦРУ во Франкфурте-на-Майне. Документ имел самое прямое отношение ко мне.

«Дорогой мистер Кэйси! — писал американец. — Будучи

лично знаком с Вами, смею позволить себе обратиться к Вам с просьбой, исполнение которой не терпит отлагательства. Дело в том, что у меня возникла срочная необходимость проверить одного парня. Его зовут Арнольд Фогт, он родился 24.03.34 г. в Зальцштадте; по его словам, в 50-х годах изучал германистику в Геттингене, затем якобы преподавал немецкий язык в различных учебных заведениях и частных домах, воевал в Намибии и прочее. В настоящее время носит в кармане паспорт гражданина ЮАР. Этот человек обладает недюжинными способностями. Прибыв сюда летом 1972 года, он за несколько месяцев дослужился от лейтенанта легионеров до начальника президентской гвардии и приобрел значительное влияние в кругах, близких к президенту. Некоторые моменты в его биографии и поведении кажутся мне подозрительными. Он не имеет ни семьи, ни любовницы, объясняя свое одиночество тем, что после нескольких лет работы в женском пансионе бабы ему опротивели. Он блестяще образован, но его эрудиция несколько старомодна: по содержанию своих знаний он близок к выпускнику католического колледжа или старого русского университета. Он воздерживается от резких высказываний в адрес Мендосы, в то время как все проживающие здесь иностранцы не стесняются поносить Отца Отечества почем зря. Меня удивляет также то, что он с его умом и умением обзаводиться связями до 38 лет не удосужился сколотить себе приличного капитала. В силу вышеизложенных соображений я попросил бы Вас поднять университетские архивы в Геттингене и разыскать там все, что касается Фогта и его родственников. Если есть фото, то вышлите и его. Не забудьте образец почерка. Примите уверения в моем глубочайшем уважении. Заранее благодарный Вам Роджерс. Ла Палома. 31 марта 1975 года».

Внизу Исабель сделала приписку: «Это письмо будет отправлено в Европу сегодня с дипломатической почтой. За мной и моим домом следят. Я все рассказала шефу, как Вы советовали. Он был со мной ласков, успокаивал, говорил, что это меня по его распоряжению охраняют от бандитов и коммунистов, которых полно в городе, и что я должна относиться к этому с пониманием. Машину мне вернули».

Я изорвал бумажку в мелкие клочья и утопил их в солдатском нужнике, который, по всей вероятности, не был оборудован скрытой телевизионной аппаратурой. А вообще-то с этим не стоило торопиться, так как идея Роджерса ознакомить меня с письмом мистеру Кэйси через Исабель просматривалась достаточно четко. Не диктуют без определенного умысла секретаршам, подозреваемым в шпионаже, подобных писем. А

Исабель тоже хороша! Не могла сообразить, в чем дело, тем более, что прежде ее босс никогда не доверял ей таких тайн. Побежала сразу же ко мне! Впрочем, я хотел от девчонки слишком многого.

Так для чего все-таки Роджерс сочинил свою писулю? Может быть, он хотел сказать: «Послушай, Арнольдо, оставь мне Исабель и убирайся из Аурики к чертовой бабушке, пока не поздно. Я даю тебе пару дней на сборы». А может быть… Во всяком случае, он, кажется, не намерен арестовать меня сегодня, и потому мне следует воздержаться от необдуманных поступков.

Я около часа бродил по лестницам и коридорам дворца, стараясь разгадать шараду, предложенную мне американцем, а в 11.00 меня вызвал Рохес.

— Сегодня нам предстоит здорово потрудиться, полковник, — объявил он. — В 16.00 состоится церемония награждения господина президента орденом Белого Кондора. Приглашены иностранные дипломаты и масса репортеров. Так что потрудитесь распорядиться в части, вас касающейся.

Я вытянулся и щелкнул каблуками.

— Слушаюсь, Exzelenz!

— Это еще не все, — продолжал министр. — В 19.00 в «Тропикане» начнется большой банкет, где будут все участники церемонии с супругами. Безопасность мероприятия обеспечивается моими сотрудниками и морскими пехотинцами, которых любезно предоставил в наше распоряжение мистер Роджерс.

— Поедет ли на бал господин президент?

— Нет. Он слишком слаб.

— Значит, я остаюсь во дворце?

— Отнюдь. Вы тоже приглашены в «Тропикану». Можете веселиться вдоволь. Но это уже во-вторых. А во-первых, перед началом банкета я проведу в конференц-зале отеля короткую пресс-конференцию, где вам надлежит выступить перед ауриканскими и иностранными журналистами.

Мое изумление было неподдельным.

— Мне?! Перед журналистами?!

Генерал осклабился.

— Как там говаривал весьма уважаемый мною доктор Геббельс? Ложь должна быть чудовищной, чтобы в нее поверили?

— Так.

— Вот вы и расскажете прессе, что сегодня утром ваши гвардейцы задержали на площади Свободы у ворот президентского дворца подозрительного человека с кейсом, напичканным взрывчаткой. Этот человек был допрошен лично

вами и показал…

Генерал умолк и забарабанил пальцами по столу.

— Что же он показал?

— Протокол допроса еще не готов. Вы получите его в «Тропикане».

— Exzelenz, давать подобные интервью — функция министерства общественной безопасности.

— Ха-ха-ха! Да кто ж мне поверит? Скажут: Рохес снова сочинил утку. А вы иностранец, лицо нейтральное. Пресса вас не знает. Поэтому сыграйте роль этакого честного простака, солдафона-служаки.

— Хорошо, Exzelenz. Если это нужно…

— Очень нужно! Итак, будем считать, что мы договорились. Вы свободны, полковник.

Я отдал Рохесу честь и покинул его кабинет. Дьявол с ним! Наверное, он хочет с моей помощью нагадить кому-либо из своих политических противников. Что ж, сделаю ему такое одолжение. Меня от этого не убудет. А с бала, возможно, удастся незаметно исчезнуть.

Мой шофер привез меня к «Тропикане» в 17.45. Взяв у него ключи от «ягуара», я велел ему отправляться домой. Роджерсовы ребята припарковались чуть поодаль и проводили меня до входа в отель.

Когда я вошел в небольшой — человек на пятьдесят — конференц-зал гостиницы, там уже было полно журналистов, шумных, развязных, увешанных техникой. В 17.55 за стол президиума сели Рохес и Роджерс. Мой шеф указал мне на кресло рядом с ним. Исабель, которая должна была исполнять роль переводчицы, и стенографистка устроились за отдельными столиками. Министр положил передо мной тощенькую синюю папку и пробурчал, что это и есть мое выступление.

При беглом ознакомлении с содержимым папки я обомлел, ибо документ, лежавший в ней, явился для меня страшной, ошеломляющей неожиданностью.

Получалось, что подозрительный тип, задержанный моими гвардейцами, нес в своем кейсе взрывчатку советского производства, которая была предназначена для физического уничтожения Отца Отечества. Кроме того, задержанный якобы показал, что Советский Союз только за последние месяцы передал антиправительственным силам Аурики оружия и боеприпасов на сумму, превышающую 150 миллионов долларов. Все это доставляется в страну подводными лодками, а также тяжелыми транспортными самолетами с Кубы.

Мозг мой лихорадочно заработал. Проклятый Роджерс! Это,

несомненно, его затея! Рохес бы до такого не додумался, хотя дезинформация подобного рода выгодна им обоим. Должны же они каким-то образом оправдаться перед своими хозяевами за тяжелые потери, понесенные правительственными войсками Аурики в период мартовского наступления революционной армии, спустившейся с гор и медленно, но неуклонно продвигающейся к столице, за дерзкие вылазки партизан, чьи отряды появились даже в окрестностях Монканы и объекта «Дабл ю-эйч». Роджерсу же мое выступление на пресс-конференции выгодно вдвойне. Для него оно будет финалом задуманной в отношении меня оперативной комбинации. Что я должен делать? Огласить документ, лежащий в папке, значит, нанести серьезный политический ущерб своей Родине, то есть совершить акт предательства. Не оглашать его — самоубийство. И все-таки выход, хоть и не лучший, имеется. Рохес сам бросил мне утром спасительную веревочку. Ведь он же посоветовал мне сыграть дурака. Вот я и притворюсь дураком. Репортеров это не удивит. Дурак в руководящей позиции в условиях тоталитарного режима — норма.

В 18.00 Рохес поднялся и одернул и без того туго обтягивавший его тучную фигуру мундир. В зале мгновенно воцарилась тишина.

— Леди и джентльмены, — сказал министр, — позвольте представить вам полковника Арнольдо, начальника личной гвардии президента республики.

Тут я тоже встал и слегка поклонился.

— Полковник Арнольдо, — продолжал мой шеф, — известен как человек исключительной храбрости и честности, неоднократно доказавший делом свою преданность идеалам свободного мира. Сейчас он огласит информацию чрезвычайной важности, после чего вы можете задать ему любые вопросы.

Генерал сел, а я остался стоять. Кажется, мне еще никогда в жизни не было так одиноко.

В этот миг последний луч закатного солнца проник через окно в зал и упал на мою грудь. Орден Белого Кондора мгновенно вспыхнул всеми бриллиантами. Длинные тонкие пронзительно яркие световые стрелы полетели от него расходящимся пучком, заставив некоторых представителей прессы прищурить глаза. Собираясь с мыслями, я сделал машинальное движение рукой, которое можно было расценить как попытку поймать в ладонь эти сверкающие иглы. По залу прокатился смешок.

— Вот как было дело, — начал я. — Приводят ко мне сегодня утром мои солдаты человека с чемоданчиком, которого они задержали на площади перед дворцом. Подозрительный, надо

сказать, тип. Одежда мятая, грязная. Лицо желтое, небритое. Глаза блестят, как стеклянные. Похож на пропойцу, но алкоголем от него не пахнет, а разит мочой. «Ты кто?» — спрашиваю. — «Марксист Диего Алонсо по прозвищу Вонючий Пес», — отвечает он». — «Что в кейсе?» — «Динамит, — говорит. — Прямиком из Москвы. Имею задание взорвать Мендосу и его министров ко всем чертям». — «Открывай чемодан!» — «Не буду. Взлетим под самое солнышко». — «Дайте ему пару добрых затрещин, — приказываю я солдатам, — а потом отведите в дальний конец парка, что за дворцом. Пусть там откроет свою коробку. Да не забудьте отойти от него подальше. Однако держите собаку под прицелом, не то сбежит. Перелезет через ограду — и поминай, как звали». Ну, пошли они в парк, а я следом. По дороге марксист орет, что, дескать, его друзья — партизаны получили от русских танков, ракет и другого оружия на сто пятьдесят миллионов долларов и что скоро всем нам крышка. Это оружие русские вроде бы перевезли в Аурику подводными лодками и самолетами с Кубы. «А ты не врешь? — спрашиваю я. — Возить боевую технику и оружие за тысячи миль таким способом — слишком дорогое удовольствие, компрометирующее к тому же поставщиков. Не проще было бы русским ссудить красных деньгами, а те бы уж сами купили через посредников все, что им нужно, в соседних странах или еще где-нибудь? Сейчас оружия по всему свету — куры не клюют. Только плати». — «Может, и вру, — кричит он, — а все равно вам всем скоро крышка!» Открывает чемодан — никакого взрыва. Подхожу, смотрю — там пакет с белым порошком.

— Героин? — предположил один из журналистов.

— Не знаю, никогда не курил наркотиков.

— Скажите, полковник, в каких кругах Диего Алонсо мог получить псевдоним «Вонючий Пес»?

— Полагаю, это его партийная кличка у коммунистов.

Пресса, до сих пор улыбавшаяся и хихикавшая, откровенно заржала.

— Какова участь задержанного?

— Я велел своим гвардейцам вздуть его покрепче и передать в министерство общественной безопасности. Больше ничего о нем не знаю. Спасибо за внимание.

Опустившись в кресло, я осмотрелся. Рядом со мной яростно сопел Рохес. Роджерс смотрел на меня со злорадным торжеством, во взгляде Исабель можно было прочесть сострадание и страх.

— Вопрос господину министру: что показал анализ порошка, обнаруженного в кейсе Диего Алонсо?

— Заключение экспертов еще не готово, — прорычал Рохес.

— Не является ли Диего Алонсо наркоманом или невменяемым?

— Специалисты прорабатывают эти версии. Объявляю пресс-конференцию закрытой.

Репортеры, оживленно дискутируя, потекли из конференц-зала в главный ресторан «Тропиканы», где уже были накрыты столы а ля фурше для всех приглашенных на банкет. Президиум последовал за ними. Рохес обронил на ходу тоном, не предвещавшим ничего хорошего:

— Завтра утром явитесь ко мне, полковник!

— Слушаюсь, Exzelenz! — грустно ответил я. В ресторане никто не обращал на меня внимания. Все активно занялись утолением голода и жажды. Воспользовавшись этим, я незаметно выскользнул в холл, а затем во внутренний двор отеля, откуда можно было служебными ходами пройти в парк. Однако в парке меня поджидали ребята Роджерса.

— Хэлло, полковник! — услышал я за спиной голос американца. — На мой взгляд, вы уже вполне созрели для серьезного разговора со мной.

— Общение с вами, мистер Роджерс, всегда доставляло мне огромное интеллектуальное наслаждение.

— Куда пойдем?

— Да хотя бы вон в ту беседку у большого фонтана.

— Согласен.

Это была та самая беседка, где мне не раз доводилось выпивать с приятелем — адъютантом Рохеса. Я предложил ее потому, что там имелся телефон, который при определенных условиях мог стать моим спасителем.

Вечерело. Плафоны фонарей уже матово светились в темной зелени. Вспыхнули прожекторы, скрестив лучи над помостами для танцовщиц. Ласковая тягучая мелодия танго, медленно колыхаясь, расплывалась по парку.

Роджерс приказал своим агентам не отходить от беседки дальше, чем на десять шагов, позвал кельнера и заказал легкий ужин.

— Что будут пить сеньоры?

— Я бы не возражал против коньяка.

— А мне принесите виски с содовой.

Подкрепившись, американец наполнил бокалы и предложил осушить их за мирное сосуществование двух систем с различным общественным строем.

— Это любимый тост наших бывших русских союзников, — съехидничал он.

— Почему же не выпить за столь гуманную идею, — ответил

я.

Роджерс подчеркнуто резко, со стуком припечатал пустую рюмку к столику, будто хотел поставить большую точку перед началом новой фразы.

— Перейдем к деловой части нашей встречи, полковник, — сказал он сухо. — Надеюсь, то, что вы сейчас услышите, не приведет вас в обморочное состояние, поскольку за последние дни я неплохо подготовил вашу нервную систему к сегодняшнему разговору.

— Благодарю вас, мистер Роджерс, вы потрудились на славу.

— Итак, полковник, вы — не Арнольд Фогт. Вы не учились в Геттингене. Вы не воевали в Намибии. Вы даже не немец. Вы офицер русской разведки, а ваш южноафриканский паспорт — безупречно изготовленная липа. Ваш двойник, сын оберлейтенанта Фогта, погиб в сорок пятом во время бомбежки. Ему было тогда одиннадцать лет.

— Как вам удалось дойти до всего этого, мистер Роджерс?

— Сочетание индуктивного и дедуктивного методов. Я рассуждал так: противник рано или поздно должен направить своего разведчика в район объекта «Дабл ю-эйч». Это постулат. Ничего иного просто не может быть. А раз есть разведчик, значит, остается только найти его. Когда вы появились во дворце, я довольно скоро обратил на вас внимание. Знаете, что вас выдало? Ваше лицо. У вас лицо порядочного человека. Человек с таким лицом не пойдет по своей воле к подножию трона. У врат власти подвизаются люди с подлыми физиономиями… Остальное изложено в том письме, копию которого вам передала утром мисс Мортон… Ну, были, конечно, рутинные запросы в Европу и Африку. Их исполнение потребовало немало времени. Меня, правда, несколько сбила с толку ваша попытка разыскать могилу отца в России. Но и эту загадку я разгадал.

Тут он покопался в карманах пиджака и выбросил на столик фото, запечатлевшее Исабель в момент передачи мне пресловутого письма. Снимок вышел очень четким. Повертев его в руках, я сделал Роджерсу заслуженный комплимент:

— Ход с письмом был очень сильным. Как шахматист я поставил бы здесь два восклицательных знака. Ведь вы провели не только неопытную девчонку. Вам и меня удалось провести. Не будь этого письма, я еще до обеда попытался бы удрать из Ла Паломы.

— Приятно, когда оперативная комбинация осуществляется в соответствии с задуманным планом.

— А каким образом вам удалось засечь контакты мисс Мортон со мной, если не секрет?

— Сейчас это уже не секрет. На одном из приемов в начале марта я случайно перехватил пару взглядов, которые моя малютка подарила вам, полковник. О! Если бы она когда-либо подарила хотя бы один подобный взгляд мне, я сделал бы ее королевой на одном из островов Полинезии.

— И она была бы красивейшей королевой мира!

— Согласен… Я заподозрил неладное и потряс как следует ее экономку. В конце концов та рассказала о вашем странном ночном визите на виллу мисс Мортон, почему-то не зафиксированном подслушивающей аппаратурой. Я установил за девчонкой слежку, которую она и обнаружила вчера во время поездки на встречу с вами. Чертовка обманула моих парней, но когда вы вместе возвращались в город, им все-таки удалось перехватить вас.

Роджерс положил передо мной еще несколько фотографий.

— Можно взять снимки на память?

— Бог мой! Да о чем речь! Конечно, берите. У меня ведь остаются негативы… Однако мы подошли к эндшпилю, полковник. Каким, по вашему мнению, будет мой следующий ход?

— Вы станете предлагать мне сотрудничество. Надо открыть вам всех моих людей, а также способы поддержания связи с Центром и продолжить работу, но уже под вашим контролем. Вы намерены использовать меня для продвижения в Москву дезинформации по объекту «Дабл ю-эйч». Так примерно?

— Не примерно, а именно так. Кстати, серьезная дезинформация не такая уж плохая штука. Ведь чтобы в нее поверили, она должна содержать до восьмидесяти процентов правды. Столько правды об интересующем Москву объекте вам не даст никто, кроме меня. Посему не воображайте, что, соглашаясь на сотрудничество со мной, вы делаете мне одолжение. Это я делаю вам огромное одолжение. Если бы вами занялся Рохес, то вы прошли бы по статье об импорте революции. Шум, треск, скандальный процесс по поводу подрывной деятельности Советов — и гнить вам до победы коммунизма в мировом масштабе, то есть до скончания века, в Монкане, если не хуже… А знаете, что мне больше всего импонирует в вашем поведении? Вы не пытаетесь жечь мои нервные клетки цитатами из марксистских талмудов: капитализм обречен, победа революции неизбежна и тому подобное. Я и без вас знаю, что на Земле ничто не вечно. Но я знаю и то, что капитализма хватит еще на моих внуков и правнуков… Да и что такое в конце концов вы или я? Что значит в этом мире любой из нас? Человечество и человек склонны укрупнять и драматизировать свои место и предназначение во

Вселенной. Между тем, эти место и предназначение ничуть не крупнее и не драматичнее, чем те же понятия в применении к такой особи, как вошь. Все мы во власти ситуации данного мгновения и должны поступать в соответствии с ней, покоряться ей, этой ситуации. Может быть, ваши идеи и восторжествуют повсеместно где-нибудь в двадцать третьем столетии, но сегодня, в данную конкретную минуту, под данной конкретной пальмой, вы, данный конкретный индивидуум, проиграли и мудро признаете это…

— Что вы сделаете с Исабель? — перебил я Роджерса.

— Девчонка меня предала и будет наказана.

В жизни моей я видел много фильмов о наших разведчиках. Надо сказать, что киношный разведчик прошлого в корне отличается от своего нынешнего собрата по профессии. Если первый, попав в ловушку врага, молчит, как скала, и героически гибнет, то второй, оказавшись в аналогичной ситуации, затевает такую хитроумную интеллектуальную игру с противником, что уже и не поймешь, кто кого завербовал и кто чей агент. Но все же в итоге наш разведчик, мягко улыбаясь, переигрывает вражеского контрразведчика, заставляет его работать на себя и благополучно возвращается к руководству и жене, напичканный наисекретнейшими сведениями о стратегических замыслах неприятеля. К сожалению, в жизни такого не бывает, потому что, как я уже сказал выше, в контрразведку дураков тоже не берут. В жизни все проще и жестче: только «да» или только «нет». Мой начальник Иван Иванович говаривал: «Нельзя стать предателем на четверть или наполовину. Предателем можно стать только на все сто процентов». И фактов, опровергающих эти слова, я не знаю. Однако в тот вечер, когда меня вербовал Роджерс, мне вспомнились не киношные разведчики и не начальник. Мне вспомнился Рудольф Иванович Абель, который беседовал с нами в период моей службы в ГДР. Это был живой, сухощавый, среднего роста старик с седой щеточкой усов. Его доброжелательность, доступность, словоохотливость, остроумие, эрудиция магнитом притягивали молодежь. Кто-то удосужился спросить у него, не приходила ли ему в голову мысль о возможности вступления в компромисс с противником, когда он был арестован в США. Абеля этот вопрос, по-видимому, оскорбил. Он весь подобрался, посуровел и ответил спрашивавшему кратко и резко: «Нет, не приходила». Вот и мне мысль о возможности компромисса с Роджерсом тоже не пришла на ум, хотя я и очутился в шкуре зафлаженного волка. Положение мое было очень сложным, но считать его совершенно безнадежным не следовало. Между тем, американец уже видел во мне свой

военный трофей и потому несколько расслабился, позабыв о том, что я пока еще не в наручниках. Из его болтовни явствовало, что он ничего не знает ни о «Фанатике», ни о монастыре Святой Магдалены, ни даже о том, где искать моего радиста. Значит, мне надлежало спасать лишь двоих: себя и «Стеллу». Я делал вид, что поддаюсь, бил по аутам, тянул время, дожидаясь конца официальной части банкета в «Тропикане», когда отель покинут высокопоставленные лица и в ресторане останутся лишь любители пожрать и выпить за казенный счет. Тогда вернутся в казармы морские пехотинцы и оставят свои посты сотрудники рохесовой службы безопасности. Соотношение сил станет более благоприятным для меня…

— Ну, хорошо, мистер Роджерс, — сказал я. — Допустим, мы с вами поладили. А как же быть с моим сегодняшним интервью?

— Вы боитесь, что Рохес спустит с вас шкуру за пресс-конференцию, превращенную в фарс? Чепуха! Я это завтра же улажу. Скажу министру, что вы повели себя так согласно моим рекомендациям. В последний момент была получена депеша из Вашингтона, предписывавшая не допускать резких антирусских выпадов в связи с якобы планируемой встречей на высшем уровне. Не обострять обстановки. Министра я об этом не успел проинформировать. А вот вам шепнул пару слов. Подходит?

— Вполне.

— Более того. Я буду ходатайствовать о производстве вас в генералы. Ни президент, ни Рохес не посмеют отказать мне. А когда Москва сочтет нужным отозвать вас, вы можете остаться здесь навсегда. Быть генералом везде хорошо. Даже в такой паскудной стране, как Аурика. Да и в Соединенных Штатах перед вами будут открыты все двери. Мои друзья — это друзья Соединенных Штатов.

— Вы нарисовали весьма радужную перспективу для меня, мистер Роджерс. За все это просто нельзя не выпить.

Мы наполнили рюмки.

— Она вылитая Исабель.

На помосте против входа в нашу беседку в перекрещенных лучах прожекторов беззвучно извивалась почти нагая мулатка. На нее я и обратил внимание Роджерса. Он обернулся и стал разглядывать танцовщицу. Я быстро достал из кармана кителя маленькую металлическую капсулу, открыл ее, выкатил на ладонь два желтых шарика и, помедлив мгновение, бросил один из них в бокал американца. Таблетка моментально исчезла, превратившись в пузырьковую пыль.

— Нет, — пробрюзжал Роджерс, приняв прежнюю позу, — ничего похожего. Впрочем, все бабы, если их раздеть, одинаковы.

Индивидуальность им придают наряды и прически.

Мы выпили.

— Осталась одна мелочишка, полковник, и на сегодня хватит. Вот вам мой блокнот и ручка. Напишите на этой странице ваши настоящие звание, фамилию и имя, а также установочные данные находящейся у вас на связи агентуры и радиста.

Он положил передо мной открытую записную книжку и ручку.

— Вы забыли об одном пустяке, мистер Роджерс.

— Да? Что же это за пустяк?

— Я родился в год Собаки, а люди, родившиеся в год Собаки, честны, верны и пользуются доверием товарищей, так как умеют хранить чужие тайны. То, что они справедливы и остроумны, к делу относится лишь косвенным образом.

— Как вас понимать, полковник? Вы решили затеять торг? Подороже продать себя? Да в своем ли вы уме? Ох, что это со мной? Голова… Мне плохо. Позовите моих людей. Я чувствую…

— Вы чувствуете то же самое, что чувствовали перед тем, как впасть в забытье, все люди, отравленные по вашему указанию вот этим, мистер Роджерс!

Я поднес к его лицу желтую таблетку. Глаза американца расширились от ужаса и тут же закрылись. Он потерял сознание и повалился грудью и головой на стол, опрокинув бокалы и недопитые бутылки. Коньяк и виски, слившись в коричневую лужицу, быстро растеклись по пластиковой плоскости и жидкими струйками окропили землю. Я выхватил из алкогольного мини-потопа блокнот Роджерса, отряхнул его, сунул в карман, подошел к телефону и набрал номер дежурного офицера гвардии.

— Алло! Полковник Арнольдо у аппарата. Вы узнаете меня, капитан Хьюз?

— Да, мой полковник!

— Вторую роту немедленно — на грузовики и к «Тропикане»! Я в зеленой беседке у большого фонтана. Все!

— Слушаюсь, мой полковник!

До прибытия роты оставалось минут двадцать. Я боялся, что роджерсовы соглядатаи, завидев моих солдат, разбегутся и поднимут тревогу. Этого нельзя было допускать. Через четверть часа после звонка дежурному я, изображая пьяного, выбрался из беседки, постоял немного, осмотрелся и крикнул шатавшимся вблизи филерам:

— Эй, ребята! Ну-ка подойдите все ко мне!

Они приблизились и окружили меня полукольцом. Их было восемь.

— Ваш босс несколько приустал. Извольте убедиться сами!

Они гурьбой ввалились в беседку вместе со мной. Их старший заподозрил неладное, но, удостоверившись в том, что Роджерс жив и всего-навсего уснул, распорядился:

— Двое отвезут хозяина домой, остальные проводят полковника на его виллу.

— Вам не велено оставлять меня без присмотра?

— Да, сэр.

— Прекрасно! В таком случае приглашаю вас в мой замок! Выпить и закусить у меня найдется.

— Нам запрещено пить с объектами наблюдения.

— Ну и бедолаги же вы! Ладно! Я прикажу вынести вам еду и выпивку на улицу. Впереди ночь.

— Благодарю вас, сэр!

Я поковылял в сторону парковки, где стояли их и моя машины. Они молча шли следом. Колонна крытых военных автофургонов ворвалась прямо на главную аллею парка. Солдаты с автоматами посыпались на землю, не дожидаясь, пока грузовики остановятся. Командир роты подбежал ко мне с рапортом.

— Отставить рапорт! — оборвал его я. — Немедленно арестуйте вот этих! Всех! В подвал их, на нашу гауптвахту! Если будут орать, что они служат у мистера Роджерса, наподдайте им, как следует, чтоб не врали. При попытках оказать сопротивление — стреляйте! Это опасные заговорщики и террористы. Утром передадим их в министерство общественной безопасности… Блокируйте гостиницу, стоянку машин и выходы из парка! Отключите отель от городской телефонной сети! Ни одна душа не должна выскользнуть из «Тропиканы» до наступления полуночи… Там, в беседке, спит мистер Роджерс. Надо отвезти его домой и уложить в постель. Я с десятком солдат отправлюсь в город. Если до 24.00 здесь ничего экстраординарного не произойдет, можете возвращаться в казармы.

Я сел за руль «ягуара» и выехал на шоссе. За мной катил грузовик с гвардейцами.

У особняка, где жила Исабель, солдаты по моему распоряжению загребли и побросали в кузов трех роджерсовых шпиков, которые также были увезены на гауптвахту. Я отпер дверь дома и знакомым путем прошел в спальню девушки мимо шарахнувшейся в темноту экономки. Исабель, одетая, посапывала, свернувшись калачиком в кресле. Рядом, на полу, стояла небольшая дорожная сумка. Отключив технику подслушивания, я разрешил себе несколько секунд полюбоваться спящей, затем наклонился и легонько потрепал ее за мочку уха. Исабель мгновенно очнулась от сна, села, зевнула и спросила

безмятежно:

— Что, пора уходить, Арнольдо?

— Да, девочка, это самый подходящий момент для того, чтобы унести ноги. Ты готова?

— Конечно. Старуха видела вас?

— Видела. Но вряд ли ей удастся дозвониться сейчас до Роджерса. Пойдем!

Мы отъехали километра полтора от ее дома, и я затормозил у телефонной будки. Набрав номер Йоахима Шнайдера, сказал в трубку:

— Алло! Судно зафрахтовано и уходит на рассвете. Пожелай мне попутного ветра, дружище!

Это означало, что я провалился, перешел на нелегальное положение и намерен в ближайшее время покинуть Аурику. Ему же, Шнайдеру, ничего не угрожает, и он может оставаться в Ла Паломе.

— Вы ошиблись номером, — ответили мне. — Набирайте цифры повнимательнее.

Мой сигнал был принят. Я устроился поудобнее за рулем и, прежде чем повернуть ключ зажигания, предупредил свою спутницу:

— Ну, теперь держись, Исабель! Езда будет быстрая!

«Ягуар» взревел и рванулся в ночь.

Девушка сидела возле меня тихо, притаившись, как мышка. Я почти не ощущал ее присутствия. Только когда мы вырвались на Панамериканскую магистраль и стрелка спидометра доползла до отметки «160», она подала голос:

— Вам понравился мой перевод?

— Как я мог судить о его качестве, не зная испанского языка?

— Вы меня не поняли. Я так боялась за вас! Говорила медленно, чуть ли не по слогам, чтобы дать вам возможность обдумать каждое слово.

— Ах, вот оно! Ты молодчина, Исабель! Спасибо тебе.

У монастыря Святой Магдалены я загнал машину в придорожный кустарник и погасил фары.

— Все! Сейчас мы с тобой простимся. Послушай меня внимательно, Исабель, и постарайся запомнить то, что я скажу. Задавай вопросы, если чего-нибудь не поймешь. Потом спрашивать будет не у кого… Ты проживешь в монастыре несколько месяцев. Пока они не устанут искать тебя. И пока не придет твоя сменщица. Возможно, она будет одета монашкой. Эта женщина передаст тебе привет от сеньора Арнольдо и предъявит пароль. Нет ли у тебя какой-нибудь вещицы, которую ты ни с чем другим не спутаешь?

Девушка сняла с шеи распятие и протянула его мне.

— Вот. Это все, что осталось у меня от матери.

Я заколебался.

— Дай лучше брошь или перстень.

— Нет. Монахине крест больше под стать. А вас он убережет от бед в пути.

— Хорошо. Когда придет та женщина, ты поднимешься с ней на колокольню и объяснишь, что там и как.

— Он по-прежнему будет сигналить?

— В ближайшие месяцы не будет… Ты выедешь из Аурики под видом монашки. Пусть аббатиса оформит необходимые документы на чужое имя. В этом пакете деньги. Если ты не транжира, их хватит надолго. Брось пакет в сумку… Теперь пойдем. Я провожу тебя.

Мы остановились в сотне метров от монастырских ворот. Помолчали.

— Какая чудесная ночь! — сказал я. — В такие ночи всегда вспоминается молодость.

— Полковник Арнольдо, мы никогда больше не увидимся? — спросила она.

— Боюсь, что никогда.

— В таком случае вы должны узнать, что я…

— Не надо ничего говорить, Исабель. Мне давно все известно… Это у тебя пройдет. К счастью и к сожалению, это у всех проходит.

— Значит, правду рассказывали о вашей жестокости?

— Может быть. Но у меня есть смягчающее обстоятельство: я умею быть жестоким и по отношению к самому себе. Вот что, Исабель: та девчонка из «Памплоны» исчезла. Вместо нее на земле живет другая девушка. Это ты. Береги свою красоту и не позволяй мерзавцам пятнать ее. Красота — дар божий. Как талант. Один сумасшедший русский гений утверждал, что красота спасет мир. Считай, что твоя красота национальное и общечеловеческое достояние. Знаешь, мне кажется, ты должна пойти по стопам матери. Впрочем, это уже не моего ума дело.

Я слегка коснулся ладонью ее волос и подумал о том, что они, наверное, пахнут солнцем и весенними цветами.

— Прощай, Исабель. Прощай и будь счастлива. Благодарю тебя за все. Прощай.

Главная моя задача, когда я уходил от нее, заключалась в том, чтобы не остановиться и не оглянуться, ибо стоило мне только замедлить шаг, она бросилась бы за мной, а это было бы совсем ни к чему.

Слева выплыла из темноты и снова уплыла в нее черная

громада Монканы. До границы оставалось немного. Через каких-нибудь двадцать-двадцать пять минут я должен был оказаться в относительной безопасности.

Вообще-то ауриканскую границу следовало считать чисто географическим понятием. Практически эту воображаемую извилистую линию можно было беспрепятственно пересекать почти где угодно. Лишь в аэропорту Ла Паломы, а также на приграничных станциях железной дороги да на Панамериканской магистрали осуществлялись паспортный и таможенный контроль.

Когда до полосатого шлагбаума, обозначавшего конец ауриканской территории, оставалось километров пять, я свернул вправо на узкую дорогу, которая, нырнув в джунгли, сразу же исчезала в них, как в туннеле. Дорога забирала в сторону границы. Это устраивало, и я медленно поехал по ней, то и дело притормаживая перед колдобинами и кочками. Наконец остановился у ветхого мостика, переброшенного через неширокую гнилую речку. Тут, по моему разумению, и был самый край Аурики. Мне оставалось закопать или утопить свой пышный мундир, переодеться в штатский костюм, который я еще накануне положил в багажник «ягуара» вместе с предметами первой необходимости, деньгами и панамским паспортом — подарком Рудольфа Буххольца-старшего — и перейти на другой берег речки. Фуражку, бутафорскую саблю и всамделишный пистолет я бросил на заднее сиденье машины перед тем, как отправиться на пресс-конференцию. Однако прежде чем принять новое обличье, мне надо было немного прийти в себя, отдохнуть и кое-что обдумать. Я сел на ствол дерева, догнивавшего у воды, и попытался расслабиться. Меня тревожила судьба «Фанатика». Несомненно, контрразведка возьмет его в активную разработку как моего бывшего приятеля. С объекта не выгонят: Рудольф начинен секретами. Очевидно, подвергнут проверке на детекторе лжи. Выдержит ли? Немногие выдерживают. Только не признаваться ни в чем! Ведь улик никаких! Отведут от секретных работ? Куда? На «Дабл ю-эйч» все секрет. Лишь бы не убили. Вся надежда на то, что американцы убеждены в невозможности утечки информации с объекта. «Фанатика» надо немедленно законсервировать. Прекратить с ним связь на полгода или даже на год. Выждать, пока пыль уляжется. Парень он толковый, да и подготовлен неплохо. Должен сдюжить. Герхард Крашке? С этим ничего страшного не произойдет. Его никто никогда не принимал всерьез. Вышвырнут из армии и забудут. А он столько наворовал на своем складе, что до конца дней хватит. Вот Обезьяньему Заду не сдобровать. Ведь это он устроил меня в президентскую гвардию. Может и в Монкану загреметь. И поделом ему, старому

фашисту!

Я отцепил от кителя один из орденов и швырнул его в воду. За ним последовали второй, третий, четвертый. Орден Белого Кондора топить я не стал. Было бы безумием выбрасывать вещь, стоившую несколько десятков тысяч долларов. И вообще этот орден нравился мне своим рисунком и формой. Гордая белая птица над гордой белой вершиной. Мастер, изготовивший высший знак отличия Аурики еще во времена Делькадо, был талантливым человеком.

Я встал, подошел к «ягуару» и, хлопнув его по остывающему капоту, подумал, что у меня больше никогда не будет такой машины. Открыл багажник, достал оттуда чемодан со штатским реквизитом и собрался было уже переодеться, как вдруг в спину мою уперся ствол автомата и мне что-то громко скомандовали по-испански. Подняв на всякий случай руки, я медленно развернулся на сто восемьдесят градусов и увидел перед собой трех бородатых молодых людей, увешанных разнотипным и разнокалиберным оружием. Один из них задал мне какой-то вопрос. Я ответил по-английски, что не понимаю. Тогда они быстро обыскали автомобиль и меня, выгребли все из салона, багажника и карманов моей униформы, а после этого велели мне идти по едва заметной грязной тропе в глубь мокрых, пахнущих теплым болотом зарослей. Их старший двигался впереди, освещая путь фонариком, двое других следовали сзади.

Тропа, постепенно поднимаясь в гору, становилась шире и суше. Минут через тридцать передо мной открылась большая поляна, видом своим напоминавшая сонный цыганский табор. Несколько костров красновато подсвечивали парусиновую палатку, шалаши, построенные из веток и листьев, лошадей, привязанных к деревьям. Были там еще полевая кухня североамериканского образца да самодельное приспособление для купания, основным компонентом которого являлась двухсотлитровая металлическая бочка, установленная на деревянном помосте высотою чуть побольше человеческого роста. Откуда-то из темноты доносились бреньканье гитары и тихое пение.

Мне было ясно, что меня взяли в плен партизаны и что дела мои из рук вон плохи. Не лучше, чем если бы я вновь оказался в лапах у Роджерса.

Их командира звали Аурелио. Команданте Аурелио. Это был молодой человек лет двадцати семи, не по годам суровый и даже мрачноватый. В отличие от своих товарищей, одетых кто во что горазд, он носил ладно подогнанную форму офицера революционной армии и не имел бороды, а обходился одними

усами.

Убедившись в том, что я ни бельмеса не смыслю в испанском языке, Аурелио что-то спросил у обступивших меня партизан. Вероятно, советовался, как следует со мной поступить. По мимике и жестикуляции этих людей, можно было не рассчитывать ни на суд с двенадцатью присяжными, ни даже на скоропалительный трибунал. Проклятый мундир президентского гвардейца ставил меня вне всякого закона. Самым ужасным было то, что я не мог объясниться с ними. Мне оставалось только молчать и прикидывать, под каким именно деревом они меня расстреляют. И все-таки я решил любой ценой сломать казавшийся непреодолимым языковой барьер.

— Неужели, черт побери, никто из вас не понимает по-английски?!

Ответа не было.

— А по-немецки?

Никакой реакции.

Напоследок я уже без всякой надежды спросил:

— Может быть, кто-нибудь понимает по-русски?

И тогда вдруг из толпы вышел смуглый паренек-метис и сказал на моем родном языке с не очень сильным акцентом:

— К вашим услугам, сеньор. Я окончил УДН в Москве.

Видимо, Аурелио тоже обрадовался возможности допросить меня. Во всяком случае, на его лице мелькнуло некое подобие улыбки.

— Педро, скажи этому раззолоченному господину, что он находится в лагере партизанской бригады имени генерала Аугусто Делькадо, и выясни, кто он такой.

Я взглянул на часы. Было начало первого.

— Меня зовут Арнольдо. Полковник Арнольдо. До сегодняшнего дня я служил в личной гвардии Мендосы.

— У кого ты служишь, мы и без тебя видим. Почему поехал один в джунгли?

— Убедившись в том, что режим Мендосы преступен и антинароден, я принял решение оставить службу и бежать из Аурики.

— Ишь какой совестливый! А может, ты проворовался или встрял в какой-нибудь неудавшийся заговор и теперь попросту спасаешь свою шкуру от Чурано или Рохеса?

— Это не так, сеньор команданте. Я покинул президентский дворец из идейных побуждений. Тайно читал марксистскую литературу и убедился в правильности коммунистического мировоззрения.

— Ну и наглец же ты, братец! Компаньерос! Видали

коммуниста, а?

Последние слова Аурелио потонули во взрыве хохота. Команданте подождал, пока станет тихо, и продолжал с язвительной усмешкой:

— Читал марксистскую литературу, говоришь? В таком случае скажи, чем заканчивается «Коммунистический манифест»?

— Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

— Ну, это общеизвестно. Процитируй последний абзац!

Я поднял голову и торжественно провозгласил:

— Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто и во всеуслышание заявляют, что их целью является насильственное ниспровержение существующего строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед грядущей коммунистической революцией. Пролетариям в ней нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

Выслушав перевод цитаты, Аурелио посерьезнел.

— Ты не просто читал «Манифест», — сказал он. — Эта книга запала тебе в душу.

И, уже обращаясь к своим сподвижникам, добавил:

— Тут особый случай. Его нельзя расстрелять так сразу. Я должен поговорить с ним.

Он жестом пригласил меня и переводчика в палатку, которую тускло освещала лампочка, подключенная к снятому с автомобиля аккумулятору. Мебелью тут служили ящики разного размера и предназначения. Из снарядных ящиков были сложены нары для спанья. Поставленная на попа упаковка из-под ананасовых консервов использовалась в качестве стола. Табуретками стали металлические патронные коробки. На столе была разостлана, как скатерть, крупномасштабная карта той части океанского побережья Аурики, где находились мы. Черным пауком притаилась между синью воды и зеленью гор Монкана.

— Мне плевать на твою биографию, — начал Аурелио, усаживаясь. — Будешь ты врать или говорить правду, я все равно не смогу проверить твоего трепа, да и не стал бы, даже если бы смог, потому что считаю единственным надежным критерием оценки человеческой сущности конкретное действие. Вот и докажи делом, что все, сказанное тобою там, у костра, — правда.

— Чего же вы хотите от меня?

Аурелио ткнул пальцем в черного паука.

— Тебе приходилось бывать здесь?

— Неоднократно.

— Очень хорошо. Вот бумага и карандаш. Набросай план крепости.

Я усмехнулся.

— Уж не собираетесь ли вы штурмовать Монкану?

— Делай, что велят! — отрезал команданте. Пока я чертил план, он дотошно расспрашивал меня о численности и боеспособности гарнизона крепости, системе ее охраны, пропускном режиме. Поинтересовался, известен ли мне пароль. Я ответил, что пароль для президентского дворца и Монканы один и что меняется он каждые сутки в 18.00.

— Значит, пароля на завтрашнюю ночь ты не знаешь?

— Нет. Знаю только на сегодня.

— Тогда не будем мешкать.

— Сеньор команданте хочет проникнуть в крепость?

— А почему бы и не попробовать? В Монкане томятся и гибнут сотни наш их товарищей. Грош нам цена, если мы не попытаемся освободить их… Я не считаю такую попытку безумной. Ты же сам сказал, что ночью там не спят только часовые и прожектористы.

— Но пулеметные расчеты спят у своих пулеметов.

— Пока они очухаются, мои люди добегут от этих кустов до ворот. Тут не более четверти мили. Тебе известно волшебное слово, которое откроет ворота. Тебя знают офицеры гарнизона. Твоя задача открыть ворота. Остальное сделаем мы.

— Но я не знаю волшебного слова, которое оставит ворота открытыми. Они захлопнутся, как только я войду в крепость. И даже если бы они остались открытыми, то вашим людям пришлось бы бежать под пулеметным огнем в ярком свете прожекторов по узкой эстакаде, соединяющей крепость с материком. В данном случае четверть мили — огромное расстояние. На успех можно рассчитывать лишь при условии, что в тот момент, когда откроются ворота, прекратится подача электроэнергии в крепость. Тогда будет парализован механизм, приводящий в движение створки ворот, и погаснут прожекторы.

— Каким образом Монкану снабжают энергией?

— По подземному кабелю. Он проложен вдоль железной дороги на незначительной глубине. Сантиметров семьдесят, не более.

— Ты можешь показать, где проходит кабель?

— Нет. Но это может сделать любой железнодорожный рабочий из тех, которые ремонтируют пути.

— Хорошо. Мы атакуем перед рассветом, в час, когда сон особенно крепок.

— Верните мне оружие и орден. Ведь не могу же я появиться перед крепостными воротами одетым не по форме. Это во-первых. Во-вторых, люди моего ранга в Аурике пешком не ходят. Я

должен ехать туда в машине с водителем. Мой «ягуар» в порядке. Думаю, им и надо воспользоваться. Найдется у вас мундир солдата правительственных войск для шофера?

— Этого добра у нас навалом. От перебежчиков. А шофером твоим буду я сам. Педро ляжет на дно кузова между передним и задним сиденьями. В багажник посадим еще двух ребят. Ты говорил, что там есть вторые, чугунные ворота. Подорвем их противотанковыми гранатами. Или, может, лучше взять базуку?

— Пары гранат будет достаточно. Только бросать их надо из ниш, иначе нас сметет взрывной волной. В закрытом пространстве взрыв обретает особую силу. Ниши под аркой имеются. Говорят, в них когда-то стояли каменные изваяния первых конкистадоров, воздвигших Монкану.

— Быть посему. Педро, поднимай командиров на военный совет. И принеси полковнику его оружие и звезду. Но смотри, полковник! В случае чего… Сам знаешь, законы войны суровы.

Я кивнул, давая понять, что такая постановка вопроса не противоречит моим представлениям о законах войны, и, когда Педро принес мне вещи, стал вновь прилаживать к униформе орден Белого Кондора…

В половине пятого мы подъехали к Монкане со стороны Ла Паломы. Аурелио осадил «ягуара» прямо против ворот. Я вышел из машины, щурясь от режущего света, и окликнул часового, который маячил на крепостной стене. Парень не понимал по-английски. Тогда Аурелио крикнул ему, чтоб он позвал дежурного офицера. Последний долго не шел. Я нервничал, боясь приближения рассвета. Наконец наверху произошло какое-то шевеление, и пропитый сонный голос спросил на ломаном английском, зачем я пожаловал.

— Прибыл с личным поручением генерала Рохеса. У меня дело государственной важности. Откройте ворота!

— Мне хорошо известно, кто вы, сеньор полковник, но тем не менее назовите пароль.

— Савана! — небрежно бросил я и размеренным шагом направился к машине, чтобы занять место рядом с Аурелио.

С грохочущим гулом расползлись в стороны створки ворот. «Ягуар», тихонько урча, втянулся под арку. И тотчас же далеко сзади бабахнул негромкий взрыв. Кромешная тьма ослепила нас. Мы выпрыгнули из машины, ощупью нашли ниши и спрятались в них. Тишина, воцарившаяся на несколько мгновений, была смята и опрокинута топотом сотен людей, бегущих по эстакаде к воротам. В руке Аурелио вспыхнул карманный фонарь. Его слабый луч, скользнув по булыжникам, заплясал на чугунной решетке, преграждавшей путь в крепостной дворик. Через пару

секунд гранаты разнесли вдребезги эту последнюю преграду. Взрывы оглушили нас и сильно помяли «ягуар», однако партизаны с торжествующими воплями руками вкатили машину во двор, толкая ее перед собой. И тут наконец пришли в себя обалдевшие поначалу пулеметчики. Длинная очередь шарахнула по каменному покрытию двора. Воздух наполнился визгом рикошетирующих пуль и гранитной крошкой. Несколько человек сразу же упали под ноги бегущих. Бойцы Аурелио бросились назад к арке. Атака грозила захлебнуться. Тогда я выхватил из рук Педро карабин и двумя выстрелами снял пулеметный расчет. Правда, для этого мне пришлось покинуть укрытие. К счастью, все обошлось. Мгновенно ревущая людская волна заполнила двор. Где-то залаял еще один пулемет, но было уже поздно. Партизаны ворвались в солдатские казармы, в тюрьму, в арсенал. Не прошло и десяти минут, как они начали раздавать оружие освобожденным узникам. Противник, застигнутый врасплох, оказывал слабое и беспорядочное сопротивление. В начале шестого все было кончено. Посреди двора партизаны и недавние заключенные развели огромный костер. В нем горел тюремный архив. Внезапно пролившийся дождь не смог загасить этого огня. Бывшие арестанты, ликуя, предавали сожжению свои личные дела.

Я окинул взглядом разгоряченную толпу и не увидел ни одной пары равнодушных или усталых глаз. Ей Богу, это были счастливые люди, и мне захотелось во всем походить на любого из них. Я сорвал с кителя и швырнул в костер тяжелые золотые эполеты, аксельбанты и шитый золотом пояс. За ними последовала большая, как велотрек, фуражка с высоченной тульей. Мой некогда белоснежный мундир теперь был испачкан и изорван. Я стал частицей грозной и веселой человеческой массы, которая наэлектризовала меня, зажгла своим энтузиазмом. Не зная языка этих людей, я, немолодой человек с седыми висками, пытался петь вместе с ними их «Venceremos» и наш общий «Интернационал», и ливень смывал с моего лица слезы счастья.

За башней с часами треснуло несколько винтовочных залпов.

— Что там? — спросил я у приблизившегося Аурелио.

— Это расстреливают тех, кто пытал заключенных.

— Так. А что вы намереваетесь делать с пленными солдатами?

— Многие перешли на нашу сторону. Остальных отпустим восвояси. Монкану взорвем.

— Зря, сеньор команданте. Вы думаете, Штаты не ссудят Мендосу деньгами на постройку новой тюрьмы? Скоро — я в этом уверен — вы одержите победу, и тогда здесь будет мемориал революционного движения Аурики. Разве можно взрывать

историю своего Отечества?

Аурелио положил руку на мое плечо.

— Не называй меня сеньором, компаньеро. Зови, как все, по имени и говори мне «ты».

Он улыбнулся озорной белозубой улыбкой.

— Знаешь, когда я тебе поверил до конца? Когда ты пел… Слушай, а может, останешься у нас? Если доживешь до нашей победы, мы наградим тебя вторым орденом Белого Кондора. За штурм Монканы.

— Нет, Аурелио. У меня своя дорога. Я хотел бы служить делу революции дома, на родине. Вы тут одни справитесь. Народ уже пошел за вами… Кстати, о чем будет ваш первый декрет в день вашей победы?

— Мы отменим частную собственность, ибо от нее все беды.

— И тем самым сразу восстановите против себя большую часть нации. На этом уже многие обожглись. Я ненавижу частную собственность не меньше твоего и, подобно тебе, полагаю, что от нее все беды. Но инстинкт собственника — это животный инстинкт, а такие инстинкты не упраздняются декретами, даже самыми жесткими. И вообще, собственность, как все на свете, имеет две стороны — лицевую и оборотную. На лицевой у нее — череп и кости, на оборотной — оливковая ветвь. Это диалектика, но не приведи господь перевернуть медаль оливковой ветвью вверх. Не приведи господь забыть о смертельной эмблеме.

Аурелио рассмеялся.

— Компаньеро, слушая тебя, можно подумать, что ты всю жизнь занимался организацией революций.

— Просто я много думал об этом.

— Скажи лучше: чем мы можем быть полезными тебе?

— Пусть кто-нибудь из твоих людей проводит меня через границу до ближайшей железнодорожной станции на той стороне.

— Это сделает Педро. Согласен?

— Конечно. Спасибо тебе, Аурелио.

— И тебе спасибо. Жаль, что наше знакомство было таким коротким. Мне кажется, мы могли бы стать друзьями… Однако пора уходить в наши родные джунгли. Правительственные войска, вероятно, уже спешат сюда. В 6.00 выступаем.

Я взобрался к зубцам самого высокого из бастионов Монканы и, поставив локти на замшелый грубо обтесанный блок ракушечника, глянул вниз, туда, где в провалившейся на дно вселенной сизой глубине беззвучно грохотал и пенился прибой. Так стоял долго, а когда поднял голову, то увидел малиновое солнце, всплывающее из розовато-дымчатого океана. Часы на

крепостной башне скрипнули, звякнули, прохрипели первые такты государственного гимна Аурики и гулко раскатили по утренней тишине шесть тяжелых ударов. Прошло ровно семь часов с той минуты, как я простился с Исабель.

Вместо эпилога

Случается, что размеренность моего бытия нарушается короткими командировками за границу. Правда, теперь уж под настоящей фамилией и с подлинными документами.

В заключение хочу рассказать об одной встрече с прошлым, имевшей место совсем недавно. Произошло это в маленькой стране, которая числится в списке так называемых неприсоединившихся государств. Люди военные по-прежнему именуют подобные страны нейтральными. Я поехал туда в качестве официального лица для участия в переговорах по линии культурного и научного обмена. Кроме того, мне надо было побеседовать с неким субъектом, весьма и весьма интересовавшим мое ведомство. Когда почти все вопросы были решены и до окончания командировки оставалось менее суток, я нос к носу столкнулся в холле хилтоновского отеля, уходящего бесчисленными своими этажами в ясное небо, с живым и совершенно здоровым Роджерсом. Мы оба слегка оторопели и машинально протянули друг другу руки. Старик первым пришел в себя и улыбнулся мне вполне доброжелательно.

— Я предчувствовал, что когда-нибудь встречу вас, Арнольдо, — сказал он. — Вы не должны опасаться меня. Через год после падения режима Мендосы Роджерс покончил с прежним ремеслом и занялся бизнесом. Теперь он преуспевающий менеджер, не более. Вот моя визитная карточка.

Роджерс протянул мне белый картонный прямоугольничек. Название фирмы, выпускающей всемирно известные компьютеры и прекрасную бытовую электронную технику, вызывало почтение. Но где были гарантии того, что ЦРУ не использует эту фирму в качестве прикрытия своей деятельности?

Я с ухмылкой вернул визитку Роджерсу.

— Догадываюсь, о чем вы подумали, — сказал он. — И все-таки приглашаю вас на ужин. Вы себе представить не можете, какой приятный сюрприз я намерен преподнести вам. Поставьте своих в известность о том, где будете, и поднимайтесь в мой номер.

— Может быть, нам лучше пойти в ресторан? — заколебался я.

— А в таком случае не будет сюрприза. Да вы не бойтесь! Роджерс не станет компрометировать доброе имя солидной фирмы какими-либо противоправными действиями.

— Черт с вами! — согласился я. — Водка и икра мои, остальное ваше.

Он захохотал.

— О'кей! Узнаю прежнего Арнольдо, решительного и гордого. Итак, буду ждать.

Я вошел в Роджерсовы хоромы вслед за боем, толкавшим перед собой тележку с ужином. Стол был накрыт в течение минуты. Роджерс наполнил бокалы из моей бутылки и, напустив на себя серьезность, произнес:

— Давайте уговоримся: ни слова о работе и политике. Будем предаваться воспоминаниям.

— Согласен, хотя и не уверен, что уговор удастся соблюсти.

— Попробуем, по крайней мере. Предлагаю тост: выпьем за то, что оба остались живы!

— Принимается!

Мы выпили и зажгли сигареты, после чего Роджерс спросил:

— Скажите, Арнольдо, отчего вы тогда не бросили в мою рюмку второй таблетки?

— Сам не знаю. Много раз задавал себе этот вопрос и не мог на него ответить. То ли тут сыграли какую-то роль остатки интеллигентности, не позволившие мне отправить врага на тот свет таким подлым способом, то ли на мои действия повлиял факт вашего участия в войне с Гитлером. Не знаю. Считаю, что я проявил непростительное малодушие. Ведь вы по всем статьям заслуживали двух таблеток.

— Ну да! Роджерс — убийца. У Роджерса руки в крови. А у вас они разве в сметане?.. Хочу сообщить вам, что долг свой я вернул. Вы оставили мне мою жизнь, я сохранил вам вашу.

— О чем вы говорите?

— Давайте вспомним: сентябрь семьдесят девятого года. Кимпала.

Кимпала! Этот поганый городишко на краю азиатского мира едва не стал местом моего последнего успокоения. Тамошние экстремисты, не то правые, не то левые, взяли меня заложником вместе с несколькими американцами и европейцами. Бандиты надеялись обменять нас на своих единомышленников, попавших в руки правительственной полиции. Однако, несмотря на интенсивную посредническую деятельность иностранных дипломатических миссий, местные власти не торопились с обменом. Более недели мы провели под охраной в хижине, спрятанной среди непролазных бамбуковых зарослей. В конце концов террористы объявили, что нас решено расстрелять. Я стоял на краю своей свежевырытой могилы, жадно затягиваясь дымом сигареты, которая дотлевала с катастрофической быстротой, и злился на то, что жизнь моя обрывается так неожиданно и так нелепо. К счастью, драма обернулась фарсом.

Голландский дипломат, прибывший в последнюю минуту к месту казни, выменял нас у аборигенов на шесть ящиков шоколадного ликера фирмы «Bols».

— Когда передо мной положили копии паспортов заложников, переданные по фототелеграфу, я сразу узнал вас, — донесся до меня голос Роджерса. — Узнал и решил молчать.

Я поднял голову.

— Еще бы! Ведь вы безоговорочно похоронили меня в Аурике, мистер Роджерс! Вам ни к чему было шуметь.

— Ах, Арнольдо, вы верите в рай на Земле, но не верите в то, что к противнику можно испытывать не только уважение, но даже чувство, напоминающее симпатию. Я просто должен был дать тому голландцу, который являлся нашим агентом, команду, чтобы он прихватил с собой одним ящиком ликера меньше. Никто не стал бы вступаться за вас — бродягу с фальшивыми документами и краденой биографией. Я не злой человек от природы. Жестокими и циничными нас делают обстоятельства. Искренне сожалею о том, что вы не можете быть моим гостем в Филадельфии, а я — вашим в Москве. С удовольствием сыграл бы с вами партию в шахматы.

— Что ж, мистер Роджерс, давайте выпьем за добрые отношения между нашими правнуками.

— Давайте! Один вопрос, Арнольдо. Во мне говорит профессиональное любопытство. Куда вы улетели после того, как перешли границу Аурики?

— В Дели.

— Браво! Я так и думал. Вы всегда любили алогизмы! А Рохес-то искал вас в самолетах гаванских и европейских рейсов. Скажите еще: где вы спрятали Исабель?

— В надежном месте. Думаю, что через пару месяцев и она благополучно покинула Аурику. Во всяком случае, я дал ей такое указание.

Роджерс захихикал.

— Исабель ослушалась вас, Арнольдо. Она ушла к партизанам и через три года вместе с ними вернулась в Ла Палому. Вы действительно ничего не знаете о ее дальнейшей судьбе?

— Ничего не знаю. Это правда.

— Как?! И вам не известно имя Изабеллы Корро?

— Имя известно. Но ни одного фильма с ее участием я пока не видел. Стоп!!! Корро — фамилия матери Исабель! Неужели мисс Мортон и Изабелла Корро — одно и то же лицо?!

— Вот это и есть тот самый сюрприз, который я хотел преподнести вам, Арнольдо. Давайте пройдем в соседнюю

комнату. Бутылку беру с собой.

Соседняя комната была заставлена образцами продукции Роджерсовой фирмы и завалена проспектами.

Роджерс погремел видеокассетами, отобрал одну из них и включил телевизор. По голубовато-розовому экрану поплыли коричневые титры какого-то фильма. Это была наивно-героическая лента о вожде первой ауриканской революции. Исабель играла в нем роль возлюбленной прославленного генерала. Забыв обо всем, я смотрел на нее, ожидая, что она подарит мне хотя бы один взгляд. И дождался. Исабель посмотрела на меня в упор синими глазищами и отчеканила по-английски:

— Весь этот мир от скверны бесполезной

Лишь революция спасет рукой железной!

— Отсебятина, — проскрипел Роджерс. — В сценарии ничего подобного не было. Ваша работа, Арнольдо?

— Моя! — ответил я не без гордости.

Были в том фильме и характерные для современного кинематографа так называемые коммерческие или попросту постельные сцены, при отсутствии которых его величество обыватель, всех сущих мод законодатель, в кино не пойдет, нанеся тем самым ощутимый материальный ущерб служителям самой популярной в мире музы.

Заметив, как меня передернуло, Роджерс сказал:

— Не переживайте, Арнольдо. Это не она. Это дублерша. Девчонка категорически отказывается раздеваться перед камерой. Думаю, тут тоже налицо последствия ваших педагогических экзерсисов.

Я пожал плечами.

— Католическое воспитание!

— Католическое воспитание, говорите? Когда мои ребята умыкнули Исабель из «Памплоны», на ней не было ничего, кроме нательного креста. Того самого, что и сейчас болтается на ее смуглой шейке.

— Значит, я научил мисс Мортон уважать себя.

— Вы переборщили, Арнольдо. Недавно она заявила журналистам, что никогда не выйдет замуж. До тридцати пяти лет будет сниматься в кино, после чего уйдет в монастырь. Сказала даже, в какой именно. Это монастырь Святой Магдалены.

Роджерс помолчал немного и добавил с оттенком печали в голосе:

— Как часто, обладая телом женщины, мы полагаем, что владеем и ее душой. Но это почти всегда не так. Я мог бы отомстить ей за предательство, но, будучи противником

бессмысленных убийств, не стал делать этого. Более того, весьма внимательно слежу за ее карьерой и желаю ей всяческих успехов.

В конце фильма героиня погибала, заслонив собой Делькадо от пули предателя.

Я уже намеревался было встать, но Роджерс остановил меня.

— Погодите, Арнольдо, здесь есть еще одна жанровая зарисовка. Она, несомненно, развеселит вас, отвлечет от грустных мыслей.

Замелькали знакомые виды Ла Паломы. Вот и проспект Делькадо с тремя круглыми площадями, нанизанными на него.

— Смотрите внимательно! — предупредил Роджерс. Оператор крупным планом снял рослого полицейского, который, стоя на тумбе посреди площади Всеобщего Равенства, истово манипулировал полосатой палкой.

— Да это же Чурано! — воскликнул я.

— Он самый, — подтвердил американец. — Занял, обормот, свое прежнее место. Я предлагал ему каюту на одном из наших кораблей, уходивших в Штаты. Отказался, и вот — полюбуйтесь!

— Но ведь он выглядит счастливым, потому что занимается делом, которое любит.

— Дьявол с ним! Дарю вам эту кассету, Арнольдо. Хотел послать пленку в Москву, но побоялся, что у вас из-за нее выйдут неприятности с начальством. Обвинят, чего доброго, в несанкционированных контактах с CIA.

— Благодарю вас, мистер Роджерс. К сожалению, не могу сделать ответного подарка. Я не был готов к встрече с вами.

— Ничего, Арнольдо. Когда-нибудь вы подарите нам революцию. Надеюсь, что это случится после того, как я уйду из этого мира. А сейчас мы должны проститься. У меня тоже деловая встреча…

Берлин, 1983–1984 гг.

В. Алексеев
Шариковая авторучка

Скажу откровенно — детективами никогда не увлекался и людей, читающих их взахлеб, всегда считал немного чудаками. Поэтому невероятная история, которая со мной приключилась в далеком 1985 году никак ни плод моего воображения…

После успешной сдачи очередного экзамена мы с другом Азисом зашли в летнее кафе, что рядом с рестораном «Узбекистан». Это место хорошо знакомо многим москвичам и приезжим. Расположенное в центре города, оно вместе с тем уютно и не так многолюдно. Ароматный запах шашлыков и чебуреков тянется по всей Неглинной, зазывая прохожих. Нам повезло и уже через полчаса мы сидели за легким пластмассовым столиком и ели шашлык. Его запах был гораздо приятней, сам шашлык совсем не таял во рту, как обычно говорят горцы, его приходилось разрывать зубами и долго пережевывать. Но это не нарушало лирического настроения, позади был трудный экзамен и бутылка сухого венгерского вина, заблаговременно принесенная Азисом, делала запах дыма особенно приятным. Не хотелось ни о чем думать. Азис «конспиративно» из бутылки обернутой в «Московские новости» подливал в стаканчики вино…

И только лысый мужчина, сидевший напротив, портил идиллию. Он нервно курил и подергивался, лишь изредка прихлебывал тархун из полупустого стаканчика. Народ толпился в ожидании свободных мест, но мужчина явно не собирался уходить. И даже, когда хорошенькая девушка с порцией шашлыка, извиняясь обратилась к нему:

— Здесь свободно?

Он не поднимая головы, буркнул в ответ:

— Занято.

Я не выдержал, вскочил со своего места и любезно предложил девушке присесть. Мы обменялись любезностями и девушка села за наш столик. Азис не замедлил воспользоваться моментом, чтобы продемонстрировать свою способность извлекать из «Московских новостей» прекрасный янтарный напиток.

Девушку, которую, как выяснилось, звали Марией, скромно отказалась. Но Азису было трудно отказать. За разговором мы смеясь, рвали с шампуров мясо и запивали его вином. Мы были счастливы. Правда, я испытал некоторое неудобство, стоя рядом со столиком. В то время как Азис был совсем рядом с Марией. Он постоянно наклонялся к ней и шептал ей на ушко какие-то

анекдоты. Впрочем девушка не забывала и обо мне. И когда Азис особенно «увлекался», она обращалась ко мне за помощью и почти молила глазами спасти ее от чрезмерной, сальной любезности Азиса. И тогда мне приходилось применять острое оружие — я отпускал колкость по поводу его живота, который вот-вот мог вывалится из рубахи. Он краснел и сердился. Это было его самое уязвимое место, тем более в присутствии такой юной и прекрасной девушки.

Азис был хорошим парнем, хорошим другом, но в общении с женщинами, и особенно молодыми никогда не чувствовал меры — был назойливо откровенен. Иногда эти методы общения приносили ему успех. Но сейчас девушка была совсем из другого мира, и я чувствовал, что назойливое ухаживание Азиса все более и более раздражает ее.

Девушка торопливо доела свою порцию и уже категорически отказывалась от «фокусов» Азиса. Наше столь интересное знакомство — расстроилось. Мария поспешно встала и, сухо распрощавшись, ушла. Мы тоже заторопились. Нас лишь задерживала вторая бутылка сухого вина, которую поспешил открыть Азис…

В это время к столику напротив подошел молодой человек лет 20. Без всяких прелюдий он обратился к лысому мужчине:

— Извините, что заставил Вас долго ждать, — и вручил ему обыкновенную шариковую авторучку.

Наш сосед недовольно что-то буркнул, сунул ручку в карман брюк и пошел к выходу.

Мы с Азисом переглянулись. В целом, в этом эпизоде не было ничего особенного. И все же, этот мужчина ждал почти полчаса, чтобы получить эту безделушку. Было бы все понятно, если бы он получил сверток, пакет, коробку с продуктами и еще бог знает с чем, или даже деньги — долг, расчет или наконец взятку. Но ждать шариковую ручку… Это было несколько странно.

Мы с Азисом не сговариваясь вскочили с мест. Через мгновение были уже на улице. Мужчина торопливо уходил по Неглинной в сторону Цветного бульвара. В его походке после получасового безделья была особая озабоченность и тревога. Он очень спешил. Мы прибавили шаг. Нас распирало любопытство и нам уже рисовалась какая-то загадочная детективная история.

На переходе мужчина оглянулся, он явно проверялся. На улице было довольно людно. Нас спасла тучная женщина, за которой мы удачно пристроились. И все же мы стали вести себя несколько осторожней. Пересекая Трубную площадь, мужчина еще раз оглянулся и поспешил к остановке. Нам пришлось бежать, чтобы в самый последний момент втиснуться в автобус. Я

был буквально прижат к спине мужчины. И ручка, эта обыкновенная шариковая ручка, торчавшая из бокового кармана брюк, была совсем рядом. Стоило поднять руку и я мог ее коснуться и даже… вытащить. Да я уловил себя на мысли, что мне хочется ее вытащить. Соблазн был настолько велик, что я даже попытался поднять руку. Право, никогда раньше во мне не пробуждалось такое гнусное желание стать вором-карманником. Ни деньги, ни кольца, ни какие другие драгоценности не возбуждали во мне такого желания. А теперь, эта 30-тикопеечная авторучка манила меня к себе, как магнит. Мне казалось, я был почти уверен, что в ней есть какая-то тайна. Я почувствовал, что Азис тоже испытывает такое же чувство.

В это время дверь автобуса открылась и мы буквально вывалились наружу. Мужчину тоже вытолкнула толпа и он сразу же устремился к зданию «Литературной газеты», но в него не вошел, а буквально прошмыгнул в проход между ним и зданием журнала «Наш современник». Мы тоже последовали за ним. В сквере мужчина присел на одну из старых скамеек. Закурил и откровенно осмотрелся. Мы прижались к стене. Скажу откровенно, я испытывал противоречивые чувства. С одной стороны: совесть мучила — по какому праву мы преследуем человека, следим за ним? Но одновременно любопытство, азарт детектива были столь велики, что все остальное отступало назад.

— Мы должны узнать, что скрыто за этим, — как бы угадывая мои мысли прошептал Азис.

— В конце концов мы имеем право на частный сыск, — как бы убеждая самого себя, согласился я с Азисом.

Между тем мужчина, не докурив сигарету, решительно направился через кольцевую дорогу, прошел под мостом и вошел в здание ОВИРа. Мы тоже прошли внутрь здания и едва не натолкнулись на мужчину и знакомую нам Марию. Они стояли рядом в глубине зала и чем-то обменивались.

У Азиса от неожиданности отвисла губа и он едва не закричал: Мария. Но на первой букве я прикрыл ему ладонью рот и все ограничилось легким хлопком сжатого в гортани воздуха. В зале было достаточно людно, шумно и царил полумрак. Так что наше появление осталось незамеченным. Мы отошли за небольшой выступ в стене и наблюдали со стороны. Беседа была непродолжительной. О чем они говорили мы понять, конечно, не могли. Но то, что они были знакомы и скрывали это в летнем кафе было несомненно. Больше того, едва уловимым движением она открыла свою небольшую сумочку, висевшую у нее на плече, — и мужчина опустил в нее шариковую ручку.

Теперь мы были окончательно убеждены, что чутье нас не

подвело и мы напали, если не на шпионскую связь, то наверняка на какую-то особую, на первый взгляд совсем непонятную сеть контрабандистов. Вообщем, здесь было что-то не чисто. Пламя любопытства загорелось с еще большей силой. Мы стали настоящими детективами…

Первой из ОВИРа вышла девушка. Я последовал за ней. Азис остался. Мы решили, что нам нужно разделиться. Азису явно не хотелось оставаться. И мне пришлось пойти на небольшую хитрость:

— «Лысый» (так мы окрестили мужчину из кафе) — важная птица, — заметил я, — Поэтому с ним может справиться только такой опытный «разведчик» как Азис.

Это ему польстило и он согласился.

И вот я уже иду по парку, любуясь красивой фигурой Марии. В хрупком ее теле юность и нежность сочетались с волей. Это чувствовалось в ее движении — устремленном к цели. Она притягивала к себе, манила. Я немного забылся. И вдруг заметил, что вслед за ней идет какой-то мужчина. Сомнений нет. Он идет за ней. Неотрывно, почти рядом. Скорее всего он выскочил из машины, которая осталась за углом. Девушка, словно почувствовав, что ее преследуют, прибавила шаг. Мне тоже пришлось сделать несколько перебежек, чтобы сократить расстояние разделявшее нас. Теперь я отчетливо видел широкую спину мужчины. Несмотря на жаркий день он был одет в темный костюм и такую же темную широкополую шляпу.

— Настоящий детектив, — подумал я. И тут же окрестил его «Пижон в шляпе».

Между тем мы миновали пятиконечную звезду театра Советской армии и девушка направилась в сторону магазина «Богатырь». Вдруг она исчезла. Мелькали чужие незнакомые лица, но девушки не было. И если бы не «пижон в шляпе», я бы, наверное, потерял ее. В самый последний момент я увидел, как он проскользнул в дверь одного из подъездов. Я последовал за ним. У меня просто не было другого выбора. К тому же, какое-то особое внутреннее чувство влекло меня именно сюда.

— Уж не влюбился ли я? — мелькнуло у меня в подсознании. Я чувствовал, что вместе с азартом детектива все отчетливее проявляется особая привязанность к этой девушке. Может быть я еще не понимал, но чувствовал, что всего меня влечет к ней.

В коридоре, куда я попал, был полумрак. Он особенно усиливался после яркого дневного света. Несколько секунд я присматривался. Коридор лабиринтом, с резкими поворотами уходил в глубь здания. В видимой его части никого не было, хотя за углом коридора я еще слышал шаги. Я поспешил за ними,

миновал один, второй, третий повороты, но никого не было. Хотя я отчетливо слышал шаги не только спереди, но теперь и сзади. Я невольно остановился и через секунду вышел человек. Он шел вслед за мной. Увидев меня, он также остановился в смущении. Мне некогда было раздумывать — шаги впереди затихали и я рисковал потерять свою цель. Я буквально побежал по коридору. Вскоре он закончился и глухая каменная лестница повела меня вверх. Я на одном дыхании пробежал четыре пролета. На лестничной площадке перед самым моим носом дверь захлопнулась. Это был тупик. Вверх хода не было, а здесь на площадке — дверь была одна-единственная. Между тем снизу ко мне приближались шаги. Выбора не было — я толкнул дверь. Она несмотря на свою массивность, легко и широко открылась. Я вошел в достаточно большой зал. Своей овальной формой он напоминал арену цирка. В помещении было сравнительно темно, как бывает в театре во время спектакля. Когда же я немного присмотрелся, то увидел, что вдоль стен, кругом стоят люди, достаточно много людей. Мне было трудно сориентироваться. между тем с трех сторон, как я уже успел заметить, продолжали подходить люди. Заходили нерешительно, молча, озираясь.

— Точь-в-точь, как я, — отметил про себя.

Меня потеснили от двери и я был вынужден пройти несколько в сторону и едва не уперся в широкую совершенно темную в полумраке спину «пижона в шляпе». В центре зала, как бы на арене стояла небольшая группа людей. Я машинально сосчитал: их было 12. И каково было мое удивление, когда я узнал среди этих людей Марию и того самого лысого мужчину, с которым мы сидели в кафе за одним столиком.

— Значит здесь должен быть и Азис, — промелькнуло в сознании. Я осмотрелся по сторонам и действительно почти напротив, с другой стороны зала заметил в первых рядах Азиса. Его нельзя было не узнать, колоритная фигура выделялась на общем фоне. Я даже захотел крикнуть:

— Азис, я здесь…

Но горло перехватило тишиной. Я почувствовал, что не могу ни говорить, ни двигаться. Все мое внимание как бы переключилось в центр зала, я забыл про Азиса, про «пижона в шляпе», и даже образ Марии стал размываться в моем сознании. Я как бы засыпал, а между тем отчетливо видел, как люди, стоявшие на арене, стали медленно расходиться, как бы отступая назад, каждый по своему радиусу. Одновременно они плавно поднимали, как лепестки, свои руки. Это напоминало раскрытие цветочного бутона. И это впечатление усилилось от того, что с каждым их шагом усиливался мягкий, проникающий в душу свет,

исходящий откуда-то снизу. Когда люди разошлись — весь зал наполнился, как мне показалось, особым лунным светом. Он исходил из созвездия 12 крошечных звезд, горевших на каменном алтаре в центре зала…

Я полностью забылся. Видения заполнили мое сознание. Я чувствовал, что переношусь с огромной скоростью в неведомом пространстве. Я четко не сознавал, как это происходит, но почти реально ощущал это невообразимое движение, мелькание миров. Я впервые чувствовал себя частицей этого огромного космического пространства. Затем мной овладело состояние покоя и неги, словно я заново родился и моя мать держит меня на руках, тихонько поет колыбельную песню. Конечно, я никогда не помнил этого. Это вместе с детством ушло куда-то навсегда. Но теперь я это ощущал, потому что почти реально видел мать молодой и красивой. Она была для меня самым, самым дорогим человеком на свете.

Потом, я как бы пережил свое детство, самые радостные, самые счастливые его дни. Все тревожное, горькое как бы было вырезано опытной рукой режиссера из картины этого видения. Я увидел своих ребят. До чего же они были смешными и милыми. Вся моя жизнь как бы вновь раскручивалась передо мной.

И вдруг в этом «фильме» появились совершенно новые кадры. Мы были с Марией вдвоем. Это была, конечно, она. Мы лежали на берегу Жемчужного моря. Оно ласково плескалось у наших ног. Все было почти знакомо, как на земле. И все же мир был другим. Свет исходил не с высоты, а откуда-то из глубины моря. Небо было невероятно голубым и спокойным. Солнца вовсе не было на небосклоне, хотя я ощущал тепло, оно было постоянным и равномерным без каких-либо порывов…

— Да мы на другой планете, — как бы подтверждая мои сомнения прошептала девушка. — Здесь нет солнца в нашем обычном понимании, оно в глубинах самой этой планеты, а небо — оно как бы отражение моря. Здесь не бывает ураганов, здесь не бывает бед.

Она взяла в руки камень.

— Потрогай, — предложила она, — он как мячик мягкий, им нельзя ударить или удариться о него.

Она бросила этот увесистый на вид голыш мне на грудь. Но удара не последовало, он, как легкий шарик, отскочил от меня. И пока я соображал, что это: розыгрыш с подставным камнем или действительно я совсем на другой планете, Мария вскочила и побежала вдоль кромки моря.

Боже, как она была прекрасна. На фоне моря, гор, сказочного леса и огромного пляжа она была высшим созданием природы. И

это, кажется, понимал не только я. И море, и горы, и лес, и каждый упругий мягкий камешек, кажется, понимали это. Они любовались ею, они боготворили ее.

Я невольно замер, очарованный этой картиной. Вдруг у меня словно выросли крылья. Они понесли меня вслед за ней. Когда расстояние между нами сократилось до вытянутой руки, она прыгнула в море. Я за ней… Нас обожгла прохлада воды. Я поймал Марию, подхватил ее на руки и, брызгая сотряс море волной. На фоне гладкого, спокойного водного зеркала — это был почти шторм. Удивительно, но брызги моря не падали вниз, а как воздушные шарики улетали в небо.

— Успокойся, — шутя, но не вырываясь, попросила Мария, — ты разрушаешь покой этой планеты. Море здесь никогда не штормит. Здесь никогда не бывает бурь, в нем нельзя утонуть. Смотри…

И она, освободившись от моих рук, легко легла на воду. Девушка почти лежала на ее поверхности, только одна треть тела была погружена в воду.

Как прекрасно было ее тело. Я вновь подхватил ее, прижал к себе с твердым намерением больше не отпускать, остаться с ней навсегда. Я готов был зацеловать ее всю, от кончиков ног, до кончиков волос. Но она опередила меня, прижав свою ладошку к моим губам:

— Успокойся, — повторила она, — Здесь другие законы. Здесь даже закон Ньютона не имеет силы.

— А законы природы, законы любви здесь тоже иные? — спросил я.

— Нет, — после короткой паузы смущенно ответила девушка.

Это «нет» звучало как «да». Да, она меня тоже любила. Гладь моря вновь сотряс «ураган»…

Потом мы поднимались в горы, сидели у костра… Все было почти как на Земле. Значит и там, в этом счастливом безоблачном сне, я думал о Земле…

И это воспоминание, возможно, прервало мой «сон». Я вновь летел сквозь бездну пространства. И когда я увидел затемненный зал и сходящихся в центре людей, я понял, пусть не совсем, не до конца осознано, что здесь произошло великое таинство перелета в иной мир…

Между тем лунный свет полностью погас. Люди в центре зала, не сказав ни слова, стали торопливо расходиться. И только когда за ними закрылись двери, все оставшиеся в зале пришли в движение…

Я понял, что мне тоже надо спешить, если я хочу еще раз увидеть девушку. «Пижон в шляпе» был уже у двери и мне

пришлось, извиняясь, проталкиваться к выходу…

На улице было по прежнему светло.

— Прошло не более получаса, — отметил я.

Но на улице не было ни девушки, ни «пижона в шляпе». Инстинктивно я отправился в обратный путь. И не ошибся. Уже за поворотом я наткнулся на Азиса, который из телефонной будки наблюдал за удалявшимися по скверу девушкой и «пижоном в шляпе». Они шли рядом и о чем-то разговаривали. Сочетание их фигур было столь противоестественно, что я даже на миг не мог допустить мысль, что у них может быть что-то общее, даже разговор…

— Что случилось? — спросил я у Азиса. — Почему ты остановился?

— Он перехватил ее, — ответил Азис, — они познакомились здесь…. я немного опоздал.

— Ну и что из этого? — почти закричал я. — Бежим.

Забыв о какой-либо конспирации, мы побежали вслед за ними. Расстояние между нами быстро сокращалось.

Но и в отношениях двух фигур наступила явная перемена. Мирная беседа, как это казалось со стороны, вдруг приобрела четко очерченный криминальный характер. «Пижон в шляпе» рвал из рук девушки уже хорошо нам знакомую сумочку. Девушка отчаянно сопротивлялась. Казалось, невероятным, как эта хрупкая фигурка может противостоять медведю. Девушка не выпускала из рук сумочку, но ручка не выдержала и Мария вместе с обрывками кожи полетела на тротуар…

В этот момент мы подскочили к ней. Но она, не обращая внимания на кровавые ссадины на руках и ногах, вскочила, и бросилась за мужчиной. Она не кричала, не звала на помощь, она стремилась только вперед…

«Пижон в шляпе» убегал изо всех сил. И, кажется, уже приближался к цели. Его ждала машина, оставленная им накануне в проезде. В считанные секунды он вскочил в нее. Взревел мотор. И теперь навстречу нам несся черный «мерседес». Девушка бросилась на дорогу, как бы преграждая путь. Еще мгновение и ее бы сбила машина. В этом сомнений не было. Не знаю как нам удалось в самый последний миг буквально «снести» Марию с проезжей части. Не договариваясь, мы с Азисом одновременно бросились и вынесли ее на тротуар напротив. Чудо спасло нам жизни, поскольку «мерседес» не только не затормозил, но и заметно прибавил газу.

Девушка не потеряла сознание. Как это было не странно, она колотила нас своими ручонками и обвиняла:

— Зачем, зачем? Я бы его остановила! Я должна его

догнать…

В это время к нам подкатил «жигуленок».

— Кто здесь пострадал? — шутя обратился к девушке молодой хозяин машины. Возможно он стоял на некотором расстоянии от нас и несомненно видел все происходящее.

Реакция Марии была весьма неожиданной. Девушка, не говоря ни слова, бросилась в машину…

— За ним, — требуя и прося, взмолилась она. И мы буквально в последнее мгновение впрыгнули в заднюю дверь «жигуленка».

Парню не пришлось ничего объяснять. Уже через мгновение мы выскочили из тупика на перекресток. В это самое время «мерседес», уже проскочив открытый участок улицы, резко свернул на Садовое кольцо. Но этого мгновения было достаточно, чтобы принять решение — мы уже мчались в сторону кольца. К счастью, парень оказался «асом» и удивительно, но уже через несколько минут мы «сели на хвост» «мерседесу». «Пижон в шляпе» успокоился и хотя шел на приличной скорости, но уже явно сбавил темп. Опасаться ему было нечего.

— Так, что же он у вас украл? — обращаясь к девушке, спросил парень.

— Камень, — просто ответила Мария.

— Дорогой?

— Очень.

— Так давайте сейчас заявим постовому милиционеру.

— Только не это! — категорически заявила девушка. — Мы должны отобрать его сами!

— И как вы это себе представляете?

— Не знаю. Вы ведь мужчина!

— Ну, что ж будем брать! — согласился парень и прибавил газу…

Расстояние между нами сократилось мгновенно. И этого было достаточно, чтобы «пижон в шляпе» обнаружил погоню. Я даже не успел до конца осознать: хорошо это или плохо? Но гонка началась. «Мерседес» стремительно набирал скорость, но довольно интенсивное движение сдерживало его. И нашему «асу» не составило большого труда настичь его. Не спасли «пижона в шляпе» и хитроумные маневры на перекрестках и в рядах движения. «Жигуленок» неотступно следовал за ним.

«Пижон» понял, что в городе ему от нас не оторваться и, сделав очередной маневр, стремительно устремился к кольцевой дороге. Теперь он имел явное преимущество в скорости. И все же «асу» удавалось удерживать его в зоне видимости.

Больше того, сразу же за городом на узком участке дороги, заполненной автотранспортом, нам удалось почти достичь

«пижона в шляпе». Юркий «жигуленок» легко маневрировал среди большегрузных машин. Похититель явно нервничал. И для нас было полной неожиданностью, когда совсем рядом прогремел выстрел. Сомнений не было, стрелял «пижон в шляпе». Он уже совершил ряд грубых нарушений дорожных правил. И был готов на все, чтобы оторваться от погони. И вот теперь, вновь у большого эстакадного моста через реку он грубо пересек сплошную линию и на огромной скорости резко пошел на обгон рефрижератора. Из-за подъема видимость была ограничена. В это время, как из-под земли, навстречу «мерседесу» вылетел еще один большегруз. Дорогу в одно мгновение как бы заклинило. «Пижон в шляпе» заметался, резко взял влево, пытаясь проскочить в узкую щель между большегрузом и ограждением. И проскочил. Но, видимо, не справившись с управлением на большой скорости, сбил ограждение и переворачиваясь полетел с насыпи вниз…

Мы остолбенели. Наш «ас» едва успел сам затормозить, чтобы не врезаться в остановившийся рефрижератор. Еще не верилось, что на наших глазах разыгралась трагедия. И вся наша детективная погоня приобрела совсем иной, неожиданный оборот. Мы выскочили из машины. «Ас» (мы так и не узнали его имени) остановил нас:

— Кто-то должен ехать со мной, вызвать скорую и милицию.

Азис вернулся, так как мы с Марией уже опускались по насыпи… В изуродованной машине полулежал «пижон в шляпе». Стекло в двери было выбито, он как бы пытался выпрыгнуть через него. Но тело было бездыханным. Я попробовал пульс — признаков жизни не было…

— Не прикасайся к нему, — закричала Мария.

— Но он ведь человек, — возразил я.

— Нет, он не человек, он хуже зверя. Он хотел нашей смерти, он не остановился бы ни перед чем, если даже «звездный камень» не смягчил его сердца.

— Звездный камень? — переспросил я, — Где же он?

— Он в моей сумочке.

И тут мы увидели ту самую сумочку с оборванной ручкой. Она валялась в траве, вместе с другими мелкими вещами, выброшенными из разбитых окон. Девушка подхватила сумочку, открыла и достала шариковую авторучку.

— Камень здесь! — закричала она.

…Первый шок от случившегося прошел. Мы отошли к реке, присели на траву. Вокруг шумел лес. Поляна была усыпана цветами, порхали бабочки и стрекотали кузнечики. Мы немного помолчали. Мария выглядела уставшей и сосредоточенной. Я тоже испытывал страшную усталость. Скажу откровенно,

неизвестность мучила меня: начавшаяся почти по-детски детективная игра закончилась трагически и как знать, может быть мы не имели права…

Но как бы угадав мои мысли, Мария положила свою мягкую нежную руку мне на плечо и прошептала:

— Мы поступили правильно. Мне тоже страшно, что так случилось. Но этот черный человек хотел завладеть силой «Звездного камня». Свет его в добрых руках несет людям добро. В злых — он может стать опасным и грозным оружием. Этот камень доставлен пришельцами с далекой планеты. Они передали его тем, кто способен пожертвовать собой ради блага других. Ты видел очертания этой планеты там на алтаре. Оно было составлено из созвездия маленьких камней, которые хранятся вот в таких же простых шариковых авторучках. Каждый из камней в отдельности не обладает полной космической силой, он просто притягивает человека, как бы манит его. Но когда камни вместе, они преображают человека, они как бы переносят его на далекую счастливую планету. Там все счастливы не потому, что они богаты, а от того, что свет радости у них внутри. Разве ты не был счастлив?

— Да на какое-то время, — согласился я.

— Вот видишь и мы хотим, чтобы все люди испытали это счастье…

— Но это ведь, как наркотик, — возразил я.

— И да, и нет, — согласилась и одновременно возразила Мария. — Свет «Звездного камня» несет людям радость, возможность стать добрее, забыть про все невзгоды жизни. Но он не разрушает тело. Человек как бы переносится в иной мир…

— И все же я не хотел бы жить в мире иллюзий. Наша планета слишком прекрасна, чтобы менять на призрачный мир далекой звезды. Да, реальная жизнь трудна, не устроена, а подчас и ужасна. Но разве не мы, люди, сделали ее такой. Разве не мы, люди — причина испепеляющих войн. Разве не мы стремимся властвовать друг над другом, разве не мы зеленеем от зависти, глядя на успехи соседа и хотим быть богаче всех и ради этого не останавливаемся ни перед чем…

— Вот видишь, ты сам согласился со мной, — перебила меня Мария. — Чтобы преобразовать эту жизнь, мы приняли на себя от инопланетян добровольную миссию спасения человечества. Пусть иллюзорное, пусть кратковременное счастье принесет человеку радость, сделает его добрее, вселит в него надежду и веру. Может быть, это где-то сродни религии, которая своим словом пытается спасти душу человека…

— Но душу «пижона в шляпе», как видишь, спасла только

смерть, — опять возразил я. — Ни золотой крест на груди, ни исцеляющий свет камня не преобразили его. Ведь он был готов убить тебя, чтобы овладеть этой безделушкой. Бог добра должен быть в нас самих, а не в распятии или камне.

— Бог должен быть в душе, — согласилась девушка, — но камень — это особая материя…

— А может оставим эту призрачную материю, она ведь приносит и зло… Посмотри вокруг. Как здесь прекрасно. Я был бы счастлив, если бы здесь, на этом заброшенном берегу реки нам позволили построить дом. Я построил бы его своими руками. Посадил бы небольшой сад, выращивал бы клубнику… Ты любишь клубнику? — спросил я девушку.

— Очень, очень, — прошептала она.

— Я бы каждое утро приносил тебе в постель огромную корзину клубники. Я бы поклонялся тебе, а не этому камню… и был бы счастлив. Ведь наша Земля сама по себе — волшебная планета…

Мария молчала. Она была смущена.

— Ты хотела бы жить на берегу этой реки? — глядя ей в глаза спросил я.

— Да, — прошептала она, — я хотела бы вместе с тобой выращивать клубнику, купаться в реке, строить дом.

— В сущности человеку не так уж много надо: любить и быть любимым, иметь свой дом, кусочек земли, где бы он мог жить и свободно работать…

Я держал ее за обе руки и она была совсем рядом: юная и безумно прекрасная. Я хотел приблизить ее и поцеловать. Но в этот самый миг на дорожную насыпь с воем сирен выехали «скорая» и милицейская машина.

— Мне надо уходить, — с грустью сказала она.

— Но почему?

— Я должна вернуть этот камень, чтобы со мной не случилось. Ведь они, — она кивнула в сторону милиции, — потребуют вещественных доказательств…

— Но подожди, все устроится, — попытался уговорить я девушку…

— Нет, — жестко ответила она и уже мягче добавила, — я тебя найду, будем вместе строить новый дом…

Она уходила плавно, как тогда в свете «Звездного камня» на далекой неведомой планете…

Азис был подавлен. Как я понял, нас уже обвиняли в убийстве человека. Его сбивчивый рассказ в милиции о наших детективных похождениях, подозрениях и о случившемся вызвал у дежурного отдела массу подозрений. Азиса посчитали едва ли не

сумасшедшим…

Но теперь, когда изуродованная машина и окровавленный человек были реальностью, врач и оперативный следователь приступили к работе. Врач сразу же подтвердил смерть «пижона в шляпе». Следователь, сделав ряд поручений, приступил к нашему опросу:

— Так, вы утверждаете, что у него был пистолет и он пытался в вас стрелять, — с недоверием и иронией спросил следователь.

— Да, — одновременно отметили мы. — Может быть пистолет и сейчас в машине.

— Ну что ж, посмотрим, посмотрим.

И так как съемка места происшествия была закончена, следователь приступил к осмотру трупа. И каково было его удивление, когда вслед за пистолетом из внутреннего кармана «пижона в шляпе» извлекли из кожаного кейса совсем миниатюрный специальный магнитофон и блокнот, испещренный колонками цифр.

— Шифрблокнот, — пояснил Азис. — Теперь понятно, с кем мы имели дело…

Мы торжествовали. Молодой следователь суетился, отдавал нелепые распоряжения, но не знал, что же делать дальше. И тогда Азис уже солидно, важно подойдя к старшему лейтенанту авторитетно заявил:

— Надо проинформировать компетентные органы.

— Вы так думаете? — уже извиняясь обратился следователь к Азису.

Александр Бабаш, Генрих Шанкин
Шифр, достойный королей

Несущие смерть «любовные» послания кардинала Ришелье; конфиденциальные сведения «невинных» писем А. Грибоедова шефу жандармского корпуса, гибель всемирно известного астролога Кардана и пляшущие человечки А. Конан Дойля — все это удивительные секреты криптографии.

Эпоха Возрождения принесла расцвет не только наукам, культуре, искусству, но и криптографии.

В XIII–XIV веках методы криптографической защиты информации широко использовались в государствах Италии. Уже с ранних времен венецианское правительство имело особых специалистов — шифровальщиков, а за всей криптографической деятельностью было поручено следить «Совету десяти» — верховному органу власти. Шифры обычно заключались в замене букв латинского алфавита либо другими буквами, либо арабскими цифрами, черточками, точками, произвольными фигурами, причем для одной буквы нередко использовали две-три замены. В шифрованный текст нередко вводились знаки, не имевшие никакого значения для того, чтобы усложнить шифр.

Одновременно развивались методы дешифрования. Особо выделялся на этом поприще Джованни Соро (XVI в.) — один из первых известных крупных аналитиков-дешифровальщиков. Он дешифровал, в частности, депеши Марка Антония Колонны — командующего армией императора священной Римской империи; его услугами пользовалась папская курия — папа Климент VII лично направлял перехваченные депеши для дешифрования.

Шифры имелись и в других государствах Италии. В папской канцелярии они начали применяться в первой половине XVI в. и сначала заключались в замене некоторых слов другими, условными. Так, вместо «гвельфы» писалось «сыны Израиля», вместо «гиббелины» — «египтяне», «Рим» — «Иерусалим». Хорошо разработанные системы шифров применялись в Милане и во Флоренции.

Строгость сохранения криптографических тайн в Италии была чрезвычайной. В годы крестовых походов шифровальщики, служившие у папы римского, подлежали физическому уничтожению, так сохранялась тайна шифра.

Во Флоренции жил искусный криптоаналитик Пирро Музефили, граф Сассетский, дешифровавший депеши французского короля Генриха II, кардинала Неаполя ди Мендосы.

Среди его клиентов были герцог Альба и даже король Англии.

Шифрованная дипломатическая переписка часто вызывала неудовольствие, а иногда протесты и репрессии со стороны заинтересованных дворов. Так, султан Баязит II, узнав, что венецианский посол Дж. Марчелло посылает своему правительству шифрованные письма, приказал ему в три дня покинуть страну. Король Франции Франциск I в XVI веке запретил использование шифров не только своим подданным, но даже послам многих иностранных государств (исключение было сделано для немногих — Ватикан, Англия, Рим).

Отказавшись от употребления шифров, дипломаты прибегли к стеганографическому способу защиты информации и использовали жаргонные коды (которые были известны и ранее). Они заменяли смысл слов, при этом секретное сообщение принимало вид невинного текста, истинный смысл которого мог понять только посвященный в тайну замены слов. Французский посол в России с помощью своего секретаря-мехоторговца послал в Париж письмо такого содержания: «Волчий мех сейчас очень моден. Я слышал, что германский представитель послал заказ на 30 тыс. кротовых шкурок, хотя его денежное положение неважное. Интересно, где он возьмет деньги на их оплату». Согласно имевшемуся у этого посла жаргонному коду «волком» назывался австрийский посол, «кротовым мехом» — английские войска и т. д. В Париже письмо было расшифровано следующим образом: «Россия и Австрия собираются заключить союз; ходят слухи, что прусский король попросил у Англии 30 тыс. солдат, но что он испытывает трудности с их получением, так как у него нет денег».

В XIV–XV веках клерк тайной канцелярии папской курии Чикко Симонетти написал книгу о тайнописи. В ней он изложил усовершенствованные шифры замены, в том числе и шифр многозначной замены, в котором одной и той же букве (гласной) соответствует несколько шифрообозначений. Симонетти обслуживал герцогов Сфорца, олигархов Милана, дешифруя для них перехваченные депеши. Он разработал 13 правил дешифрования шифров простой замены, которые изложил в рукописи на трех кусках пергамента.

Секретарь антипапы Клементия VII Габриель де Лавинда в XV веке написал «Трактат о шифрах» (первый учебник по криптографии), в котором изложил методы дешифрования шифров замены, основанный на подсчете частот букв, и описал шифры пропорциональной замены. В последнем шифре буквам алфавита ставилось в соответствие несколько шифрообозначений, причем их количество было пропорционально частоте появления буквы в текстах итальянского языка.

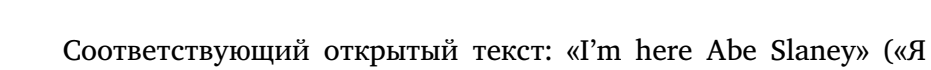
Наиболее крупного успеха в развитии криптографии в то время достиг Леон Альберти, человек универсального таланта, архитектор и математик. В 1466 году он представил в папскую канцелярию трактат о шифрах (написанный по заказу папы римского), в котором провел анализ частот букв, исследовал шифры замены и перестановки, затронул вопросы стойкости шифров. Замеченная Альберти разночастотность появления букв в осмысленных текстах дала толчок изучению синтаксических свойств письменных сообщений. При этом основное внимание обращалось на наиболее часто встречающиеся буквы. В русском языке первые десять наиболее частых букв породили несколько неудобное для чтения слово «сеновалитр» (внутри этого слова «приоритеты» букв не соблюдаются). В итальянском языке среди наиболее частых букв встречаются в подавляющем большинстве гласные буквы. (Не в этом ли секрет «певучести» итальянского языка?)

Альберти впервые выдвинул идею «двойного шифрования» — текст, полученный в результате первого шифрования, подвергался повторному зашифрованию. В трактате Альберти был приведен и его собственный шифр, который он назвал «шифром, достойным королей». Он утверждал, что этот шифр не дешифруем. Реализация шифра осуществлялась с помощью шифровального диска, положившего начало целой серии многоалфавитных шифров. Устройство представляло собой пару дисков — внешний, неподвижный (на нем были нанесены буквы в естественном порядке) и внутренний — подвижный — на нем буквы были переставлены. Процесс шифрования заключался в нахождении буквы открытого текста на внешнем диске и замену ее на соответствующую (стоящей под ней) букву шифрованного текста. После шифрования нескольких слов внутренний диск сдвигался на один шаг. Ключом данного шифра являлся порядок расположения букв на внутреннем диске и его начальное положение относительно внешнего диска.

В начале XVI века криптограф папы римского Матео Арженти изобрел буквенный код. В этом коде 1 200 некоторых букв, слогов, слов и целых фраз заменялись на группы букв.

В 1563 году Джованни Порта (итальянский естествоиспытатель, член научного общества, в которое входил и Галилей) написал книгу «О тайной переписке», в которой описал шифры, представляющие собой шифры простой замены на биграммах (двухбуквенных сочетаниях), описал их свойства, привел наиболее часто употребляемые слова и фразы в текстах любовного и военного характера, а также провел криптоанализ, в котором использовал «метод протяжки вероятного слова», смысл

которого заключается в следующем. Предполагается наличие в тексте некоторого «вероятного слова» (или слов): известная подпись, адресация и т. д. Затем это слово опробуется на криптограмме (по возможным местам его нахождения). При опробовании отождествляются знаки открытого и шифрованного текстов и на этой основе делается попытка прочитать всю криптограмму. Данный метод хорошо описан в произведении Конан Дойля «Пляшущие человечки». Шифрованное послание имело следующий вид:



Соответствующий открытый текст: «I'm here Abe Slaney» («Я здесь. Аб Слени»). Использован шифр простой замены букв на фигурки людей; флажок в руках означает конец слова.

Одно из выдающихся нововведений де ла Порта — это шифр периодической лозунговой замены. В применении к русскому языку он представляет собой прямоугольную таблицу из букв алфавита в следующем порядке.

Шифрование производится при помощи секретного лозунга. Лозунг периодически выписывается открытым текстом, по первой букве лозунга отыскивается алфавит (большие буквы в начале строк), в верхнем или нижнем полуалфавите отыскивается первая буква открытого текста и заменяется соответствующей ей буквой из верхней или нижней строки. Аналогично шифруются и другие буквы. Приведем пример:

Лозунг: философия философия…

Открытый текст: периодический шифр…

Шифротекст: щщляцытгфэюзраяхм…

За этот шифр де ла Порту позднее назвали отцом современной криптографии, но в свое время он не нашел широкого применения. Причина этого — необходимость постоянно иметь при себе указанную таблицу и сложность шифрования. Однако был дан импульс для появления других систем (например, шифра Виженера).

Примерно в это же время (1550 г.) появляется книга математика и философа Дж. Кардано «О тонкостях» с дополнением «О разных вещах», в котором имеются разделы, посвященные криптографии. В ней нашли отражение новые идеи криптографии: использование части самого передаваемого открытого текста в качестве ключа шифра и новый способ шифрования, который вошел в историю как «решетка Кардано». Для ее изготовления брался лист из твердого материала (картон, пергамент, металл), представляющий собой квадрат, в котором вырезаны «окна». При шифровании решетка накладывалась на лист бумаги, и буквы открытого текста вписывались в «окна». При

использовании всех «окон» решетка поворачивалась на 90 градусов, и вновь буквы открытого текста вписывались в «окна» повернутой решетки. Затем вновь производился поворот на 90 градусов и т. д. В один «заход» решетка работала 4 раза. Если текст зашифрован не полностью, то решетка ставилась в исходное положение и вся процедура повторялась.

Главное требование к решетке Кардано — при всех поворотах «окна» не должны попадать на одно и то же место в квадрате, в котором образуется шифротекст.

Если в квадрате после снятия решетки образовывались пустые места, то в них вписывались произвольные буквы. Затем буквы квадрата выписывались построчно, что и было шифрованным текстом.

Судьба Кардано сложилась трагически. Как астролог, он заранее предсказал себе 75 лет жизни. Чтобы не нарушать собственное предвидение, он покончил с собой в отведенный им срок со словами: «Если и неверно, то неплохо придумано».

Предложенный Кардано «шифр-решетка» лежит в основе знаменитого «шифра Ришелье», где шифрованный текст внешне имел вид «невинного послания». Из плотного материала вырезался прямоугольник размером 7x10, в нем проделывались окна (на рисунке они заштрихованы).

Секретный текст вписывался в эти окна, затем решетка снималась и оставшиеся клетки заполнялись так, чтобы получалось «невинное» сообщение. Суровую команду на английском языке: «EOU KILL AT ONCE» с помощью решетки можно спрятать в «невинный» текст любовного содержания: «I LOVE YOU. I HAVE YOU. DEEP UNDER MY SKIN. MY LOVE. LASTS FOREVER IN HYPERSPACE».

Разумеется, использование этого шифра вызывает затруднения и требует соответствующего интеллекта.

Такого рода шифр использовал известный русский писатель, общественный деятель и дипломат А. С. Грибоедов. Будучи послом в Персии, он писал своей жене «невинные» послания, которые, попав в руки жандармерии, для которой и были предназначены, расшифровывались по соответствующей «решетке» и передавались царскому правительству уже как секретные сведения.

Кардано принадлежит также ряд доказательств о невозможности раскрытия предложенного им шифра путем подсчета возможных ключей. Кроме того, он предложил общую идею оценки стойкости шифров, основанную на большом количестве образуемых при дешифровании открытых осмысленных текстов. Он же, как уже отмечалось, предложил, но

не реализовал идею использования шифруемого открытого текста в качестве ключа.

Василий Ставицкий
Легион белой смерти

Белой смертью называют наркотики. По данным ЮНЕСКО, от этой заразы ежегодно умирают сотни тысяч человек. Но если чума практически поголовно поражала целые города и села, то наркомания несет смерть точечно — по каждому человеку в отдельности. И каждый мучается и умирает отдельно друг от друга, незаметно покидая этот мир. Но от этого беда каждого и всех не менее трагична.

Сегодня на борьбу с этим злом брошены огромные силы государств мира: правоохранительные органы, медики, ученые, политики и т. п. К сожалению, результат общих колоссальных усилий минимален. Зараза наркомании расползается по всему миру, поражая все больше и больше людей.

Строгих учетов потребителей наркотиков, обрекающих себя на мучения и смерть, почти нет. Но, по оценкам различных экспертов, эта цифра достигает от 50 до 100 миллионов человек в мире. Что касается людей, потребляющих наркотики в России, то официально на медицинском учете состоит порядка 270 тысяч человек. Это те, кто уже обращался, проходил лечение с диагнозом «наркомания». Что касается общего числа лиц в стране, которые потенциально употребляют наркотики, то, по экспертной оценке, проводившейся по четырем методикам, на начало 2000 года было порядка 2,5 миллиона человек постоянно употребляющих наркотики. Прогнозируется, что к концу столетия эта цифра будет более 3 миллионов человек. В США примерно 12 миллионов человек употребляют наркотики регулярно. Но эти официальные цифры явно занижены.

Почему же, вопреки всякому здравому смыслу, все большее число людей подвергает себя смертельному риску? Ответ на этот вопрос достаточно сложен, поскольку человек постоянно подвергается самому различному негативному воздействию окружающей среды, в том числе и психологическому. Наркотик позволяет на время уйти в мир иллюзий, где нет тяжелых повседневных проблем. Но назавтра эти проблемы удваиваются, а то и многократно возрастают. Но это завтра, а сегодня не хочется тяготиться ими. Этой человеческой слабостью умело воспользовались те, кто сегодня зарабатывает огромные деньги на бедах людей. И сегодня, некогда разрозненные мелкие торговцы наркотиками, объединились в мощную международную

наркомафию. Во многих странах мира сегодня действуют хорошо организованные группы дельцов, которые организовали замкнутый цикл производства, распространения и потребления наркотиков. Причем наркомафия активно вмешивается в политическую жизнь, государственные и международные процессы. О том, как это происходит, рассмотрим на примере косовского кризиса в Югославии.

Если деятельность, к примеру, Колумбийской наркомафии хорошо известна и с ней достаточно активно, хотя не всегда результативно борются спецслужбы США, то резкое возрастание влияния косовских наркодельцов на героиновый рынок было столь стремительным и неожиданным, что многие даже не поняли, как это могло произойти в цивилизованной Европе. На самом же деле пример сращивания косовской наркомафии не только с националистическими кругами албанцев, но и с представителями политического лобби США и некоторых стран Европы просто удивляет.

Примечательно, что освободительную армию Косова (ОАК) до недавнего времени сравнивали с международной террористической организацией «Хезболлах». Кстати, это так и было, по своей сути они близнецы-братья. Но руководство ОАК сумело найти тайные ходы, чтобы резко изменить ситуацию в свою пользу. Были разыграны две козырные карты: первая — Красный Милошевич, которого надо уничтожить, и вторая — деньги, очень большие деньги, получаемые от торговли героином в Европе. На эти деньги были куплены лоббисты из числа влиятельных политиков и журналистов, которые внушили широкой международной общественности мысль о том, что Югославия — новая империя зла, которую нужно уничтожить. На эту приманку клюнули очень многие. В мире, казалось бы, вопреки всякой логике, развернулась широчайшая кампания нападок на Югославию в лице Милошевича и защиты албанского анклава, который еще совсем недавно выступал и продолжает выступать в поддержку многих международных террористических организаций антисемитского толка. Такая метаморфоза в мировой политике произошла благодаря колоссальной денежной подпитке со стороны косовской наркомафии.

Милошевича использовали как красную тряпку, на которую набросился заокеанский бык. Последний оплот коммунизма на Европейском континенте, каким пытаются представить Югославию отдельные политики, затмил глаза многим. НАТО бросило на маленькую Югославию, точнее на то, что от нее осталось, огромную армию современных бомбардировщиков и ракет. Косовские наркодельцы лишь подбрасывали деньги в этот

огромный костер мировых проблем. Все совершалось под предлогом защиты якобы нарушенных прав албанцев. В то же время тот факт, что сербы сегодня фактически вытеснены со своей исконной территории, а оставшиеся там уничтожаются, никого в мировом сообществе практически не тревожит.

Чтобы лучше верилось в эту сфабрикованную теорию нарушения прав албанцев, были привлечены лучшие пропагандистские силы. На бешеные деньги косовских наркодельцов скупались аналитики, журналисты, политики и даже бизнесмены. Как говорится, нет такого дельца, которого нельзя было бы купить за большие, очень большие деньги.

Поэтому подобная международная близорукость сначала удивляла, а в настоящее время начинает просто пугать многих здравомыслящих политиков. Мы оказались перед фактом, что практически в центре Европы образовано мафиозное косовское государство, которое стало основным поставщиком наркотиков. Об этом говорят не только российские правоохранительные органы, но особую тревогу и обеспокоенность проявляют британские спецслужбы. По их оперативным данным, косовская наркомафия контролирует практически весь европейский героиновый рынок. Примечательно, что Англия сегодня вплотную столкнулась не только с международной наркомафией — здесь свили гнездышко под крылом псевдодемократии представители самых радикальных международных террористических организаций.

Сегодня многие в Европе задаются таким вопросом: как можно было собственными руками, на собственные деньги, собственным оружием создать на Европейском континенте мощный мусульманский анклав, амбициозных новоявленных косовских политиков? Хочу сразу оговориться, что мусульманский анклав совсем не религиозное понятие, а скорее мафиозно-политическое образование. Это поопаснее троянского коня, которого смело и необдуманно втащили в Европу.

Сегодня это хорошо понимают очень многие в Англии, Франции, Германии и других странах. А совсем недавно всем словно затмило глаза. Сейчас прозрели. Но, увы, поздно. В центре Европы — агрессивная, хорошо вооруженная армия косоваров, которая фактически создана и содержится на деньги косовской наркомафии. Давайте смотреть правде в глаза. Конечно же, эта армия не самораспустится и не саморазоружится. Она продолжает навязывать правила игры как в политике, так и в экономике. Особенно это видно наглядно на примере перераспределения сфер влияния в области наркобизнеса, как наиболее доходной сферы теневой преступной экономики.

Примечательно, что и европейская наркомафия практически без боя сдала свои позиции на собственном континенте. Невероятно, но это факт, что европейцы отступили перед объединенным напором мусульманских наркодельцов. И сегодня, если взглянуть на специальную карту, на которой обозначены маршруты наркоторговцев, то отчетливо видно, что 80–90 процентов наркотиков поступает в Европу из Афганистана, Ирана и Пакистана через перевалочные пункты в Косово. Почему это так? Ответ достаточно прост: в Косово горит зеленый свет, путь совершенно свободен для наркоторговцев. В других странах нужно постоянно проходить таможенный досмотр, рискуя ценным товаром. В Косово нет никакого риска. Наоборот, к услугам поставщиков — транспорт, гостиницы, адреса потребителей. Словом, обеспечен высший сервис, только плати зелененькие.

Впрочем, по данным международных спецслужб, косовские албанцы жестко контролируют торговлю наркотиками не только в Европе. Совсем недавно в Карибском море на торговом судне «Чайна бриз» была перехвачена крупнейшая партия наркотиков, как считают специалисты из Интерпола, стоимостью более чем на 400 миллионов фунтов стерлингов по ценам «черного рынка». Кокаиновый порошок был упакован в многочисленные мешки, по 20 килограммов каждый, и спрятан в трюме. Даже видавшие виды военные моряки с британского фрегата «Мальборо», задержавшие этот смертоносный груз, ахнули при виде такого невиданного объема кокаина. Но удивило и другое, — как выяснилось, хозяевами груза были не латиноамериканцы, а косовские албанцы. Комментарий здесь излишен.

Европейские наркодельцы в последние годы, отступив под натиском более наглых и сильных конкурентов, стали мелкими потребителями наркотиков, довольствуются перепродажей мелких партий героина на дискотеках и в ночных барах. Что же, каждому свое! Не случайно в старой доброй Англии горько шутят, что скоро, совсем скоро Великобритания станет колонией развивающихся стран. Впрочем, эта участь ждет в XXI веке и Францию, и Германию, и Россию, и другие европейские страны из-за колоссального наплыва наркотиков и наступления мусульманской наркомафии. Примечательно, что в свое время этнические албанцы пришли в православную Сербию как переселенцы. Сербы как добросердечные, гостеприимные люди приютили этот народ на своей земле. Но спустя десятилетия правнуки тех сербов жестоко расплатились за близорукость своих прародителей. Сегодня сербы фактически вытеснены со своей территории или уничтожены физически. Поэтому факт экспансии европейских земель — объективная реальность. Здесь есть над

чем подумать. Фактически в Европе начался новый процесс передела границ. Причем этот процесс активно, хотя и тайно, поддерживают отдельные германские политики, забывая о горьких уроках истории, и самое главное о том, что сама Германия сегодня фактически подвергается мусульманской экспансии. Пока это не совсем заметно, но процесс идет и к середине XX века число переселенцев в этой стране составит одну треть!

Это хорошо понимают теневые политики от наркомафии, которые вынашивают амбициозные, планы мирового господства. На первый взгляд подобное утверждение кажется фантастическим. На самом же деле наркомафиозный монстр существует, он реален. Он даже более реален, чем призрак коммунизма, который недавно бродил по миру. И пример деятельности косовских наркодельцов убедительное свидетельство того, что наркомафия не только властвует на черном рынке, но и активно вмешивается в мировую политику, перекраивая карту Европы на свой лад. Наркомафия активно влияет на действия крупнейших политиков, государственных деятелей, на принятие решений в важнейших международных организациях, в том числе и НАТО. Ведь не секрет, что нанесение ракетно-бомбовых ударов по Сербии было выгодно только мусульманскому анклаву и стоящим за ним воинствующим силам террористов и боевиков из освободительной армии Косова. Бомбежки Сербии — это нанесение ударов, как это не покажется странным, прежде всего по интересам Израиля в Европе и на Ближнем Востоке. Ведь очевидно: укрепляется мусульманский анклав, который тайными нитями тянется в Палестину и Ливан. И эти тайные нити столь очевидны, что просто удивляет близорукость современных политиков, которые так легко попались на крючок косовской наркомафии.

Кстати говоря, новым анклавом наркомафии становится Чечня. Эта «свободная», до недавнего времени никем (кроме бандитов) не контролируемая территория была прекрасным местом для создания обширного плацдарма для накопления и последующего распространения наркотиков в Россию и восточно-европейские страны — Польшу, Чехию, Литву, Латвию, Эстонию и Скандинавию.

Сюда в «мятежную» Чечню потянулись различные авантюристы и проходимцы, типа Хаттаба (Эмир ибн Аль-Хаттаб). «Черный араб» как его называют боевики, до того как стать «генералом» активно промышлял торговлей наркотиками и живым товаром. Большое состояние его семьи не было послано Аллахом, его создавали, перепродавая наркотики, похищенных

людей (в основном девушек для гаремов) и детей для пересадки донорских органов очень богатым клиентам. Семья активно торгует оружием, в том числе и в США.

Когда же Федеральные войска России наступили на «больную мозоль» Хаттаба, то он по «идейным соображениям» начал «священную» войну против неверных в Чечне. Впрочем, до этого он активно воевал в Афганистане, затем в Ираке, когда там началась «Буря в пустыне». Его кровавые следы остались в Израиле, Югославии, в Пакистанских лагерях афганских моджахедов. Причем, на первый взгляд, даже не понятна логика того, против кого он воевал. Это были советские войска в Афганистане, американские рембо в Ираке, евреи в Палестине и албанцы в Косово.

На первый взгляд — это хобби больного человека, которому все равно где и с кем воевать, кого и как убивать. Но «Черный араб» не был бы богатым человеком, если бы не преследовал свои цели во всех этих международных конфликтах. Действуя в «золотом полумесяце» — Афганистан, Пакистан и Иран — он защищал интересы производителей наркотиков, а в Ираке, Косово и Чечне — главные каналы сбыта «белой смерти». Вот теперь все становится на свои места: не великие идеи движут проходимцами, а голый коммерческий расчет.

Есть основания утверждать, что и баснословные богатства главного международного террориста Усама бен Ладена имеют наркотический привкус: большая часть активных действий суданского миллионера связана с Афганистаном. Его поступки в середине 80-х годов кажутся нелогичными. Уже тогда весьма богатый и предприимчивый бен Ладен бросает большой семейный бизнес по строительству дорог на Аравийском полуострове, а также фармацевтическое предприятие «Эль Шифа» в Хартуме на попечение своих родственников и, сломя голову вылетает в Афганистан, чтобы сражаться с советскими войсками.

Причем бен Ладен не гнушался ничем: сам активно участвовал в карательных экспедициях со своим любимым автоматом Калашникова, вербовал наемников, а самое главное постоянно сотрудничал с представителями ЦРУ США в штаб-квартире этого ведомства, размещавшейся тогда в местечке Ленгли. Бен Ладен часто бывал в Пешаваре, главном центре афганских моджахедов, где концентрировались учебные лагеря, службы разведки и тылового обеспечения. Однако у активного боевика, агента ЦРУ была еще одна особая тайная забота — это выколачивание денег из производителей и торговцев наркотиками. Обратите внимание, суданский миллионер также действует в «золотом полумесяце», главном регионе производстве

наркотиков. Бен Ладен с оружием в руках защищает интересы арабской наркомафии в Афганистане и Пакистане.

Когда же угроза возникает над Ираком, также важном источнике наркотиков, бен Ладен резко меняет свои позиции. Агент США с началом операции «Буря в пустыне» становится главным врагом Америки. Он не только выступает на словах против агрессии США, а сам активно действует. ЦРУ США обвиняет бен Ладена в совершении ряда террористических взрывов в гостиницах Йемена, где проживали американские морские пехотинцы, казарм Хобар Тауэрс в Саудовской Аравии. В результате большое количество американцев было убито, более 500 ранено. Таких больших потерь США не несли со времен вьетнамской войны. На совести суданского миллионера и другие террористические акты против американцев.

Поэтому не случайно Усам бен Ладен был объявлен главным врагом американской нации. За этим последовали действия. По фармацевтическому предприятию «Эль Шифа» в Судане (принадлежавшему семье международного террориста) США нанесли мощный удар крылатыми ракетами типа «Томагавк». Причем, главным мотивом этого было предположение ЦРУ о том, что на этом заводе якобы разворачивается производство химического и бактериологического оружия, которое террористы могли бы использовать против мирного населения. Мотив благороден, но принявшие такое решение в США, как бы забыли, что при наличии такого смертоносного оружия, взрыв завода приведет к большой экологической катастрофе, гибели тысяч людей. Но об этом тогда не думали.

Сегодня, когда бен Ладен, главный враг США, скрывающийся в горных районах Афганистана, переориентировался на чеченскую проблему, его как бы стали забывать. Во всяком случае, при желании ЦРУ разыскало бы главного международного террориста в любом районе Афганистана, тем более что США имеют особое влияние в этом регионе. Но бен Ладена никто не трогает. И он спокойно занимается своим любимым делом: стрижет купоны с торговцев наркотиками, а на вырученные деньги закупает оружие и вербует наемников для войны в Чечне. Времена меняются. Но этот факт — дополнительное свидетельство того, что наркомафия, защищая свои геополитические интересы, способна на все.

Глобальные проблемы борьбы с наркомафией активно обсуждались на встрече представителей спецслужб России и США в Спас Хаузе, резиденции посла США Джеймса Коллинза в Москве. К этой протокольной встрече готовились тщательно и всерьез. Формально это мероприятие называлось: «Прием по

случаю вручения награды правительства США полковнику ФСБ Ермакову». На самом деле за этим стояло нечто большее. Практически впервые за годы постперестроечной оттепели в российско-американских отношениях проводилось такое совместное мероприятие. Тень недоверия между спецслужбами сохранялась еще с советских времен, поскольку КГБ всегда воспринимался как самый враждебный, сильный и коварный враг. Этот стереотип сильно засел в сознании политиков и представителей спецслужб. И это было трудно вышибить из сознания. Встреча в особняке посла США в Спас Хаузе как раз и была призвана сломать этот стереотип, сблизить в неформальной обстановке представителей двух сильнейших спецслужб.

Повод для этого был самый благоприятный. Спецслужбы России и США успешно завершили ряд совместных операций по пресечению деятельности крупнейших наркоторговых группировок, действовавших на территории четырех континентов: Америки, Азии, Европы и Африки. В ходе реализации оперативных мероприятий были арестованы десятки наркодельцов, поставлявших крупные партии наркотиков из Латинской Америки и стран так называемого «золотого полумесяца» — Афганистана, Ирана, Пакистана, а также через посредников из стран «золотого треугольника» — Лаоса, Таиланда и Мьянмы. Были пресечены важные каналы поставки наркотиков в США и Европу, в том числе и в Россию.

В организации и реализации этой сложнейшей операции самое активное участие принимал полковник ФСБ И. А. Ермаков, много лет возглавлявший отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Именно при нем этот особый отдел ФСБ вышел на проведение международных операций по борьбе с наркомафией. Именно при нем установились деловые, партнерские отношения с американскими спецслужбами, занимающимися разработкой организованных преступных групп наркоторговцев.

Наши американские коллеги были хорошо осведомлены о служебной деятельности полковника Ермакова. Да и сам он, по характеру общительный и открытый (совсем редкая черта для представителя спецслужб), всегда располагал к откровенному разговору и никогда не боялся сказать то, что думает, без оглядки на руководство. Это качество общения в работе очень подкупало американцев. Ермаков просто и четко решал все вопросы по согласованию действий в совместных операциях.

Ни для кого не секрет, что на бюрократические согласования в обоих ведомствах уходят долгие дни, а то и недели. Этим страдают и русские, и американцы. Этим страдают все

государственные ведомства, а спецслужбы особенно, где каждое действие необходимо согласовывать не только с начальством, но и с грифом, параграфом служебных инструкций.

Полковник Ермаков не нарушал служебных инструкций, он просто не перестраховывался и брал всю ответственность на себя. И, как правило, оперативная группа действовала четко, слаженно и решительно. Именно такие действия и обеспечили успех совместных операций. Эти качества высокопрофессионального российского полковника импонировали американцам. Не случайно поэтому Агентство по борьбе с наркотиками (ДЕА) Министерства юстиции США вышло в администрацию Била Клинтона с представлением о награждении полковника ФСБ Ермакова государственной наградой США. Случай по своей сути беспрецедентный.

К официальному приему готовились тщательно. В Спас Хаузе — резиденции посла США — не раз собирались представители ряда их ведомств, в том числе и ЦРУ. Всем хотелось, чтобы встреча прошла на высшем уровне: и торжественно и по-деловому одновременно. Нужно было заложить хорошую основу отношений в борьбе с наркомафией уже на более высоком уровне, на уровне руководителей спецслужб. На встречу по случаю вручения награды полковнику Ермакову были приглашены директор ФСБ Путин В.В., ныне — президент России, его заместители, ведавшие вопросами борьбы с организованной преступностью, в том числе и с незаконным оборотом наркотиков, другие высокопоставленные чиновники двух ведомств.

Кстати говоря, эти деловые контакты на уровне руководителей спецслужб были продолжены. По согласованию, в сентябре 1999 года в этой же резиденции посла США в Спас Хаузе состоялось рассмотрение меморандума о сотрудничестве между спецслужбами России и США в области борьбы с наркотиками. Этот важный документ подписали директор ФСБ России Николай Патрушев и министр юстиции США Джанет Рино. В переговорах также участвовал заместитель Директора ФСБ Сергей Иванов, ныне секретарь Совета безопасности России. Меморандум о сотрудничестве заложил хорошую правовую основу для дальнейшего взаимодействия двух великих держав в борьбе с наркомафией. Об этом могу свидетельствовать лично как непосредственный участник этих двух встреч в Спас Хаузе.

ФСБ России поддерживает с ДЕА активные партнерские отношения с 1992 года. Проводятся регулярные рабочие встречи сотрудников московского представительства Агентства и экспертов ФСБ, работающих на линии борьбы с незаконным международным оборотом наркотиков. Осуществляется обмен

оперативной информацией, разрабатываются и согласовываются конкретные мероприятия в рамках операций по перекрытию каналов контрабандных поставок наркотиков в Россию и США, в другие государства. Кроме того, по приглашению представительства ДЕА в Москве сотрудники ФСБ постоянно принимают участие в международных семинарах, проводимых как в России, так и за рубежом для работников антинаркотических подразделений правоохранительных органов. Здесь происходит обмен опытом работы в сфере противодействия наркобизнесу. Как правило, финансирование подобных мероприятий практически полностью берет на себя американская сторона. Впрочем, вернемся к событиям первой встречи в Спас Хаузе

В 13 часов по московскому времени началась церемония вручения награды. Как водится в таких случаях по протоколу, состоялся обмен речами. И посол США Джеймс Коллинз, и директор ФСБ Владимир Путин, тогда еще только начинавший свою политическую карьеру, говорили без бумажек, откровенно и по-деловому. Собравшиеся в прекрасном зале Спас Хауза хорошо понимали всю опасность широкого распространения наркотиков — этой скрытой заразы, которая изнутри разлагает население двух стран, поражая не только тела, но и души наций. Скрытая тайная война наркомафии против огромных масс населения мира не менее опасна, чем ядерная война. На первый взгляд, это сравнение кажется парадоксальным. Но на самом деле степень поражения населения более масштабна, чем после ядерного взрыва, который может поразить большой город или часть территории. Наркомания охватывает все города, все населенные пункты, все население мира. При этом масштабы глобального поражения внешне не ощутимы и не видимы, все происходит исподволь, незаметно.

Это особенность нового оружия массового поражения, которое способно в ближайшие годы нанести смертельный удар практически по всем странам мира. Причем, часть населения просто самоуничтожится, а часть деградирует и окажется неспособной защитить собственное жизненное пространство. Тогда без армий и оружия произойдет глобальный передел мира. И победят те народы, которые сумеют противостоять наркомании — этой чуме XXI века. Угроза особенно опасна для населения цивилизованных стран, в том числе и России, которая сейчас переживает не только серьезный политический, экономический, но и нравственный кризис. Если Россия не преодолеет это состояние, то ее ждет участь раздробленной третьестепенной страны. Поэтому для российских спецслужб борьба с

наркомафией — это борьба за жизнь и судьбы тысяч и тысяч молодых людей, это борьба за будущее России. Вот почему каждая перехваченная партия наркотиков — это бессонные ночи и напряженные операции по борьбе с наркомафией…

Полковник Ермаков мог бы рассказать много детективных историй из своей оперативной практики. Но несмотря на свой открытый характер, он пока не обо всем может поведать. И все же, изменяя время и место действия, а также фамилии и имена действующих лиц, хотелось бы рассказать об одной почти детективной истории Это не самая крупная, масштабная операция, в ней нет погонь и захватов, но она как образец повседневных буден тех, кто борется с наркоторговцами.

В столичном аэропорту Шереметьево-2 к любой публике давно привыкли. Здесь хватает всех: и деловых людей, и чопорных политиков, и экстравагантных деятелей искусства, и соблазнительных проституток, откровенно зарабатывающих свой хлеб на приезжих клиентах. У всех здесь свои роли, несмотря на кажущийся хаос перемещения огромной массы прилетающей и отлетающей публики. Поэтому появление в аэропорту двух американских проституток, прилетевших рейсом № 30 авиакомпании «Дельта» из Нью-Йорка прошло незамеченным. Однако всполошились местные московские девицы, увидев в американских мулатках реальных конкуренток по сладкому бизнесу.

И хотя мулатки старались скрыть свою профессиональную принадлежность, их было хорошо видно «по полету». К ним подходили, с ними пытались знакомиться, но получали отказ. И это было несколько странно. Прекрасные американки никуда не спешили, разгуливая по залам аэропорта и ресторанам. Казалось; что они ищут богатых клиентов. В одном из залов их даже попытались блокировать местные проститутки. Дело могло дойти до серьезной разборки, но вовремя вмешалась милиция. Впрочем, прилетевшие мулатки несмотря на свой вызывающий вид, вели себя весьма скромно, так и не проявив конкретного интереса к любопытным клиентам. О них стали забывать, они как бы растворились в толпе.

В 23 часа 55 минут в Шереметьево-2 приземлился другой самолет из Карачи Пакистанской авиакомпании. Пассажиров рейса встречали знакомые, друзья, представители компаний и фирм. Этим рейсом в Москву прилетели два молодых пакистанца — Абдул Саид и Ибрагим Бек. Их никто не встречал в зале для прилетающих, но они сами довольно уверенно ориентировались в российском аэропорту. Почти сразу поднявшись на лифте на второй этаж, заглянули в один из ресторанчиков, где проводили

время знакомые нам мулатки. Их магические взгляды у стойки бара сразу же привлекли внимание пакистанцев. Состоялось привычное в таких случаях знакомство: девочки нашли своих клиентов. Внешне это выглядело столь обычно и пристойно, что не вызывало никаких вопросов.

Сговорившись, мулатки повели своих клиентов, но не в гостиничный номер, как этого следовало ожидать, а в зал отлетов. Американки стали в очередь на рейс, отлетавший из Москвы в Нью-Йорк. Такое странное поведение американок в шумной толпе приезжих, конечно же, осталось внешне не замеченным. Кому какое дело до того, что две проститутки перелетели через океан, чтобы через четыре часа улететь обратно, так и не очистив карманы ни одного богатенького Карабаса Барабаса? Кому какое дело?! Так думали и мулатки, прилетевшие в Москву, так думали и организаторы этого челночного рейса. Но они просчитались: за американками уже с момента их появления в аэропорту внимательно следили. За несколько дней до их прилета в Шереметьево-2 в ФСБ России пришла секретная телеграмма из Агентства по борьбе с наркотиками США:

> «Просим отфиксировать прилет в Шереметьево-2 рейсом № 30 авиакомпании «Дельта» гражданок США Били Клинсон и Моники Ливской. Просим установить их возможные связи по передаче наркотиков в России. Внешние данные: мулатки, возраст 25 лет, 90 х 60 х 90, обаятельны, неотразимы, профессиональные проститутки. Специализируются также на переправке партий наркотиков.
>
> **Особые приметы:** сексуальный взгляд смертелен. Возможна связь с пакистанскими наркоторговцами».

Такой характеристики было более чем достаточно, чтобы наружка точно отфиксировала прилет в Шереметьево-2 заезжих мулаток. На первых порах оперативникам показалось, что операцию по связи с наркоторговцами готовили дилетанты: как можно было отправлять курьерами таких приметных девиц. По всем признанным канонам спецслужб операции по связи должен осуществлять неприметный безликий связник, ничем не выделяющийся из толпы. Но любая классическая схема претерпевает изменения. И данный нестандартный ход организаторов передачи наркотиков был оригинален. Внешняя суперпривлекательность девиц отвлекала от всего остального, обыденного, житейского. И, как показал ход дальнейших событий, такая тактика себя полностью оправдала. Наиболее ярко это проявилось во время досмотра багажа. Когда чемоданы

американок проходили технический контроль, оператор смотрел не на экран монитора, а, забыв про все, в глаза мулаток. Взгляд был действительно смертелен. Американские коллеги не ошиблись в своей характеристике.

Впрочем, не будем забегать вперед. У наших оперативников было немало других волнений. Странное поведение визитерок в начале операции немного обескуражило. Ожидалось, что они выедут в Москву, где им был заказан номер в гостинице, и что они, согласно визе, пробудут у нас в России, по крайней мере, 5–6 дней. Под эту программу было заказано специальное такси и специальный номер. По просьбе американских коллег разработали классическую схему отслеживания связей американок по передаче наркотиков. Но события развивались не стандартно…

Время шло, а американки не торопились покидать аэропорт. И вдруг — эта неожиданная встреча с пакистанцами. Конечно, здесь о многом можно было догадываться. Но действие развивалось столь стремительно, что не все сразу можно было понять. Теперь американки уже готовились к отлету, подходили к стойке таможенного досмотра. И самое странное, что у них в руках вдруг неожиданно оказались большие серые чемоданы. Откуда они взялись? Кто передал? В толпе отъезжающих не все можно отфиксировать. Впрочем, теперь все понятно — это чемоданы пакистанцев. Это они молниеносно и незаметно передали американкам свой ценный груз. Внешне для окружающих все выглядело привычно: мужчины поднесли вещи очаровательных женщин. И вот — эти объемистые чемоданы уже просвечивались на экране монитора. Вот когда сработал смертельный сексуальный взгляд мулаток: оператор, забыв о чувстве долга, даже не взглянул на экран, хотя на нем достаточно четко обозначались силуэты странных пакетиков, расфасованных среди парфюмерии и женского белья. Ручная кладь явно требовала досмотра, но чемоданы уже прошли контроль. Они в руках мулаток, которые решительно устремились к боксу для посадки на вылет…

Конечно, еще не поздно, можно все остановить, изъять чемоданы, явно наполненные наркотиками, произвести их дополнительный досмотр. А что там героин, нет никаких сомнений.

— Как быть? — лихорадочно думает руководитель группы Сергей Петров. Все пошло не по намеченному ранее классическому сценарию, а совсем наоборот. На глазах оперативников уходит крупная партия героина. Нужно сейчас же, немедленно поставить в известность таможенников, потребовать

досмотра и изъятия багажа. Петров уже достал удостоверение, чтобы заявить свои требования таможеннику… Но с другой стороны — четкий, жесткий приказ Ермакова — груз не изымать, визитерок не задерживать, только фиксировать их связи по передаче героина.

— Это просьба американской стороны. И мы не имеем права нарушать договоренность, — эти слова начальника отдела Игоря Ермакова хорошо помнил Сергей Петров.

— Но как быть сейчас? С кем посоветоваться, ведь два часа ночи.

Пришлось набирать домашний номер Ермакова.

— Слушаю вас, — после непродолжительного гудка раздался голос Игоря в трубке.

— Груз улетает в Америку, — не здороваясь, сообщил начальник группы.

— Как так? — удивленно спросил на том конце телефона Игорь.

— Прямо из самолета в самолет. Через 5–7 минут посадка. Можем еще изъять груз и задержать визитерок.

— Этого делать не надо. Пусть летят. Встречаемся на Лубянке через час, — и Ермаков положил трубку.

Какое самообладание надо было иметь, чтобы вот так среди ночи принять серьезное решение, взяв на себя полную ответственность за всю операцию.

После этого разговора Ермаков быстро собрался и выехал на Лубянку. Надо было срочно готовить шифротелеграмму своим коллегам в Нью-Йорк. И когда самолет с американками еще летел над океаном дежурный Агентства по борьбе с наркотиками Министерства юстиции США (ДЕА) уже получил телеграмму из Москвы:

> «Встречайте «блондинок» (так в шутку окрестили жгучих брюнеток в российской оперативной группе) рейсом № 42 из Москвы в Нью-Йорк. Груз в двух серых чемоданах».

Это всего лишь один из рядовых эпизодов в богатой оперативной жизни полковника Ермакова и его товарищей, занимающихся сложной, напряженной, но такой важной работой по борьбе с наркоторговцами. Кстати, сегодня Ермаков Игорь Александрович занимает солидный пост руководителя одного из территориальных органов ФСБ.

Конечно, можно рассказать и о других не менее увлекательных и почти детективных историях. К примеру, о «черных курьерах» из нигерийской наркомафии, которые в

собственных желудках, как в чемоданах, переправляли через границы ряда государств достаточно большие партии героина. Знаменитые кадры с очищением желудков чернокожих «чемоданов» обошли не только российские экраны, но и весь мир. Поэтому не стоит повторяться. Приведу лишь скупые сведения из отчетов двух ведомств о проделанной работе.

В результате совместных операций ликвидирован контрабандный канал переброски героина из Афганистана и Пакистана в США через территорию России и ряда западноевропейских стран. Из незаконного оборота изъято свыше 100 килограммов героина. Оперативные мероприятия одновременно проводилась на территории США, России, Великобритании, Голландии и Пакистана. К уголовной ответственности привлечены граждане США, Пакистана, Афганистана, Камеруна, Ганы и других стран, всего более 30 человек. Проведенные в 1996–2000 гг. операции позволили локализовать деятельность наркодельцов, осуществлявших крупномасштабные поставки кокаина из Венесуэлы в США, Россию и страны Западной Европы.

Конечно, пресечение одного или нескольких каналов передачи наркотиков — это всего лишь перекрытие одного ручейка огромного потока наркотиков, которые перемещаются из одной части планеты в другую. И действительно, сегодня уже можно говорить о том, что наркомафия — это особый мир, особое преступное сообщество, которое все более и более активно управляет мировыми процессами. Хотим мы это признать или не хотим, но объективная реальность такова. Наркомафия — это особая империя зла, где свои законы, где свое преступное теневое правительство, где свои охранные и разведывательные структуры. В этом мире произошло четкое распределение труда, сфер влияния. Высший эшелон наркомафии — это так или иначе завербованные политики, государственные деятели, законодатели, журналисты, юристы и т. п. лица, лоббирующие под различными предлогами интересы наркодельцов. Они назначаются и свергаются наркомафией, их взращивают и поддерживают наркоторговцы. И, как это не покажется странным, на самом деле реально существуют государства в государствах. Этому есть убедительные свидетельства. Особенно это наглядно на примере Латинской Америки, стран «золотого полумесяца» и «золотого треугольника». Здесь производство и сбыт наркотиков возведены в ранг национальной политики, в основное средство получения доходов. Здесь четко распределены обязанности. Крестьяне выращивают плантации опия, мака, конопли и других наркосодержащих растений. Производители организуют

переработку сырья и производство готовой продукции. Поставщики обеспечивают надежные каналы поставки наркотиков в самые отдаленные уголки мира.

Кстати, по экспортным оценкам специалистов ООН, в Афганистане урожай опия-сырца в 1999 году составил примерно 4 600 метрических тонн (специальный термин). Из этой массы сырья можно изготовить (и, несомненно, будет изготовлено) примерно 45–50 тонн героина. В ходе специальных операций в Европе, Центральной Азии, России и США ежегодно изымается примерно 17–20 тонн белой смерти. Остальной товар попадает к потребителям! Примерно такая же картина наблюдается и в других частях мира.

Одновременно наркомафия в стране потребителей наркотиков организует не только оптовую поставку продукции, но и мелкую торговлю. И для этого также создаются специальные структуры, которые и обеспечивают бесперебойную работу этого гигантского механизма. Особое место в этой цепочке производства и распространения наркотиков занимает массовый шоу-бизнес. Это утверждение на первый взгляд кажется парадоксальным. Но на самом же деле именно здесь, на больших тусовках, концертах, при скоплении огромного числа молодежи происходит массовый сбыт наркотиков и вовлечение в их потребление новых легионов молодых людей.

Когда специалисты говорят о фактах лоббирования интересов наркомафии в конгрессах и парламентах тех или иных стран, то они не далеки от истины. Конечно, политика, законодателя трудно поймать за руку, точнее за язык, когда они красиво говорят о правах человека: что каждый из молодых людей вправе употреблять все что угодно и где угодно. Каждый человек вправе слушать, смотреть, читать и делать все, что ему угодно. Это бесспорно так. Но давайте разберем самую безобидную ситуацию. Большая молодежная тусовка. Фанаты собралась на концерт любимой рок-группы. Идет активный разогрев толпы: под рок-музыку кайфуют старожилы, принявшие накануне изрядную дозу наркотика, приобщаются новички. Здесь все так красиво и интересно. Милые ребята на сцене поют:

Убили негра,
А он встал и пошел…

Оказывается, убить человека совсем просто и легко — подолбали его хорошенечко с друзьями ногами, а он встал и пошел. Поэтому завтра у этих молодых людей не будет других желаний кроме как покайфовать от наркотиков и при случае

убить негра или изнасиловать блондинку. Дурной пример заразителен. И это не просто слова: работники правоохранительных органов и особенно милиции хорошо знают, как резко возрастает агрессивность толпы после коллективного кайфа и как прогрессирует при этом распад личности. Поэтому никто в данном случае не выступает против дискотек и массовых шоу. Наоборот, все люди — и молодые, и пожилые должны бывать и на концертах, и в ночных барах, жить и радоваться жизни. Опасно совсем другое, когда наркомафия активно использует шоу-бизнес в своих целях, растлевая тела и души миллионов людей.

Поэтому позиция вседозволенности под личиной защиты прав человека особенно опасна, так как ведет к общечеловеческому беспределу, бездуховности и распаду личности. Ведь никто не оспаривает, что необходимо пресекать бесчеловечные теории фашизма и садизма, терроризма и фанатизма. Бездуховность — это одна из глубинных основ этих агрессивных идеологий. Здесь же мы имеем дело с разновидностью этих теорий.

Конечно, против этих аргументов можно бесконечно возражать, защищая свободу личности и право художника создавать все, что приходит ему в голову. Все это бесспорно так… Но бесспорно и другое, что за кулисами подобных концертных шоу стоит крупная международная наркомафия. Это аксиома, не требующая доказательств. Но вместе с тем никого и ни в чем нельзя уличить. Все это делается легально. Больше того, шоу-бизнес на фасаде своей фирмы написал лицемерный призыв «мир без наркотиков». На самом же деле, будем говорить хотя бы себе правду, наркомафия разработала и организовала грандиозную шоу-программу на международных площадках под девизом: наркотик каждому молодому человеку. Программа четкая, хорошо спланированная, хорошо организованная. Надо признать блестящие способности теневых дельцов. Наркомафия действует на открытой сцене гораздо лучше государственных структур, политиков, журналистов, общественности и правоохранительных органов. Здесь используется все: лучшие профессионалы, самые талантливые певцы, композиторы. Здесь задействовано все — телевидение, радио, сеть Интернет, газеты, журналы, реклама и т. п. И все это открыто, гласно, в прекрасной упаковке поп- и рок-музыки, которая собирает огромные массы молодых людей, которым обязательно предложат удвоить, утроить удовольствие от наркотического кайфа, который навсегда сделает их рабами этой сцены, этой толпы, этой призрачной жизни.

Недавно сотрудниками УФСБ России по Санкт-Петербургу и

Ленинградской области совместно с милицией был проведен специальный рейд по злачным местам. Операция проводилась в местах проведения дискотек и в ночных клубах. В ходе проверки изъято значительное количество наркотиков, распространявшихся среди молодежи. Были задержаны члены преступной группы, которые сбывали таблетки экстази, фенамина и кокаина. Стоимость изъятых наркотиков по оценкам специалистов составила около 70 тысяч долларов. Как установило следствие, эти наркотики поступали по разным каналам из Германии, Голландии, Польши, Литвы и Эстонии. Одновременно наркотики поступают с Ближнего Востока. Словом, поток «чумы» идет в двух направлениях: как с востока на запад, так и с запада на восток.

Поэтому сколько бы сыщики всех стран не ловили торговцев наркотиками на канале их поставки к рынку сбыта, этот поток дурмана не иссякнет. Пока существует «рынок» потребителей, собранный в толпы фанатов, приученных к наркотическому образу жизни, серьезных положительных результатов не будет. Перехваченные и сожженные тонны героина и опиума, лишь на время оттягивают момент приобщения отдельных молодых людей к этому зелью. Кстати говоря, изъятие отдельных партий наркотиков лишь позволяет наркоторговцам стабильно поддерживать высокие цены на эту смертоносную продукцию. Поэтому наркодельцы, даже теряя крупные партии наркотиков, не теряют свой высокий доход. К примеру, в 2000 году все правоохранительные органы России изъяли более 50 тонн различных наркотиков, но свои потери наркоторговцы компенсировали повышением цен на свой товар.

Одновременно растет кустарное производство наркотиков. Причем для их выпуска, в частности, для приготовления опия, достаточно кустарной лаборатории. Таких кухонных лабораторий в прошлом году было выявлено более 700, в том числе почти 300 — по производству опия, около 100 — марихуаны, более 70 — гашиша, более 50 — амфитамина. Выявили также «кухни» по производству психотропных веществ, которые используются как наркотики. И здесь проявляется особая русская смекалка. В нашей стране впервые в мире выявлена и ликвидирована лаборатория по производству особого синтетического наркотика — этонитазена. Это вещество было в свое время, несколько десятков лет назад, получено при проведении специальных исследований по изучению воздействия этого наркотика на организм человека. Точнее говоря, на западе изучалась проблема зомбирования человека с помощью этого особого вещества. Технология его производства утекла из секретных лабораторий и стала достоянием домашних умельцев. Этонитазен включен ООН в

специальные списки как особо опасный наркотик. Причем это вещество по своему воздействию на человека активнее героина в 200–300 раз. Производство этонитазена было организовано у нас фактически в домашних условиях. Несколько человек из числа талантливых химиков и технологов, умельцев от «сатаны» смогли реализовать формулу синтеза этого вещества и организовать его производство. Погоня за наживой преодолела все препятствия, в том числе и моральное. Сто граммов этонитазена на черном рынке оцениваются эквивалентной суммой примерно в 100 тысяч долларов. Этим горе-ученым быть бы нобелевскими лауреатами, но, к сожалению, свой талант и свои способности они направили не на созидание, а на разрушение личности человека…

К сожалению, подобные примеры создания подпольных лабораторий по производству синтетических наркотиков увеличиваются. Совсем недавно в Санкт-Петербурге и в Казани выявлены и ликвидированы лаборатории по производству сильнодействующего синтетического наркотика — триметилфентанила. Эти «достижения» ученых от «сатаны» сразу же берет на вооружение наркомафия. Удивляет только одно, что молодые люди без разбора, не считаясь ни с чем, употребляют все, что попадает под руку, в том числе и сильно действующие синтетические наркотики, которые особенно агрессивно разрушают и организм, и психику человека.

А тем временем, когда в России выявляли подпольные лаборатории по производству синтетических наркотиков, в Стамбульской мечети, стоя на коленях на богатых персидских коврах, усиленно отбивали поклоны два молодых человека. Во внешнем облике Нузара Тали и Ахтара Дали четко просматривалось современное аристократическое воспитание деловых, предприимчивых людей. Но сейчас они усиленно молились, отбивая поклоны, просили Аллаха сохранить их особенно ценный товар. Только что молодые люди закончили контроль загрузки трех огромных фур, которые должны были доставить через Среднюю Азию в далекую Россию большую партию особо ценного наркотика. Весь груз был хорошо закамуфлирован в мешки с разнообразной восточной продукцией. В фуры также загрузили различные пряности, в том числе черный перец, чтобы в случае кинологического контроля отбить запах скрытой продукции. В. таких случаях, как правило, собака не берет след.

Одна из фур была оборудована специальным тайником: на машину установили дополнительный объемный бензобак, в который было заложено 220 килограммов героина в специальной упаковке. Причем в горловину бака действительно было залито

дизельное топливо. Казалось бы, при таком камуфляже найти наркотик было невозможно. Однако наркоторговцы просчитались. Сотрудники УФСБ РФ по Астраханской области совместно с туркменскими коллегами, используя оперативные возможности, получили предварительную информацию о месте закладки крупной партии героина. Поэтому когда в Астраханский международный порт «Оля» прибыл паром «Кристина», то в ходе тщательного досмотра среди товара и в дополнительном бензобаке турецкой фуры «Скания» была обнаружена большая партия героина. И водитель, и сопровождавший его экспедитор не ожидали такого оборота событий. Находясь в шоковом состоянии, они даже предприняли попытку совершить побег при задержании. Но и груз, и его эмиссары были задержаны…

Глядя на специальную карту мира, где обозначены регионы производства, поставок и потребления наркотиков, невольно возникает образ гигантского спрута, который своими щупальцами охватил всю Землю. Практически весь глобус полностью покрыт стрелами и нитями маршрутов, по которым перемещаются потоки наркотиков, поглощая все самые отдаленные районы мира. Ведь еще совсем недавно, до 1991 года Россия была белой картой в атласе наркомафии. Сейчас по их расчетам здесь уже около 3–4 миллионов потребителей. А в XXI веке в России будет 30–50 миллионов, а в мире до миллиарда потребителей наркотиков. Оценивая эти данные, понимаешь гигантские масштабы мировой наркотической империи, имя которой Легион. И перед этой империей меркнут походы Тамерлана и Чингисхана, меркнет власть Римской и Британских империй, меркнет власть современной империи — США. И сила этой новой тайной империи заключается в том, что наркомафия не только поглощает территории и людей, но и их души. Ни одна партия, ни одна религия, из ныне действующих в мире, не могут заявить о своей неограниченной власти над людьми, над их телами и душами. Наркомафия призвала в свой Легион, о котором за много веков до этого говорилось в Библии, миллионы людей, которые охотно отдают свои души и тела дьяволу.

Виктор Гиленсен
Организация фашистской разведки

30 января 1933 года имперский президент фон Гинденбург назначил Адольфа Гитлера главой правительства. Начинается один из самых мрачных периодов в истории не только Германии, но и всей Европы.

Реакционные группы германской буржуазии рассчитывали, что НСДАП, придя к власти, сумеет объединить мощь государства с силой массового политического движения, разгромить не только левых, но и центристские группировки, стабилизировать положение. Пронизанная демагогией внешнеполитическая программа нацистов — «разрыв оков Версаля», «возвращение равноправия» в вооружениях открывала, как им казалось, путь к восстановлению позиций Германии в Европе и мире, утраченных в результате поражения в первой мировой войне. «Сильных мира сего» манили развернутые в «трудах» фюрера перспективы завоевания мирового господства.

В течение 1933–1934 годов в важнейшие институты государственного права, в частности в нормы, регулирующие структуру рейхстага, его компетенцию, были внесены изменения, в результате чего в Германии возник тоталитарный политический режим.

На первых порах Гитлер и его ближайшее окружение практически не вмешивались в оперативные вопросы в рамках вооруженных сил, предоставив решение этих задач новым ведущим военным руководителям — министру обороны Бломбергу, главнокомандующему сухопутной армией генералу Фричу и возглавлявшему командование флота адмиралу Редеру, а также начальнику Труппенамта генералу Беку. Важную роль стал играть давний поклонник идей нацистов, бывший гвардейский офицер полковник Рейхенау — куратор военной разведки Абвера.

4 апреля 1933 гола был создан Имперский совет обороны под председательством Гитлера. Но сам фюрер в первые годы принимал весьма ограниченное участие в его работе, возложив выполнение обязанностей председателя на своего заместителя в Совете генерала Бломберга. Бломберг, Фрич и Бек методично увеличивают численность рейхсвера, остававшегося еще профессиональной армией. Формально не денонсируя Версальский договор, Германия уже фактически не учитывает установленные им ограничения. 9 февраля 1933 года имперское

правительство одобрило предложения о сформировании к 31 марта 1936 года ВВС мирного времени. В стране, имевшей мощную техническую базу, быстро налаживается серийный выпуск военных самолетов по моделям, разработанным в последние годы Веймарской республики. Германия, действуя нелегально, быстро догоняет по мощи ВВС Францию и Англию. Готовится развертывание массового производства танков и бронемашин. Форсируются исследования в области военной химии. Ускоряются опытно-конструкторские работы по созданию ракет. Резко возрастают масштабы подготовки квалифицированных офицерских кадров — в 1934 году восстанавливается расформированная «на бумаге» в 1919 году Военная академия.

На фоне этих изменений, затронувших различные стороны организации военной машины нацистской Германии, события, происходившие в области внешней разведки, не представляются столь значительными, хотя само ее существование и было нарушением Версальского договора. Куда более серьезным уже в 1934–1935 годах было развитие внутренней разведки и политической полиции. Что касается Абвера, то первое время он оставался на положении несамостоятельного подразделения министерства обороны.

1 января 1935 года в кабинете начальника отдела военной разведки и контрразведки, затерявшемся в глубине лабиринта коридоров на последнем этаже комплекса старых казенных зданий на Тирпицуфер 74–76, появился новый хозяин. Это был седовласый человек, небольшого роста, одетый в форму контр-адмирала. Из-под густых бровей смотрели светло-голубые глаза: красноватый цвет кожи обветренного лица указывал на то, что адмирал много лет провел на море, а не в тиши кабинета. В скромно обставленном кабинете нового начальника Абвера привлекал внимание большой письменный стол. На нем стояла статуэтка, изображавшая трех обезьян, из которых одна прикладывала лапу к уху, как бы вслушиваясь, другая закрывала рот, намекая о необходимости соблюдения каких-то тайн, а третья напряженно всматривалась в даль. Эта композиция символизировала особенности деятельности разведки — слушать, видеть, но мало говорить. Кроме письменного прибора и статуэтки, на столе стояла модель крейсера императорского флота «Дрезден», на котором некогда служил новый обитатель кабинета. Стены украшали большая географическая карта, портреты полковника Николаи и испанского генерала Франко — давних знакомых адмирала. Портрет адмирала можно было бы закончить указанием на то, что он был добропорядочным

семьянином, отцом двух дочерей и большим любителем собак, особенно такс.

Новый шеф Абвера вел замкнутый образ жизни. Он поселился в уютной вилле на Долленштрассе в южной части столицы, где жили состоятельные буржуа. Его соседи подозревали, что он относится к «сильным мира сего» — за ним каждый раз приезжал шикарный лимузин. Чем занимался сей господин, никто не знал, за исключением Рейнгардта Гейдриха, обитателя не слишком фешенебельной виллы. В августе 1937 года адмирал переехал в более «престижный» район — Шлахтензее. За ним последовал и Гейдрих. Расскажем о новом шефе Абвера.

Его звали Вильгельм Канарис. Он родился 1 марта 1887 года. Его предки еще в XVII веке переселились в Южную Германию из Ломбардии. С детства Вильгельм готовился к военной карьере: ему предстояло стать кавалерийским офицером, и он постоянно занимался верховой ездой. Однако эти мечты пришлось оставить из-за преждевременной смерти отца и ухудшения материального положения семьи. Он выбрал флот, так как расходы морского офицера, проводящего значительную часть жизни на корабле, были куда меньше, чем у кавалерийского офицера, которому приходилось держать собственных лошадей. В 1905 году Вильгельм Канарис стал морским кадетом, а через несколько лет получил чин лейтенанта. К началу первой мировой войны 27-летний лейтенант проходил службу на легком крейсере «Дрезден», входившем в эскадру адмирала Шпее, пребывавшую в водах Тихого океана.

Что происходило в жизни Канариса в период первой мировой войны и в 20-е годы, не вполне ясно, хотя о прохождении им службы на флоте существуют достаточно проверенные данные. Но имеются противоречивые сведения о его связях с разведывательной службой.

«Дрезден» избежал участи других кораблей эскадры Шпее и не пошел ко дну в ходе боя у Фольклендских островов в декабре 1914 года. Все же ему пришлось, спасаясь от преследования британских кораблей, зайти в чилийский порт, где он был интернирован. Лейтенанта Канариса мало привлекала перспектива прозябания вдали от событий, участие в которых сулило ему быструю карьеру. С согласия командира крейсера он в августе 1915 года бежал, раздобыв документы на имя чилийского гражданина Розаса. Совершив путешествие через Анды в Аргентину, он добрался до Буэнос-Айреса, откуда на борту голландского парохода «Фризия» отправился в рискованный вояж по океану, надеясь «прорвать» кольцо британской блокады. Это ему удалось. Миновав британский заслон, 4 ноября Канарис

прибыл в Берлин. В Адмиральштабе он получает назначение выехать в Мадрид и занять там должность помощника, известного нам военно-морского атташе капитана фон Крона, руководившего службой шпионажа не только против англичан и французов в Южной Европе и отчасти в Америке, но и обеспечивавшего тайное снабжение германских подводных лодок, оперировавших в Средиземном море.

В Мадриде Канарис не оставлял попыток перейти со штабной работы в строй и в конце концов добился от фон Крона согласия. Пройдя краткосрочное обучение в Германии, Канарис был назначен командиром небольшой подводной лодки, базировавшейся на Полу (теперь Пула) на Адриатике. Но война уже кончилась, Австро-Венгрия капитулировала, и германские подводные лодки вынуждены были пробираться в Германию.

Вряд ли можно удивляться тому, что убежденный монархист Канарис оказался в рядах добровольческой бригады Эрхардта — одной из наиболее надежных частей сил контрреволюции, чины которой участвовали в убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Канарис был близок с Эрхардтом и его «правой рукой» Вольдемаром Пабстом, с братьями Пфлуг-Гартунг — известными террористами, правыми «ультра» начала 20-х годов. Известно, что он способствовал бегству одного из убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург, лейтенанта Фогеля. В марте 1920 года Канарис принимал участие в путче Каппа-Лютвица.

Последующие годы, вплоть до прихода к власти Гитлера, Канарис провел на кораблях флота или на береговых должностях. Есть сведения, что в 1923 году он познакомился с Гитлером, Гессом, Г. Штрассером и Шлейхером, по поручению последнего предпринял ряд поездок за рубеж с особо секретными поручениями, связанными с налаживанием в Испании, Финляндии, Голландии и Японии производства различных видов военной техники по германским образцам. Если бы Гитлер не пришел к власти, Канарис, занимавший в это время спокойный пост командира береговой базы, должен был бы выйти в отставку… Но, как оказалось, главное в его жизни было еще впереди.

Приход Канариса в Абвер совпал по времени с завершением первого, «полутайного» периода милитаризации Германии в годы нацистской диктатуры. Военная верхушка давно ждала наступления заветного дня. В начале 1933 гола Гитлер потребовал от генералитета приведения армии в течение восьми лет в состояние полной боеготовности к битве за «жизненное пространство». Однако проблема Верховного командования, стратегического руководства быстро растущим военным

механизмом была практически не решена. Предметом напряженной, внешне малозаметной борьбы между несколькими группами генералов, адмиралов и высших офицеров был вопрос об организации аппарата Верховного командования, роли в нем министра обороны (военного министра), главы государства — Гитлера, командований сухопутной армией, военной авиацией и флотом.

Бломберг, военный министр и его ближайший помощник генерал Рейхенау пытались создать новый генеральный штаб вооруженных сил, который бы стоял над главными штабами видов вооруженных сил. Главнокомандующий армией генерал Фрич, а особенно генерал Бек, его помощник Манштейн отстаивали доминирующую роль армии. По их плану Генеральный штаб армии должен был исполнять функции главного штаба вооруженных сил, а главком армии стать главным советником Гитлера по военным вопросам. Геринг, а равно и Редер, относились отрицательно к планам армейских генералов. Они выступали за фактическую независимость руководимых ими видов вооруженных сил, обосновывая это тем, что будущая война якобы может быть выиграна не на земле, а в воздухе или на океанских просторах. Это самым непосредственным образом сказалось на развитии механизма военной разведки. Параллельно действовали органы «отраслевой» секретной службы, отсутствовали их координация и единый аппарат анализа, оценки и обобщения полученной информации.

Наиболее мощной разведывательной организацией до начала второй мировой войны оставался Абвер. Он несколько раз реорганизовывался, превратившись в целое Управление в аппарате Верховного командования. В его задачи входило обеспечение информацией о стратегических планах предполагаемых противников и состоянии их обороны. На Абвер была возложена также подготовка диверсий во враждебных государствах.

Центральный аппарат Абвера, располагавшийся до начала войны в том же старом здании на Тирпицуфер, разделялся на пять подотделов. Основными оперативными подразделениями были А-I, А-II и А-III, осуществлявшие руководство соответственно шпионажем, диверсиями и контрразведкой. Четвертый подотдел «Заграница» («Аусланд») — руководил службой военных атташе, а пятый «Центральный» выполнял вспомогательные задачи.

Одной из центральных фигур в Абвере был майор Генерального штаба Ганс Пикенброк, официальный заместитель Канариса, начальник А-I. Этот сын богатого бюргера родился в Эссене в 1893 году, в 1914 году добровольно вступил в

имперскую армию и в 1915 году стал гусарским лейтенантом. Поражение в войне не привело к крушению его военной карьеры, хотя он и не принадлежал к офицерской элите — службе Генерального штаба, представители которой заняли лучшие места в веймарском рейхсвере. С Канарисом Пикенброк поддерживал доверительные отношения, но не был посвящен в особо тайные акции шефа. Работники центрального аппарата сами непосредственно не вели работу с агентами и знали их лишь по бумагам. Они координировали деятельность тех, кто этим реально занимался: оперативных филиалов (резидентур) в Германии и за ее пределами, а также поддерживали связи с другими органами секретной службы, получали и распределяли «заказы», пересылая полученные данные в аналитические подразделения генеральных штабов видов вооруженных сил. Отдел очень редко вмешивался в ход конкретных операций.

«А-I» делился на несколько специализированных секций, каждая из которых ведала сбором информации отдельно об армии, флоте, авиации, военной экономике (технике вооружения). Одна группа занималась шпионской техникой — фотоаппаратурой, портативными радиостанциями, симпатическими чернилами, разработкой и внедрением других средств и методов конспиративной связи между секретными агентами и их руководством. Особое внимание уделялось изготовлению подложных документов, которыми снабжались агенты. Этой работой ведал опытный специалист, некий Альберт Мюллер, по профессии химик, начавший свою деятельность еще при Николаи. Большинство сотрудников А-I были знатоками своего дела и принадлежали к категории «офицеров Е» — так называли тех, кто прибыл в Абвер из гражданской сферы, но в прошлом был кадровым офицером.

С ноября 1935 года диверсионно-саботажную службу Абвера возглавлял капитан Генерального штаба Гельмут Гроскурт. Его биография была типичной для той части немецкой буржуазной молодежи, которая была охвачена патриотическим угаром и брошена в окопы мировой войны. Ее участь в свое время блестяще описал Эрих Мария Ремарк в известном романе «На Западном фронте без перемен». После войны уцелевшие, преждевременно постаревшие юноши оказались часто по разные стороны баррикад в бурных политических событиях тех лет: одни стали членами тайных террористических ультраправых организаций, другие — коммунистами или социал-демократами. Гроскурт принадлежал к первой группе.

В феврале 1916 года 18-летний сын протестантского пастора из Вестфалии, даже не закончив курс гимназии, вступил

добровольцем в 75-й пехотный полк, а в сентябре был уже ранен в тяжелых боях на Сомме. Находясь в отпуске после госпиталя, он сдает экзамены на аттестат зрелости, а затем возвращается на фронт. В сентябре 1917 года — второе ранение во Фландрии и британский плен, где его застает сообщение о производстве в чин лейтенанта.

Возвратившись в октябре 1919 года на родину, Гроскурт тотчас вступает в рейхсвер, устанавливает связь с террористами и заговорщиками, группировавшимся вокруг капитана Эрхардта. Затем он сближается с более умеренным «Стальным шлемом». В апреле 1920 года Гроскурт увольняется с военной службы, поступает в Гейдельбергский университет, где штудирует агрономию, а потом становится управляющим имением. По-видимому, увлечение мирной профессией оказалось временным. В 1924 году он возвращается на военную службу.

После окончания Военной академии в 1935 году Гроскурт направляется в Абвер. Несмотря на кратковременное пребывание в ведомстве Канариса — в конце 1938 года он был откомандирован на другое место службы — Гроскурт принадлежал к числу наиболее доверенных лиц в окружении шефа. Он вступил в группу оппозиционно настроенных к Гитлеру офицеров и играл значительную роль в разработке планов переворота еще в последние два года перед войной. Вероятно, если бы он не оказался на фронте и не попал в плен под Сталинградом в 1943 году, то принял бы активное участие в событиях 20 июля 1944 года и был казнен. Впрочем, он не надолго пережил участников заговора — Гроскурт умер в плену в России.

Преемником Гроскурта стал Эрвин Лахузен-Вивремон. Офицер австрийской службы, глава службы разведки Генерального штаба в Вене, он сотрудничал с Канарисом еще до аншлюса Австрии. Это и сыграло главную роль в решении назначить его руководителем диверсионного подразделения в Абвере.

Третьим, контрразведывательным направлением Абвера ведал в первые годы администрации Канариса майор Генерального штаба Рудольф Бамлер. Военная контрразведка в определенной степени занималась и политическим сыском в вооруженных силах и на предприятиях военной промышленности. Она самым тесным образом сотрудничала с гестапо — ведущим полицейским органом «третьего рейха», ведавшим контрразведкой и подавлением политических противников режима.

Версальский мир запретил Германии иметь официальных

военных представителей при посольствах за границей — институт, который традиционно являлся важнейшим источником стратегической информации для военно-политического руководства. По этой причине одним из первых актов гитлеровского правительства в комплексе мер по восстановлению военной мощи Германии и подготовке к войне явилось его возрождение. Уже в апреле 1933 года последовали первые назначения военных атташе в европейские столицы — к концу года они были уже в Англии, Франции, СССР, Италии, Венгрии, Болгарии, Нидерландах; Польше, Чехословакии, Румынии. Как правило, на эти посты назначались опытные офицеры службы Генерального штаба в звании полковника или генерала. При этом каждый вид вооруженных сил получил право назначать своего собственного военного атташе, хотя после 1938 года один из аккредитованных в данной стране военно-дипломатических представителей считался старшим и носил титул «военного атташе вооруженных сил». Всего к началу второй мировой войны Германия имела 18 военных, 12 морских и 13 авиационных атташе в различных странах мира. Руководство их работой осуществлял специальный отдел «Заграница» («Аусланд»), которым бессменно руководил капитан I ранга (позже адмирал) Леопольд Бюркнер. Статус этого подразделения обеспечивал ему значительную автономию. Стекавшиеся сюда сведения направлялись Бюркнером самостоятельно «наверх» или в другие заинтересованные органы, главным образом в министерство иностранных дел.

Роль квази-штаба Канариса играл подотдел «Зет». Его шефом бессменно являлся Ганс Остер, главный доверенный Канариса. Подобно Канарису, он был убежденным монархистом консервативного толка, сторонником возрождения «величия» Германии, но так же, как и шеф, пытался добиться полюбовного соглашения с западными державами, прежде всего с Англией. Вероятно, это обстоятельство способствовало установлению между Остером и Канарисом доверительных отношений. Остер, в отличие от Канариса, был менее осторожным и менее искусным политиком и заговорщиком и довольно быстро оказался на заметке у гестапо. Он постоянно отпускал едкие реплики в отношении «Эмиля» — так именовали в кругу фрондирующих военных Гитлера.

Еще в предвоенные годы руководство Абвера развернуло за рубежом сеть резидентур, «имплантированных» в аппараты посольств. Эти новые филиалы Абвера — так называемые КО (сокращение от «Кригсорганизатион» — «военная организация») располагались в нейтральных странах или государствах,

поддерживавших юридически или фактически союзные отношения с Германией. Резиденты, как правило, опытные офицеры военной разведки, действовали под ложными именами и были аккредитованы обычно как коммерческие атташе.

КО вели как военную, так и политическую разведку не только, иногда не столько в стране пребывания, но и третьих странах, расположенных в данном географическом регионе, а иногда и за его пределами. Почти все КО представляли собой центры управления обширной сетью филиалов, действовавших «под крышей» консульств. К примеру, КО «Мадрид», учрежденная после окончания гражданской войны в Испании, имела филиалы при консульствах в Сан-Себастьяне, Барселоне, Севилье, Тетуане и некоторых других городах.

Секретная агентура еще в годы первой мировой войны весьма интенсивно дополнялась различными техническими средствами добывания информации. Часто более ценных успехов добиваются не шпионы, а криптоаналитики, проникающие в тайны иностранных кодов и шифров. В 1933–1938 годах центр криптоанализа являлся структурным элементом штаб-квартиры Абвера. Но после реорганизации в 1938 году аппарата Верховного Командования вооруженными силами он стал независимым от Абвера, получив наименование ОКВ/Ши. Разместившись по соседству с ведомством Канариса, этот орган постепенно превратился в головное учреждение целой системы. В начале главными поставщиками перехваченных радиограмм были лишь две радиостанции, одна из которых располагалась в Трейенбритцене, в 30 км юго-западнее Берлина, а вторая близ Нюрнберга. Они вели круглосуточное наблюдение за эфиром, перехватывая радиограммы военных и политических органов многих стран. В структуру ОКВ/Ши входили пять отделов, из которых наиболее важными были 4-й и 5-й (так называемое Бюро Б). В административном отношении ОКВ/Ши подчинялся начальнику войск связи, а через него созданному в 1938 году Штабу оперативного руководства вермахта в лице его шефа генерала Йодля.

Главнокомандующие военной авиацией Геринг и флотом Редер не пытались конкурировать с Абвером в организации агентурной разведки, видимо, считая это нецелесообразным. Однако и они создали мощные системы разведки средствами связи, подобные ОКВ/Ши.

В «епархии» Геринга такой организацией был Форшунгсамт — Управление исследований (сокращенно ФА), создателем которого стал некий Готфрид Шаппер, ветеран первой мировой войны, еще тогда занимавшийся радиоразведкой. Приход к

власти Гитлера открыл возможности реализации грандиозных планов Шаппера по созданию «большого уха» Германии. 10 апреля 1933 года в здании министерства авиации начало действовать детище Шаппера. Правда, ему пришлось удовольствоваться ролью заместителя шефа, главой «дела» стал Ганс Шимпер, креатура Геринга, специалист по криптоанализу. В крупных городах была развернута сеть филиалов — «Исследовательских бюро А». Шаппер продвигался к вершине иерархии в ФА медленно. В 1935 году Шимпер покончил жизнь самоубийством, но в его кресле оказался вновь не Шаппер, а принц Фердинанд Гессенский…

Особую радиоразведку, созданную в 1934 году, имела и военная авиация, подчинявшаяся, как и Форшунгсамт, Герингу. Однако она имела ограниченные задачи — разведывание воздушного противника. Систему, аналогичную Форшунгсамту Геринга, создали и в военно-морском ведомстве. В 1934 году ее развертывают в целую «Службу наблюдения» («Беобахтунгсдинст», сокращенно «Служба Б») во главе с корветтен-капитаном Гейнцем Бонатцем.

Уже в первые годы фашистской диктатуры в интересах получения стратегической информации используется высотная авиация. Геринг, который в группе нацистских лидеров выделялся склонностями внедрять в военное дело технические новинки, быстро оценил значение «эксперимента Ровеля». В 1934 году Ровель, которого передали в подчинение Герингу, стал командиром целой тайной эскадрильи: в нее входили пять специально приспособленных самолетов Хейнкель-111. Они могли совершать полеты в стратосфере, а их экипажи составляли летчики-испытатели ведущих авиационных фирм, имевшие опыт высотных полетов на большие расстояния.

Итак, уже в первые годы фашизма в Германии оперировал целый ряд слабо координируемых, параллельно действующих органов сбора разведывательной информации.

Рассматривая систему анализа информации в стратегической разведке Германии в канун второй мировой войны, следует отметить, что Верховное командование не имело собственного аналитического центра. Эта работа проводилась децентрализованно отдельными видами вооруженных сил, которые часто руководствовались «собственными» интересами.

Самый мощный аналитический аппарат был представлен уже известным нам отделом «Иностранных армий», — наследником аналогичного подразделения Большого Генерального штаба: пережив поражение в 1918 году, он сохранился пол видом службы «военной статистики». Через три месяца после того, как Гитлер

стал рейхсканцлером, его начальником был назначен полковник Генерального штаба Карл Генрих фон Штюльпнагель, отпрыск старинного дворянского рода, представители которого занимали высокие посты и в королевской прусской, и в имперской армии. Два других Штюльпнагеля — Отто и Иоахим были также высшими офицерами уже в новейшее время. Новый руководитель отдела «Иностранные армии» был человеком консервативных взглядов, близким к генералам Фричу и Беку.

Преемником Штюльпнагеля, назначенного в 1936 году командиром дивизии, стал полковник Курт Типпельскирх, ветеран разведывательной службы, так же, как и его прежний шеф, потомственный дворянин. Он начал военную службу в 1908 году в элитном 3-м гвардейском гренадерском полку. Его участие в первой мировой войне было неудачным: в результате ранения, полученного в 1914 году в битве на Марне, Типпельскирх попал в плен к французам и провел там четыре года. Впрочем, это не помешало его дальнейшей службе. После возвращения в 1919 году на родину он был зачислен в рейхсвер, а владение французским языком способствовало его переводу в разведывательную службу.

В 1938 году отдел «Иностранные армии» был разделен на два отдела — «Иностранные армии Запада» и «Иностранные армии Востока». Начальником первого, сохранившего старый номер — 3, стал подполковник Лисс, пришедший в Генеральный штаб в 1931 году после окончания Военной академии, а второго, получившего цифровое обозначение 12-й, — подполковник Кинцель.

Если Лисс в дальнейшем возглавил разведывательное обеспечение «похода на Запад» в 1940 году — разгром Франции, Бельгии и Голландии, нанесение поражения британской экспедиционной армии, то Кинцель готовил материалы для агрессии против Польши и СССР. Что касается Типпельскирха, то он в 1938 году занял пост помощника начальника Генерального штаба армии и стал куратором. Лисса и Кинцеля. Аналогичные учреждения, хотя и более скромные по размерам, имелись в авиации и флоте.

Аппарат нацистской разведки с самого начала имел существенные особенности, по сравнению с аналогичными органами в других государствах. В частности, несмотря на методично проводившиеся меры по принудительному сращиванию единственной безраздельно правящей партии — НСДАП и государства, этот процесс так и не завершился к моменту падения фашизма. Унифицированной, предельно централизованной системы органов власти и управления в «Третьем рейхе» создать так и не удалось.

На деле существовали параллельно действовавшие государственные и партийные ведомства, которые не имели твердо очерченных границ компетенции, вели постоянную конкурентную борьбу между собой. Наглядный пример такого развития — секретная служба нацистской партии, известная как Служба безопасности рейхсфюрера СС (сокращенно — СД).

Использование шпионажа в политической борьбе не является чем-то экстраординарным в истории политических движений, в особенности заговорщического или полузаговорщического типа. Фактически все известные в истории организации, стремившиеся к достижению политических целей с помощью насилия, не считаясь с положениями действующего права, имели особые разведывательные и контрразведывательные структуры. Они занимались индивидуальным террором и слежкой за противниками в других политических организациях (партиях), а также предупреждали проникновение агентов правительства в собственные ряды. Именно с такими целями, арсеналом средств и методов и была создана в 1931 году СД, хотя тайное наблюдение за поведением своих членов НСДАП практиковала по меньшей мере с 1925 года. Тогда эту функцию выполняли малочисленные еще СС — охранные отряды. Собственную разведку имело и командование военизированных отрядов партии — СА.

Инициатором создания службы безопасности являлся Генрих Гиммлер, а ее непосредственным организатором стал волей случая Рейнхардт Гейдрих, бывший офицер-связист флота, ошибочно рекомендованный как специалист по разведке (в немецкой лексике термины «служба связи» и «разведка» являются омонимами).

Гейдрих, которому предстояло сыграть значительную роль в истории германского фашизма, был личностью весьма своеобразной. Будучи прекрасным пианистом, глубоко понимая музыку (Гейдрих мог проливать слезы, отдаваясь ее чарующим звукам), он проявлял удивительный цинизм, холодную жестокость и коварство в общении с людьми. Гиммлер, когда поближе узнал своего избранника на пост руководителя СД, оценивал его как человека «с глазами волка», прирожденного разведчика, обладавшего необыкновенной интуицией, знанием психологии людей, способностью предугадывать «ходы» противника в поединках секретных служб.

Рейнхард Гейдрих родился 7 марта 1904 года в Саксонии в интеллигентной семье — его отец был директором консерватории, оперным композитором, а мать, дочь профессора из Дрездена, театральной актрисой. Формирование его личности проходило под воздействием милитаристской пропаганды времен

первой мировой войны. Поражение 1918 года было для него трагедией. Обуреваемый фанатической ненавистью к «врагам Германии», «укравшим победу», он 14-летним подростком попытался вступить в добровольческие карательные отряды — «фрейкорпс». Потерпев неудачу, Гейдрих возвратился в гимназию, а после ее окончания в 1922 году поступил на военную службу в качестве кадета флота. Тогда-то он и познакомился со старшим офицером учебного крейсера «Берлин» капитаном Канарисом, заметившим способного к математике и музыке рослого юношу с необычными чертами лица, в чем-то монгольскими, но со светлыми волосами. Кадет стал бывать дома у командира, находя теплый прием у его супруги, с которой они играли в четыре руки на рояле.

После производства в офицеры пути Гейдриха и Канариса на время разошлись. Морская карьера молодого лейтенанта развивалась неблагоприятно — в апреле 1931 года обер-лейтенант Гейдрих, офицер штаба в Киле, был уволен из флота: его поведение в любовных делах нашли несовместимым с офицерской честью. От участи безработного в охваченной кризисом Германии его спасло вступление сначала в «штурмовые отряды», а затем в НСДАП, с приходом к власти которой он теперь связывал свое будущее.

14 июня 1931 года на небольшой ферме близ Мюнхена состоялась встреча Гейдриха с Гиммлером, оказавшаяся решающей: рейхсфюреру кандидат на пост начальника партийной контрразведки понравился, он сумел выдержать предложенный ему экзамен — за полчаса нарисовал схему будущей организации, признанную подходящей. Ее задачи были определены, исходя из принадлежности СД к партии — сбор информации, необходимой для «подавления еврейских и масонских противников» в интересах недопущения «большевизации Германии».

В августе 1931 года Рейнхардт Гейдрих, член НСДАП с партийным билетом № 544916, был произведен в звание в системе СС, соответствующее чину лейтенанта, переведен из Гамбурга в Мюнхен и назначен шефом службы безопасности «Коричневого дома» — штаб-квартиры НСДАП. Он обосновался со штатом из трех человек (включая секретаршу — его жену Магду) сначала в этом здании, а затем переехал в двухкомнатную квартиру на Тюркенштрассе 23, в Швабинге — районе, излюбленном мюнхенской богемой; через некоторое время последовал новый переезд — в небольшую виллу за городом. В следующем году Гейдрих получает ранг штандартенфюрера (полковника) СС, а 21 марта 1933 года — оберфюрера (генерала) СС.

После победы «национальной революции» СД в первое время играла ограниченную роль и не принимала заметного участия в крупнейших политических акциях нового режима. Даже к концу 1933 года в рядах СД насчитывалось лишь 100 человек. С течением времени ее роль как единственного аппарата внутренней разведки, обеспечивавшего информацией политического характера Гитлера и его окружение, возрастает: она становится органом не только внутренней, но и внешней разведки. В структуре центрального аппарата СД появляется специальный («Ш») отдел, на который было возложено проведение агентурной разведки за границами рейха. Слабым местом «фирмы Гейдрих» были ее кадры. СД комплектовалась выходцами из мелкобуржуазной среды, получившими образование в университетах в конце 20-х годов. В области разведки они были дилетантами, значительно уступая в профессиональном отношении своим «коллегам» из Абвера. Зато в готовности идти на любые преступления — убийства, похищения, провокации, люди Гейдриха, пожалуй, оставили их позади, мало чем отличаясь от обычных бандитов.

Таким дилетантом со склонностями уголовного преступника был, в частности, первый начальник внешней разводки СД Гейнц Йост. Этот сын сельского аптекаря, получивший юридическое образование, вступил в НСДАП еще в 1928 году и обладал партийным билетом № 75946, т. е. принадлежал к числу «старых борцов», ставших наци еще «в годы борьбы», когда пребывание в партии не было связано с материальными привилегиями периода после 1933 года. В «третьей империи» Йост, до этого — мелкий судейский чиновник, потом адвокат, стал сразу же шефом полиции в Вормсе. Это было совсем неплохо для не достигшего еще и 30 лет, никому не известного провинциального юриста.

Но все-таки это был лишь первый шаг в его карьере. 28 июля 1934 года он был переведен в СД и назначен начальником только еще формировавшейся внешней разведки (Аусланд СД). Несмотря на то, что Йост не имел ни малейшего опыта практической работы, он удержался на этом посту до 1941 года, когда его непригодность стала очевидной и Гиммлеру, и Гейдриху.

«Аусланд-СД» не была единственной службой внешней разведки нацистской партии. Весьма значительную активность развили «Заграничная организация НСДА» («Ауслandсорганизатион», сокращенно — АО). На правах формирования областного значения она объединяла всех членов НСДАП, постоянно проживавших за пределами Германии, часть из которых являлись гражданами других стран. Ее главой был Эрнст Вильгельм Боле, уроженец Англии, так же как и Гейдрих и

Йост, совсем молодой человек — в 1933 году ему было около 30 лет.

Летом 1935 года Боле получил согласие Риббентропа, тогда главного советника Гитлера по вопросам внешней политики, на включение АО в сбор разведывательной информации заграницей. Ежемесячно из каждой страны, где была организация НСДАП, представлялся доклад о политическом положении. Кроме того, АО стала основным источником для пополнения агентурной сети других разведывательных служб Германии людьми, хорошо знавшими местные условия и интегрированными в хозяйственные, политические, а порой и военные структуры соответствующих стран. Боле установил постоянную связь с Абвером и СД, назначив постоянных связных в их штаб-квартиры.

Как и в годы империи, интенсивную тайную разведывательную деятельность проводило и министерство иностранных дел. Оно занималось радиоразведкой, а также через свои представительства за рубежом и агентурной разведкой. Ее центром был отдел под ничего не значащим названием «Информационное бюро», которым с 1935 года руководил профессиональный чиновник дипломатической службы Альфред Хенке. Его информаторами являлись в основном корреспонденты германских газет в иностранных государствах и представители делового мира. Но по существу сбором интересующих центр сведений занимались все работники дипломатических представительств рейха, включая послов, посланников, а также и консулов. Разведывательная служба министерства иностранных дел была важнейшим источником информации для Гитлера.

Несмотря на то, что в годы нацистской диктатуры создается огромный партийный и государственный разведывательный аппарат, информационная служба в частнокапиталистическом секторе не сворачивает свою активность. Более того, имевшиеся организации расширяются, оставаясь, как и в прошлом, важным элементом системы внешней разведки.

notes

Примечания

1

Главный штаб — центральный орган управления вооруженными силами царской России в мирное и военное время. В его структуру входило Главное управление Генерального штаба (ГУГШ)

2

«Его величество, — писал Крюйс, — присутствовал в сей работе неусыпно, так с топором, теслом, конопаткою, молотом и мазанием (смолением) кораблей гораздо прилежнее и больше работая, нежели старый и весьма обученный плотник». Российскому флоту 300 лет, стр. 13.

3

В первых числах октября 1703 г. на борту царской яхты Петр I выбирает место для строительства фортеции на большой отмели, примерно в версте от южного берега острова Котлин. Крепость получила название Кронштлот — «Коронный замок». РФ 300 лет, с. 17.

4

Японская военная миссия

5

Центральная разведывательная организация США во время второй мировой войны. Командер примерно соответствует воинскому званию капитана 3-го ранга.

6

Здесь и далее ссылки на высказывания Донована взяты из книги: Донован Джеймс. Незнакомцы на мосту. Дело полковника Абеля (перевод с английского). М, Прогресс, 1965 г.

7

Термин «преступление» применительно к Абелю употребляется, естественно, только с точки зрения законодательства юристов США.

8

Здесь и далее ссылки на заявления Абеля взяты из его письменного отчета по возвращении на Родину, который хранится в архиве Министерства безопасности России.

9

Имеется в виду Центральное разведывательное управление США. — Ред.) не получит сообщения, оно не получит его никогда!

10

Английская разведка

11

Французская разведка

12

Разведка ФРГ

13

Место дислокации штаб-квартиры ЦРУ

14

Вечерний звон, вечерний звон! Как много дум наводит он О юных днях в краю родном… (перевод И. И. Козлова)